

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРАДИЦИИ УНИВЕРСИТЕТА

ОТ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник материалов Международной научной конференции

Минск, 26–27 октября 2017 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2017

УДК 378(06)+002.2(476)(091)(06)
ББК 74.484.7я431+76.103(4Беи)я431
T65

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук доцент *С. Н. Ходин* (председатель);
доктор исторических наук профессор *А. Г. Кохановский*
(заместитель председателя);
доктор юридических наук профессор *С. А. Балащенко*
(заместитель председателя);
кандидат исторических наук профессор *О. А. Яновский*;
кандидат исторических наук доцент *О. И. Малюгин*;
кандидат юридических наук доцент *С. А. Калинин*;
кандидат исторических наук *А. Н. Максимчик* (ответственный секретарь)

T65 **Традиции** университета: от Франциска Скорины до современности : сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. /
редкол. : С. Н. Ходин [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – 285 с.
ISBN 978-985-553-517-2.

Сборник включает статьи участников Международной научной конференции, приуроченной к 500-летнему юбилею белорусского книгопечатания и приближающейся столетней годовщине создания Белорусского государственного университета. В статьях анализируются наиболее актуальные проблемы, связанные с осмыслением культурно-исторического феномена университета, его ролью в жизни общества в прошлом, перспективами и путями развития образования в современном мире. Рассматриваются пространственно-временные взаимовлияния традиции университета и книжной традиции, а также судьбы, социокультурная роль и значение деятельности людей, связавших свою жизнь с преподаванием в университете. Большое внимание уделено многогранной деятельности Франциска Скорины, его вкладу в общеевропейскую культуру, государственную и правовую мысль, образование и науку, а также влиянию центральноевропейской книжной традиции на начало восточнославянского книгопечатания. В сборнике представлены работы исследователей из Беларуси, России и Украины.

УДК 378(06)+002.2(476)(091)(06)
ББК 74.484.7я431+76.103(4Беи)я431

ISBN 978-985-553-517-2 © БГУ, 2017
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева В. А.

Создание и деятельность Института русской и советской культуры имени Ю. М. Лотмана при Пурском университете г. Бохум (1989–2004 гг.) 7

Балыкин И. И., Балыкина-Галанец Л. И.

Исторический процесс становления парламентаризма на территории Украины и Республики Беларусь: сравнительный анализ 10

Бераставы Г. А.

Гаспадар і Палацк: Вялікі князь у свядомасці палачанаў другой паловы XV – пачатку XVI стст. 14

Бічун В. М.

Канстытуцыйнае права Беларусі ў прывілейны перыяд развіцця заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага 18

Бригадина О. В., Балыкина Е. Н.

Иновации в образовательном пространстве университета: электронные учебные издания 22

Бярэйшык Л. У.

Калекцыі кірылічных старадрукаў у музеях Беларусі 25

Вечерко В. Ю.

Политико-правовые взгляды Франциска Скорины 34

Воднева Е. В.

Ф. В. Булгарин о Виленском университете в конце 1810-х – начале 1830-х гг. 37

Высоцкая Е. И.

Эволюция студенческих настроений в период революционных событий 1905–1907 гг. на территории Беларуси 44

Вяршок І. Л.

Нацыянальныя традыцыі вывучэння фактараў прававітварэння як перадумовы высокай якасці нарматыўнага прававога акта 50

Голубева А. И.

Начало белорусского книгопечатания 52

Голубева Л. Л.

Францыск Скарына (1490–1551) – пачынальнік беларускага кнігадрукавання 55

Демидов П. А.

Книгопечатные традиции Виленской иезуитской академии 59

Демцова С. С.

Проблемы конкурентоспособности современного университета на рынке образовательных услуг 64

Дзянісава А. Р., Сосна У. А.

Да 85-годдзя прафесара Аляксандра Пятровіча Ігнаценкі 68

Довгялло М. С.

Вклад российской эмигрантской интеллигенции в науку, культуру и подготовку кадров (на примере Королевства СХС) 73

Доўнар Т. І.	
Гісторыка-прававая навука ў Беларускім дзяржаўным універсітэце.....	77
Еришова О. И.	
С. М. Некрашевич как организатор белорусской языковедческой науки	82
Жигал І. В.	
Кнігопечатаніе на венгерском и румынском языках в Трансильвании в XVI–XVII вв.	86
Захаркевіч С. А.	
Барацьба за заходнія этнаграфічныя граніцы Беларусі: дзейнасць беларускага савецкага этнографа М. Я. Грынблата падчас Другой сусветнай вайны	88
Калинін С. А.	
Воззрения Франциска Скорины на право в контексте развития европейской государственности в XVI в.	97
Каханоўскі А. Г.	
Універсітэты Расійскай імперыі як асяродкі станаўлення беларускай інтэлігенцыі ў XIX – пачатку XX ст.....	101
Кахновіч В. А.	
Вытокі хімічнай навукі ў БДУ, 1920–1930-я гг.....	104
Келлер О. Б.	
Із истории европейской Реформации: белорусский книгопечатник Франциск Скорина, словенский реформатор Примус Трубер.....	108
Кондратович Н. М.	
Принцип гуманизма и его закрепление в конституциях стран мира: некоторые аспекты	113
Корень Е. В.	
Влияние учебных заведений на эволюцию менталитета передовой интеллигенции в России	115
Кузьминов П. А.	
Служение науке. Декан историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета Х. Т. Медалиев (1928–2017)	120
Куприянов С. Е.	
Выпускники БГУ – участники строительства белорусской государственности.....	123
Ларионов Д. Г.	
Універсітэт и Католическая Церковь: традиция взаимодействия.....	127
Латышева В. А.	
«Он был единственным чиновником, который благодаря своей любезности и энергии оказал реальную помощь». Некоторые штрихи к чертам личности М. Б. Кроля	132
Лізуноў А. І.	
Этапы развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту	136

Літвіноўская Ю. І.	
Стан беларускай асветы на пачатку XIX ст.	140
Луговцова С. Л.	
Студенты Виленской медико-хирургической академии: особенности мировоззрения и модели поведения	145
Любы А. У.	
Традыцыйны вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў Віленскім універсітэце імя Стэфана Баторыя і гістарыяграфія другой паловы XX ст.	150
Ляскоў А. Я.	
Даследаванні І. А. Юхі і станаўленне гісторыі дзяржавы і права Беларусі як навукі	157
Мазарчук Д. В.	
Інтеллектуальная среда Падуанского университета и начало реформаторского движения (на примере биографии Реджинальда Поула).....	160
Максімчик А. Н.	
Вклад уроженцев Беларуси в становление высшего образования на Кавказе в 1920–1930-е гг.	167
Малиновская Э. Л.	
Становление и развитие психологии и психотехники в БГУ в 1920-х гг.	178
Малышаў А. А.	
Універсітэты Пятра Раізія (1515?–1571).....	182
Маслоўскі Я. В.	
Стан прафесійна-тэхнічнай адукцыі на тэрыторыі беларускіх губерняў у 1907–1914 гг.	187
Міхайловская Л. Л.	
Славянская книжность в Чехии от Мефодия до Ф. Скорины	192
Музыченко М. Н.	
Патриотическое воспитание белорусских студентов – приоритеты и направления развития	194
Назарэнко А. М.	
Беларусь и БГУ в судьбах семьи Арцимовичей: от повстанца до «отца» токамака	198
Орловская Е. И.	
Деятельность местных представительных органов как развитие идей гуманизма в Великом Княжестве Литовском	207
Пархоц Д. Г.	
Предисловия к посланию апостола Павла к римлянам в «Апостоле» Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 года	209
Поляков Н. В., Савчук В. С.	
Проблемы развития современного университета в Украине	212
Рубіс І. А.	
Ідэі культурнай интэгрэцыі Ф. Скорины в контексте общых интэгрэцыйных процессов.....	217

Сас Н. Н.	
Обоснование внешних и внутренних условий внедрения инновационного управления деятельностью учебного заведения	219
Сафонов Т. В.	
Дерптское студенчество в 1820–1830-е гг.	223
Сергеенкова В. В.	
Классический Лицей цесаревича Николая в Москве и подготовка интеллектуальной элиты общества с университетским образованием	227
Сергеенкова В. В., Балыкина Е. Н.	
Электронное обучение на историческом факультете БГУ	239
Снагоценко В. В.	
Н. И. Костомаров – ученый, историк: краткий историографический аспект (1991–2000-е гг.)	251
Фиронов А. Н.	
Ценности и их отражение в культуре и праве	256
Хаткевич Н. Н.	
Культура как фактор воздействия на развитие права.....	258
Цуцлаева С. С.	
Асламбек Имранович Хасбулатов – ученый и организатор исторической науки в Чеченской Республике	261
Шавцова-Варфоломеева А. В.	
Права человека в истории отечественной правовой науки и общественно-политической мысли	268
Яновский О. А., Балыкина Е. Н.	
Единство разнообразия образования и науки: учебно-методическое пособие «Университетоведение» в виртуальной среде	273
Яноўскі А. А.	
Кніга як важнейшы складнік у фарміраванні адукацыйна-навуковага асяроддзя Беларусі 1920-х гг.	278

Андреева Виктория Анатольевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Ю. М. ЛОТМАНА ПРИ РУРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ г. БОХУМ (1989–2004 гг.)

На переломе исторических эпох пространство университета зачастую является не только отражением актуальной общественно-политической ситуации, но и одним из резервуаров зарождения новых социально-культурных реалий. Как отмечал К. Ясперс, «университет является выразителем народа» [2, с. 150]. Изучение истории университетов на стыке эпох может пролить свет на идеиное содержание проявлявшихся перемен.

Такие периоды в развитии университетов зачастую обозначают себя созданием новых учебных и научно-исследовательских структурных подразделений или кардинальным реформированием существовавших ранее институциональных единиц, концептуальное содержание деятельности которых устарело.

В период конца 1980-х – начала 1990-х гг. в университетах стран Запада кризис классической советологии привел к возникновению институциональных образований нового типа. Одной из таких структур стал Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана при Рурском университете г. Бохум.

Создание исследовательской и образовательной концепции института восходит своими корнями к 1960–1970-м гг. и связано с дискуссией о методологическом и гносеологическом статусе традиционно лингвистически и литературоведчески ориентированной филологии [4, с. 8].

Эта дискуссия напрямую затронула славистику, в рамках которой изучались языки и национальные литературы славянских стран. Проблемные поля и теоретические парадигмы славистики в Германии были и остаются связаны с интердисциплинарным «остайропафоршунгом» (*изучением Восточной Европы*), а также другими региональными исследовательскими направлениями. Кроме того, после окончания Второй мировой войны и до объединения Германии в 1990 г. западногерманская славистика была концептуально тесно связана с идеологически окрашенными советологией и «остфоршунгом» (*изучением Востока*).

В Рурском университете г. Бохум в период 1970–1980-х гг. направление литературоведческой славистики под руководством профессора К. Аймермакхера развивалось в ключе усиленного акцентирования внимания на связях между литературными, гуманитарно- и социально-историческими, а также культурными и политическими структурами и условиями [3]. Были проведены разносторонние исследования и опубликованы многочисленные труды, посвященные процессам в области литературного творчества в Советском Союзе. Уже в этот период наблюдалась тенденция к рассмотрению русской и советской литературы в широком и обобщающем культурологическом контексте.

Свое дальнейшее развитие эта парадигма получила в создании Института русской и советской культуры, идейным вдохновителем и руководителем которого на протяжении 1989–2003 гг. стал К. Аймермахер.

Проект создания института был отражен в указе Министерства по науке и исследованиям земли Северный Рейн-Вестфалия от 24 мая 1989 г. В качестве цели данной инициативы определялась организация «информационного, исследовательского и посреднического центра для восточноевропейской культуры», который был призван заниматься документированием и исследованиями в этой предметной области [5, с. 8]. Финансовые средства для создания института были выделены вышеупомянутым министерством, а также непосредственно Рурским университетом г. Бохум. Праздничное открытие института, в рамках которого учреждение было переименовано в честь выдающегося советского ученого-семиотика в Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана, состоялось в 1993 г. [5, с. 8].

В свете кризиса традиционных филологии и славистики идеи и концепция культуры профессора Тартуского университета встретили заинтересованность в среде западногерманских исследователей [7, с. 243]. На наш взгляд, научное творчество Ю. М. Лотмана структуралистского и, в особенности, постструктураллистского направления могло способствовать появлению концептуальных решений для выхода из этого кризиса посредством поворота к культурологическим исследованиям. Кроме того, интеграция идей советского ученого в западное научное пространство соответствовала духу времени и переломным периодам перестройки и гласности конца 1980-х гг. и постсоциалистической трансформации начала 1990-х гг.

Деятельность Института русской и советской культуры была первоначально направлена на изучение вопросов развития литературы и неофициального искусства в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. Этот период открыл для западногерманских ученых новые возможности проведения исследований в сфере актуальных проблем исторического развития СССР и их привязки к общим вопросам возникновения, развития и трансформации русской культуры [4, с. 9].

Открывая новые горизонты филологических и междисциплинарных исследований, идеи Ю. М. Лотмана основывались на утверждении о взаимопроникновении понятий культуры и текста на основе знакового характера их объектов и артефактов [1, с. 15]. Исследователям-славистам такой подход давал возможность осуществить попытку раскрытия надтекстных и подтекстных смыслов произведений русской и советской литературы, обнаружить «закодированные особенности» описываемых в литературном произведении событий и феноменов.

Институт ставил своей задачей проведение комплексных исследований феноменов русской и советской культуры, а также их связей с политическим развитием и общественными трансформациями в СССР и Российской Федерации. В основе этой концепции лежала гипотеза о том, что глубокое понимание основных предпосылок и особенностей культурных преобразований позволит

западным исследователям осуществить более точную оценку проблем развития России [7, с. 29–30].

Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана осуществлял реализацию различных исследовательских проектов, в том числе международных, которые наряду с художественной литературой были посвящены изобразительному искусству, культурной политике, социально-культурным трансформациям, а также взаимоотношениям между русскими и немцами (в качестве продолжения Вуппертальского проекта Л. З. Копелева) [6, с. 93–119]. Сотрудники института опубликовали многочисленные труды по профилю деятельности учреждения, в том числе в рамках научной серии «Документы и аналитические материалы о русской и советской культуре» (*Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur*).

Кроме того, профессор К. Аймермакер получил позицию уполномоченного федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия по вопросам сотрудничества в области высшего образования с Российской Федерацией и странами СНГ. В связи с этим в 1990-е гг. в институте также проводились исследования и ежегодные симпозиумы, посвященные трансформационным процессам в сфере высшего образования на постсоветском пространстве [7, с. 18; 119].

Статус отдельного структурного подразделения Бохумского университета Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана утратил в 2004 г. после ухода на пенсию профессора К. Аймермакера. Это учреждение было объединено с кафедрой славистики под общим названием «кафедра славистики / институт русской культуры им. Ю. М. Лотмана» (*Seminar für Slavistik / Lotman-Institut für russische Kultur*), использующимся до настоящего времени.

На наш взгляд, в переломный период 1980–1990-х гг. институт сыграл значительную роль в изучении русской и советской культуры, популяризации знаний о ней в ФРГ, а также способствовал развитию международного научного диалога в этой предметной области и теоретизации расширения культурологического подхода в гуманитарных и социальных исследованиях. При этом исторический контекст перестройки и объединения Германии, а также последовавших за ними социально-политических трансформаций как на постсоветском пространстве, так и в ФРГ, создавал плодотворную концептуальную основу для создания и деятельности этого учреждения.

Библиографический список

1. Васильева, А.В. Ю.М. Лотман. М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2005. 141 с.
2. Ясперс, К. Идея университета / пер. с нем. Т. В. Тягуновой; под общ. ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
3. Aus der Geschichte des Seminars für Slavistik / Lotman-Instituts [Electronic resource] // Ruhr-Univ. Bochum, Seminar für Slavistik / Lotman-Instit. für russ. Kultur. Mode of access: <http://www.slavistik.rub.de/index.php?geschichte>. Date of access: 16.08.2017.
4. Eimermacher, K. Aus der Geschichte des Lotman-Instituts // Profile, Projekte, Perspektiven. 15 Jahre Lotman-Institut für russische und sowjetische

Kultur: 1989–2004 / Ruhr-Univ. Bochum, Lotman-Inst. für russ. u. sow. Kultur; Red.: A. Olshevska. Bochum, 2004. S. 8–11.

5. *Eimermacher, K.* Zehn Jahre Lotman-Institut // Profile, Projekte, Perspektiven. Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur, Ruhr-Universität Bochum: 1989–1999 / Ruhr-Univ. Bochum, Lotman-Inst. für russ. u. sow. Kultur. Bochum, 1999. S. 7–12.

6. Profile, Projekte, Perspektiven. 15 Jahre Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur: 1989–2004 / Ruhr-Univ. Bochum, Lotman-Inst. für russ. u. sow. Kultur; Red.: A. Olshevska. Bochum: Ruhr-Univ., 2004. 182 s.

7. Profile, Projekte, Perspektiven. Lotman-Institut für Russische und Sowjetische Kultur, Ruhr-Universität Bochum: 1989–1999 / Ruhr-Univ. Bochum, Lotman-Inst. für russ. u. sow. Kultur. Bochum: Lotman-Inst., 1999. 250 s.

Балыкин Иван Игоревич, Балыкина-Галанец Людмила Игоревна
Университета экономики и права «КРОК» (Киев, Украина)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Законодательный орган государства является отражением глубинных социально-политических процессов: английский Парламент, польский Сейм, израильский Кнессет, другие парламенты мира всегда отражали все общественные явления, которые происходят в стране, и наоборот, пытались влиять на развитие событий. Украинский парламент – Верховная Рада и Национальное Собрание – парламент Республики Беларусь не является исключением.

Современные концепции парламентаризма, в общем и целом воспроизводят подход, при котором в механизме осуществления государственной власти признается ведущая роль представительного органа, свободно избираемого населением. Несмотря на этот общий принцип, большое значение исполнительной ветви власти преувеличено, так как возникает множество проблем, требующих скорейшего решения. Конечно же, усиление правительства и частичное ограничение функций парламента осуществляется до определенного предела: за парламентом, сохраняются функции контроля, корректировки и санкционирования политики и мер правительства.

Безусловно, реальность парламентской реализации в сегодняшних условиях отличается от сложившегося классического идеала. Но законодательному органу и в настоящее время выделяется роль «официального выражителя общественных интересов через избирательный институт публичной власти» [8, с. 39]. Поэтому, указанная функция, наряду с контрольной и законодательной, может использоваться в качестве критерия при анализе соответствия парламентского органа характеристикам «классического» парламента.

Как отмечает украинский ученый В. Шаповал, «парламентаризм – это система взаимодействия государства и общества, для которой характерным является признание ведущей или особой и весьма существенной роли в осуществлении государственно-властных функций общенационального коллегиального постоянно действующего представительного органа» [9, с. 128].

О правовом положении представительного органа в системе государственного института впервые упоминается в рамках теории разделения власти в работе теоретика английского конституционализма Джона Локка «Два трактата о правлении». Важнейшая функция представительного органа, по мнению Джона Локка – это «установление законодательной власти, поскольку она является верховной в государстве» [5, с. 338]. Как отмечает Локк, «ни один указ – кого бы то ни было, в какой форме он не был бы задуман и какая бы власть его не поддерживала, не имеет силы и обязательности закона, если он не получил санкции законодательного органа, избранного и назначенного народом. Без этого данный закон не будет обладать тем, что совершенно необходимо для того, чтобы он стал действительно законом – согласием общества выше которого нет ничего» [5, с. 339].

В начале XX в. концепция парламентаризма окончательно формируется как важнейший принцип, лежащий в основе деятельности всех органов государства. Парламент признаётся важнейшим институтом государства, занимающего или призванного занять центральное место в системе органов власти, поскольку «проявление его воли имеет ту же силу и производит те же последствия, как если бы они прямо исходили от нации» [4, с. 411].

Украинский парламентаризм отметил в 2017 г. своё 27-летие. Территория современной Украины была сформирована после принятия 16 июля 1990 г. Верховной Радой Декларации о государственном суверенитете Украины [3]. Верховная Рада Украины первого созыва стала законодательным органом суверенной власти, и создала независимое государство. С тех пор украинский парламент управляет экономической, общественно-политической и культурной жизнью.

Республика Беларусь, является независимым государством аналогичный период. 27 июля 1990 г. Верховный Совет Беларуси принял Декларацию «О государственном суверенитете Республики Беларусь». Декларация провозгласила «полный государственный суверенитет Белорусской ССР как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах её территории, правомочность её законов, независимость республики во внешних отношениях» [6].

Эти два государства схожи в историческом плане и в выбранном пути формирования независимого, социального и демократического государства. Проанализируем эволюцию становления парламентаризма, на территории Украины и Республики Беларусь, формирование которого невозможно без становления высшего законодательного органа. Для характеристики исторических форм народного самоуправления рассмотрим такие условно выделенные этапы:

I этап – с IX в. по 1917 г. (этап формирование протогосударственных и государственных структур);

II этап – с 1917 г. по 1990 г. (этап советского парламентаризма);

III этап – с 1990 г. по сегодняшнее время – этап независимых государств.

Процесс формирования и реализации элементов парламентаризма нельзя назвать линейным. Первые формы народного самоуправления начинают появляться на территории современной Украины и Беларуси с древности, но законодательные факты закрепляют их со времён Киевской Руси. В этот период был отмечен такой прототип парламента, как вече. Он имел место быть в эволюционном процессе парламентаризма и в Украине, и в Республике Беларусь. Далее отметим основные формы народного самоуправления, которые до 1917 г. были свойственны каждому из представленных государств. В Украине были такие прототипы современной Верховной Рады после веча, как Боярская Дума, Полная Казацкая Рада, Украинская парламентская Община и Украинская Община в Российской Думе. На территории Республики Беларусь формы народного самоуправления, после веча, были такие: Лучшие мужи, мужи путные, сойм и дума [7, с. 38]. Перечислив основные прототипы украинского и белорусского высшего законодательного органа, можно отметить, что с древнейших времен прослеживается тенденция и стремление к принятию решений по внутригосударственным и внешним проблемам коллективно.

Второй этап советского парламентаризма основным образом характеризуется тем, что Украина и Республика Беларусь состояли в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, где высшим законодательным органом был Всероссийский центральный исполнительный комитет. А позже 30 декабря 1922 г., когда был создан Союз Советских Социалистических Республик (далее СССР), был сформирован однопалатный Центральный исполнительный комитет СССР – это был высший орган государственной власти в период между Всесоюзными съездами Советов.

Третий этап, современный, с момента провозглашение независимости на территории Украины и Республики Беларусь характеризуется принятием Конституций и созданием Верховной Рады Украины [2] и соответственно Национального собрания Республики Беларусь [1]. В этот период истории, который длиться и сейчас независимые государства идут путем становления правового социального и демократического государства.

Анализ становления украинского парламентаризма позволяет сделать вывод, что его история была, хотя сложной и неоднозначной, но одновременно богатой и содержательной. Украина идет путем, который формирует устойчивые понятия, принципы становления парламентаризма.

Парламентаризм в Беларуси прошел в своем зарождении и становлении ряд этапов, в которых по-разному определялась роль представительного и законодательного органа страны. Республика Беларусь развивается и вместе с ней институт парламентаризма.

Итак, обращая внимание на основные этапы становления парламентаризма в Украине и Республики Беларусь, можно отметить, что эти государства

являются подобными в эволюции формирования прототипов современных парламентов. Со времен Киевской Руси, как показывают факты и документы, на территории Украины и Республики Беларусь длился процесс формирования и реализации элементов парламентаризма соответственно с определенными историческими моментами становления государственности. Этот процесс не является линейным. Но проанализировав его, прослеживается отчетливо тенденция и стремление принимать решения по внутригосударственным и внешним вопросам коллективно, что является признаком парламентаризма.

В связи с этим, анализируемые страны подобны по своим политическим, экономическим и социальным свойства. Сравнение пройденного пути Республики Беларусь и Украины имеет большое значение, в формировании выводов об опыте соседней страны. Это делает возможным заимствование положительных моментов и недопущение сделанных ошибок.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2007. 48 с.
2. Конституція України, 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Ст. 141.
3. Декларація «Про державний суверенітет України» від 16.07.1990 р. // Відомості Верховної Ради УРСР. 1990р. № 31. Ст. 429.
4. Дюги, Л. Конституционное право. М: Изд-во. И.Д. Сыггина, 1908. 638 с.
5. Локк, Дж. Два трактата о правлении // Локк, Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3; пер. с англ. и лат.; ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 669 с.
6. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верховного Совета Республики Беларусь, 27 июля 1990 г., № 193–ХII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1991. № 31. Ст. 536.
7. Парламентаризм в Беларуси / В. А. Божанов [и др.]; под ред. В. А. Божанова, А. В. Горелика; Част. учреждение образования «Ин-т парламентаризма и предпринимательства». Минск: Иппокрена, 2010. 230 с.
8. Четвернин, В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М: ИГП РАН, 1993. 339 с.
9. Шаповал, В. М. Конституційне право зарубіжних країн: Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів і факультетів. Київ: Артек Вища школа. 1997. 262 с.

Бераставы Глеб Андрэевіч

Беларускі дзяржавны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ГАСПАДАР І ПОЛАЦК: ВЯЛІКІ КНЯЗЬ У СВЯДОМАСЦІ ПАЛАЧАНАЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XV – ПАЧАТКУ XVI стст.

Светапогляд Францыска Скарыны мае глыбокую традыцыю вывучэння, але ў ёй заўважна адчуваецца пастаноўка толькі агульных пытанняў. Гэта падштурхоўвае заняцца сумежнай праблемай: якім было месца поглядаў Скарыны сярод поглядаў усіх палачанаў? Гэта дазволіла б больш сістэмна вывучыць культурныя ўяўленні Скарыны, выйсці на новы ўзровень аба-гульненняў. Адной з важных частак светапогляду палачанаў з'яўлялася ўласнае ўспрыманне ў рамках Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ). Даследуючы праблему, варта задацца пытаннем: кім уяўляўся вялікі князь палачанамі? Як фарміравалася гэтае ўяўленне? ці было яно статычным? У якасці храналагічных рамак нашых разважанняў узяты ўказаны перыяд, бо Скарына нарадзіўся ў канцы XV ст., а яго бацькі, адпаведна – каля сярэдзіны XV ст. Гэта азначае, што светапогляд Скарыны як палачаніна фарміраваўся ва ўмовах грамадскага жыцця Палацка менавіта гэтага часу.

Комплексны разгляд праблемы будзе ўдакладнены, калі звярнуцца да агульнай харектарыстыкі гісторыі Палацка папярэдняга перыяду. Харектэрнай рысай тагачаснай Палацкай зямлі была практика паслядоўнай змены мясцовых правіцеляў з ліку Гедымінавічаў [7, с. 53]. Пад канец 1393 г. яна, тым не менш, была прыпынена Вітаўтам, які, адсунуўшы аднаго з іх – палацкага Скіргайлу – праводзіў у жыщё палітыку па ўмацаванні сваёй улады ў ВКЛ. Якім чынам гэта магло паўплываць на традыцыю ўяўленняў аб вярхоўнай уладзе ў Палацку? На нашую думку, іх фарміраванне ў Палацку пачалося прынамсі з пачатку XV ст., бо палачане пачынаюць ставіцца з пашанай да пагадненняў, заключаных Вітаўтам [10, с. 360, 408–409] або ўвогуле «папярэднімі вялікімі князямі нашымі» [10, с. 386, 388]. Дадамо ў пацвярджэнне нашага тэзіса яшчэ некаторыя факты: палачане ахвотна прызналі ўладу Ягайлы ў 1380 г., і князь прыцягнуў іх да заключэння дагавора з Лівонскім ордэнам [3, с. 223]; а пры Вітаўце, якому Палацк добраахвотна «дался» [8, с. 74–75], мяшчане актыўна сталі атрымліваць землі [12, с. 143], што таксама ўказвае на фарміраванне прыхільнага стаўлення да асобы гаспадара. Стаяўшы адзінаасобным правіцелем, Вітаўт быў змушаны самастойна дбаць аб гандлёвых інтарэсах палачанаў [7, с. 63], што, на нашую думку, таксама спрыяла замацаванию ў палачанаў ўяўлення аб фігуры вялікага князя і яго ролі ў мясцовым грамадскім жыцці. У выніку, у перапісцы з Рыгай мяшчане лічылі патрэбным узгадваць, што ісцец – не толькі «полочанинъ», а яшчэ і «ѡсп(о)д(а)ръскии ч(о)л(о)в(е)къ» [10, с. 355, 397, 400–401]. Пазней палачане проста называюцца «каралеўскімі людзьмі» [10, с. 403, 417]. У карэспандэнцыі з Лівонскім ордэнам, Рыжскім арцыбіскупствам і Рыгай палачане лічаць неабходным узгадаць фігуру вялікага князя: так, у лісце рыханам 1475–1476 гг. палачане спасылаюцца на папярэднія дагаворы з Рыгай,

якія заключалі «прѣжніи фсподари наши» [10, с. 332]. Такі погляд не быў рэдкім у той час [10, с. 331, 394, 398 і г.д.]. Надзейны прававы довад для палачанаў – суд вялікага князя, які называўся імі «гаспадаром нашым яго міласці асвяценым вялікім каралём» [10, с. 305, 308, 321–322], «гаспадаром нашым вялікім князем» ды інш. [10, с. 386, 585]. Іншы фактар, што мог спрыяць фарміраванню ўяўлення аб вялікім князі – наведванні гаспадаром Полацка: так, ужо Вітаут быў у Полацку прынамсі чатыры разы [7, с. 61]. Постаць вялікага князя ў свядомасці палачанаў праходзіла пэўнае фарміраванне: вялікія князі лічыліся «вялікімі гаспадарамі хрысціянскімі», дадзены эпітэт разглядаўся як станоўчы сімвал мінулага [10, с. 343]. Ваявода Алехна Судзімонтавіч, паведамляючы ў 1464 г. рыжанам аб увядзенні новай вашчаной пячаткі ў горадзе, істотным лічыў прадпісанні вялікага князя Казіміра: ваявода падкрэсліваеў, што яго пасланне грунтуецца на «хрысціянскім праве» гаспадара, якое гарантую «справедливость... как богатому, так оубогому» [10, с. 275]. Ва ўставах Полацку [13, с. 150–151] гаспадар лічыць патрэбным выкарыстоўваць паняцце «хрысціянскае права», чаго, напрыклад, не было ў суседніх Віцебску і Смаленску. Тут варта прыгадаць абласны прывілей, які мае ўстаўкі з прывілея 1447 г., прама названыя гэтак жа, і тое, што палаchanе самастойна «покладали» прывілеі, а значыць, самі фарміравалі іх змест. Ускосна мы можам дазнацца, што прывілей «покладали» з часоў Казіміра. Такім чынам, высвятляеца зацікаўленасць палачанаў у новаувядзеннях, якія пранікалі ў ВКЛ і засвойваліся спачатку вялікакняскім дваром. Такі стан рэчаў на той час назіраўся толькі ў Кіеве (гл.: [4, с. 111–115]). Неўзабаве, у 1498 г. Полацк атрымаў магдэбургскае права [1], стаўши, акрамя Кіева, адзіным магдэбургскім горадам усходу ВКЛ. Магдэбургскае права таксама ўспрымалася як частка «хрысціянскага права» [4, с. 114]. Сярэдзіна XV ст. у Полацку вызначылася адсутнасцю канфіскацый зямлі ў «Кнізе данінаў», што таксама ўказвае на лаяльнасць палачанаў вялікаму князю ў гэты час (у адрозненне ад іншых рэгіёнаў краіны) [9, с. 484]. Нам вядомы іншыя прыклады, якія маглі спрыяць далейшаму фарміраванню станоўчага вобразу вялікага князя. Так, ужо пры Свідрыгайлу палаchanе былі вызвалены ад мыта [7, с. 72] (што, пэўна, звязвалася з жаданнем палачанаў палегчыць сабе ўмовы гандлю), што было пацверджана Казімірам [10, с. 449]. Некаторыя палаchanе адмысловы ездзілі ў Кракаў, каб перад судом гаспадара адстойваць свае інтарэсы [10, с. 508], хоць мясцовы ваявода меў шырокую кампетенцыю ў судовых спраўах у адрозненне ад намеснікаў іншых рэгіёнаў (гл.: [1; 10, с. 607]). Палаchanе асабіста наведвалі і Вітаута [7, с. 62].

Але гэта не перашкаджала лічыць, што «гаспадар» знаходзіцца «у Литовской земли», да якой трэба «ехати» [10, с. 308]. Вынікам якіх уяўленняў гэта магло быць? Мяркуем, «Літва» для палаchanіна другой паловы XV – пячатку XVI стст. – асобны рэгіён, проціпаўлены Полацкай «зямлі». Гэтую мадэль у светапоглядзе палачанаў мы назіраем у грамадскім жыцці зямлі. Так, палаchanе захоўвалі яе ў паўсядзённых зносінах [10, с. 308] і ў мясцовай заканадаўчай практицы: полацкі «абласны» прывілей захаваў старажытны па-

паходжанні артыкул [5, с. 151] аб тым, што з «Літвы» ў Полацк не будзе пасылацца дзецкі. Гэтыя ўяўленні таго часу, тым не менш, цяжка лічыць статычнымі і, відаць, яны пакрысе змяняліся: «Літоўскім княствам» палаchanе маглі лічыць ужо ўсю тэрыторыю ВКЛ [10, с. 334]; са свайго боку полацкія ваяводы – пераважна літоўцы па паходжанні – ужо ставяцца да Полацка як да «короля его м(и)л(о)сти городу и мѣсту» [10, с. 417, 617]. Але проці-пастаўленне «Літве», мяркуем, будзе спрошчаным тлумачыць як проці-пастаўленне этнасу або рэгіёну. Палаchanе, больш верагодна, укладвалі ў «Литву» іншае разуменне. Агульныя аспекты пытання ў маштабах усяго ВКЛ вырашаюцца сучаснымі даследчыкамі (гл. найноўшыя працы: [2; 6; 8]).

Ці дапаўняліся гэтыя погляды іншымі кампанентамі? У пачатку XV ст. у Полацку маглі захоўвацца «рэмінісценцы» папярэдняй княскай традыцыі, калі полацкім намеснікамі прызначаліся асобы княскага паходжання (Лугвен Альгердавіч, Іван Сямёновіч Друцкі) [3, с. 224]. Паказчыкам захавання ў свядомасці палачанаў рэшткаў гэтых поглядаў можна лічыць і выкарыстанне ў першай палове XV ст. ужо неактуальнага для тагачасных рэалій тэрміна «посаднікъ» [5, с. 43]. Нарэшце, у першай чвэрці XVI ст. склалася «Аповесць пра Полацк», дзе адлюстраваны сюжэт аб наданні легендарным князем Барысам «вольнасцей» палачанам. Не выключана, што твор, складзены ў атачэнні Ольбрахта Гаштольда, мог быць натхнёны звесткамі, якія О. Гаштольд мог атрымаць ад палачанаў будучы полацкім ваяводам [3, с. 231–232]. Сама ж постаць князя, відаць, мела рэальны прататып [11, с. 111–114]. У выніку, захаваны да XVI ст. сюжэт можа дадаткова ўказваць на погляды палачанаў аб мясцовым правіцелі, якія захоўвалі ўяўленне пра яго як аб паўаўтаномнай фігуры.

Як папярэдне можна падсумаваць, фігура гаспадара паспяхова інтэгравалася ва ўклад жыцця палачанаў другой паловы XV – пачатку XVI стст. Рэшткамі папярэдняй традыцыі быў лаканічны вобраз мясцовага правіцеля, які быў звязаны ўжо з новымі канструктамі ў выглядзе «вольнасцей». Гэтыя асаблівасці варта ўлічваць пры далейшых рэканструкцыях поглядаў Скарны.

Бібліографічны спіс

1. Варонін, В. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. // Беларускі гістарычны агляд [Электронны рэсурс]. 1998. Т. 5, сп. 1. С. 27–84. Рэжым доступу: <http://www.belhistory.eu/vasil-varonin-palitychny-lad-polackaga-vayavodstva-%D1%9E-pershaj-palove-xvi-st/>. Дата доступу: 23.07.2016.
2. Варонін, В. Рака Бярэзіна як мяжа паміж «Руссю» і «Літвой»: да гісторыі геаграфічных уяўленняў ва Усходній Еўропе // Бел. гіст. агляд [Электронны рэсурс]. 2006. Т. 13, сп. 2. С. 177–197. Рэжым доступу: <http://www.belhistory.eu/vasil-varonin-raka-byarezina-yak-myazha-pamizh-%E2%80%9Erussyu-i-%E2%80%9Elitvoj/>. Дата доступу: 23.07.2016.

3. Воронин, В. А. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского // Полоцк / О. Н. Левко [и др.]; под ред. О. Н. Левко. Минск, 2012. С. 219–232.
4. Груша, А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск: Беларуская навука, 2015. 465 с.
5. Макараў, М. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. Мінск: Экаперспектыва, 2008. 248 с.
6. Плахій, С. Рускі Вавілон: дамадэрныя ідэнтычнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі. 2-е выд.; пер. з англ. Смаленск: Інбелкульт, 2014. 300 с.
7. Полехов, С. В. Власть в Полоцке в XIV – первой половине XV в. из истории взаимоотношений центра и регионов в Великом княжестве литовском // *Ukraina Lithuanica: студіі з історії Великого князівства Літоўського*. 2015. Т. III. С. 44–79.
8. Полехов, С.В. Литовская Русь в XV в.: единая или разделённая? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства: науч. тр. / Германский историч. ин-т в Москве; отв. ред. А. В. Доронин. М., 2017. С. 70–93.
9. Полехов, С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015. 712 с.
10. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: в 2 т. / редкол.: А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. 2-е изд. М.: Ун-т Д. Пожарского, 2015. Т. 1. 851 с.
11. Флоря, Б.Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 110–117.
12. Хорошкевич, А. Л. Генеалогия мещан и мещанско землевладение в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований: сб. ст. / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1977. С. 140–161.
13. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика / Vilniaus un-tas; Lietuvos ist. in-tas. – Vilnius: Lietuvos ist. in-to leidykla; Mokslo ir encikl. leidybos in-tas; Vilniaus un-to leidykla; Žara, 1993–2015. Book of inscriptions 5 = Книга записей 5 = Užrašymų knyga 5 (1427–1506) / Lietuvos ist. in-tas; par. A. Baliulis [ir kt.]. 2012. 583 p.

Бічун Вераніка Мечыславаўна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**КАНСТЫТУЦЫЙНАЕ ПРАВА БЕЛАРУСІ
Ў ПРЫВІЛЕЙНЫ ПЕРЫЯД РАЗВІЦЦЯ ЗАКАНАДАЎСТВА
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА**

Феадальная Беларусь – гэта велізарны гістарычны пласт, якому характэрны цікавыя з'явы і працэсы. У XV–XVI ст. завяршаецца працэс фарміравання беларускай народнасці, у сферы дзяржаўна-палітычнай складваеца саслоўна-прадстаўнічая манархія з яе характэрнымі рысамі і палітычнымі атрыбутамі, адбываюцца значныя сацыяльна-эканамічныя пераўтварэнні, якія завяршаюцца цэлай серый рэформаў, у тым ліку і прававой, у грамадстве атрымліваюць пашырэнне новыя гуманістычныя, рэнесансавыя ідэі. Вынікам адзначаных працэсаў з'явілася высокоразвітая прававая сістэма [5, с. 86].

Пачынальнікам беларускага рэнесансавага аспектніцтва быў Ф. Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, выдавец першай беларускай Бібліі. Сярод навукоўцаў існуюць думкі, што менавіта Ф. Скарына ўдзельнічаў у складанні і рэдагаванні Статута 1529 г [6, с. 163]. У сваіх творах Ф. Скарына прытрымліваўся ідэі вяршэнства народа ў прававорчасці, з'яўляючыся прыхільнікам ідэі міру паміж народамі. Ф. Скарына выказваў думкі аб справядлівасці закона, адпаведнасці яго мясцовым звычаяям, часу і месцу. Права Ф. Скарына падзяляюць на натуральнае і пісанае. Натуральнае права ўласціва кожнаму чалавеку, адноўлівае для ўсіх людзей і не залежыць ад месца і часу. Пісанае права падзяляеца на Боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы Боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету і з'яўляюцца сіонімамі волі Бога. Таму, на думку Ф. Скарыны, заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваеца волі Бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Кананічнае права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. Вялікую ўвагу мысліцель надае земскаму праву, у якім у залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормамі ён вылучаў: паспалітае права (яно ўключала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае (канстытуцыйнае), крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлёвае права. Гэтая класіфікацыя права мела не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне і была выкарыстана пры падрыхтоўцы Статута 1529 г. [6, с. 175].

Што датычыцца менавіта развіцця канстытуцыйнага феадальнага права Беларусі, то яно праходзіла пад уздзеяннем унутраных і знешніх сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў. Звычаёвае права, якое існавала ў старажытнасці на асобных землях Беларусі, было пазбаўлена адзінства, мела асаблівасці ў рэгулюванні праваадносін [5, с. 86].

Паступова, на працягу XIV–XVI стст., паралельна з працэсам кансалідацыі асобных земляў-княстваў у складзе Вялікага Княства Літоўскага

(далей – ВКЛ), праходзіў працэс уніфікацыі права з актыўнай распрацоўкай новых прававых нормаў, якія адпавядалі больш складаным умовам сацыяльна-еканамічнага развіцця дзяржавы. У гэты перыяд зараджаюцца асновы беларускага канстытуцыяналізму [5, с. 87].

Спалучэнне ранейшай і новай правасвядомасці ажыццяўлялася ўжо ў першых вядомых пісаных нормах права, напрыклад такіх, як дагавор 1229 г. Смаленскага, Віцебскага і Полацкага Княстваў з Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкімі гарадамі [1, с. 15–24] (да слова, пісанае права з'явілася ў Еўропе таксама ў XIII ст.). Да гэтага часу адносяцца і дагаворныя граматы паміж жыхарамі Полацкага і Віцебскага Княстваў з іх князямі. На сённяшні дзень такіх дагавораў даследчыкі не выявілі, аднак пра іх існаванне вядома дзякуючы таму, што многія нормы гэтых дагавораў былі ўпісаны ў больш познія нарматыўныя акты, якія да нас дайшлі. У прыватнасці, у абласной грамаце жыхарам Полацкай зямлі 1511 г. ёсць спасылкі на акты, якія былі выдадзены вялікім князем Скіргайлам, Вітаўтам, Жыгімонтам, Казімірам, Аляксандрам і ў якіх захаваліся нормы X–XII стст. [1, с. 76–80].

Вялікі пласт прававога матэрыялу быў выдадзены з другой паловы XIV ст. да пачатку XVI ст. у выглядзе агульназемскіх, абласных, валасных, гарадскіх і іншых грамат і прывілеяў, соймавых ухвал і судовых выракаў. Асаблівую ўвагу хацелася б звярнуць на прывілеі Казіміра 1447 г., Аляксандра 1492 г., Гарадзельскі прывілей 1413 г. У прывілеі Казіміра 1447 г. найбольш поўна выкладзены правы феадалаў. Арт. 3 пашырае кола асобаў, якім гарантавалася права недатыкальнасці, уключаючы ў яго такія катэгорыі, як прэлаты, княжаты, рыцары, шляхціцы, баяры.

Прывілей называе і гарадскіх жыхароў – месцічаў. Арт. 5 змяшчае важную канстытуцыйную норму аб тым, што «княжата, рыцеры, шляхтичи, бояре, добровольно имели бы моць выехати з наших земель князьства великого, для лепшего шчастя набытия, а любо учинков рыцерских, до каждой земель, сторон, только выменяючи стороны неприятельское» [3, с. 143]. Магчымасць набываць адкуацыю, у тым ліку і юрыдычную, у лепшых навучальных установах Еўропы, а затым вяртацца дамоў і выкарыстоўваць веды на практицы садзейнічала як гаспадарчаму, так і духоўнаму развиццю Беларуска-Літоўскай дзяржавы. Гэты артыкул падкрэсліваў і свабоду выязда з дзяржавы і вяртання назад як неад'емнае права чалавека.

Адпаведна арт. 11 ні вялікі князь, ні яго намеснікі, ні іншыя службовыя асобы дзяржавы «земль наших литовских и руских и жемонитских и иных» не мелі права прымаць на дзяржаўныя ці вялікакняжацкія землі прыватнаў-ласніцкіх «людей данных, извечных, селянитых, невольных». У той жа час і феадалам забаранялася прымаць на свае землі дзяржаўных (вялікакняжацкіх) сялян. Значыць, прывілей Казіміра стаў галоўным канстытуцыйным актам, які юрыдычна заклаў пачатак прыгоннага права на наших землях.

Істотнае значэнне маюць арт. 13 і 14, у якіх заканадаўча замацоўвалася тэрытарыяльная цэласнасць дзяржавы, яе суверэнныя правы і адасобленнасць (арт. 13) і адначасова забаранялася раздаваць чужаземцам дзяржаўную

маёmacь і пасады. У арт. 14 падкрэслівалася: «Також обецуем и сплюбuem, иж в землях тых наших великого князьства земль, городов, мест а любо некоторыи вряды а любо чти, не маем дать в честь никоего чужоземца, але только родичам тых земль наших предреченых Великого Княства Литовского дамо, и наши после будущии дадуть в держание и володенье» [3, с. 146].

У прывілеі Аляксадра Казіміравіча 1492 г. нормы канстытуцыйнага права атрымалі далейшае развіццё. Першыя яго артыкулы ўвабралі ў сябе палажэнні прывілея Казіміра 1447 г., а арт. 13–33 былі новымі. Так, арт. 13 замацоўваў асновы міжнароднай палітыкі: падтрыманне добрасуседскіх адносін (з такімі краінамі, як Масковія, Заволжская Арда, Перакопская Арда, Валахія, каралеўства Польскае, княства Мазавецкае, Прусія, Лівонія, Пскоў, Вялікі Ноўгарад, Цвер і Разань), абавязак захоўваць раней заключаныя саюзы і пагадненні, «даводзіць іх да лепшага становішча і павелічэння».

Новай была норма, згодна з якой вялікі князь не меў права адмяняць ці змяняць законы, пастановы і судовыя рашэнні без згоды на тое паноў-рады. Тым самым павышалася роля і значнасць гэтага інстытута дзяржавы. Прывілей падцвердзіў норму прывілея Казіміра аб тым, што пасады і маёmacь «мы абавязваемся не раздаваць нікому з чужакоў ці іна(ш)земцаў але толькі прырод(ж)ным жыхарам» (арт. 14).

Важныя і іншыя палажэнні прывілея Аляксандра: забарона службовым асобам вымагаць у падначаленых і насельніцтва звыш устаноўленых плацяжоў рознага роду падаткі, неабходнасць вынясення справядлівых судовых выракаў (рашэнняў), роўнасць усіх перад законам («Мы, а аднолькава і паны-рады нашы, абавяз(е)аемся нічога не браць ад суда і не стаяць пры адным баку з прычыны фавора, але кожнага аднолькава судзіць, даслед(а)ваць або прыводзіць у выкананне выракі» – арт. 28) і інш. Важна, што абліжоўваючы ўладу вялікага князя, нормы гэтага прывілея «фактычна вызначалі яго прававое становішча не як гасудара- вотчынніка, а як вышэйшай службовай асобы ў дзяржаве» [4, с. 201].

Гарадзельскі прывілей 1413 г. – заканадаўчы акт, які юрыдычна замацоўваў Гарадзельскую унію 1413 г., выдадзены ад імя караля Польшчы Ягайлы і вялікага князя літоўскага Вітаўта. Меў на мэце ўмацаванне і пашырэнне каталіцызму ў ВКЛ. У прывілеі канстатаўвалася, што з прыніццем каталіцтва ВКЛ «далучаецца, уключаецца, злучаецца, перадаецца» Польскаму каралеўству. Усе касцёлы і каталіцкі клір забяспечваюцца ўсімі правамі і свабодамі згодна са звычаямі Польскага каралеўства. Паны, шляхта і баяры ВКЛ, якія прымуць каталіцкую веру і атрымаюць гербы, могуць карыстацца прывілеямі і падараваннямі, як і польскія паны і шляхта, падцвярджаліся іх права на свабоднае распараджэнне сваёй маёmacцю і атрыманне спадчыны. Гарантаваліся права жанчын на валоданне ўласнымі маёнткамі. Паны і шляхта ВКЛ павінны былі захоўваць пастаянства і вернасць каралю Ягайлу і вялікаму князю Вітаўту [2, с. 233].

Гарадзельскі прывілей прадугледжваў увядзенне пасад ваяводы і кашталянаў у Вільні, Троках і інш. месцах. Асабліва важнае значэнне меў

артыкул, у якім замацоўвалася правіла, што пасля смерці Вітаўта паны і шляхта ВКЛ не павінны былі выбіраць сабе вялікага князя без згоды Ягайлы і польскіх феадалаў, а тыя пасля смерці Ягайлы таксама не павінны былі выбіраць новага караля без згоды Вітаўта, паноў і шляхты ВКЛ. Гэты артыкул, які ўпершыню заканадаўча замацоўваў выбранне вялікага князя, супярэчыў і абвяргаў змест першага артыкула, у якім падцверджалася зліццё ВКЛ з Польшчай, бо калі выбіраўся асобны вялікі князь, то захоўвалася самастойнасць дзяржавы. А канстатация факта, што караля Польшчы павінны былі выбіраць толькі са згоды Вітаўта і феадалаў ВКЛ, сведчыць аб раўнапраўным становішчы ВКЛ і Польскага каралеўства.

Прывілей прадугледжваў магчымасць склікання агульных соймаў феадалаў Польшчы і ВКЛ. Сцвярджэнне, што ўсе некатолікі, у асноўным праваслаўныя (а яны складалі большасць насельніцтва княства), не павінны былі дапускацца на дзяржаўныя пасады і засядаць у панской радзе, мела ідэалагічны, а не практычны характар, бо большасць мясцовага кіраўніцтва і значная частка паноў-рады належалі да праваслаўнай веры. А ўсе напышлівия выразы аб зліцці, злучэнні, далучэнні і ўключэнні ВКЛ у склад Польшчы не мелі ў той час рэальнага значэння, бо традыцыя ўзаемадносін паміж Польшчай і ВКЛ, якая склалася на аснове асабістай (персанальнай) уніі, не мянялася [4, с. 203].

Такім чынам, бачна, што ў XIV–XVI стст., паралельна з працэсам кансалідацыі асобных земляў-княстваў у складзе ВКЛ, праходзіў працэс уніфікацыі права з актыўнай распрацоўкай новых прававых нормаў, якія адпавядалі больш складаным умовам сацыяльна-эканамічнага развіцця дзяржавы. Менавіта ў гэты перыяд і зараджаюцца асновы беларускага канстытуцыяналізму. Ідэі Ф. Скарыны мелі практычнае значэнне і паўплывалі на развіццё канстытуцыйнага права, а таксама былі выкарыстаны пры падрыхтоўцы Статута 1529 г.

Бібліографічны спіс

1. *Бардах, Ю. М.* Литовские статьи – памятники права периода Возрождения. М., 1976. С. 21–29.
2. *Vasilevich, P. A.* Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юх. Мінск: Права і эканоміка, 2001. 725 с.
3. *Vasilevich, P. A.* Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі. Мінск, 2001. 363 с.
4. *Гудавичюс, Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. 430 с.
5. *Доўнар, Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Адукацыя и выхаванне, 2014. 416 с.
6. *Юх, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік. Мінск: Універсітэтскае, 1992. 270 с.

Бригадина Ольга Васильевна, Балыкина Елена Николаевна
Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА: ЭЛЕКТРОННЫЕ УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

Белорусский государственный университет (БГУ) в XXI веке вступил в новую стадию развития образовательного процесса – стадию электронного обучения, основными принципами которого сегодня являются:

- мобильность – обеспечение повсеместного доступа к образовательным информационным ресурсам и услугам;
- открытость – постоянное увеличение доли научно-образовательных ресурсов, доступ к которым является бесплатным и ничем не ограничен;
- инновационность – разработка и внедрение новых педагогических технологий, основанных на широкомасштабном использовании информационно-коммуникационных технологий; формирование нового сознания преподавателей-наставников, руководящих деятельностью студентов в информационно-образовательной среде [1, с. 5].

Формирование у студентов потребности в профессиональном самосовершенствовании во многом определяет направленность будущего специалиста-историка на успешную и творческую реализацию себя в профессии, на активное саморазвитие личности. Определяющей в процессе самосовершенствования является творческая сторона деятельности. Именно творческая деятельность порождает нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее.

Инновационные формы, методы, приёмы, помогающие организовать педагогу свою деятельность таким образом, чтобы занятия стали интересными, познавательными, способствовали развитию творческих способностей каждого студента — методы учебного познания, креативные методы, методы организации учения, методы рецензий, контроля, рефлексии, самооценки [7]. Среди этих методов важное место занимает проектное обучение, применение которого приводит к созданию студентами образовательной продукции, к получению нового продукта, т.е. к креативному результату.

Малой группе студентов (2–6 человек), сформированной на добровольной основе, предлагается выполнение оригинальных электронных образовательных проектов (ЭОП) (модулей электронных учебных пособий по вузовской и школьной программам), тему которых студенты определяют совместно с преподавателем. Выполнив проект, студенты предоставляют преподавателю на электронном носителе результаты своей проектной деятельности, затем защищают предоставленный е-продукт.

Электронному обучению исторического факультета БГУ не один десяток лет [8; 9]. Только с 2005 г. для учебного процесса кафедрами истории России и источниковедения разработаны и внедрены около пятидесяти многоцелевых электронных образовательных проектов, представляющих собой темы и модули электронных учебников и учебных пособий, первый из которых (для

спецкурса “Неформальная живопись СССР”) разработан авторами данной работы в 2005 г. [2; 3; 4; 5; 6].

Одним из наиболее интересных проектов последних лет является электронное учебное издание «История Белорусского государственного университета».

Данное издание предназначено для студентов всех факультетов Белорусского государственного университета и всех интересующихся историей высшего образования в Беларуси. Цель: углубить и систематизировать знания по истории и современности БГУ.

Задачи:

– обучающая: рассмотреть структуру и материально-техническую базу университета; проанализировать учебный процесс и научную деятельность; показать состояние профессорско-преподавательском кадров; ознакомить с возможностями, предоставляемыми университетом студентам;

– воспитательная: сформировать у обучающихся уважение к истории БГУ и его традициям;

– развивающая: улучшить навыки работы с иллюстративным материалом и умение выделять основные моменты из потока информации.

В основу проекта легли материалы учебников, учебных пособий, газеты «Университет», материалы, предоставленные музеем БГУ, Интернет-ресурсы.

Структурно ЭУИ представлено основным и дополнительным материалом. Основной включает в себя компьютерный слайд-фильм, состоящий из пяти модулей: а) основание и развитие университета; б) учеба и наука; в) международное сотрудничество; г) профессорско-преподавательский состав; д) студенты БГУ.

Это 283 слайда, 279 иллюстраций, 159 анимированных SmartArt-объектов, 23 gif-анимации, 6 видеосюжетов, звуковое сопровождение.

Дополнительный представлен разделами: Галерея, Аудио; Видео; Информационный.

ЭУИ внедрено в учебный процесс исторического факультета БГУ (акт внедрения №0304/233 от 22.05.2015).

Библиографический список

1. *Абламейко, С. В.* Электронное обучение в XXI веке. Концепция информатизации Белорусского государственного университета на период до 2018 года / С. В. Абламейко, Ю. И. Воротницкий, М. А. Журавков, П. М. Лапо, О. В. Терещенко // Вестник БГУ. 2012. Сер. 1. № 3. С. 3–14.

2. *Бригадина, О. В.* Культура России в 1917–2000 гг.: компьютерный контроль знаний / О. В. Бригадина, Е. Н. Балыкина, А. А. Максимович // Женщина. Общество. Образование: материалы 11 междунар. Междисциплин. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 дек. 2008 г.: в 2 т. / Женский ин-т ЭНВИЛА; ред-кол.: Л. А. Черепанова [и др.]. Минск, 2009. Т. 1. С. 217–219.

3. *Балыкина, Е. Н.* Проектирование и применение электронных средств обучения в профессиональной подготовке историков на историческом факультете Белорусского государственного университета / Е. Н. Балыкина, О. В. Бригадина, Е. Г. Луферчик // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сб. науч.ст.; под науч. ред. А. Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 143–149.
4. *Балыкина, Е. Н.* Использование мультимедиа-коллекции линий времени в процессе самостоятельной работы студентов при изучении истории Великой Отечественной войны / Е. Н. Балыкина, О. В. Бригадина, С. М. Блашко // Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы: материалы Междунар. XIII конф. Ассоциации «История и компьютер», Москва, 21–23 сент. 2012 г. / Москов. гос. ун-т, Ассоц. «История и компьютер»; редкол.: Л. И. Бородкин [и др.]. М., 2012. С. 185–186.
5. *Балыкина, Е. Н.* Практика современного образования: электронные учебные издания / Е. Н. Балыкина, Бригадина О. В., Ю. А. Макеева // Навуковий діалог «Схід-Захід»: матер. всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Кам'янець-Подільський, 10 липня 2013 р.: у 4 ч. / Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара; редкол.: О. С. Токовенко (наук. ред.) [и др.]. – Кам'янець-Подільський-Дніпропетровськ, 2013. Ч. 4. С. 14–17.
6. *Балыкина, Е. Н.* Электронный образовательный проект «25 лет Со-дружеству Независимых Государств» / Е. Н. Балыкина, О. В. Бригадина // При-менение новых технологий в образовании: материалы XXVII Междунар. конф., Троицк-Москва, 28–29 июня 2016 г. / Фонд новых технологий в образовании «Байтик»; редкол.: М. Ю. Алексеев [и др.]. Троицк, 2016. С. 33–35.
7. *Фликова, Н. С.* Развитие творческой личности // Издательский дом «Первое сентября». Цифровые технологии в образовании [Электронный ре-сурс]. 2013. Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/637459/> Дата доступа: 03.01.2017.
8. *Ходин, С. Н.* Историческая информатика: от общих курсов к специа-лизации, направлению и магистратуре // Историческое наследие Беларуси: вы-явление, сохранение и изучение (к 90-летию Государственной архивной службы Республики Беларусь; 85-летию Национального архива Республики Бе-ларусь; 20-летию кафедры источниковедения БГУ): материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2012 г. / БелНИИДАД; редкол. В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2013. Ч. 2. С. 100–104.
9. *Яновский, О. А.* Электронные учебные издания: итоги 30-летнего межкафедрального сотрудничества на историческом факультете Белорусского государственного университета / О. А. Яновский, Е. Н. Балыкина, В. В. Серге-енкова // Информационный бюллетень Ассоциации «Истории и компьютер». № 42. Октябрь 2014 г. М., 2014. С. 214–221.

Бярэйшык Лілія Уладзіміраўна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

КАЛЕКЦЫИ КІРЫЛЧНЫХ СТАРАДРУКАЎ У МУЗЕЯХ БЕЛАРУСІ

Неад'емнай часткай культурнай спадчыны кожнай краіны з'яўляюцца кніжныя помнікі. Тэрмін “кніжны помнік” упершыню быў уведзены ў навуковы зварот у сярэдзіне 1980-х гг. як сінонім традыцыйным тэрмінам “рэдкая кніга”, “каштоўная кніга” у расійскай гісторыяграфіі і дазваляе паставіці кнігу поруч з творамі прыкладнога і выяўленчага мастацтва, нерухомым і іншымі помнікамі гісторыі культуры [14, с. 16]. Кніжны помнік з'яўляецца унікальным і незаменным сведкай гісторычнага развіцця грамадства. У беларускім заканадаўстве дадзены тэрмін упершыню быў уведзены новай рэдакцыяй Закона “Аб бібліятэчнай справе Рэспублікі Беларусь” у 2014 г. Да іх аднесены рукапісныя і друкаваныя выданні со статусам гісторыка-культурнай каштоўнасці. Вызначана, што пры наяўнасці ў бібліятэчных фондах кніжных помнікаў неабходна забяспечыць іх захаванне і уключыць у Дзяржаўны рэестр кніжных помнікаў Рэспублікі Беларусь [8, с. 73]. Дадзены тэрмін замацаваны таксама Кодэкsem Рэспублікі Беларусь аб культуры: “Кніжныя помнікі – рукапісныя кнігі, друкаваныя выданні, якім нададзены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці або якія з'яўляюцца рэдкімі ці каштоўнымі дакументамі і маюць адметныя гісторычныя, навуковыя, мастацкія або іншыя вартасці [7].

Музеефікацыя кніжных помнікаў дазваляе максімальна вырашыць задачы па іх захаванню, выяўленню гісторыка-культурнай, навуковай, эстэтычнай вартасці, актыўнаму ўключэнню ў сучасную культуру. Гісторыя гэтай справы мае даўнія карані як у заходнеўрапейскай, так і беларускай практыцы. Удасканаленне чалавека праз зварот да культурнай спадчыны стаў асноўным момантам асветніцкай канцэпцыі музея, даступнага шырокаму колу грамадства. Так, збор кніг Э. Ашмала поруч з калекцыямі прыродазнаўчых, мастацкіх, этнографічных, нумізматычных і іншых матэрыялаў стаў падмуркам Музея Оксфардскага ўніверсітэта ў 1683 г., багацейшая калекцыя манускрыптаў, кніг Р. Коттана, Р. Харлі – Брытанскага музея ў 1759 г. У склад музея пры Гродзенскай медыцынскай акадэміі, заснаванага Ж.Э. Жылібераам у 1770-я гг., акрамя кабінета натуральнай гісторыі ўваходзіла багатая бібліятэка, якая налічвала больш за 3 тыс. тамоў кніг па медыцыне і прыродазнаўству, выдадзеных у Францыі, Аўстрыйі, Германіі [3, с. 54]. Багатыя кніжныя зборы дапаўнялі музеі Палацкага езуіцкага калегіума, Горы-горацкага земляробчага інстытута, Віленскага музея старажытнасцей, царкоўна-археалагічных таварыстваў, іншых навучальных і навуковых устаноў.

У кнігазборах музеяў Беларусі сёння захоўваюцца выданні кірылаўскім шрыфтам XVI–XVIII ст. на стараславянскай мове, выдадзеныя ў друкарнях Вільні, Гродна, Магілева, Супрасля, Кіева, Куцеіна, Львова, Масквы. Усе яны ў адпаведнасці з беларускай гісторыяграфіяй адносяцца да старадрукаў. Да

наших дзен дайшло не шмат такіх помнікаў культуры. Большая іх частка была знішчана падчас войн, пажараў, стыхійных бедстваў [16, с. 3]. Найбольш буйнымі калекцыямі старадрукаў валодаюць Нацыянальны гістарычны і Нацыянальны мастацкі музей, Музей кнігі Нацыянальнай бібліятэкі, Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый. Кірылаўскія старадруки зберагаюць таксама Гомельскі палаца-паркавы комплекс, Магілёўскі, Віцебскі, Мінскі абласныя краязнаўчыя музеі, гродзенскія дзяржаўныя музеі, Музей Беларускага Палесся.

Збор Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь налічвае больш 370 тысяч адзінак музейных прадметаў, размеркованых па 40 асобных калекцыях [12]. У музеі захоўваецца калекцыя рукапісаў і старадрукаў, якая налічвае больш 2 тыс. адзінак. Кніжны збор складваўся паступова, гісторыя яго камплектавання неад'емна ад гісторыі музея, рост ці скарачэнне залежалі ад тых умоў, у якіх знаходзіўся сам музей у розныя перыяды існавання. Падмурак калекцыі старадрукаў закладзены Мінскім царкоўна-археалагічным камітэтам, што ўзнік у пачатку 1908 г. па ініцыятыве гарадской інтэлігенцыі. Да найбольш каштоўных музейных калекцый камітэта адносіліся старадрукі, у тым ліку “Апостал” XVIII ст. [3, с. 93–94]. Яго супрацоўнікі на працягу 1908–1914 гг. выявілі і набылі ў шматлікіх цэрквях і манастырах Мінскай губерні выданні беларускіх і ўкраінскіх друкарняў. У гады Першай сусветнай вайны лепшыя калекцыі камітэта знаходзіліся ў эвакуацыі ў Разані, а пасля іх вяртання сталі падмуркам Беларускага дзяржаўнага музея. У першыя гады савецкай улады значна узрасла калекцыя старадрукаў за кошт паступленняў з бібліятэк закрытых культавых установ. Падчас апошняй вайны ўвесь кніжны фонд быў вывезены ў Германію. Вярнулася толькі яго частка. Не захаваліся інвертарныя кнігі, таму звесткі пра даваенны кніжны фонд музея даволі сціплыя. У пасляваенныя гады калекцыя старадрукаў Дзяржаўнага музея БССР папаўнялася рознымі шляхамі. У канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. былі перададзены кнігі з фондаў Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і Дзяржаўнага гістарычнага музея ў Маскве. У 1961 г. кніжны збор значна попоўніўся беларускімі і заходнеўрапейскімі выданнямі падчас экспедыцыі супрацоўнікаў музея ў в. Будслаў Мядзельскага раёна [2, с. 54–53]. У 1964 г. музею былі перададзены 32 кнігі беларускіх друкарняў XVII–XVIII ст. з Дзяржаўнай бібліятэкі СССР. Руплівая пошукавая праца супрацоўнікаў музея дазволіла сферміраваці значную калекцыю рукапісных і старадрукаваных кніг, якая сёння налічвае каля 1500 помнікаў пісьменнасці. Сярод старадрукаў пераважаюць кірылічныя выданні канца XVI–XVIII ст. У друкарні, заснаванай І. Фёдаравым у Астрогу была выдадзена кніга на картоне ў скуранным пераплёце “Новы запавет з Псалтырам” (1580 г.) і кніга у скуранным пераплёце на дошках “Аб адзінай сапраўднай праваслаўнай веры” (1588 г.) [16, с. 6–7]. Друкарня была заснавана ў маёнтку князя К. Астрожскага і на яго сродкі. У змесце і афармленні кніг прасочваюцца традыцыі Ф. Скарыны [18, с. 449].

Пераемнікам выдавецкіх, мастацка-паліграфічных, асветніцкіх традыцый беларускага першадрукара стала брацкае кнігадрукаванне. Адным з буйнейших было віленскае брацтва Святога Духа, у друкарні якога ў 1596 г. быў выдадзены “Псалтыр і Новы запавет”. У складаных грамадска-палітычных умовах брацкая друкарня з 1611 г. дзейнічала ў мястэчку Еёе і менавіта там выйшлі “Кніга Новага запавета” (1611 г.) і “Евангелле вучыщельнае” (1616 г.) [16, с. 7, 9]. З 1618 да 1652 гг. Святадухава брацтва выпускала свае выданні то ў Вільні, то ў Еёе. У Нацыянальным гістарычным музеі музеі захоўваюцца кнігі Фікара Святагорца “Вертаград душэўны” (Вільна, 1620 г.), “Новы Запавет з Псалтыром” (Вільна, 1623 г.), Макарыя Егіпецкага “Духоўныя размовы Святога ойца нашага Макарыя пустэльніка Егіпецкага” (Вільна, 1627 г.) і інш. [16, с. 11–12].

Важную грамадскую і культурную значнасць у жыщі Беларусі мела друкарня віленскіх купцоў Мамонічаў, якая дзейнічала ў 1574–1623 гг. і выпусціла каля 50 кірылічных і 35 выданняў на польскай мове. Друкаваліся багаслоўскія і літургічныя выданні, падручнікі і кнігі для чытання. Большая частка выданняў прызначалася для патрэб праваслаўных брацтваў [19, с. 63]. У фондах Нацыянальнага гістарычнага музея захоўваюцца выданні на царкоўнаславянскай мове “Евангелле” (1600 г.) і “Апостал” (канец XVI ст.). Апошняя кніга была набыта музеем ў прыватнай асобы ў 2001 г. [11]. У калекцыю кірылічных старадрукаў уваходзяць таксама кнігі, выдадзеныя друкарнямі кіяўскай Пячэрскай Лаўры (“Лексікон славенска-расійскі”, 1627 г.), Куцеін-скага Богаяўленскага манастыра (Іаан Дамаскін “Аповед пра Варлама і Іасафе” (1637 г.) і інш.

З выданнямі Францыска Скарыны Нацыянальны гістарычны музей пазнаёміў сваіх наведвальнікаў у 2017 г. падчас святочных мерапрыемстваў, прысвечаных 500-годдзю беларускага кнігадрукавання, презентаваў выставу “Скарына – асветнік-гуманіст”, на якой былі прадстаўлены кніжныя помнікі Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага гістарычнага музея (г. Москва). У зручнай для агляду вітрыне экспанавалася “Біблія” – зборнік самастойных выданняў, якія выйшлі з пражскай друкарні Францыска Скарыны ў 1517–1519 гг. Такі зборнік, пераплецены у адзін том, завеща “канвалют”. Пад адной вокладкай сабраны “Прытчы Саламона” (1517 г.), “Эклезіяст” (1518 г.), “Песня Песняў” (1518 г.), “Кніга Мудрасці Божай” (1518 г.), “Кніга Ісуса Сірахава” (1517 г.), “Кніга прарока Даніїла” (1519 г.). Францыск Скарына друкаў “Біблію” асобнымі выпускамі. Найменшая з книг “Песня Песняў” мае ўсяго 12 аркушаў, альбо 24 старонкі; у найбольшай, “Прытчах Саламона” – 94 аркушы. Уесь канвалют утрымлівае 284 аркушы. Кнігі ўпрыгожаны выдатнымі гравюрамі. Прадстаўлены зборнік належыць Дзяржаўнаму гістарычнаму музею у Москве і упершыню прывезены ў Беларусь і дэманстраваўся адразу пасля складанай рэстаўрацыі [11].

Калекцыя кніг Нацыянальнага мастацкага музея фарміравалася з сярэдзіны 1950-х гг. і налічвае 186 адзінак захавання. Гэта рукапісныя кнігі, а таксама выданні, надрукаваныя лацінскім і кірылаўскім шрыфтамі ў XVI –

пачатку ХХ ст. Важную частку гэтай калекцыі складаюць помнікі кірылаўскага друку, выдадзеныя ў Вільна, Магілёве, Гродна, Кіеве, Львове, Чарнігаве, Ноўгарад-Северскім, Клінцы, Пачаеве, Маскве і Санкт-Пецярбургу. Большасць кірылаўскіх друкаў – праваслаўныя і уніяцкія выданні, кнігі багаслужбовага характару для старавераў. Дзесяць з іх выдадзены ў беларускіх друкарнях. Найбольш ранній з'яўляецца “Евангелія (з сігнатурамі)” (1600 г.) віленскай друкарні братоў Мамонічаў з чатырмя гравюрамі евангелістаў. Да рэдкіх беларускіх выданняў адносіцца таксама “Акафісты ўсеседмічныя” (1698 г.) для хвалебнага царкоўнага песнапення, надрукаваная М. Вошчанкам у магілёўскай брацкай друкарні. У вырашэнні ксілаграфій кнігі яскрава адлюстраваны асаблівасці магілёўскай школы кніжнай гравюры [5, с. 4–5, 50–53]. Восем кніг выдадзены ў Кіева-Пячэрскай лаўры ў XVII–XVIII ст. Характэрнай асаблівасцю кіеўскай друкарні было выкарыстанне шматлікіх гравюр, наборнага арнамента, ініцыялаў і іншых графічных упрыгожванняў. Так, у кнігах “Трыёдзь каляровая” (1631 г.), “Евангелле вучыщельнае” (1637 г.) некаторыя гравюры адзначаны манаграмамі, “Трыёдзь нішчымная” (1648 г.) утрымвае геральдычныя выявы. Багата аформлены графічнымі выявамі “Апостал” і “Актоіх” (1768 г.), некаторыя гравюры падпісаныя знакамітымі майстрамі [5, с. 6, 77–82]. Адным з цэнтраў кнігадрукавання была пачаеўская друкарня, заснаваная ў XVII ст. у Свята-Ўспенскім манастыры Іёвам Пачаеўскім. Калекцыя старадрукаў Нацыянальнага мастацкага музея уключае “Мінэю святочную (Трэфалагіён)” (1777 г.) з больш чым 20 ілюстрацыямі-ксілаграфіямі, багата арнаментаваныя дзве кнігі “Евангелія” (1780 г.) і інш. [5, с. 7, 86–87, 94–97]. Да самых ранніх маскоўскіх выданняў у музейнай калекцыі адносіцца “Апостал” (1633 г., 1638 г.) з ксілаграфічнымі выявамі евангеліста Лукі. У Сінадальнай друкарні выдадзена 22 з 30 рускіх кніг, у тым ліку рэдкія кнігі “Мінэя святочная” і “Мінэя агульная” (1730 г.), экзэмпляр 12-га выдання Елізавецінскай “Бібліі” (1797 г.), якая шматкратна перавыдавалася.

Самую вялікую ў нашай краіне калекцыю старадрукаваных выданняў зберагае Нацыянальная бібліятэка Беларусі. У складе дзесяцімільённага фонда бібліятэкі больш за 80 тыс. унікальных рукапісаў, стародрукававных і рэдкіх кніг розных часоў, у тым ліку звыш 30 тыс. асобнікаў надрукаваныя да 1800 г. Збор беларускіх кірылічных стародрукаў налічвае 300 адзінак [17, с. 9–10]. У шырокага кола наведвалінкаў бібліятэкі ёсць магчымасць пазнаёміцца з сапраўднамі помнікамі кніжна-пісьменнай культуры ў экспазіцыі Музея кнігі, які дзейнічае з 2006 г. у складзе бібліятэкі. Раздзел экспазіцыі “Брама кніжных скарбаў” знаёміць з развіццём беларускага кнігадрукавання ў кантэксле сусветнай гісторыі кнігі, з асаблівасцямі беларускай, ўсходнеўрапейскай і ўсходній кніжнай культуры. Сярод экспанатаў перліна калекцыі – дзесяць кніг Бібліі беларускага і ўсходнеўрапейскага першадрукара Францыска Скарыны, выдадзеных у Празе ў 1517–1519 гг. Тэксты Бібліі надрукаваны на царкоўнаславянскай мове, маюць шматлікія гравюры, якія выдзяляюцца арыгінальнасцю кампазіцый, сюжэтаў і майстэрствам гравіравання. У сваіх прадмовах Ф. Скарына падкрэсліваў, што мэтай яго выдавецкай дзейнасці

з'яўляеца пашырэнне адукцыі сярод простых людзей. Нацыянальная бібліятэка Беларусі з'яўляеца аддзінай у рэспубліцы захавальніцай арыгіналаў скарынаўскіх выданняў. У экспазіцыі прадстаўлены паслядоўнікі Ф. Скарны. Асаблівай мастацкай прывабнасцю вылучаюцца рэдкія выданні друкарні Мамонічаў, “Псалтыр” П. Mcціслаўца (Вільня, 1576 г.), “Евангелле вучыцельнае” В. Гарабурды (Вільня, каля 1580 г.), а таксама пазнейшыя выданні беларускіх друкарняў у Еўі, Магілёве, Супраслі, Куцейні, Гродне. Прадстаўлены таксама выданні Куцеінскай друкарні, якія ў кнігазборы Нацыянальнай бібліятэкі прадстаўлены 7 кнігамі: “Гісторыя пра Варлаама і Іасафа” (1637 г.), “Брашна духоўнае” (1639 г.), “Актоіх” (1646 г.) Іаана Дамаскіна. “Трыфалагіён” (1647 г.), “Новы Запавет з Псалтыром” (1652 г.), “Лексікон славенароскі” (1653 г.) Памвы Бярынды і “Дыёптра” (1654 г.) [6]. Такім чынам, у музеі дэманструеца кніжная прадукцыя ўсіх беларускіх друкарняў, што выпускалі кірылічныя кнігі.

Адзін з багацейшых збораў старадрукаў захоўваеца ў Веткаўскім музее, які быў заснаваны ў 1978 г. па ініцыятыве і на базе асабістых калекцый Ф. Г. Шклярова – ураджэнца Веткі, выхадца са стараабрадніцкага роду, самадзейнага мастака, калекцыянера мясцовай даўніны. Фёдар Рыгоравіч стаў першым дырэктарам музея і працаваў да 1988 г. На працягу многіх гадоў ён збіраў кнігі, надрукаваныя маскоўскімі друкарнямі даніканай часу, а таксама стараабрадніцкія выданні друкарняў з Клінцоў, Гродна, Супрасля. На час заснавання музея меў назуву “Веткаўскі музей народнай творчасці”. Для ўшанавання памяці заснавальніка ў 2011 г. музею было нададзена імя Фёдара Рыгоравіча Шклярова. А ў 2012 г. перайменаваны ў дзяржаўную ўстанову культуры “Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава”(ДУК “ВМСіБТ”) [1]. Сучасная калекцыя старадрукаваных кніг уключае каля 300 выданняў XVI – першай чвэрці XIX ст. Самым раннім сярод выданняў XVI ст. у фондах музея з'яўляеца “Евангелле вучыцельнае”, выдадзенае Іванам Фёдаравым і Пятром Mcціслаўцам ў 1569 г. у Заблудаўскай друкарні, створанай на сродкі гетмана ВКЛ Г. А. Хадкевіча. Дадзенае выданне карысталася папулярнасцю і неаднаразова перавыдавалася. Да найбольш рэдкіх выданняў даніканай друку адносяцца кнігі першых рускіх і беларускіх майстроў: Івана Фёдарава (“Апостал”, Львоў, 1574 г.); Пятра Mcціслаўца (“Евангелле”, Вільня, 1575 г.), Андроніка Нявежы (“Трыодь каліяровая”, Москва, 1591 г.; “Апостал”, Москва, 1597 г.), а таксама копіі гэтых кніг, зробленыя ў канцы XVI ст. Васілём Гарабурдой у Віленскай друкарні купцоў Мамонічаў; кнігі лепшых майстроў маскоўскіх друкаваных двароў першай паловы XVII ст.: Нявежына, Фофанава, Федыгіна, Бурцова, Кірылава, Іванова, Радзішэўскага. Выданні апошняга (“Евангелле” (1600–1606 гг.), “Устаў-Вока царкоўнае” (1610 г.) даследчыкі ставяць на высокі ўзровень па прыгажосці і дасканаласці афармлення. У музейнай калекцыі знаходзіцца і першая кніга друкаванага двара Кіева-Пячэрскай лаўры “Анфалагіён” (1619 г.). На шырокое распаўсюджанне друкаванай кнігі ў народным асяродку ў XVIII ст. паўплывалі стараабрадніцкая друкарні ў Клінцах і Янове, а таксама тыя, якія

выконвалі заказы старавераў у Супраслі, Пачаеве, Вільна, Гродна, Магілёве. Значную частку музейнай калекцыі складаюць кнігі гэтых выдавецкіх цэнтраў [1].

Калекцыя старадрукаў Фёдара Шклярова стала падмуркам кнігазбору дзяржаўной гісторыка-культурнай установы “Гомельскі палацаў-паркавы ансамбль”. Сёння калекцыя кніг прадстаўлена выданнямі XVI–XX ст. царкоўнага і свецкага зместу. Яе гонарам з’яўляюцца найбольш раннія выданні ў калекцыі: “Евангелле” П. Мсціслаўца (1575 г.), выдадзеная ў друкарні Мамонічаў буйным прыгожым шрыфтом, мае аксамітавы пераплёт на дошках; “Новы Запавет з Псалтыру” (1596 г.); “Апостал” (1601 г.); “Тріодзь каляровая” І. Андроніка (1604 г.) і інш. [9, с. 204–205]. Большасць кніг XVII–XVIII ст. былі выдадзены маскоўскімі друкарнямі. У Львове былі надрукаваны кнігі “Анфалагіён” (1643 г.), “Саборнік” (1793 г.). Тры кнігі “Пralог” выдадзены ў Клінцы ў друкарні купцоў Д. Рукавішніка і Я. Жэлезнікова (1786, 1787, 1893 г.), “Евангелле вучыщельнае” (1782 г.) – у друкарні віленскага Троіцкага манастыра, “Катэхізіс” Лаўрэнція Зісанія” (1783 г.) – у друкарні Гродна, “Мінэя агульная” (1789 г.) і “Часаслоў” (1793, 1796 г.) надрукаваны ў Супраслі. Кніга “Жыція святых... на тры месяцы” надрукавана ў Кіеве ў друкарні Пячэрскай лаўры мітрапалітам, духоўным пісьменнікам Дз. Раствоўскім (Туптала), які быў заснавальнікам Раствоўской школы граматыкі. У калекцыі кірылічных старадрукаў зберагаюцца і іншыя цікавыя выданні.

Калекцыя рукапісаў і друкаваных выданняў Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея ўключае кнігі, альбомы, брашуры, буклеты, адбіткі навуковых прац, перыядычныя выданні, датаваныя XVI–XXI стст. Састаўной часткай калекцыі з’яўляюцца і некаторыя іншыя разнавіднасці друкаванай прадукцыі: экслібрисы, камплекты фотацінтаргравюр з партрэтамі выдатных гістарычных дзеячаў, з выявай ваеннай формы і інш. Асабліва каштоўнымі прадметамі з’яўляюцца арыгінальныя рукапісы і старадрукі XVI – сярэдзіны XIX ст. Самая ранняя друкаваная кніга ў калекцыі музея выдадена польскім тэолагам-езуітам Якубам Вуекам у Кракаве (1590 г.) на старапольскай мове. Сярод рэдкіх кірылічных кніг асаблівую цікавасць уяўляе сабой першае свецкае выданне, надрукаванае кірыліцай у Маскоўскай друкарні. Гэта трактат па ваеннай справе Іагана Якобі фон Вальгаўзена “Вучэнне і хітрасць ратнага строю пяхотных людзей”, які быў надрукаваны ў Маскве ў 1647 г. У 1649 г. кніга была дапоўнена гравюрамі, надрукаванымі за мяжой. У калекцыі ёсьць унікальныя старадрукаваныя кірылічныя кнігі Магілёўскай друкарні, якая дзейнічала пры Магілёўскім брацкім Богаяўленскім манастыры ў XVII–XVIII ст. Гэта твор Кірылы Транквілюна Стойравецкага “Перло многоценнага” з надпісам на тытуле: “Сия книга, названная Перло многоценнное, составлена Кириллом Транквилионом проповедником слова Божия / типом изобразися в богоспасаемом граде Могилеве / в друкарни Максима / В лето от рождества Христово 1699”; а таксама “Псалтыр”, надрукаваны ў 1705 г. Гэтыя рэліквіі мясцовага старадаўняга кнігадрукавання былі перададзены Магілёўскому абласному музею ў 1955 г. з Масквы з Дзяржаўнага гістарычнага музея. Яны

ўнесены ў зводны рэспубліканскі каталог “Кніга Беларусі” (1517–1917). У калекцыі маецца цікавая кніга-канвалют XVIII ст., у якой пераплецены друкарскі тэкст трэцяга перавыдання воінскага статута Пятра I “Артыкул воінскага статута” (1744 г.) з рукапісам “Статут воінскі” на 1719 г. Рукапіс напісаны рознымі почыркамі на паперы з вадзянымі знакамі [15].

У зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея калекцыя пісьмовых крыніц з XIV – пачатка XX ст. налічвае больш 5,5 тыс. адзінак захавання і ўключае, у асноўным, документы і рукапісы. У складзе старадрукаў найбольш раннім выданнем калекцыі з'яўляецца “Евангелле”, надрукаванае ў Маскве ў 1626 г. [16, с. 12]. Маецца таксама “Псалтыр”, выдадзены Святатроіцкай друкарні ў Чарнігаве ў 1717 г. [16, с. 31] і інш.

Калекцыя кірылічных старадрукаў захоўваецца таксама ў фондах Нацыянальнага полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, які налічвае больш 72 тыс. музейных прадметаў. Калекцыя друкаванай кнігі адносіцца да самых шматлікіх, прадстаўлена ў экспазіцыях Музея беларускага кнігадрукавання і Музея-бібліятэкі Сімяона Полацкага. Самую вялікую частку фондавых калекцый складаюць рукапісныя, старадрукаваныя кнігі, а таксама сучасныя выданні. Сярод старадрукаваных выданняў кірылічнага шрыфта такія рарытэты, як «Евангеліе вучытельнае» (1595 г.), надрукаванае ў віленскай друкарні Мамонічаў, «Мінея агульная» (Масква, 1628 г.) і інш. [9, с. 484–485]. Экспазіцыя Музея-бібліятэкі Сімяона Полацкага распавядае пра розныя перыяды жыцця і дзейнасці Сімяона Полацкага: самы ранні полацкі перыяд, гады вучобы ў Кіеве і Вільні, маскоўскі перыяд жыцця. Значнае месца адводзіцца літаратурнай і выдавецкай дзейнасці Сімяона Полацкага. На музейных вітрынах размясціліся арыгіналы яго кніг: «Жезл правления» (1753 г.), «Тестомент» (1680 г.), «Вечеря душевная» (Масква, 1683 г.), кнігі XVII–XVIII стст., копіі рукапісаў асветніка, яго фігурныя вершы ў стылі барока, а таксама працы сучасных навукоўцаў, прысвечаныя жыццю і дзейнасці славутага палаchanіна [10]. У фондах НПГКМЗ захоўваецца даволі значная па аб'ёму і цікавая па складу калекцыя кніг рускага грамадзянскага друку XVIII–XIX стст. У гэту калекцыю ўваходзяць кнігі рознай тэматыкі, надрукаваныя ў прыватных расійскіх друкарнях І. Лапухіна “Лѣтопись иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго, новоявленнаго чудотворца” (1784 г.), І. Шнора “Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания въ Россіи обоего пола благородного и мѣщанского юношества, съ прочими въ пользу общества установленіями” (1789 г.), І. Вейтбрэхта “Полный нѣмецко-российской Лексиконъ” (1798 г.) і інш. [4, с. 33–34].

У складзе музейнага збору Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея калекцыя рэдкай кнігі і старадрукаў налічвае больш за 23 тыс. адзінак і адносіцца да буйнейшых у краіне. Да ліку найбольш каштоўных экспанатаў адносяцца 3 інкунабулы (кнігі, надрукаваныя да 1501 г. і 26 палеатыпаў першай паловы XVI ст., выдадзеных у буйнейшых цэнтрах кнігадрукавання Заходній Еўропы і Рэчы Паспалітай. Пераважная большасць гэтых выданняў трапіла ў музей з кляштара Гродзенскіх дамініканцаў дзякуючы

старанням стваральніка і першага дырэктара Ю. Ядкоўскага. Сярод кірылаўскіх старадрукаў – “Евангелле” (Масква, 1668 г.) [9, с. 215].

У фондах Мінскага абласнога краязнаўчага музея захоўваецца калекцыя старадрукаваных кніг XVII–XVIII ст. друкарняў Кёльна, Нясвіжа, Вільні, Варшавы, Масквы, у тым ліку цікавая кніга Баронія Цэзара “Дзейнасць царкоўная і грамадзянская” (Масква, 1719 г.), уключае гравюры на медзі, застаўкі, канцоўкі. Кніга каталіцкага кардзінала перароблена Пятром Скартай і перавод іерамана Феафіла [9, с. 387–388].

Кожны кніжны помнік з’яўляецца асновай духоўнага, інтэлектуальнага і матэрыяльнага жыцця грамадства, таму яго захаванне неабходна для таго, каб уключыць яго ў навуковае, культурнае, сацыяльна-еканамічнае жыццё усіх людзей. Асаблівасцю Беларусі з’яўляецца тое, што яна страціла вельмі шмат са сваёй гісторыка-культурнай спадчыны, перш за ёсё гэта адносіцца да кніжных помнікаў. А захаваўшася частка раскідана па шматлікіх кнігасховішчах і музеях краіны і свету. Большасць з іх знаходзіцца ў музеях, архівах, бібліятэках Польшчы, Расіі, Літвы, Украіны, напрыклад, кнігазборы Храптовічаў у Кіеве, Гутэн-Чапскіх у Кракаве, Радзівілаў у Санкт-Пецярбурзе [13, с. 167]. Патрабуецца вялікая, крапатлівая, шматгадовая праца па выяўленню дакументальных помнікаў, увядзенню іх ў навуковы ўжытак, забеспячэнню доступу да інфармацыі аб іх.

Бібліографічны спіс

1. Аб музеі // Дзяржаўная ўстанова культуры “Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава” [Электронны рэсурс]. Рэжым доступа: <http://vetka-museum.by/ab-muzei/>. 2016. Дата доступа: 16.11.2017.
2. *Барабаш, Н.* Книги из исторических белорусских собраний в фондах Национального музея истории и культуры Беларуси // Музей на мяжы стагоддзяў: Традыцыйнае і новае ў канцэнтруальных падыходах: Мат-лы навук. практ. канф. (11–12 снеж. 1997 г.): Навук. канцэнты і праекты выстаў. Мінск, 1998. С. 54–57.
3. *Гужалоўскі, А. А.* Нараджэнне беларускага музея. Мінск: НАРБ, 2001. 124 с.
4. *Зуева, Г. П.* Кнігі рускага грамадзянскага друку XVIII–XIX стст. у фондах НПГКМЗ // Полацкі музейны штогоднік: (зб. навук. артык. за 2011 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, І. П. Воднева, С. В. Нікалаева. Полацк: НПГКМЗ, 2012. 468 с.
5. Книги кирилловского шрифта XVI – начала XX в. в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь: альбом-каталог. Минск: Белпрінт, 2012. 168 с.
6. Кніга Беларусі XIV–XVIII стагоддзяў // Нацыянальная бібліятэка Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. 2017. Рэжым доступа:

http://belbook.nlb.by/exhibits/show/kutein_press/kutein_books_nbb. Дата доступа: 28.11.2017.

7. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры. 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 // Нац. правовой Интернет-портал РБ, 02.08.2016, 2/2412. [Электронны рэсурс]. 2016. Рэжым доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=Hk1600413#load_text_none_1. Дата доступа: 12.12. 2017.

8. *Мартыненко, И. Э.* Понятие «книжные памятники» в законодательстве Республики Беларусь об охране историко-культурного наследия // Вестник БАЕ. 2015. № 2. С. 73–74.

9. Музей Беларусі. Даведачнае выданне. Мінск: Беларуская энцыкл., 2008. 560 с.

10. Музей-бібліятэка Сімёона Полацкага // Нац. гіст.-культ. музей-запаведнік [Электронны рэсурс]. 2015. Рэжым доступа: <http://simeon.polotsk.museum.by/>. Дата доступа: 12.12.2017.

11. Музейная скарбница // Нац. гіст. музей Рэспублікі Беларусь. [Электронны рэсурс]. 2017. Рэжым доступу: <http://histmuseum.by/by/collections/>. Дата доступу: 23.12.2017.2017.

12. Музейны збор // Нац. гіст. музей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. 2017. Рэжым доступа: <http://histmuseum.by/ru/collections/museum-collection/>. Дата доступа: 16.12.2017.

13. *Рошчына, Т. І.* Перамешчаныя беларускія кнігазборы. Старадрукі з беларускіх гістарычных калекцый у сховішчах памежных краін // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / НББ; склад.: Л. Г. Кірухіна, Т. І. Рошчына. Мінск, 2006. Вып. 8. 275 с.

14. *Рошчына, Т. І.* Нацыянальны фонд кніжных помнікаў Беларусі ў адзінай інфармацыйнай і культурнай прасторы краіны // Мат-ы III Міжнарод. Кнігазнаўчых чытанняў “Кніга Беларусі: Повязь часоў” (Мінск, 16–17 вер. 2003 г.). Мінск, 2005, С. 15–21.

15. Рукапісы і старадрукі // Магілёўскі абласны краязнаўчы музей. [Электронны рэсурс]. 2016. Рэжым доступа: <http://mogilewmuseum.by/kalekcyi/>. Дата доступа: 16.12.2017.

16. Старопечатные книги кирилловской печати в музеях Беларуси: каталог / Государственный музей БССР. Минск: Полымя, 1985. 54 с.

17. *Суша, А.* Кніжная спадчына Беларусі ў зборах Нацыянальнай бібліятэki Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 12. С. 8–13.

18. Франциск Скорина и его время: Энцикл. справочник / Белорус. Сов. Энцикл.; Редкол. И. П. Шамякин (гл. ред.) и др. Минск: БелСЭ, 1990. 631 с.

19. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 5. М–Пуд / Бел. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1999. 592 с.

Вечерко Виталий Юрьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Одним из важнейших этапов становления национальной культуры и самосознания белорусского народа было XVI столетие – эпоха отечественного Возрождения. У истоков отечественной возрожденческой гуманистической мысли и национального самосознания стоял выдающийся белорусский мыслитель, основоположник восточнославянского книгопечатания, переводчик Библии Франциск Скорина.

Франциск Скорина – видный представитель национальной и политической мысли эпохи Возрождения. Он известен не только как первый белорусский книгопечатник, но, прежде всего, как великий гуманист, философ, писатель, просветитель, деятельность которого содействовала консолидации белорусской народности.

Источником политico-правовых воззрений Ф. Скорины являются предисловия и послесловия о политике, праве, законодательстве к изданным им книгам – Библии, «Псалтырю», «Малой подорожной книжице». Будучи деятелем эпохи Возрождения, Ф. Скорина развивал теорию естественного права и договорного происхождения государства. Под естественным правом понималась совокупность вечных и неизменных принципов права, ценностей, которые происходят из самой природы человека [10, с. 377].

В отличие от средневековых теологов, которые с помощью естественного права стремились обосновать справедливость и нерушимость существующих феодальных порядков, а подчинение, насилие и эксплуатацию объявляли соответствующими природе человека, Ф. Скорина считал, что природе человека соответствует взаимная любовь и согласие. Желание Ф. Скорины построить естественно-правовую теорию на моральных принципах раннего христианства показывает его близость к идеям и ценностям Реформации, которая началась в Европе [10, с. 377].

Ф. Скорина предложил свою собственную классификацию права, которая наиболее полно отражена в предисловии к книге «Второй закон Моисеев». По его мнению, право делится на естественное и писаное. Естественное право (Ф. Скорина называет его «при рожденным») заложено в самой сущности человека. Оно одинаково для всех людей, присуще каждому и не зависит от места и времени. Человеку от рождения даются основополагающие морально-правовые понятия, которые издревле живут в его сердце и разуме. На основе этих норм естественного права должна строиться система норм писаного права – действующего законодательства. При этом естественное право выступает основным, исходным по отношению к писаному. Естественный закон, по Ф. Скорине, предшествует писаному и исторически.

Писаное право Ф. Скорина делил на божественное, церковное (каноническое) и земское. Нормы божественного права содержатся в книгах Ветхого и

Нового Завета. Эти нормы являются синонимами воли Божьей. Поэтому заслуживает осуждения, по мнению Ф. Скорины, не только тот, кто не подчиняется Божьей воле, но и тот, кто не знает её предписаний. В предисловии к Библии Ф. Скорина писал: «В этой книге содержатся все законы и права, которыми люди должны руководствоваться на земле».

Каноническое право – это каноны (постановления), принятые церковной властью. Церковное и земское право объединяет то, что их источником является воля человека. По мнению В. Конона, мыслитель в соответствии с духом эпохи, которая не знала отделения церкви от государства, придавал религиозным предписаниям некий нормативный и общеобязательный характер [6, с. 100].

В земском праве Ф. Скорина выделял посполитое право, которое включало в себя нормы гражданского права и семейного, а также международное право, государственное, уголовное, военное, городское, морское и торговое. Предложенная им классификация права содействовала развитию не только теоретических взглядов о праве, она также использовалась в деятельности юристов-практиков. Так, при создании первого систематизированного свода законов ВКЛ – Статута 1529 года – была использована классификация права, предложенная Ф. Скориной.

Ф. Скорина высказывал свои взгляды по поводу одного из важнейших вопросов уголовного права - цели уголовного наказания. С одной стороны, это устрашение преступника, с другой стороны, она выполняет воспитательную функцию: предупреждает лиц, способных совершить преступление.

Ф. Скорина в своих комментариях к Библии много внимания отдал проблемам брака, семьи, воспитания детей, положению женщины в семье и обществе. Раскрывая содержание брака, Ф. Скорина подчеркивал, что в основе его лежит «мужа и жены почтивое случение, детей пильное выхование». В такой трактовке брак рассматривался как высшая ценность – гармоничная форма регулирования отношений между мужчиной и женщиной, обеспечение целей воспитания детей, а не уступка греховной сущности человека. Отход от традиционализма Средневековья проявляется и в отношении гуманиста к женщине. Это прослеживается на примере Юдифь, которая рассматривается Ф. Скорины как образец глубокой гражданственности, патриотизма: «жену сию преславную перед очима имеюще, в хороших делах и в любви ойчины не только Комментарии жены, но и Мужи наследовали». Ф. Скорина обращался к семейному праву как к отдельной институции и, предложил свою классификацию права на естественное и писаное, а писаное – на божественное, церковное и земское, семейное право отнес к земскому, тем самым подчеркивая его светский характер.

Взгляды Ф. Скорины на государство и право соответствовали своему времени, что свидетельствует о фундаментальных знаниях мыслителя, который соотносил своё видение устройства общества с достижениями, существующими в европейских государствах. Это прослеживается в идеях Ф. Скорины об устройстве государства, где основное место отводится закону и праву.

Ф. Скорина был первым белорусским мыслителем, который поставил и рассмотрел проблему соотношения закона и права. Под правом он понимал систему раннехристианских моральных норм, которые создали идеал права – право естественное. Он стремился выявить его сущность и считал, что совершенному в интеллектуальном и моральном смысле человеку законы не нужны, он руководствуется естественным законом. Человек изрвле сам себе и моральный, и юридический судья, способный отличить добро от зла. Это перекликается со взглядами античных философов, в частности, Аристотеля.

В то же время Ф. Скорина хорошо понимал необходимость права в условиях общества. Закон должен служить общему добру и основываться на морали, справедливости и человеколюбии. Именно на основе этих принципов и должны формироваться юридические законы, осуществляться правосудие, государственное управление и политика. Закон должен быть пригодным для управления, полезным для населения и соответствовать обычаям, времени и мести.

Важно также отметить, как Ф. Скорина рассматривал социальную структуру общества. Он считал необходимым улучшить отношения между различными слоями населения. Поскольку в обществе существуют разные сословия, заботой монарха должно быть регулирование их отношений с помощью законов. Создание таких законов является главной обязанностью правителя государства. Примером мудрого устройства государства для Ф. Скорины служили античные создатели законов. Ф. Скорина верил в совершенство правового государства, в равенство и социальную справедливость. Служение обществу Ф. Скорина сравнивал со служением Богу. Человек, по мнению Ф. Скорины, наивысшая ценность.

Установление в обществе законности и правопорядка зависит от тех, кому суждено быть монархом, правителем, и чья жизнь и деятельность должна служить примером для народа. Примерами хороших правителей он считал Соломона, Птолемея, Солона, Ликурга и других древних правителей и философов-законотворцев. Правитель должен быть набожным, мудрым и справедливым, образованным, добрым и чутким к своим подданным. И главное – государь должен управлять государством в строгом соответствии с законами, следить за справедливым осуществлением правосудия. В то же время, он должен быть сильным и грозным, уметь в необходимых случаях защитить свой народ. Ф. Скорина считал просвещённую, гуманную и сильную монархию лучшей формой правления, а просвещённого монарха – тем руководителем, который может заслужить уважение и любовь граждан, наилучшим образом устроить жизнь народа.

Ф. Скорина также развивает идею общественного договора, в осуществлении которого видит основу социальной гармонии в обществе. Нарушение договора, по мнению Ф. Скорины, ведет к дисгармонии, разжигает враждебность между людьми.

Таким образом, Ф. Скорина, являясь сыном своей эпохи, обосновал идеальную модель государственно-правового устройства общества. Большое внимание Ф. Скорины к вопросам права, роли народа в разработке законов, идеям справедливости и равенства всех людей перед законом свидетельствует о том, что он был обеспокоен реальным положением дел на своей Родине, явлениями социальной дискриминации, феодальной анархии и произвола. Идеи Ф. Скорины, касающиеся совершенного правового государства, равенства и социальной справедливости между людьми и просвещённого монарха, являются передовыми для своего времени. Духовное наследие Ф. Скорины было осмыслено и развито последующими поколениями белорусских мыслителей и гуманистов-просветителей.

Библиографический список

1. Голубева, Л. Л. Палітыка-прававыя погляды Францыска Скарыны // Скарына і наш час: матэрыялы II міжнар. навук. канф., 16–17 мая: у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т, Рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. Гомель, 2002. Ч. 1. С. 11–14.
2. Конон, В. М. Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // Первый литовский Статут 1529 г.: материалы респ. науч. конф., посвящ. 450-летию Первого Статута, Вильнюс, 1982 г. / Под ред. С. Лазутко (отв. ред) [и др.]. Вильнюс, 1982. С. 99–102.
3. Матарас, В. Н. Политико-правовые идеи Франциска Скорины // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурок развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму: (да 480-годдзя прынядця) : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэд. Н. В. Баярава. Мінск, 2009. С. 61–64.
4. Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя; Рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1988.
5. Юх, Я. Скарына і прававая культура Беларусі // Спадчына. 1989. № 2. С. 52–54.

Воднева Елена Викторовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Ф. В. БУЛГАРИН О ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ 1810-х – НАЧАЛЕ 1830-х гг.

Фаддей Венедикович Булгарин (1789–1859) известен как основатель первой в Российской империи частной газеты «Северная пчела», талантливый писатель и журналист. Его богатое печатное наследие включает не только знаменитые исторические романы и нравоописательные очерки, но и многочисленные аналитические записки в III отделение Собственной Его Император-

ского Величества канцелярии (далее с.е.и.в.к.). Так называемые докладные записки содержали размышления автора по самым разнообразным вопросам жизни российского общества.

Уроженец Минской губернии, выходец из уважаемого шляхетского рода, представители которого занимали самые высокие государственные должности в Речи Посполитой, сын участника восстания Т. Костюшки, названный в его честь Тадеушем и лишь в русском обществе трансформировавшийся в Фаддея, в юности мечтал о восстановлении польской государственности [10, с. 8–9]. За воплощение в жизнь своей мечты он боролся с оружием в руках в составе наполеоновских войск в 1811–1813 гг. [9, с. 18–19]. Несмотря на то, что с течением времени Булгарин изменил свои взгляды по этому вопросу, темы польской государственности, деятельности различных лиц и организаций на территории Великого Княжества Литовского – всегда являлись основными в его рефлексии.

Особенно Ф. Булгарина волновала судьба Виленского университета, его преподавателей и студентов. В докладных записках в III отделение с.е.и.в.к. он в первую очередь рассматривал наиболее острые вопросы, касающиеся финансовой ситуации, студенческих объединений и университетской автономии.

Отметим, что с преподавателями и студентами Виленского университета Булгарин был связан личными дружескими отношениями. На протяжении 1815–1819 гг. Булгарин управлял имением своего дяди под Вильней и публиковался (в основном анонимно на польском языке) в виленских периодических изданиях «Dziennik Wileński», «Tygodnik Wileński», «Wiadomości Brukowe». Интенсивно общался с местными литераторами и преподавателями Виленского университета, входившими в Товарищество шубравцев («бездельников»; 1817–1822). В начале 1819 г. Булгарин стал даже его почётным членом, а после отъезда из Вильны поддерживал с шубравцами тесные контакты [8, с. 50–53].

В первой четверти XIX в. Виленский университет стал средоточием образовательного и научного потенциала белорусско-литовских губерний. Университет состоял из 4 факультетов, а также включал агрономический институт, химическую лабораторию, ботанический сад и некоторые другие структурные подразделения [11, с. 82].

Финансовое состояние и материальное положение Виленского университета обеспечивались благотворительными взносами (фундшами) и годовым доходом. Совет университета, состоявший из деканов 4 факультетов, утверждал бюджет. Ректор, который избирался на три года, по итогам своей деятельности должен был отчитываться перед советом, в том числе и за университетские расходы [1, с. 240].

После отстранения князя А. Чарторыйского от должности попечителя Виленского учебного округа его должность в 1824–1831 гг. занимал сенатор Н. Н. Новосильцев (1761–1838). На должности деканов им были назначены, по мнению Булгарина, «люди безгласные», которые составили новый Совет университета. Лучшие профессоры – И. Лелевель, Ю. Голуховский, И. Данилович, М. Бобровский – были отстранены от преподавания и высланы из Вильно по обвинению в распространении революционных идей. Данное решение было принято

Комитетом для рассмотрения дела о беспорядках в Виленском университете (в него входили А. А. Аракчеев, Н. Н. Новосильцев, А. С. Шишков) [1, с. 240].

Однако Ф. Булгарин считал истинной причиной отставки известных учених то, что названные преподаватели, особенно И. Лелевель, сопротивлялись вмешательству попечителя во внутренние дела университета, в том числе финансовые вопросы [3, с. 355]. В подтверждение их невиновности Булгарин приводит тот факт, что Ю. Голуховскому и И. Лелевелю позже предложили вернуться в университет, от чего они отказались, а И. Данилович стал профессором Харьковского университета [1, с. 240].

Н. Н. Новосильцев на своем посту попечителя получил свободный доступ к бюджету университета, монополизировал его финансовое развитие и в итоге «ограбил университетские фундуши» [3, с. 351]. В записках III отделению Булгарин указывал на факты использования средств университета попечителем округа на личные нужды. В частности, последний финансировал из университетского бюджета собственное проживание в Вильно и многочисленные поездки [1, с. 241]. Для того, чтобы в отчетах скрыть собственные «злоупотребления и обращение денег на другие предметы», Н. Н. Новосильцев неоднократно распоряжался о проведении в университете мелких ремонтов, в ходе которых легко было скрыть значительные расходы [1, с. 241].

По мнению Ф. Булгарина, названные мероприятия Н. Н. Новосильцева поддерживали и другие представители элиты Царства Польского, также замешанные в финансовых махинациях: глава цензуры и директор училищ Ю. Шанявский, профессор Виленского университета А. Э. Цинзерлинг, директор полиции и почт А. Суминский, министр просвещения С. Грабовский, министр финансов Ф. К. Любецкий [3, с. 355]. Сам Н. Н. Новосильцев на посту попечителя Виленского университета, по выражению Булгарина, «составил особый удел в империи» [1, с. 241].

В 1824 г. ректором был назначен профессор В. В. Пеликан (1790–1873), который оставался на этом посту до закрытия университета в 1832 г. В 1826 г. Пеликан получил статус пожизненного ректора. Сблизившись с Н. Н. Новосильцевым, он стал его доверенным лицом. Ректор поощрял доносительство на преподавателей и студентов, позже организовал ряд громких политических дел в Виленском учебном округе. Назначение 34-летнего хирурга «пожизненным ректором», Булгарин считал нарушением устава не только Виленского университета, но и уставов «всех университетов в мире», что возмущало его до глубины души [1, с. 240].

В период своего ректорства В. В. Пеликан «выигнал лучших профессоров» и открыл новые вакансии, на которые назначил своих родственников [3, с. 351]. Один из них стал «экспедитором элементарных книг». В его обязанности, которые ранее выполнял сторож (!), входило «прикладывание печати» к посылкам с книгами для школ учебного округа. Издатели должны были выплачивать экспедитору по 20% от проданных книг. Ф. Булгарин подсчитал, что годовой доход экспедитора составлял около 4000 рублей [1, с. 241].

Для погашения собственных многочисленных долгов В. В. Пеликан, как и попечитель, использовал университетский бюджет. Он распоряжался закупать дешевую низкокачественную студенческую форму, брал высокую плату за аренду университетских имений [1, с. 241]. За годы своего ректорства В. В. Пеликан привел в упадок не только научный, но и материальный фундамент университета [3, с. 351].

В своих аналитических записках Ф. Булгарин также поднимал вопрос об университетской автономии. В 1831 г. он неоднократно писал о необходимости возвращения Виленскому университету прав, полученным им по уставу 1803 г. Речь шла о выборности профессорско-преподавательского состава, ректора и деканов факультета, коллегиальном управлении и самостоятельном решении вопросов внутренней жизни университета. Особенно Ф. Булгарин настаивал на ликвидации статуса пожизненного ректора и избрании на эту должность более достойного кандидата. Кроме того, он считал необходимым вернуть преподавание польской истории в университет, что было запрещено Н. Н. Новосильцевым [3, с. 351].

Несмотря на вышеназванные проблемы в 1820-е гг. Виленский университет был крупнейшим в России и Европе, превзойдя в 1823 г. по числу студентов не только Московский и Петербургский, но и Оксфордский университет [11, с. 82].

На период конца 1810-х – начала 1830-х гг. приходится пик развития общественных объединений, участниками которых были преподаватели и студенты Виленского университета.

В 1816 г. при университете было создано легальное общественное объединение – Товарищество шубравцев, ядро которого составили преподаватели университета. В него также входили ученые и литераторы. Товарищество издавало еженедельную газету «Wiadomosci brukowe» («Уличные известия») [9, с. 19].

Во время пребывание в Вильно в 1818–1819 гг. молодой Фаддей Булгарин посещал лекции в знаменитом университете. Здесь он познакомился с профессором А. Снядецким, библиотекарем К. Контрымом и еще некоторыми литераторами. В 1819 г. по рекомендации одного из шубравцев и своего знакомого – учителя Виленской гимназии – И. Шидловского [8, с. 59] он был принят в товарищество. Однако, сыграть активную роль в жизни шубравцев Булгарину не удалось, в том же 1819 г. он переехал в Петербург. Несмотря на краткое знакомство с товариществом, с некоторыми из его членов он поддерживал дружеские отношения на протяжении всей жизни.

Шубравцы призывали польское общество к нравственному обновлению. На страницах своей газеты они высмеивали вредные привычки, азартные игры и фанфаронство, взяточничество и писали об этом «под вымышленными именами <...>, с переном действия на Луну, в Китай или Японию» [2, с. 137]. «Шубравец» по-польски означал «бедняк, бродяга», что подчеркивало литературно-шуточный характер товарищества. Особой критике и высмеиванию подверглось распространившееся тогда среди шляхты земель бывшей Речи Посполитой масонство, получившее у шубравцев название «Рурового сотоварищества». Речи, которые произносились в масонских ложах, стали предметом па-

родий «*Wiadomosci brukowe*». Церемониал масонских обрядов комически обыгрывался в ритуале приема членов и заседаний товарищества [2, с. 137].

Шубравцы не должны были играть в азартные игры и принадлежать к масонским ложам. Каждый из членов товарищества предоставлял один раз в месяц статью для «*Wiadomosci brukowe*», а также должен был соблюдать «шубравский секрет» (пародия на масонский секрет): не разглашать авторство статей, опубликованных в «*Wiadomosci brukowe*» [2, с. 137].

В политическом отношении шубравцы подчеркивали свою приверженность российскому правительству и монархической форме правления, осуждали польский национализм [2, с. 137]. Одновременно критиковали такую правительственную меру, как рекрутские наборы и сопровождавшие их злоупотребления и нарушения [2, с. 138].

Первоначально местные власти не увидели в деятельности общества ничего противозаконного. Устав товарищества неоднократно публиковался в различных журналах, в том числе в «*Tygodnik wilenski*» («Еженедельник виленский»). Сами шубравцы находились под особым покровительством литовского военного губернатора А. М. Римского-Корсакова, который курировал тематику статей «*Wiadomosci brukowe*» [2, с. 137].

Однако, в 1822 г., после запрещения в Российской империи тайных обществ, особая комиссия при правительстве Царства Польского запретила товарищество шубравцев: «общество представлено вредным, газета запрещена и собрания прекратились» [2, с. 138]. По мнению Ф. Булгарина, за запретом стоял не только сам Н. Н. Новосильцев, сколько представители местной власти (прокурор Г. О. Ботвинко, гродненский губернатор М. Т. Бобятинский и др.), на злоупотребления которых указывали шубравцы. Архив товарищества и его газеты исследовался комиссией и лично Новосильцевым, который не нашел ничего «вредного» [2, с. 138]. Запрещение общества стало также следствием усиления цензуры во всей империи.

В этом году исполнилось двести лет со дня основания ещё одной студенческой организации Виленского университета – общества филоматов. Его основали в первую очередь выходцы с территории современной Беларуси (Томаш Зан, Ян Чечот, Адам Мицкевич, Франциск Малевский, Викентий Будревич, Юзеф Ковалевский и др.) [7, с. 20]. В 1820 г. по ходатайству Т. Зана ректор университета Ш. Малевский разрешил загородные собрания студентов, которые должны были носить культурно-просветительский характер [7, с. 22]. Их участники получили название «лучистых» [7, с. 22]. Из числа последних осенью того же года было создано тайное общество филаретов. Внешне общество также носило культурно-просветительский характер, но главной целью его было восстановление Речи Посполитой [7, с. 24].

В апреле 1822 г. А. Чарторыйский создал комитет по расследованию деятельности тайных обществ. В 1823 г. сенатор Н. Новосильцев прибыл в Вильно, по его приказу было арестовано около 100 человек. В итоге 20 человек были высланы в Петербург и внутренние губернии России, наиболее активные (Т. Зан и др.) должны были подвергнуться тюремному заключению с высылкой на Урал [7, с. 58].

Для облегчения участия обвиненных членов общества Ф. Булгарин в докладных записках неоднократно подчеркивал культурно-просветительский характер общества и то, что оно не имело «возмутительной цели» [6, с. 274]. Он настаивал на том, что практической стороной деятельности филаретов была учеба и помощь отстающим и бедным студентам, а также здоровый образ жизни. В политическую же программу общества входила популяризация польской культуры и истории, сохранение польской идентичности [6, с. 274]. Кроме того, журналист стремился доказать, что общество филаретов не было тайным, а о его существовании знало не только университетское начальство, но и полиция и военный губернатор [3, с. 351].

В записках «высшей полиции» Ф. Булгарин также сообщал о злоупотреблениях (взятки и пр.) в ходе следствия над обществом филаретов. Журналист смело называл конкретные фамилии тех, кто брал взятки в ходе следствия (советник В. Лавринович, прокурор Г. О. Ботвинко, полицмейстер Вильны П. А. Шлыков). Непосредственно взяточничеством занимался поверенный Ботвинки Ицка Пилинкер [1, с. 243]. В результате были освобождены богатые студенты И. Тышкевич, В. Завадский, братья Степан и Станислав Маковецкие и еще несколько человек [1, с. 242]. Кроме Следственной комиссии, взяточничеством в ходе следствия над филаретами занимался ректор Виленского университета В. В. Пеликан, который, по выражению Булгарина, «берет деньги с родителей, а за бедных обвиненных получает кресты» [3, с. 352]. Ф. Булгарин неоднократно обращал внимание на желание следователей и обвинителей выслушаться, т.е. получить награду и повышение по службе, раскрыв «антиправительственный заговор». В результате столь усердной деятельности членов Следственной комиссии были наказаны не только участники общества, но и учащиеся школ, которые сочувствовали обвиненным студентам [3, с. 351].

Деятельность Следственной комиссии вызвала недовольство в белорусско-литовских губерниях. Произошли выступления учащихся в Крежах, Ковне, Поневеже и др. В Кейданах учащиеся расклеили листовки политического характера, содержащие угрозы убить великого князя Константина, за что были арестованы [5, с. 308]. В результате следствия учащиеся подписали чистосердечные признания [4, с. 246]. В итоге двое были сосланы на каторгу, несколько человек получили телесные наказания, школа в Кейданах была закрыта [5, с. 308].

Несмотря на репрессии российского правительства, во второй половине 1820-х годов в Виленском университете вновь появились тайные общества. В октябре 1827 г. студентами было создано общество «Приверженцы отечества, или Племя сарматов», которое ставило целью воссоздание Речи Посполитой, но общество быстро распалось. Однако надзиратель университетской полиции И. М. Пясецкий пришел к выводу, что студенты (К. Заха, А. Тржасковский, О. Гронтковский) являлись заговорщиками и намеревались убить ректора университета В. В. Пеликаны и директора Виленской гимназии К. Н. Красовского. Студенты и некоторые учащиеся гимназии были арестованы. Ф. Булгарин, ссылаясь на толки в местном обществе (подобная манера была характерна для многих его записок), доказывал, что дело сфабриковано. Журналист считал, что

местные власти хотели таким способом, во-первых, выслужиться перед императором, во-вторых, отвлечь внимание правительства от следствия по делу о взяточничестве прокурора Г. О. Ботвинко [4, с. 246].

Ф. Булгарин старался смягчить последствия сложившейся ситуации для ее участников, отвергал политический подтекст собраний студентов, подчеркивал их юный возраст и «пылкое воображение» [4, с. 247]. Он рекомендовал лишь «хорошенько посечь и заставить вдвоем учиться». Утверждал, что суровое и явно чрезмерное наказание – суд и ссылка в Сибирь – сыграют лишь против представителей российской власти, т.к. создадут вокруг студентов ореол национальных героев [4, с. 247]. Такой совет – характерный прием Ф. Булгарина, когда он заступался за своих земляков. В итоге, трех вышеперечисленных студентов по императорскому указу наказали розгами и назначали рядовыми Кавказского отдельного корпуса [4, с. 247]. Возможно, именно по совету Булгарина, военного суда над студентами не было.

Таким образом, Ф. В. Булгарина как выходца из земель бывшей Речи Посполитой постоянно волновало положение Виленского университета. Он использовал все свои возможности, чтобы раскрыть руководству III отделения с.е.и.в.к. истинную, по его мнению, ситуацию в университете, обличить взяточников и казнокрадов, отстранить их от управления университетом, привлечь к управлению достойных ученых, а также в полной мере реализовывать университетскую автономию. Журналист, знакомый лично со многими преподавателями университета, положительно отзывался о его профессуре, особенно о тех, кто отстаивал автономию университета (И. Лелевель, Ю. Голуховский, И. Данилович, М. Бобровский). Фаддей Булгарин стремился облегчить участь студентов, которые по разным причинам оказались вне политического доверия. Он резко отрицательно характеризовал деятельность попечителя Виленского университета и Виленского учебного округа Н. Н. Новосильцева и ректора В. В. Пеликаны, которые разграбили университетский бюджет и привели в упадок главный образовательный и научный центр бывшего Великого княжества Литовского. Кроме того, журналист подчеркивал, что действия перечисленных высокопоставленных лиц создали в Виленском университете атмосферу подозрительности и недоверия, которая отразилась на доверии к российскому правительству в целом, как в городе, так и во всем регионе. Все это вместе взятое усиливало антагонизм, существовавший в студенческой среде по отношению к представителям российской власти в белорусско-литовских губерниях, и являлось одной из причин активной поддержки студентами восстания 1830–1831 гг. И в конечном итоге привело к закрытию университета в 1832 г.

Библиографический список

1. *Булгарин, Ф. В. Дела виленские // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и comment. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 240–244.*

2. *Булгарин, Ф. В.* Замечания на письмо Н. Н. Новосильцева к графу А. А. Аракчееву, от 28 декабря 1824 года, с присовокуплением известий о Шубравском обществе // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 135–138.
3. *Булгарин, Ф. В.* Замечания о Польше // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 348–355.
4. *Булгарин, Ф. В.* Записки о происшествии в Виленском университете // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 245–247.
5. *Булгарин, Ф. В.* Секретная газета 20 июня 1828 года // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 306–308.
6. *Булгарин, Ф. В.* Секретная газета 9 мая 1831 г. // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 270–276.
7. *Вержбовский, Ф. К.* К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1898. 106 с.
8. *Глуиковский, П. Ф.* Булгарин: эволюция идеологических и политических взглядов. Первая половина XIX в. СПб.: Алетейя, 2013. 232 с.
9. *Рейтблат, А. И.* “Видок Фиглярин”: история одной литературной репутации // Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. Вопросы литературы. М., 2016. С. 10–40.
10. *Федута, А. И.* Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына // Булгарын Фадзей. Выбранае; уклад., прадм. і камэнтар А. И. Федуты. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. С. 5–42.
11. *Шаршунов, В. А.* Высшее образование на белорусских землях Виленского учебного округа // Вестник Брестского гос. технич. ун-та. 2008. № 6. С. 82–84.

Высоцкая Екатерина Игоревна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЭВОЛЮЦИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905–1907 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В конце XIX – начале XX в. происходит становление и трансформация политического сознания в общественной среде Российской империи. Революционные события 1905–1907 гг. отразились на каждой социальной категории

населения. На территории Беларуси проживал многонациональный состав населения, который под влиянием революционной волны в центральной части Российской империи вступил в революционную борьбу [5, с. 13]. Студенческая молодёжь, как часть национальной элиты, реагировала на общественные волнения и мероприятия российского правительства в ходе революции. Анализируя материал, касающийся участия студентов в революционном движении, нельзя говорить о полной вовлеченности студенчества в революционный процесс. Скорее, студенческие настроения зависели от хода революционных событий 1905–1907 гг. Однако, воспринимая студенческую среду, как фактор формирования интеллектуальной элиты общества, участие студентов в революции 1905–1907 гг. заслуживает отдельного изучения и рассмотрения.

В Беларуси в указанный период высших учебных заведений не было и молодёжь могла получить высшую квалификацию только в университетах России, Украины, Польши и Прибалтики [2, с. 414]. К началу XX в. на территории Беларуси наиболее распространены были средние учебные заведения. В 1905 г. их насчитывалось: 10 мужских и 12 женских гимназий, одно коммерческое, 5 реальных училищ, одна прогимназия, а также 16 мужских и 47 женских приватных учебных заведений. Количество обучающихся составило 22 810 человек [2, с. 410]. Министерство просвещения, принимая во внимание разнородность населения империи, находило пути по минимизации волнений на почве притеснения со стороны правительства национальных меньшинств. В своём докладе министр просвещения И. И. Толстой отметил важность преподавания литовского и польских языков в учебных заведениях (начальных двухклассных и городских училищах) на территории Виленской, Kovенской и Гродненской губерний [7, с. 88]. Однако, с решением данного вопроса не торопились. Замешательство по введению обучения на местных языках в указанных губерниях всецело лежало на генерал-губернаторах, т.к. именно они должны были всецело подготовить отзывы касательно данных мероприятий.

С началом революции студенты включились в процесс политических волнений. Январские события 1905 г. вызвали волну закрытий некоторых учебных заведений, а каждое поступавшее ходатайство на открытие учебного заведения рассматривалось по особому обсуждению правительства [6, с. 54]. 26 января 1905 г. прошла антиправительственная манифестация студентов в Вильно с воззваниями об установлении демократической республики. Прокламации, имевшиеся у молодёжи, отпечатаны были на русском и еврейском языках. Появление полиции на месте манифестации разогнало протестующих, большинство которых составляли девушки [6, с. 33–34]. В Могилёве прошла демонстрация учащихся гимназии, реального училища и фельдшерской школы. В ходе демонстрации прошли столкновения и перестрелка, а при задержаниях ранены были двое учащихся реального училища [6, с. 31].

В феврале 1905 г. в учебных заведениях Минска прошли срывы занятий учащимися коммерческих и городских училищ. Бастовали учащиеся Минской мужской гимназии, студенты духовной семинарии, студентки Минской жен-

ской гимназии и т.д. [6, с. 139–149]. Из донесения попечителя Виленского учебного округа В. А. Попова, молодёжь срывала занятия в связи с политической демонстрацией и забастовкой учащихся средних учебных заведений. Но, например, ученики Минского реального училища отказались принимать участие в срыве занятий и настояли на продолжении учебного процесса. В Минской мужской гимназии ученики старших классов срывали занятия. Преподаватели гимназии настояли о прекращении занятий до 21 февраля, по примеру других учебных заведений Минска. Февральские события 1905 г. подчёркивают нестабильность революционной ситуации в Минске. Важнейшим требованием студентов являлось ликвидация самодержавия, которое неспособно удовлетворить “нужды учащихся”, а также ввести “академические свободы” [6, с. 142]. Все требования учащихся представленные директорам остальных учебных заведений на территории Беларуси носили идентичный характер. Отдельно студентами поднимался и национальный вопрос. Требованием выступало изучение родного языка и религиозных учений, по усмотрению учащихся. Постановка подобных вопросов, отмечается присутствием на студенческих собраниях и сходках членов социал-демократической партии, которые в свою очередь, были заинтересованы агитацией молодёжи в ряды партии и распространением волнений среди учащихся. Таким образом, можно говорить о явном следе социалистов-революционеров в студенческих беспорядках. Идея, которой следовали агитаторы, заключалась в объединении в общей забастовке студентов и рабочих.

Реакция местных властей, обеспокоенных студенческими волнениями февраля 1905 г. на улицах города, не была жёсткой. Были приняты меры по очистке улиц Минска около мужской гимназии с помощью полиции и казаков. Также учащиеся некоторых заведений получили разрешение от директоров на проведение собраний непосредственно в учебных корпусах, где обсуждались и составлялись резолюции и требования. На уровне начальника губернии было создано совещание с директорами учебных заведений. Для конструктивной оценки ситуации в Минской губернии был командирован окружной инспектор учебного округа. Совещание постановило принятие воспитательных мер классными надзирателями, а также возобновление занятий 21 февраля 1905 г.

С начала весны 1905 г. революционное движение затихает и фактически все силы направлены на организацию выступлений в связи с празднованием 1 мая. В студенческой среде наблюдается лишь участие молодёжи в антиправительственных манифестациях и беспорядках. 1 мая 1905 г. Комитет министров принимает Положение в отношении девяти западных губерний, во избежание массовых первомайских выступлений на окраинах империи. Одним из пунктов Положения является решение о преподавании в учебных заведениях на польском и литовских языках [4, с. 48–51]. Однако, это решение не повлияло на проведение в Витебске антиправительственной демонстрации молодёжи (около 500 человек), из которых 88 было задержано по данным начальника Витебского губернского жандармского управления полковника Ламзина [6, с. 204].

Летом 1905 г. в Беларуси прошла череда демонстраций с участием студенческой молодёжи, направленных против репрессий участников революционных движений, а также в память жертв “кровавого воскресенья” и полугодия начала революции [2, с. 317].

Всеобщая октябрьская политическая забастовка в Беларуси сопровождалась не только остановкой деятельности промышленных и торговых предприятий, но и учебных заведений. В Минске забастовку начали учащиеся коммерческого училища и женской гимназии. На собрании рабочих и учащихся у здания коммерческого училища была разработана резолюция рабочих и зачитано письмо гимназистов о солидарности в борьбе рабочих за политические свободы, и совместную борьбу в достижении поставленных целей [3, с. 424–425]. Классическая гимназия и коммерческое училище в Минске объявили об уничтожении самодержавия, а 11 и 12 октября состоялись собрания учащихся мужской и женской гимназий, коммерческого училища, где огласили 14 октября о проведении забастовки, о чём информировал прокурор Минского окружного суда [6, с. 270]. В Орше и Слуцке агитаторы и зачинщики беспорядков препятствовали проведению занятий в гимназиях, в Орше потребовалось присутствие войск [6, с. 276]. Инспектор Оршанского городского училища, в донесении директору народных училищ Могилёвской губернии сообщал, что занятия в училище приостановлены. Старшие ученики в ходе усмирения учеников младших классов, приняли решение бастовать 14 октября на фоне всеобщей городской забастовки, не выдвигая никаких требований. В Могилёвской и Ковенской гимназиях учениками было объявлено о прекращении занятий на несколько дней. В Пинском реальном училище и в Оршанской гимназии продолжались занятия, по данным попечителя Виленского учебного округа [6, с. 279]. Педагогический совет Витебской гимназии принял решение о прекращении занятий ввиду городских беспорядков. Учащиеся были встревожены событиями, и явно выражали обеспокоенность за свои жизни. Гимназия прервала работу 18 октября, а 19 числа при закрытых дверях возобновились занятия, но неуправляемая городская толпа ворвалась в здание с оружием и угрозами требовала прекращения занятий. В ходе событий дирекция гимназии пришлось освободить учеников от занятий [6, с. 287–289].

События расстрела мирной демонстрации в Минске 18 октября и Витебске отразились в волнениях в учебных заведениях. Были прекращены занятия в Витебских городских и еврейских училищах, прерваны занятия в брестских гимназиях. Мозырьская прогимназия стала ареной революционных митингов [6, с. 293]. Слуцкая гимназия была закрыта в ходе бушующих городских беспорядков, а в Полоцке почти на неделю были прекращены занятия в женской гимназии. По сообщению попечителя Виленского учебного округа, революционные и социалистические организации блокировали подступы к гимназии и угрозами воспрещали проведение занятий. Погромы, буйствовавшие до 25 октября в городе не давали возможности возобновить учебный процесс [6, с. 299–300]. В Слуцке учениками старших классов классической гимназии были пре-

крашены занятия, но младшие классы продолжали свою работу. Этот факт вызвал недовольства и беспорядки в гимназии со стороны старших классов. Во дворе гимназии на собрании, где присутствовали и посторонние, было принято решение о возобновлении учебного процесса только в случае восстановления отчисленных учеников в ходе беспорядков. Гимназия на время становилась ареной бесчинств [6, с. 300]. Весь октябрь 1905 г. отмечен политическими манифестациями. В ряде городов: Минске, Мозыре, Гомеле, Витебске и др., во многих уездах Беларуси прошли акции протesta с лозунгами «Долой самодержавие» с сопровождением оружейных залпов. Подобные массовые забастовки прошли в Слуцке, Несвиже, Копыле, но были успешно ликвидированы присутствием военной силы в городах [6, с. 300–302]. Таким образом, огласив Манифест 17 октября и даря свободы, но ограничивая их постоянным надзором со стороны правительства, Всероссийская октябрьская стачка была прекращена.

К концу осени – началу зимы 1905 г. революция собирала последние силы для реванша. Главная задача стояла в подготовке вооружённого восстания и вступление в политическую борьбу солдат и военных. Декабрьская всеобщая политическая забастовка в Москве также отразилась на выступлениях по всем городам Российской империи. [1, с. 72]. На территории Беларуси забастовку начали железнодорожники. В Пинске, Орше, Барабовичах и других городах железнодорожное сообщение было блокировано рабочими станций. Декабрьская забастовка прошла волной в 17 городах и местечках Беларуси [2, с. 326]. Студенты Гродненской мужской гимназии в своей резолюции объявили о присоединении к всероссийской политической забастовке. Ученики 4-х классов гимназии отметили свою солидарность с революционным городским и сельским пролетариатом и объявили о прекращении занятий, в связи с присоединением к забастовке.

Декабрьские события 1905 г. способствовали началу обсуждения вопроса о выборах депутатов и созыва Государственной думы Российской империи. После подавления вооружённых волнений на территории империи в декабре 1905 г., правительство приняло решение о выборах в Думу. Этот шаг также был рассчитан на отвлечение общества от революционной борьбы [1, с.73]. Начало выборов в Думу было запланировано на март 1906 г. Данные мероприятия правительства выразились в череду недовольств со стороны учащейся молодёжи. В день открытия Государственной думы, ученики старших классов Пинского реального училища сорвали занятия, а также агитировали на подобные действия учениц Пинской женской гимназии в знак протеста открытия Государственной думы. По факту этих событий попечителем Виленского учебного округа было проведено расследование. В Минске студенты городских учебных заведений провели тайное собрание в доме мещанки Левиной, по доносу минского губернатора в Департамент полиции. В незаконном собрании участвовало около 50 человек молодёжи местных учебных заведений. По информации, на месте собрания были обнаружены прокламации РСДРП с призывом «К учащимся» [6, с.626]. Эти студенческие волнения стали последними

в ходе революции 1905–1907 гг. на территории Беларуси. Политические выступления в виду полицейского и военного натиска происходили реже, в последние месяцы 1906 г. их было всего три. В начале 1907 г. революционная борьба рабочих носила экономический характер [6, с. 337]. К моменту отступления революционной борьбы волнения в студенческой среде также шли на спад и носили единичные случаи выступлений.

В ходе революции учащихся и студентов невозможно выделить в отдельную силу противостояния российскому правительству. Солидарность в выступлениях с рабочими выражалась, в основном, в срыве учебного процесса и участием в городских манифестациях. На территории Беларуси в ходе революционных событий, только в октябре 1905 г. наблюдаются массовые волнения среди учащихся. Студенческая молодёжь не имела единого взгляда на программу реформ в системе образования и в своих выступлениях являлась, лишь инструментом в руках агитаторов со стороны социалистов-революционеров и РСДРП. Таким образом, студенческие выступления на территории Беларуси носили забастовочный характер без определённой системы взглядов на преодоление политического и социального кризиса в Российской империи.

Библиографический список

1. *Бовыкин, В. И.* Революция 1905–1907 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 95 с.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2007–2011 Т. 4. 2007. 519 с.
3. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1953. Т. 3. 1018 с.
4. Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Пр. сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указ. / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб.: Изд. Юрид. книжн. склада «Право». 1909. 1018 с.
5. *Лукъянов, Е. П.* Революция 1905–1907 гг. в Белоруссии. Минск: Госиздат БССР, 1954. 56 с.
6. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: Док. и мат-лы / Ин-т истории Акад. наук БССР, Арх. упр. БССР. Минск: Изд-во АН БССР, 1955. 745 с.
7. Совет Министров Российской империи, 1905–1906 гг.: Док. и мат-лы; редкол.: С. С. Атапин [и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1990. 473 с.

Вяршок Ірына Леанідаўна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ТРАДЫЦЫИ ВЫВУЧЭННЯ ФАКТАРАЎ
ПРАВАЎТВАРЭННЯ ЯК ПЕРАДУМОВЫ ВЫСОКАЙ ЯКАСЦІ
НАРМАТЫЎНАГА ПРАВАВОГА АКТА**

Пытанні павышэння якасці нарматыўных прававых актаў і эффектыўнасці іх рэалізацыі ў сучаснай навуцы разглядаюцца ў розных напрамках, адзін з каторых прадстаўляе сабой вывучэнне генэзіса і дзейнасці права як спецыфічнага сацыяльнага інстытута, які развіваецца па сваіх аб'ектыўных законах. Дарэчы, такое вывучэнне адбываецца па-рознаму, напрыклад, шляхам увядзення ў навуковы абарот тэрміну “праваЎтварэнне”, які зараз усё часцей уключаецца ў катэгарыяльны апарат такіх навук, як агульная тэорыя права, сацыялогія права і, нават, канстытуцыйнае права.

Тэрмін “праваЎтварэнне” па свайму значэнню ахоплівае найважнейшыя працэсы фарміравання права як сацыяльнага інстытута. Гэтыя працэсы знаходзяцца ў цесным узаемадзеянні з рознымі, не юрыдычнымі па сваей прыродзе, сацыяльнымі інстытутамі як фактарамі праваЎтварэння. У якасці прыклада можна назваць такія фактары, як сацыяльна-эканамічнае і дэмографічнае становішча, нацыянальная структура грамадства, змест і дынаміка палітычнай і агульной культуры, развіццё грамадской думкі і іншыя. У выніку глыбокага даследвання працэсу і фактараў праваЎтварэння дзейнасць па фарміраванню прававой нормы звязваецца не столькі з падрыхтоўкай новай нормы права дзяржавай у выглядзе спецыяльных органаў і службовых асоб, колькі ў кантэксце развіцця ўсяго грамадства ў пэўны гістарычны час і на канкрэтнай тэрыторыі. Дакладнае вывучэнне сучасных сацыяльных адносін у розных сферах, фарміравання грамадской думкі і канкрэтных сацыяльных патрабаванняў у працэсе праваЎтварэння дае магчымасць значна ўдасканаліць нарматворчую дзейнасць кампетэнтных органаў і службовых асоб.

Трэба адзначыць, што гістарычныя прадумовы сучаснага вывучэння працэсу праваЎтварэння і фактараў, якія ўплываюць на яго, былі закладзены і атрымалі тэарэтычнае аргументаванне яшчэ ў перыяд развіцця беларускай палітыка-прававой думкі сярэднявечча. Магчыма, факт таго, што пры падрыхтоўцы Статута ВКЛ 1529 г. адбывалася вельмі падрабязнае вывучэнне фактараў праваЎтварэння, паўплываў на высокую якасць гэтага нарматыўнага прававога акта і наступных статутаў.

У сувязі з гэтым справядліва ўзнікае пытанне аб тым, хто ў той час займаўся пошукам фактараў праваЎтварэння, на падставе якіх тэарэтычных высноў гэта адбывалася і якім з гэтих фактараў надавалася найбольш важнае значэнне. Адказы на гэтыя пытанні павінны быць знайдзены на аснове глыбокага гісторыка-прававога вывучэння, сістэмнага аналізу ідэй палітыка-прававой думкі ў якасці ідэалагічнага кантэкста фарміравання канкрэтнай

прававой нормы, раскрыцца зместу прававой нормы на фоне прававой культуры таго часу.

На першас пытанне можна паспрабаваць адказаць, спасылаючыся на гістарычныя даследванні, у якіх сцвярджаецца, хто на самой справе ўдзельнічаў у падрыхтоўцы беларускіх крыніц пісанага права, у тым ліку і першага Статута ВКЛ, а гэта значыць чыя права свядомасць атрымала сваю аб'ектывізацыю ў гэтым прававым акце. Так, у навуковай літаратуры было выказаны аргументаванае меркаванне, што Францыск Скарына непасрэдна ўдзельнічаў пры падрыхтоўцы праекта Статута ВКЛ 1529 г.: “шмат ідэй, выказанных ім, былі скарыстаны ў Сатуце” [3, с. 204].

Што тычыцца перадумоў фарміравання права сярэдневяковай Беларусі, то фактычна пра іх сведчаць палітыка-прававыя ідэі Ф. Скарыны, як аднаго з выдатнейшых суб'ектаў прававой свядомасці таго часу. Так, асноўнай крыніцай пісанага права ён прызнаваў ідэал – “прирожоное право”, што значыць натуральнае права [1, с. 11], пры гэтым адзначаў, што пісаны закон павінен быць “почтывій, справедливый, можный, потребны, пожиточный подле прирожения, подлуг обычаяв земли, часу и месце пригожий, явный...” [2, с. 337]. Фактычна гэтыя фактары разглядаліся Ф. Скарынам у якасці фактараў прававутварэння і, адпаведна, умоў легітымнасці нарматыўных прававых актаў таго часу.

Трэба адзначыць, што праблема легітымацыі прававых нормаў у апошні час стала зноў вельмі актуальнай. Яна вывучаецца на аснове аналізу фенамена легітымнасці ў палітычным дыскурсе і пераважна ў дачыненні да дзяржаўной улады. Але зараз сапраўды ўзнікае неабходнасць вывучэння праблем легітымацыі прававой нормы, якая цесна звязана з хуткасным павелічэннем норматыўна-прававога масіва, што нярэдка негатыўна ўплывае на якасць прававога рэгулявання.

Такім чынам, якасць нарматыўнага прававога акта ў час падрыхтоўкі статутаў ВКЛ у значнай меры залежала ад такіх фактараў прававутварэння, як справядлівасць, адпаведнасць пэўнаму часу и месцу (сваечасовасць) і адпаведнасць грамадскім чаканням. Акрамя таго, гэтыя патрабаванні прад'яўляліся разам з неабходнасцю выканання некаторых правіл юрыдычнай тэхнікі і дасканалага выканання ўсіх тагачасных юрыдычных працэдур нормаворчага працэсу. На самой справе, і зараз эфектыўная рэалізацыя нарматыўнага прававога акта, якая заснована на яго легітымнасці, у значнай меры можа адбывацца пры ўліку гэтых фактараў прававутварэння, у асаблівасціх, што звязаны з неабходнасцю адпавядаць сучасным маральным патрабаванням, сацыяльным патрабаванням і грамадскай думцы.

Акрамя таго, існуе гістарычна апрабаваная і сёння вельмі актуальная неабходнасць у прававорчым працэсе абавязкова ўлічваць час і месца, ў якіх будзе дзейнічаць новы нарматыўны прававы акт. Больш за тое, ад суб'екта прававорчасці фактычна патрабуецца прагназіраванне развіцця фактараў прававутварэння, якія будзь садзейнічаць ці, наадварот, перашкаджаць эфектыўнай рэалізацыі прававой нормы.

Звярну ўвагу на тое, што, магчыма, ідэя Ф. Скарыны аб тым, што закон павінен быць “часу и mestu пригожий” атрымала сваю рэалізацыю пры падрыхтоўцы новых статутаў замест Статута ВКЛ 1529 г., які праз некалькі дзесяцігоддзяў ужо не поўнасцю адпавядаў грамадскім адносінам, што ўваходзілі ў тагачасны прадмет прававога рэгулявання. Фактычна адбылася падрыхтоўка не новых нарматыўных прававых актаў з новым прадметам, метадам і межамі прававога рэгулявання, а мела месца падрыхтоўка і прыняцце “новых рэдакцый” Статута ВКЛ 1529 г. пад уплывам новых фактараў прававутварэння ў выглядзе сатутаў ВКЛ 1566 г. і 1588 г., якія больш адпавядалі новаму “часу і mestu”.

Акрамя сказанага, у працэсе прававорчасці, як і раней, зараз вельмі важна ўлічваць асаблівасці звычайу і традыцый, якія складаліся на працягу доўгага часу і могуць як садзейнічаць рэалізацыі прававой нормы, так і наадварот, ускладняць такую рэалізацыю, а можа, рабіць яе наогул немагчымай.

Трэба адзначыць, што зараз з'яўляецца вельмі неабходным працягваць пошук гістарычных прыкладаў эфектыўнага сістэмнага вывучэння працэсаў прававутварэння як у тэорыі (ў палітыка-прававой думцы), так і ў юрыдычнай практыцы (пры прававорчасці і рэалізацыі права). Гэта забяспечыць выяўленне сфарміраваных на працягу вякоў традыцый айчыннай прававорчасці, выяўленне ўжо выпрацаваных многімі пакаленнямі беларускіх юрыстаў прававых каштоўнасцей, фарміраванню нацыянальнай прававой свядомасці (як прафесійнай, так і бытавой), што ў сваю чаргу забяспечыць найбольш высокую якасць прававога рэгулявання, заснаваную на легітымнасці прававой нормы.

Бібліографічны спіс

1. Голубева, Л. Л. Францыск Скарына (1490–1551) – грамадскі дзеяч, мысліцель, першадрукар, асветнік, адвакат // Юстиция Беларуси. 2003. № 6 . С. 11–12.
2. Францыск Скарына і яго час: энцыкл. давед. / Рэдкал. І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1998. 608 с.
3. Юхно, Я. А. Гісторыя дзржавы і права Беларусі: ў 2 ч. Мінск: РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. С. 204–205.

Голубева Арина Игоревна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

НАЧАЛО БЕЛОРУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

14–15 сентября 2017 г. в Минске прошел Международный конгресс «500 лет белорусского книгопечатания», в котором приняли участие около 600 делегатов. Это известные общественные и политические деятели,

дипломаты, ученые из Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Германии, Китая, Польши, России, Украины, Черногории и других стран. «Традиции прошлых столетий, негасимый свет дела Франциска Скорины являются для нас тем грунтом, на котором выстраивается национальное книгоиздание. Тем фундаментом, который содействует развитию науки, просвещения, то, что помогает строить суворенную, независимую Беларусь», – было отмечено на открытии конгресса [3].

В настоящее время в духовной жизни белорусов книга по-прежнему занимает почетное место. Несмотря на то, что у печатной книги появились серьезные конкуренты, вместе с тем Беларусь остается не только страной, где сохраняется интерес к печатной книге, но и страной, где много делается, чтобы книга была в более широком использовании в обществе. Ежегодно издается более 10 тыс. наименований книг тиражом почти 30 миллионов экземпляров. Это свидетельствует о том, что Беларусь остается читающей страной. По случаю 500-летия белорусского книгопечатания в Беларуси прошло много интересных мероприятий, изданы десятки книг, которые рассказывают о наследии Скорины [3].

Белорусская книга с честью представлена на международных выставках, но это возможность не только презентовать национальную книгу, но и организовать круглые столы, творческие встречи с теми, кто внимательно вглядывается в историческое прошлое, и с теми, кто сегодня определяет направление развития общественной мысли.

История белорусской книги самым непосредственным образом связана с началом книгопечатания, которое было положено белорусским просветителем, выходцем из Полоцка Франциском Скориной (1490–1551). Именно Скорина осуществил первое в истории восточнославянской культуры научно-ренесансовое издание Библии, которую он рассматривал как результат многовекового духовного опыта человечества, источник мудрости, науки, теоретической и практической (моральной) философии [1, с. 389–398; 4; 7].

Ф. Скорина вошел в историю не только как основатель белорусского и восточнославянского книгопечатания, но и как ученый-юрист, который высказывал свои идеи на политику, право, законодательство. Он придерживался просвещенной, гуманной сильной монархической власти. Считал, что правитель должен быть образованным, мудрым, справедливым к своим подданным. Он должен руководить страной в строгом соответствии с законами, следить за правильным исполнением законов. Одновременно правитель должен быть сильным, уметь в необходимом случае защитить свой народ. Предпочтение Ф. Скорина отдавал «мірнаму гасудару» [2; 7].

Мыслитель высказывался мысли и о законе, и о цели уголовного наказания. Он считал, что закон должен быть годным к исполнению, полезным для населения и должен соответствовать обычаям, времени и месту. Его идеи основывались на теории натурального права. Провозглашенные Скориной идеи добропристойности и справедливости права содержали критику феодального права, которое не было ни добропристойным, ни справедливым по отношению

к простым людям. Мыслитель опровергал стремления духовенства на использование норм римского или византийского права, а также чуждых населению норм польского или немецкого права. Скорина придерживался идеи приоритета норм местного права, основанного на обычном праве и судебно-административной практике, а также о единстве права для всех людей [1, с. 389–398]. Эти идеи впервые были отражены в Статуте 1529 г. [5]. Провозглашенное в Статуте равенство для всех людей перед законом, однако, не означало реального равенства, так как сами законы не были равными для различных сословий. Также в Статуте 1529 г. нашли отражение идеи патриотизма и государственного суверенитета, провозглашенные Ф. Скориной (Р. III, арт. 1, 3). Идеи верховенства народа в государстве и правотворчестве, которых придерживался Скорина, были закреплены в Статуте 1566 г. [6]. Статут содержал норму, в которой утверждалось, что государь обязывался охранять все слои населения, в том числе простых (“паспалітых”) людей, хотя на практике такая норма не выполнялась и простые люди политическими правами в феодальном государстве не пользовались. Что касается одного из важнейших вопросов уголовного права – цели уголовного наказания, то, по мнению Ф. Скорины, цель уголовного наказания заключается в запугивании преступника и одновременно в предупреждении другим лицам, способным на преступление [1, с. 389–398].

Большой интерес вызывает классификация права, предложенная Ф. Скориной. Естественное право свойственно каждому человеку в одинаковой степени и каждый наделен им от рождения. Писаное право он делил на божественное, церковное и земское. Причем, божественное и церковное право онставил на второе место после естественного. Постановка на первое место естественного права перед Библией и каноническим правом, как отмечают ученые, свидетельствует о гуманистических взглядах Скорины и его свободомыслии [4; 7]. Большое значение имело разделение земского права (в зависимости от общественных отношений, что регулировались определенными нормами права, Скорина выделял посполитое право, которое включало в себя нормы гражданского и семейного права, международное, государственное, уголовное, военное, городское и торговое право) с божественным и церковным, так как не признавались стремления духовенства на управление законо-творчеством и судебной практикой.

Таким образом, Ф. Скорина вошел в историю как начинатель белорусского и восточнославянского книгопечатания, значение которого велико не только для Беларуси, но и для всей мировой книжной культуры. Его творческое наследие свидетельствует о его ренессансово-гуманистических взглядах и о значительном вкладе, который он внес и в белорусскую правовую науку. Его идеи нашли отражение не только в памятниках правовой культуры белорусского народа XVI ст., но они созвучны с современными идеями на политику, право, законодательство.

Библиографический список

1. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2001. 496 с.
2. *Доўнар, Т. І.* Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI–XVIII ст.: хрестаматыя / Т. І. Доўнар, Ю. П. Доўнар, Л. Л. Голубева. Мінск: БДУ, 2004. 206 с.
3. *Овсеп'ян И.* Слово о книге. Международный конгресс «500 лет белорусского книгопечатания» проходит в Минске // СБ Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. 2017. №449. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/slovo-o-knige.html?commentId=> Дата доступа: 15.09. 2017.
4. *Сокол, С. Ф.* Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. Минск: Наука и техника, 1984. 186 с.
5. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1960. 254 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхो; рэдкал. Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.
7. *Шалькевіч, В. Ф.* Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск: Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. 248 с.

Голубева Людзміла Леанідаўна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА (1490–1551) – ПАЧЫНАЛЬНИК БЕЛАРУСКАГА КНІГАДРУКАВАННЯ

У 2017 г. адзначаецца 500-годдзе беларускага кнігадрукавання. Дата мае міравую значнасць і занесена ў каляндар памятных дат ЮНЕСКО. 500-годдзе беларускага кнігадрукавання на працягу гэтага года адзначаюць не толькі па ўсёй Беларусі, але і за мяжой (Расійская Федэрацыя, Рэспубліка Казахстан, Польшча, Кітай, Сербія і інш.), дзе таксама праводзяцца міжнародныя канферэнцыі ў гонар гадавіны беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання. У сувязі з гэтым цікавасць да разгляду выклікае XVI ст., якому належыць пачатак беларускага кнігадрукавання.

XVI стагоддзе – гэта перыяд Адраджэння або Рэнесансу, калі беларускія землі ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога, як правільна адзначае прафесар Т. І. Доўнар, з'яўляліся беларускія землі і для якога характэрны станаўленне нацыянальнай мовы, нацыянальной самасвядомасці, гуманістычнага светапогляду [1, с. 66]. Гуманізм, у адрозненне ад панаваўшай рэлігіі паставіў у цэнтр інтарэсаў не бoga, а чалавека з яго зямнымі справамі і патрэбамі, абвясціўшы права чалавека на іх задавальненне на зямлі. Прадстаўнікі Адраджэння – гуманісты – шырока

выкарыстоўвалі антычную культурную спадчыну (спачатку рымскую, а потым грэчаскую), нібыта “адраджаючы” яе пасля працяглага забыцця ў сярэдневяковым грамадстве. Узнікла неабходнасць замацавання ідэй рэнесансавага гуманізму на беларускіх землях. Менавіта гэта і здзейсніў сын беларускага народа Францыск Скарына (1490? – 1551?).

Ф. Скарына нарадзіўся ў Полацку ў сям’і купца Лукі Скарыны. Пачатковую адукцыю ён атрымаў у Полацку і ў Вільні. У 1504 г. паступіў у Кракаўскі ўніверсітэт на факультэт свабодных мастацтваў, які скончыў са ступенню бакалаўра філасофіі. Гуманістычныя ідэі, з якімі ён пазнаёміўся ў Кракаве, захапілі юнака, і ён едзе ў Заходнюю Еўропу, дзе на працягу шасці гадоў удасканальвае свае веды ў розных навуках. У 1512 г. Ф. Скарына становіцца доктарам філасофіі і ў тым жа годзе Падуанскі ўніверсітэт прысвойвае яму – першаму з усходніх славян – вучоную ступень доктара медыцыны. У 1516 г. Ф. Скарына пасяліўся ў Празе, і ў выніку актыўнай выдавецкай дзейнасці на працягу 1517–1519 гг. былі перакладзены на старабеларускую мову і выдадзены 23 кнігі Бібліі. Першая кніга Ф. Скарыны “Псалтыр” выйшла ў Празе 6 жніўня 1517 г. Менавіта гэта дата лічыцца пачаткам беларускага кнігадрукавання. Заснаванне Скарынам беларускага кнігадрукавання і пераклад Бібліі на нацыянальную мову стала вяршынай яго духоўнай дзейнасці, найбольш выразным і яскравым пралогам беларускага Адраджэння першай паловы XVI ст.

Каля 1520 г. Ф. Скарына прыехаў у Вільню, дзе ў доме віленскага бурмістра Якуба Бабіча заснаваў друкарню. Каля 1522 г. ён выдаў “Малую падарожную кніжыцу”, а ў 1525 г. – “Апостал”. Рэнесансавыя выданні Скарыны былі арыентаваны на ўсе слаі насельніцтва. Галоўнай крыніцай для вывучэння светапогляду Ф. Скарыны, яго палітычных і прававых поглядаў з’яўляюцца прадмовы і пасляслоўі наконт палітыкі, права, заканадаўства.

Як дзеяч эпохі Адраджэння Ф. Скарына развіў тэорыю натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы. Ён пропанаваў уласную класіфікацыю права, якая найбольш поўна выкладзена ў прадмове да кнігі “Другі закон Маісеевы”. На яго думку, права дзеліцца на натуральнае і пісаное. Натуральнае права (Ф. Скарына называе яго “прироженным”) закладзена ў самой істоте чалавека, яно аднолькавае для ўсіх людзей, уласціва кожнаму чалавеку і не залежыць ад звычаяў, часу і месца. Чалавеку пры нараджэнні дадзены асноватворныя маральна-прававыя паняцці, якія спакон веку існуюць у яго сэрцы і разуме. На аснове норм натуральнага права павінна будавацца сістэма норм пісанага права – дзеючага заканадаўства. Пры гэтым натуральнае права выступае асноўным, зыходным у адносінах да пісанага. Натуральны закон, на погляд Ф. Скарыны, папярэднічае “пісаному” і гістарычна. Ф. Скарына лічыў, што імкненне да парадку – гэта натуральная патрэба чалавека і ў аснове прававых (а таксама і маральных) норм ляжыць натуральны закон, напісаны Богам [2]. Пісане права ён падзяляў на боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету (Бібліі). У гэтай кнізе змешчаны ўсе законы і правы, якімі

людзі павінны кіравацца на зямлі. Гэтыя нормы з'яўляюцца сіонімамі волі Бога. Таму заслухоўвае асуджэння, на думку Ф. Скарыны, не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі Бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. У прадмове да Бібліі Ф. Скарына пісаў “У гэтай кнізе змешчаны ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі”. Кананічнае права – гэта пастановы (каноны), прынятая царкоўнай уладай. У земскім праве ў залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормамі, Ф. Скарына вылучаў: паспалітае права, якое ўключала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права, міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлёвае. Прапанаваная ім класіфікацыя права садзейнічала развіццю не толькі тэарэтычных уяўленняў аб праве – яна выкарыстоўвалася ў дзейнасці юрыстаў-практыкаў. Так, пры стварэнні першага сістэматызаванага зводу законаў ВКЛ – Статута 1529 г. – была выкарыстана класіфікацыя права, прапанаваная Ф. Скарынам [2; 4]. На нашу думку, менавіта вылучэнне ў земскім праве вышэй названых галін права, і было пакладзена ў аснову сістэматызацыі нормаў права першага зводу законаў дзяржавы.

Выказваўся Ф. Скарына і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права – аб мэце пакарання. Мэта крымінальнага пакарання – гэта застрашэнне злачынца і адначасова папярэджанне іншым асобам, здольным да злачынства, гэта значыць яна выконвае выхаваўчую функцыю. Погляды Ф. Скарыны на дзяржаву і грамадства адпавядалі свайму часу, што гаворыць аб грунтоўных ведах мысліцеля, які суадносіў сваё бачанне ўладкавання грамадства з набыткамі, існуючымі ў еўрапейскіх краінах. Гэта бачна ў ідэях Ф. Скарыны аб усталяванні дзяржавы, дзе першае месца ён аддае закону і праву.

Ф. Скарына быў першым беларускім мысліцелем, які паставіў і разгледзеў праблему суадносін права і закона. Пад паняццем права ён разумеў сістэму раннехрысціянскіх маральных норм, якія стварылі ідэал права – права натуральнага. Ён імкнуўся вызначыць яго сутнасць і лічыў, што дасканаламу ў інтэлектуальным і маральнym сэнсе чалавеку законы не патрэбны, ён кіруеца ў грамадскім жыцці натуральным законам. Гэта пераклікалася з поглядамі антычных філософій, у прыватнасці, Арыстоцеля. У той жа час Ф. Скарына добра разумеў неабходнасць права ва ўмовах грамадства. Закон павінен служыць агульнаму дабру і грунтавацца на маралі, справядлівасці і чалавекалюбстве. Менавіта на аснове гэтых прынцыпаў, лічыў ён, і павінны складацца юрыдычныя законы, выконвацца правасуддзе, ажыццяўляцца дзяржаўнае кіраванне і палітыка. Закон павінен быць годным для выканання, карысным для насельніцтва і адпавядзець звычаям, часу і месцу [3].

Не адмаўляючы існавання ў грамадстве маё маснай няроўнасці, Ф. Скарына з'яўляўся прыхільнікам сацыяльнай справядлівасці: пропагандаваў роўнасць, аднолькавую адказнасць грамадзян перад законам, незалежна ад іх сацыяльнага і маё маснага становішча. Суддзі абвязаны судзіць людзей справядліва, не браць хабару, не перайначваць законаў. Грамадства павінна грунтавацца на міры і згодзе, бо ад гэтага залежыць дабрабыт усёй дзяржавы, а

ўзаемаадказнасць паміж “багатымі” і “убогімі” складваеца на аснове “братолюбия”. Важна таксама адзначыць, як Ф. Скарына ставіўся да сацыяльнай структуры грамадства. Ён лічыў неабходным наладзіць адносіны паміж рознымі слаямі насельніцтва. Паколькі ў грамадстве існуюць розныя саслоўі, клопатам манарха павінна быць рэгуляванне іх адносін з дапамогай законаў. Стварэнне такіх законаў з’яўляецца галоўным абавязкам правіцеляў дзяржавы. Узорамі для мудрага ўладкавання дзяржавы для Ф. Скарыны служылі антычныя стваральнікі законаў. Свае надзеі на паляпшэнне сацыяльных адносін ён звязваў з дзейнасцю караля Вялікага Княства Літоўскага Жыгімонта I, які быў прыхільнікам дэмакратычных змен у дзяржаве. Ф. Скарына верыў у дасканалую прававую дзяржаву, у роўнасць і сацыяльную справядлівасць. Служэнне грамадству Ф. Скарына парайдноўваў са служэннем Богу. Чалавек у разуменні Ф. Скарыны – найвышэйшая каштоўнасць [2].

Усталяванне ў грамадстве законнасці і правапарадку залежыць, на думку Ф. Скарыны, ад тых, каму наканавана быць манархам, правіцелем, і чыё жыццё і дзейнасць павінны служыць прыкладам для народа. Узорнымі правіцелямі ён лічыў Саламона, Пталамея Філадэльфа, Салона, Лікурга, Нуму Пампілія і іншых старажытных цароў і філосафаў-заканатворцаў. Правіцель павінен быць набожным, мудрым, адукаваным, чулым, справядлівым да сваіх падданых. І галоўнае – гасудар абавязаны кіраваць дзяржавай у строгай адпаведнасці з законамі, сачыць за справядлівым выкананнем правасуддзя. Адначасова ён павінен быць моцным і грозным, умець у неабходным выпадку абараніць свой народ. Ф. Скарына лічыў асветную, гуманную і моцную манархію лепшай формай кіравання грамадства, а адукаванага манарха – tym кірауніком, які можа заслужыць павагу і любоў грамадзян, уладковаць найлепшым чынам жыццё народа [1, с. 389–398].

Ф. Скарына – прыхільнік свабоды ў розных праявах чалавечай дзейнасці. Яго ідэя свабоды вызначаеца нацыянальна-культурнай накіраванасцю. Гэта дае падставы лічыць вялікага мысліцеля прадвеснікам свабоды і дэмакратыі [2]. Ф. Скарына развівае таксама ідэю грамадскага дагавору, у ажыццяўленні якога бачыць аснову сацыяльнай гармоніі ў грамадстве. Парушэнне дагавору, надумку Ф. Скарыны, вядзе да дысгармоніі, распальвае варожасць паміж людзьмі. Цікавы той факт, што ён быў не толькі вучоным-прававедам, але і юрыстам-практыкам. Ён неаднаразова выступаў у судах у якасці абаронцы асабістых інтарэсаў, а таксама інтарэсаў сваіх блізкіх (брата Івана і жонкі Маргарыты). У 1532 г. Ф. Скарына атрымаў спецыяльны прывілей, згодна з якім ён вызываўся ад юрысдыкцыі ўсіх мясцовых судоў і ўсе адвінавачванні і іскі супраць яго маглі прад’яўляцца толькі ў вялікняжацкі суд [2].

З’яўляючыся сынам сваёй эпохі, ён з’явіўся пачынальнікам беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання, абраўтаваў ідэальную мадэль дзяржаўна-прававога ўсталявання грамадства, якая з’яўляецца вось ужо на працягу пяці стагоддзяў пущаводнай зоркай для ўсяго чалавецтва. Ідэі Ф. Скарыны наконт дасканалай прававой дзяржавы, роўнасці і сацыяльнай справядлівасці паміж людзьмі і адукаванага правіцеля абуджаюць да раздуму

ўсё новыя пакаленні. Асоба Ф. Скарыны стаіць побач з такімі выдатнейшымі дзеячамі Адраджэння, як Леанарда да Вінчы, Рафаэль, Мікеланджэла, Томас Мюнцэр, Эразм Ратэрдамскі, Томас Мор і іншыя, а беларуская культура, на ніве якой ён працаўаў, – на адным узроўні з еўрапейскай. І цікавасць да яго дзейнасці і творчасці не знікне, бо гэта агульнае дасягненне чалавечай культуры.

Бібліографічны спіс

1. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік. Мінск: БелЭн, 2001. 496 с.
2. Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходненеўрапейскім кантэксле: зб. навук. прац, прысвячаных 90-годдзю з дня нарадж. праф. І. А. Юх. Мінск, 2012. 552 с.
3. Голубева, Л. Л. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск, 2005. 84 с.
4. Доўнар, Т. І. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI–XVIII ст.: хрэстаматыя / Т. І. Доўнар, Ю. П. Доўнар, Л. Л. Голубева. Мінск: БДУ, 2004. 206 с.

Демидов Павел Александрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КНИГОПЕЧАТНЫЕ ТРАДИЦИИ ВИЛЕНСКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ АКАДЕМИИ

В 1578 г. в образовании и культуре ВКЛ произошло важное событие – король польский и великий князь литовский Степан Баторий основал Виленскую академию. Типография при учебном заведении была основана немного позже, и связано это с передачей иезуитам перевезённого в Вильню обрудования Брестской типографии Николаем Христофором Радзивиллом Сироткой. Точный год открытия типографии неизвестен, но с 1592 г. начали появляться первые издания с выходными данными академии. Первым возглавил типографию Даниэль Ленчинский, работавший в ней и до переезда. В 1591 г. он перешёл из кальвинизма в католицизм и работал с иезуитами до 1594 г. Для контроля над продукцией типографии орден назначал префекта. Первым известным нам стал Валентин Рускониус. Всего, за время существования ордена известно 47 человек занимавших этот пост, иногда по несколько раз [2, с. 184].

Первые двадцать лет работы типографии нельзя назвать удачными. Книг печаталось мало, технически типография была обрудована скромно. В таких условиях часто менялись и мастера типографии, например, известны: Вольбрам в 1594–1596 гг., Голд в 1596 г., Томаш Левицкий в 1604–1606 гг. Из изданий

этого периода можно выделить первый в ВКЛ напечатанный учебник на польском языке по занятию торговлей «Про процент и три важнейших контракта: торговый, чиншевой и купеческого товарищества. Краткая наука». Автором книги был известный профессор, ярый католик Мартин Смиглецкий. Это стало первым крупным успехом типографии, так как ей удалось попасть в незанятую нишу. Книга сразу же была переиздана в Кракове в 1596 г., а после пережила ещё минимум семь переизданий. Всего за 1589–1610 г. И. Петраускене насчитал 49 книг, выпущенных в типографии, и ещё 44 возможных издания, которые, однако, могут относиться к другим виленским типографиям [5].

В 1610 г. в Вильне случился крупный пожар, и типография, вероятно, приостановила работу. Неизвестны издания до 1616 г., а свои заказы иезуиты направляли в другие типографии. С 1616 г. начался новый этап развития предприятия. Одним из первых изданий стал сборник панегириков и стихов учеников и преподавателей академии, всего 28 авторов. Стал заметен и технический прогресс: кроме латинских у типографии появились греческие шрифты разных кеглей, фигурный набор, гравюра с гербом Астафия Воловича и датой 1616 г. Кроме этого сборника в 1616 г. известно издание “Малый бизнес. Записано для использования в Польских провинциях”. На титульном листе была отметка о том, что книга разрешена цензурой [2, с. 185].

В 1619 г. иезуиты получили от Сигизмунда III привилей, легализовавший деятельность типографии и запрещавший переиздавать её издания [4, с. 14]. Благодаря властям издательская деятельность иезуитов начала расти. В 1630–1640-х гг. речь идёт уже о средней цифре 15 изданий в год. В 1631 г. типография переехала в отдельное здание на улице Святого Иоанна (сейчас улица Швянто Йоно). Известен лишь один мастер, работавший в типографии в этот период – некий Николай. Получив поддержку от властей, академия начала серьёзнее следить за качеством своих изданий, в особенности большое внимание уделяли иллюстрациям, приглашая для создания гравюр лучших художников. Так в 1630–1650-х гг. в типографии работал виленский гравюрист Конрад Гётке. За эти годы он украсил своими работами около 20 изданий. Особенностью его стиля было размещение гербов среди бытовой атрибутики [2, с. 188].

Тематику изданий диктовал орден. Главной задачей была борьба с реформацией, а обеспечение потребностей академии – побочной. Тема унион занимала видное место в работе типографии – выполнялись заказы базилианского ордена. Обращали внимание издатели и на видных деятелей ВКЛ: шляхтичей, магнатов, в том числе и православных. В 1649 г., например, был напечатан панегирик в честь скончавшегося подкомория трокского Богдана Огинского. Большие усилия орден прикладывал для развития теологии. Публиковались тексты работ известных теологов, работников академии, таких как П. Скарга, М. Смиглецкий, Н. Ленчинский, Э. Вега. Позже – М. Бембуса и Я. Ольшевского. Некоторые из их работ были прямыми ответами на произведения протестантов. Как пример такой работы можно назвать книгу М. Смиглецкого «Описание Новогродского диспута, который был у иезуита Мартина Смиглецкого с новокрещённым министром Яном Лицинием 24 и 25 января 1594 г.» [5,

с. 25], зачастую эти издания носили воинственный характер и были инициативой ордена. Никогда не печатая кириллических книг, типография временами поддерживала литовскоязычных католиков соответствующей литературой – переводами на литовский язык теологических произведений.

Публиковалась и научная литература на латыни. После того, как кафедру математики возглавил Освальд Крюгер, типография начала печать его завоевавшие популярность пособия по астрономии, геометрии, арифметике, артиллерии. Книгу по астрономии издал другой виленский математик – Альберт Дублинский. По юриспруденции в 1647 г. вышла одна работа А. А. Олизаровского. Свободные искусства развивали в академии М. Сарбаевский, К. Шырвид, С. Словочинский. Например, в типографии была издана «Грамматика литовского языка» 1630 г. Шырвида, экземпляры которой не сохранились. Он же выпустил в 1629 г. трёхъязычный словарь для студентов академии, переизданный в 1631, 1642, 1713 гг. В период войн и эпидемий 1651–1665 гг. типография практически прекратила работу. В 1657–1658 гг., 1660 г. и 1662 г. она не работала совсем, в другие годы издавались 2–5 наименований книг. Так, знамениты издания работ талантливого историка и проповедника, профессора Виюка Кояловича. Особую популярность ему принесло скандальное издание истории рода Радзивиллов *“Fasti Radiviliani gesta illustrissimae domus ducum Radzivil compendio continentes”* 1653 г. [5, с. 81–82], из-за которого автор терпел нападки со стороны недовольной семьи. Всего вышло 20 работ Кояловича, некоторые из них были переизданы дважды или даже трижды [5, с. 80–84].

Восстановление типографии связывают с приобретением ректором Бжозновским новых шрифтов и новых печатных станков. После военных лет, когда типография простоявала, количество изданий начало расти – от 5 до 18 ежегодно. Около 1690 г. типография переехала в большое здание на улице Святого Яна, она занимала в нём семь комнат на втором этаже [2, с. 318].

Иезуиты поддерживали базилиан, выражалось это и в том, что в их типографии было издано множество произведений базилианских монахов, или произведений, связанных с их орденом. Это, например, «Житие Святого Ануфрия» 1686 г. составленное Иосифом Петкевичем, орденскимprotoархимандритом, а также речь митрополита Гаврила Календы на похоронах всё того же Виюка Кояловича 1674 г., «Сказания» Киприана Жаховского 1667, 1668, 1683 гг. [2, с. 265].

Для православного населения Великого Княжества Литовского иезуиты печатали специальные польскоязычные издания, одним из их авторов был ксёндз Ян Кулеша, среди его работ такие как «Вера православная» 1704 г., «О началах схизмы» 1747 г. Эти издания встречались вплоть до Москвы, экземпляры были обнаружены в личной библиотеке Феофилакта Лопатинского.

Доходным предприятием для типографии было переиздание Статута ВКЛ. Иезуиты добились для себя личного привилея короля Яна Собеского на это издание в 1691 г., а также на выпуск соймовых Конституций. Статут вместе с Конституциями сейма 1648–1693 гг. и алфавитным указателем к ним были напечатаны в 1693 г. Особенностью этого издания стало большое количество

неточностей и ошибок при печати. Тем не менее, издание Статута на территории Великого Княжества было сильным политическим шагом, а также ударом по конкурентам – ордену пиаров, которые владели в Варшаве типографией с правами на издание правительственные документов. В 1701 г. король и великий князь Август II дал иезуитам монопольное право на издание Статута, но на каждое следующее издание иезуиты всё равно получали специальный защитный привилей от монархов [1, с. 101].

Типография работала и на нужды студентов академии. Был издан первый печатный словарь латышского языка «Словарь Польско-Латинско-Латышский» 1683 г., «Греческая грамматика» 1725 г. Матея Карвацкого, «Сборник риторики» 1748 г. В первой половине XVIII в. были переизданы произведения на польском языке первого ректора академии Петра Скарги: «Призыв к покаянию» 1715 г., «Проповедь о семи таинствах» 1737 г., «Проповеди учащимся» 1738 г. и «Жития святых» 1747–1748 гг. Регулярно печатались работы других профессоров академии.

Ян Пашковский, ректор Слуцкого, а позже Несвижского коллегиумов привнёс разнообразие в продукцию типографии. С его подачи в 1737 г. начали печататься ежегодные календари. «Календарь политический» предназначался как для членов ордена, так и для массового использования. Туда помещали календарные и исторические справки о значимых датах, списки чиновников Великого Княжества Литовского и Короны, и т.д. Типография работала и на нужды академического театра. Печатались тексты пьес и программы театра. В одной из таких сохранившихся программ упоминается спектакль о жизни трёх виленских православных мучеников, который поставили иезуиты. Оформлением изданий типографии занимались в основном местные мастера: Томаш Шнопс, Лаврен Вилац, Захар Зелимахер, Иосиф Гафнер. Особенностью их гравюр был переизбыток символизма и гиперболизация художественных образов. Доминировал в их иллюстрациях стиль барокко.

В 1738 г. типография получила титул королевской, или «его королевской милости», что ознаменовало новый этап в её жизни. Важным проектом типографии стало переиздание работ П. Скарги. В 1744 г. были напечатаны три тиражи «Солдатского богослужения» в переводе с французского, но с дополнениями из его избранных произведений. В этом же году для государственных нужд был переиздан Статут ВКЛ [3, с. 23].

Важным событием, повлиявшим на репертуар типографии, стало постановление 1741 г. об обязательном изучении истории студентами академии. Появляется большое количество исторических произведений: «История Ливонии» 1745 г. Гильзена, «Общая история» Я. Пашковского, «История Польши» 1763 г. Любенского [7]. Печатались многочисленные произведения профессора Ф. Папроцкого: об истории Англии (1758, 1778), истории Курляндии (1759), истории воин (1763), истории Великого Княжества Литовского (1760, 1763–1771, 1775). По заказу опекунов университета в 1750 г. была издана геральдическая книга гербов коронных и великокняжеских семей (но только свояков Радзивиллов). В 1762 г. в типографии вышел сборник документов об истории

академии. Для использования в школах в 1763 г. был подготовлен учебник по географии и истории Великого княжества Литовского. В 1768 г. была напечатана книга об истории Литовской провинции ордена. Издавались учебники и по другим предметам: философии, логике, математике. Выпускались в переводе на польский произведения античных философов и историков (Сенека, Сципион, Фемистокл) [1, с. 101].

Следующим шагом, который вылился в кратковременный расцвет издаельской деятельности типографии стало письмо провинциала Литовской провинции иезуитов Станислава Попеля от 25 апреля 1753 г. Он рекомендовал руководителям орденских типографий не ограничиваться публикацией учебников, духовной литературы и панегириков, а распространять и произведения других жанров [2, с. 325].

Типография никогда не теряла связи со своими основателями – Радзивиллами. Время от времени издавались книги об истории их семьи, или посвящённые им. Они были широко представлены в Радзивилловской библиотеке Несвижского замка.

Закат типографии относится к периоду 1773–1794 гг. Орден иезуитов ликвидировался, а существование Речи Посполитой подходило к концу. В 1773 г. руководство типографией было передано Комиссии народного образования. С этого момента типография перешла в категорию светской. Отстранение иезуитов сказалось и на репертуаре. Так, известно издание 1791 г. на церковнославянском «Цветник», подготовленное для староверов [6].

Продолжалось издание учебников, два раза переиздаётся Статут Великого Княжества Литовского: в 1780 г. и 1786 г., продолжался выпуск молитвенников, Евангелий на польском и литовском языках. Из исторической литературы важным был сборник привилеев для Вильни Петра Дубинского. В 1778 г. была издана поэма на латинском языке, посвящённая пятидесятилетию российской императрицы Екатерины II. А в 1780 г. стихотворный панегирик, посвящённый её визиту в присоединённые Россией восточно-белорусские земли.

С 1781 г. начался ежегодный выпуск печатного расписания занятий для университета. Последним крупным популярным изданием типографии стал сборник анекдотов прусского короля Фридриха II в 10 частях, из которых вышло 9. Они пережили переиздание в 1796–1797 гг. в двух частях.

В 1794 г. типография лишилась статуса королевской. Она доживала своё до 1805 г. и была продана книгоиздателю Иосифу Завадскому за 3000 рублей серебром, который превратил её в полностью коммерческую типографию нового типа [2, с. 328].

За время своего существования Вильня стала столицей книгопечатания ВКЛ. При этом около 95% изданных в городе книг относятся к Академической типографии [5, с. 9], что ясно свидетельствует о её масштабах. Благодаря этому, а также устоявшимся каналам сбыта продукции, сравнительно высокому качеству печати, в занимаемых типографией нишах более мелкие предприятия конкурировать с ней объективно не могли.

Библиографический список

1. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск: БелЭн, 2005. Т. 1. 688 с.
2. Гісторыя беларускай кнігі: Т.1. Пад рэд. М. В. Нікалаева. Мінск: БелЭн, 2009. 423 с.
3. Забулис, Г. К. Вильнюсский университет в истории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1979. 51 с.
4. Петраускене, И. С. Типография Вильнюсской академии: Автореф. дис... канд. ист. наук / Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсукаса. Вильнюс, 1973. 33 с.
5. Чепене, К. Издания типографии Вильнюсской академии 1576–1805: Библиография / К. Чепене, И. Петраускене. Вильнюс, 1979. 540 с.
6. Цветник // Кніга Беларусі XIV–XVIII стагоддзяў [Электронный ресурс] 2016. Режим доступа: <http://belbook.nlb.by/items/show/398>. Дата доступа: 03.04.2017.
7. Lubieński, W. A. Historya polska z opisaniem rządu i urzędów polskich // Кніга Беларусі XIV–XVIII стагоддзяў [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: <http://belbook.nlb.by/items/show/169>. Дата доступа: 04.04.2017.

Демчура Светлана Сергеевна

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Челябинск, Россия)*

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ*

Проблемы конкурентоспособности современного университета на рынке образовательных услуг заключаются в выборе конкурентных преимуществ образовательной организации. Данная проблема является особо актуальной, что обусловлено возрастающим уровнем конкуренции [1]. Одним из конкурентных преимуществ вуза может быть качество образования. Под качеством образования понимается не только соответствие знаний обучающихся государственным стандартам. Данное понятие связано с успешным функционированием учебного заведения, деятельности педагогов и администрации образовательной организации по обеспечению качества образовательных услуг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсеева» по договору на выполнение НИР от 14.04.2017 г. № 16-454 по теме «Эмпирическое исследование восприятия и оценки цен потребителями образовательных услуг».

В рамках концепции «философии всеобщего качества» осуществляется переосмысление традиционного понятия качества. Происходит отказ от существующей трактовки качества как степени соответствия стандарту (образовательному) [4]. Под качеством в контексте этой философии понимается не только степень удовлетворенности потребителей предоставляемыми образовательными услугами, но и соотношение цели и результата, которое выражается в совокупности характеристик. Данные характеристики описывают уровень организации и осуществления учебного процесса, уровень достигнутых количественных и качественных результатов, а также организационно-педагогические условия.

В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. отмечается, что достижение нового качества образования является первостепенной задачей, что «необходимо повышать качество имеющихся общедоступных образовательных ресурсов, развивать новые направления и формы обучения» [3, с. 21].

В последнее время чаще исследуется проблема качества самого образовательного процесса, а также условий, в которых он реализуется. При этом образовательные организации рассматривают качество образования как самое важное конкурентное преимущество на рынке образовательных услуг [6]. Качество образовательных услуг характеризуется как некая совокупность характеристик образовательного процесса. Она оценивается с помощью итоговых аттестаций обучающихся. При этом под качеством образовательной подготовки понимается совокупность характеристик, которые получены в ходе образовательного процесса. То есть это совокупность знаний, умений и навыков, которые востребованы личностью, обществом и государством [5].

В статье мы рассматриваем качество образования как интегральную характеристику системы образования, отражающую степень соответствия ресурсного обеспечения, образовательного процесса, образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям. Оценка качества образования – определение с помощью диагностических и оценочных процедур степени соответствия ресурсного обеспечения, образовательного процесса, образовательных результатов, нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Выделим несколько взаимодополняющих подходов к качеству образования, которые, на наш взгляд, составляют методологическую основу исследования проблемы управления качеством образовательной организации. Во-первых, это научный подход. Применение данного подхода заключается в разработке специальной терминологии в области управления качеством, доказанных и научно обоснованных методик оценки деятельности образовательных организаций. В разработке методических рекомендаций по управлению качеством образовательных организаций. Во-вторых, это процессный подход. Согласно данному подходу управление качеством представляет из себя целостный процесс. То есть совокупность взаимообусловленных действий, выполняющих

управленческие функции. В-третьих, мы выделяем системный подход. Применение этого подхода позволяет образовательную организацию представить и исследовать как целостную систему. Помимо этого качество образования само рассматривается в виде системы – совокупности взаимосвязанных элементов, о которых шла речь выше. В-четвертых, ситуационный подход. Применение этого подхода предполагает различные варианты управленческих решений в зависимости от конкретных ситуаций, сложившихся условий. И, наконец, в-пятых, *программно-целевой подход*. В современной теории менеджмента этот подход один из основных. Программно-целевой подход имеет свое название благодаря тому, что его использование подразумевает четкое целеполагание, а также разработку и реализацию программы мероприятий, которые способствуют достижению поставленных целей.

Отметим, что на сегодняшний день существует необходимость в выявлении и других конкурентных преимуществ вуза [2, с. 71]. Например, конкурентным преимуществом современного университета может быть ценовой аспект. Проблема ценообразования в сфере образовательных услуг является особо актуальной на сегодняшний день. Ведь необоснованное установление цен на образовательные услуги может стать причиной значительного материального ущерба, деформации общественного мнения о ценности и необходимости высшего профессионального образования.

При этом выделяют следующие стратегии ценовой политики вузов. Во-первых, ценовая стратегия, которая нацелена на обеспечение выживаемости вуза. Во-вторых, ценовая стратегия максимизации прибыли. В-третьих, ценовая стратегия, способствующая удержанию рынка. В соответствии со своей миссией для каждого конкретного вуза подходит первая и третья стратегия ценовой политики [7].

Отметим, что обеспечение выживаемости является целью многих высших образовательных учреждений, которые осуществляют свою деятельность в условиях жесткой конкуренции. При этом вузами используются заниженные цены на образовательные услуги. Это цены проникновения, которые предназначены для захвата определенной доли рынка, а также способствуют повышению объема проданных образовательных услуг. Следовательно, увеличивается совокупная прибыль, которую получает образовательное учреждение.

Ценовая стратегия, которая предполагает удержание рынка, заключается в сохранении вузом занимаемого положения на рынке образовательных услуг. В этой связи вузом осуществляются меры, которые способствуют предотвращению спада реализации образовательных услуг.

При расчете цен желательно учитывать цены конкурентов на схожие образовательные услуги. Они помогают получить примерное значение, которое следует брать во внимание. Верхний уровень цен на образовательные услуги ограничивает спрос. Минимальная величина цены, которую может установить образовательное учреждение, определяется на основе себестоимости услуг. Политику заниженных цен могут использовать только крупные вузы в короткий

временной период, который характеризует проникновения на новый рынок образовательных услуг. Ведь когда цена снижается ниже себестоимости, вузы несут убытки.

Степень удовлетворенности потребителей по сравнению с тем, что могут предложить аналогичные образовательные учреждения, является основной характеристикой качества оказываемых образовательных услуг конкретным вузом. И, следовательно, его конкурентоспособности. В том случае, когда эффективность проявляется в процессе функционирования образовательного учреждения, то конкурентоспособность рассматривается как характеристика самого вуза. При этом качество является характеристикой результата его деятельности.

Таким образом, проблемы конкурентоспособности современного университета на рынке образовательных услуг заключаются в выборе конкурентных преимуществ образовательной организации, к которым можно отнести качество образования, ценовые аспекты (скидки, льготные условия оплаты обучения) и др.

Библиографический список

1. *Власова Е. С., Власова А. С., Демцира С. С.* Сектор образовательных услуг как основа экономики знания // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 67–69.
2. *Дмитриева Е. Ю., Полуянова Л. А.* Особенности деятельности куратора академической группы педагогического вуза в условиях модернизации образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 70–72.
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. // Программы Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf>. Дата доступа: 01.05.2017.
4. *Косенко С. С.* Современное экономическое образование школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 31–40.
5. *Косенко С. С.* Экономическое образование в школе: аксиологический подход // Человек. Спорт. Медицина. 2006. № 16 (71). С. 209–213.
6. Маркетинговая деятельность учреждения профессионального образования: коллективная монография / под ред. А. А. Саламатова. Челябинск: ЧГПУ, 2012. 103 с.
7. Современный финансовый инструментарий: теория и практика / Под ред. Ю. В. Бутриной, В. Н. Тишиной. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. 220 с.

Дзянісава Алена Рыгораўна, Сосна Уладзімір Аркадзьевіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**ДА 85-ГОДЗЯ ПРАФЕСАРА
АЛЯКСАНДРА ПЯТРОВІЧА ІГНАЦЕНКІ**

Аляксандр Пятровіч Ігнаценка нарадзіўся 10 студзеня 1932 г. у вёсцы Студзянец Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці ў сялянскай сям'і. Дзяцінства яго праішло ў цяжкія ваенныя гады. З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны бацька Аляксандра Пятровіча – Пётр Цітовіч Ігнаценка, пайшоў на фронт, дзе і загінуў у снежні 1943 г. Маці – Марыя Фролаўне, разам з сям'ёй прыйшлося перажыць нямецка-фашистскую акупацыю [1, арк. 4].

Пасля вызвалення тэрыторыі Беларусі ад захопнікаў Аляксандр Пятровіч узнаўляе навучанне ў пачатковай, а потым сярэдняй школе. У 1950 г. ён паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Праз пяць гадоў ён атрымаў дыплом з адзнакай аб вышэйшай адукацыі «з прысваеннем кваліфікацыі гісторыка» [1, арк. 4; 4, арк. 10]. Далей Аляксандр Пятровіч працягваў навучанне ў аспірантуры БДУ, дзе на «выдатна» здаў усе шэсць кандыдацкіх экзаменаў [3, арк. 12]. Пад кірауніцтвам Лаўрэнція Сямёновіча Абэцэдарскага малады навуковец распачынае працу над кандыдацкай дысертаций. У 1958 г. скончыў аспірантуру па спецыяльнасці «Гісторыя БССР».

Навуковая, педагогічная і грамадская дзейнасць А. П. Ігнаценкі звязана з гістарычным факультэтам БДУ, кафедрай гісторыі БССР, дзе ён паслядоўна праішоў усе ступені працоўнай кар'еры, пачынаючы са старшага лабаранта. У 1963 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацию, у 1976 – доктарскую (зацверджана ў 1978 г.) [3; 4, арк. 11; 1, арк. 8]. З чэрвеня 1980 г. – прафесар [1, арк. 9]. У 1966–1975 гг. быў намеснікам дэкана спачатку завочнага, а потым – гістарычнага факультэтаў. З 1975 па 1978 г. выконваў абавязкі загадчыка, а ў 1989–1994 гг. загадваў кафедрай гісторыі БССР (позней – гісторыі Беларусі) [1, арк. 2, 82].

А. П. Ігнаценка з’яўляўся старшынёй проблемнага навуковага савета ўніверсітэта па гісторыі Беларусі, членам, вучоным сакратаром, намеснікам старшыні спецыялізаванага Савета ўніверсітэта па прысуджэнні вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Ён неаднаразова ўзнагароджваўся граматамі ўніверсітэта. Праца Аляксандра Пятровіча была адзначана Ганаровай граматай Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР (1974), Ганаровай граматай Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі СССР (1982), Ганаровай граматай Міністэрства народнай адукацыі Рэспублікі Беларусь (1992), значком «За отличные успехи в работе» у галіне вышэйшай адукацыі СССР (1985), медалём «Ветеран труда» (1985) [1, арк. 51, 91, 93].

У даследчым плане А. П. Ігнаценка распрацоўваў пытанні сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі другой паловы XVII–XVIII ст.

Ён – аўтар манаграфій, раздзелаў ў навучальных дапаможніках: «Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв.» (1963); «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII вв.)» (1974); «История БССР. Ч. 1» (1981); «Социально-экономическое развитие БССР (1944–1960 гг.)» (1990); «Гісторыя Беларусі» (1994, 1996).

Вялікую ўвагу А. П. Ігнаценка надаваў выяўленню і публікацыі гісторыка-документальных матэрыялаў. Разам з Л. С. Абэцэдарскім і супрацоўнікамі Цэнтральнага дзяржаўнага архіва старажытных актаў ён пад-рыхтаваў два зборнікі дакументаў: «Русско-белорусские связи (1570–1667 гг.)» (1963) і «Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.)» (1972). У іх прадстаўлены комплекс новых, раней невядомых або невывучаных крыніц, якія асвятляюць ўзаемадносіны Вялікага Княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай: пасольская документацыя, мытныя кнігі рускіх і беларускіх памежных гарадоў, царскія граматы насельніцтву, пісцовыхія кнігі, чалабітныя беларускіх купцоў і рамеснікаў. Адабраныя па асобных тэмах, яны стварылі аснову для далейшых даследаванняў. Ступень археаграфічнага апісання дакументаў, каментары і геаграфічныя паказальнікі сведчаць аб высокай кампетэнтнасці А. П. Ігнаценкі ў галіне крыніцаўства.

У вучэбна-метадычным плане інтарэсы Аляксандра Пятровіча закраналі як агульныя праблемы айчыннай гісторыі, так і пытанні філалагічнай сферы ведаў: «Введение в историю БССР» (1965); «Древнерусский язык» (1968, 1970, 1977, у суаўт. з Н. С. Мажэйка); «Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г.» (1977, у суаўт. з У. Н. Сідарцовым). Усяго на-вукоўцам апублікавана каля ста работ.

Пад кіраўніцтвам А. П. Ігнаценкі распрацоўваліся і выдаваліся праграмы па гісторыі Беларусі для студэнтаў гістарычных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў. Ён паспяхова чытаў курсы лекцый па гісторыі БССР, крыніцаўству гісторыі БССР, беларускай культуры эпохі феадалізму і іншыя.

Прадметам зацікаўлення яшчэ пачынаючага навукоўца, што вылілася ў кандыдацкую дысертацию «Основные черты экономического развития городов Белоруссии в XVII–XVIII вв.», стала эвалюцыя гарадскіх рамёстваў. Даследчык адзначыў рост рамесніцкай вытворчасці ў першай палове XVII ст., значную дыферэнцыяцыю асобных яе відаў. Ваенныя разбурэнні і ўзмацненне феадальнай эксплуатацыі выклікалі занядзялі гарадскога рамесніцтва ў першай палове XVIII ст. Працэсы аднаўлення гаспадаркі Беларусі, у тым ліку і рамесніцкай вытворчасці, былі характэрны для другой паловы XVIII ст. Такая перыядызацыя гарадскога жыцця пацвярджаецца далейшымі даследаваннямі эканамічнай гісторыі гэтага часу.

Вядучое значэнне, як паказвае сабраны А. П. Ігнаценкам матэрыял, мелі традыцыйныя рысы рамёстваў, характэрныя для феадальных гарадоў. Ім прааналізаваны вызначальныя галіны рамесніцкай вытворчасці ў розных гарадах, функцыянуванне цэхавай арганізацыі, у тым ліку адносіны паміж

майстрамі, падмайстрамі і вучнямі. Вызначаны чыннікі, што ўпłyвалі на рэгламентацыю рамесніцкіх вырабаў, апісаны шляхі іх рэалізацыі, праблемы канкурэнцыі з няцехавымі рамеснікамі.

Упершыню ў беларускай гісторыографіі прасочваецца працэс разлажэння цэхавай арганізацыі і зараджэння ў рамесніцкай вытворчасці элементаў капіталізму, што адносіцца да XVIII ст. і пераважна яго другой паловы. Сведчанне таму – арганізацыя буйных майстэрняў і прымяненне наёмнай працы. Аднак маштабы гэтай з'явы былі не такімі значнымі, каб гаварыць у цэлым аб пераходзе рамяства, заснаванага на феадальных адносінах, да капіталістычных рамесных майстэрняў.

Пытанні беларуска-рускіх сувязей і грамадска-палітычнай барацьба на беларускіх землях у другой палове XVII–XVIII ст. склалі сутнасць і змест доктарскай дысертациі А. П. Ігнаценкі. У ёй даследчык засяроджваецца перш за ўсё на прадпасылках і прычынах гэтих з'яў: стане сельскай гаспадаркі і гарадской эканомікі, сялянскіх павіннасцях, становішчы сялян і гараджан, нацыянальна-рэлігійных супяречнасцях. Даследаванне паказала, што Рэч Паспалітая ў цэлым і Беларусь як яе складаная частка ў гэты час перажывалі эканамічны занядбад і глубокі палітычны крызіс. Адстале паводле тэхнічнага ўзору земляробства, падарваныя ваеннымі спусташэннямі гарадское рамяство, унутраны і знешні гандаль – усё гэта прывяло да таго, што калісьці ўрадлівія землі зарасталі хмызняком, а гарады, мястэчкі і вёскі пусцелі. Праўда, як сцвердзілі найноўшыя даследаванні, такая рэзкая ацэнка эканамічнай сітуацыі характэрна для перыяду да сярэдзіны XVIII ст., пасля чаго пачаўся цяжкі працэс паступовага гаспадарчага аднаўлення і ажыўлення. Высновы аб узмацненні феадальнага прыгнёту не выклікаюць пярэчанняў.

Асноўная ўвага нададзена фактам сацыяльна-класавай і нацыянальна-рэлігійнай барацьбы, прычым яны разглядаюцца праз прызму адносін насельніцтва Беларусі да Расіі. У рамках такога падыходу разгледжаны ўцёкі сялян і гараджан у межы Расійскай дзяржавы і ва Украіну, напады сялян на феадальныя маёнткі, іх разбурэнні і падпалы, пакаранні аканомаў. Прасочваюцца сувязі беларускіх сялян з казацкімі атрадамі і сялянамі суседніх рускіх зямель, водгукі ў Беларусі на гайдамацкае паўстанне і «Калішчыну», паўстанне пад кіраўніцтвам Сцяпана Разіна. Вялікую цікавасць уяўляюць апісанні буйных узброеных выступленняў сялян і гараджан у XVIII ст., перш за ўсё падзеі у Крычаўскім старстве. Усё гэта зроблена на аснове разнастайнай базы крыніц, якая дазволіла істотна пашырыць нашы ўяўленні аб сацыяльна-палітычных працэсах у познафеадальным беларускім грамадстве.

Адметным з'яўляецца паказ палітычнай сітуацыі на беларускіх землях падчас паўстання 1794 г., бо яно лічылася з'явай польскай гісторыі і ў Беларусі не даследавалася. Прызнаючы, што паўстанне было падрыхтавана прагрэсіўнымі шляхецка-буржуазнымі коламі дзеля захавання самастойнасці

Рэчы Паспалітай і правядзення ў жыццё рэформ, абвешчаных Чатырохгадовым соймам 1788–1792 гг., А. П. Ігнаценка заўважае неадназначныя адносіны да яго насельніцтва Беларусі, і асабліва сялянства, ад пазіцыі якога ў разашаючай ступені залежаў поспех паўстання. Выдадзены Касцюшкам 7 мая Паланецкі ўніверсал абяцаў ім асабістую свабоду і некаторае змяншэнне феадальных павіннасцей, аднак у рэальнасці застаўся на паперы. Асноўная маса шляхты і тым больш землеўладальнікі не былі гатовы да кардынальных кроکаў у сялянскім пытанні. У сувязі з гэтым, лічыў даследчык, удзел беларускіх сялян у паўстанні абмежаваўся пераважна прымусовай іх мабілізацыяй. Пры першай магчымасці, асабліва з набліжэннем рускіх войскаў, яны беглі дадому. Прыводзяцца факты колькаснага прадстаўніцтва сялян у паўстанцкіх атрадах, заліцанняў да іх як шляхецкага кіраўніцтва, так і царскіх генералаў, якія, у сваю чаргу, імкнуліся выкарыстаць сялян у антыпаўстанцкіх мэтах. У шэрагу месц сялянне, скарыстаўшыся адміністрацыйнай неразбярыхай, ухіліліся ад выканання павіннасцей і нават грамілі панская маёнткі. Паказваюцца паводзіны і той часткі сацыяльных нізоў, якія надзеі на паляпшэнне свайго становішча звязвалі са зменай дзяржаўнай прыналежнасці, выяўляючы наўныя спадзяванні на царызм. Дзякуючы раскрыццю гэтых сюжэтаў, у гісторыографіі ўпершыню прагучала беларускі кантэкст паўстання Тадэвуша Касцюшкі.

Жорстка крытыкуючы палітыку кіруючых колаў Рэчы Паспалітай, А. П. Ігнаценка не ідэалізаваў і расійскі царызм, які эксплуатаваў этнічную і рэлігійную блізкасць усходнеславянскіх народаў у сваіх вялікадзяржаўнай імперскіх мэтах. Ён не хаваў фактаў сацыяльнай салідарнасці феадальных вярхоў абедзвюх дзяржаў у падаўленні шырокамаштабных рухаў украінскага і беларускага сялянства. Прыведзены матэрыял сведчыць, што расійскі ўрад дзейнічаў вельмі асцярожна і ў звычайных (мірных) абставінах ніколі не рашаўся на адкрытае выкарыстанне і тым больш падаграванне тых унутраных канфліктаў, якія маглі бы прывесці да змены сацыяльнага ладу Рэчы Паспалітай. Ён абмяжоўваўся ўлікам нацыянальна-рэлігійнага чынніка, мяркуючы, што сама розніца ў веравызнанні землеўладальнікаў і іх падданых ва ўсходніх рэгіёнах Рэчы Паспалітай забяспечыць пры неабходнасці падтрымку украінскага і беларускага сялянства.

Такім чынам, А. П. Ігнаценка звязаў сацыяльна-класавую барацьбу на беларускіх землях з палітычным жыццём Рэчы Паспалітай, уключаючы і падзелы гэтай краіны суседнім дзяржавамі. Праз пераважна новыя архіўныя дадзеныя выяўляецца палітычная роля народных нізоў у познафеадальны перыяд, што ўвогуле дае падставы для спецыяльнага вывучэння палітычнай гісторыі сялянства значна раней, чым яно было вызвалена ад прыгоннай няволі.

Безумоўна, пры абагульненні фактаў іншы раз не абыходзілася без катэгарычных высноў і стэрэатыпаў, характэрных для савецкай гісторыографіі. Такі быў час і ідэалагічныя ўмовы працы вучоных-гуманітарыяў. Здаралася, шаноўны прафесар уступаў у палеміку з калегамі па гісторычным

цэху, крытыкаваў і крытыкаваўся, высвятляючы спрэчныя пытанні нашай мінуўшчыны. Цікавіўся ўсім прынцыпова новым, што з'яўлялася ў беларускай гістарычнай навуцы. А яго публікацыі, ва ўсякім разе, нікога не пакідалі абыякавымі.

Аляксандр Пятровіч ніколі не хваліўся дасягненнямі, не выстаўляў іх на паказ. Калегі па кафедры адзначалі яго значную працаздольнасць, энцыклапедычныя веды, высокі аўтарытэт сярод студэнтаў [1, арк. 109–110]. Аляксандр Пятровіч не сумняваўся ў слушнасці абранага творчага шляху і дастойнасці свайго навуковага даробку. Іншая рэч, што не ўсе задумкі ўдалося ажыццяўіць. Аб іх шматграннасці сведчаць пералічаныя вышэй працы, а таксама рукапіс кнігі аб падзеях Паўночнай вайны ў Беларусі, што яшчэ чакае свайго выдаўца. Плённы працяг на гістарычным факультэце маюць яго пачыненні ў галіне кірыніцаўства.

Спадчына вучонага працягваеца і нарочтваеца працай аспірантаў, якім ён перадаў свае навыкі і вопыт. Дзесьць чалавек абаранілі кандыдацкія дысертацыі пад яго кіраўніцтвам. Іншым Аляксандр Пятровіч аказваў усемагчымае садзейнічанне. Прыйшлі прынцыпавасць і добразычлівасць Настаўніка выклікае ўдзячнасць усіх яго вучняў. Надзвычайная працевітасць, настойлівасць у дасягненні паставленай мэты, нязломнасць перад цяжкасцямі і нягодамі з'яўляюцца прыкладам для цяперашняга і наступных пакаленняў навукоўцаў.

Бібліографічны спіс

1. Асабістая справа Ігнаценкі А. П. 1958–1998 гг. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Воп.10. Спр. 713.
2. Асабістая справа Ігнаценкі А.П., які прадстаўлены на зацвярджэнне ў вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. 1964–1966 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп.10. Спр. 288.
3. Ігнаценка Аляксандр Пятровіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. – Т. 1.: Абаленскі – Кадэнцыя / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2007. С. 663.
4. Асабістая справа Ігнаценкі А.П., які прадстаўлены на зацвярджэнне ў вучоным званні дацэнта па кафедры гісторыі СССР. 1966 г. // НАРБ. Ф. 205. Воп.10. Спр. 289.
5. Сосна, У. А. Навуковая спадчына А. П. Ігнаценкі // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2007. С. 99–103.

Довгялло Михаил Степанович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**ВКЛАД РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В НАУКУ, КУЛЬТУРУ И ПОДГОТОВКУ КАДРОВ
(НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА СХС)**

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне представители правительства Сербии, Югославянского комитета и Народного веча пришли к соглашению об объединении всех югославянских земель и создании нового государства. 1 декабря 1918 г. в Белграде сын короля Петра Кара-Георгиевича принц-регент Александр провозгласил объединение Сербии с Государством СХС и создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) [14, с. 12]. Королевство СХС (с 1929 г. Югославия) стало «второй родиной» для огромного количества российских эмигрантов, прибывших в страну после революции и гражданской войны. Часть беженцев составляли солдаты белой армии, а часть – гражданские лица. Армию генерала Врангеля правительство встретило не как эмигрантскую, а как действующее военное формирование, который, несмотря на советы из Лондона, решил продолжать борьбу против большевиков [4, с. 24]. Согласно исследованию, проведенному в Королевстве СХС в 1921 г., 69% русских эмигрантов составляли мужчины, 66% из которых в возрасте от 19 до 45 лет. Уезжали русские (95,2%), мужчины (73,3%), лица среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%) [10, с. 39; 7, с. 17–18]. Они прибыли в традиционное аграрное общество, где около половины населения не умело читать и писать.

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере определила решение принять в страну более 40 тыс. русских эмигрантов, а королевское правительство настаивало на официальном непризнании советской власти. Такому поведению политической элиты способствовало несколько причин, одной из которых являлось политическое влияние многочисленных эмигрантов, проживавших в стране. По приблизительной оценке монархисты в Королевстве СХС имели поддержку 80–90% политически активных эмигрантов, 8–9% поддерживали кадетов, а эсеров – всего лишь около 1% [6, с. 17–18]. Королевство оказалась одним из последних европейских государств, которое признало Советский Союз и установило дипломатические отношения. Это случилось лишь после начала Второй мировой войны – 24 июня 1940 г. [2, с. 185; 20, с. 316].

В Королевстве СХС эмигранты из России находились в привилегированном положении. Поскольку до октября 1917 г. Россия предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу [16, с. 179]. Власти открыли двери своей страны перед воинскими подразделениями и многочисленными гражданскими лицами, помогли им обосноваться в крупнейших городах и в сельской местности. Причины прагматического поведения серб-

ских властей вытекали из острой потребности нового государства в квалифицированных специалистах. Многие высшие учебные заведения, технические училища и административные органы управления находились в стадии становления и испытывали необходимость в обученных кадрах.

Высшее образование можно было получить в одном из трех университетов – Белградском, Загребском или Люблянском. Крупнейшими были университеты Белграда и Загреба. Они имели философский, медицинский, юридический, физико-математический, агрономический, лесной, богословский и другие факультеты. Правительство Королевства СХС способствовало решению многих проблем русских эмигрантов: получению или завершению образования, нахождению работы после окончания высшего учебного заведения. Русские эмигранты составляли большинство из числа иностранных студентов Белградского университета. Так, например, в 1925/1926 учебном году из 1104 студентов-иностраниц 961 человек были русскими [18, с. 32]. Свыше 1/3 студентов всех югославских университетов учились на юридических факультетах, поскольку государство нуждалось в административных кадрах.

На территории Королевства СХС были действительны, в отличие от других западноевропейских государств, все дипломы об образовании и ученыe степени, полученные в России. Даже воинские звания, полученные в России до Февральской революции, считались действительными [6, с. 11]. Власти нового государства позволили русским эмигрантам открывать свои школы, больницы, библиотеки, книжные магазины, организовывать свои типографии, печатать газеты, журналы, книги. В стране находилось 8 средних учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 тыс. учащихся. Они содержались за счет Державной комиссии [3, с. 301].

Российские инженеры, врачи, педагоги, военные, творческая интеллигенция внесли весомый вклад в развитие культуры, науки, подготовке кадров. Русские составляли до 10% творческой интеллигенции Сербии. В эмиграции было 427 русских ученых, среди них 5 академиков, 140 профессоров русских университетов [18, с. 31]. Русские ученые и профессора работали в Белградском университете, где достаточно быстро освоили и стали читать лекции на сербском языке. Уже в первый после массового прибытия эмигрантов учебный год (1920/1921) больше всего русских преподавателей работало в Белградском университете 43 из 70. Среди них были и ученые европейского уровня, такие специалисты как историк славянского и сербского права Ф. В. Тарановский. Он был профессором энциклопедии права и истории, славянских прав Белградского университета. Когда здесь 17 лет не преподавалась история славянского права. В 1931 и 1935 гг. издал четыре тома «История сербского права в государстве Неманичей» [19, с. 11]. Следует отметить так же, что историк, музыковед, литературовед А. В. Соловьев читал курс по сравнительному славянскому праву на юридическом факультете Белградского университета, занимался изучением истории сербского средневекового права, защитил докторскую диссертацию «Законник короля Стефана Душана» – одно из лучших исследований этого источника. Одновременно в 1921–1935 гг. он преподавал русский язык и

литературу в старших классах 1-й русско-сербской гимназии [13, с. 586–587]. Русский историк и филолог, протоиерей, один из наиболее ярких представителей белоэмигрантов, основатель югославской палеографической науки В. А. Мошин [1, с. 183]. В числе его научных интересов были славистика, византистика, славянская и греческая палеография. На философском факультете Белградского университета работал российский и югославский математик, известен как один из основателей белградской школы механиков А. Д. Билимович. Он был одним из основателей Российского академического кружка в Югославии, Математического института Сербской АН, Югославского общества механиков. Участвовал в подготовке пятиязычного словаря (сербско-русско-франко-англо-немецкого) математических терминов. Перевел на сербский язык «Начала» Евклида. Одним из проявлений признания заслуг А. Д. Билимовича в науке и образовании в Королевстве является статья о нем в Югославской энциклопедии, появившаяся еще при его жизни [13, с. 88–90]. В Люблянском университете русских было 15% от всех преподавателей, родившихся вне Королевства. Меньше преподавателей работало в Загребском университете – 2,7%. Благодаря своей научной деятельности и знаниям в академики сначала Сербской королевской академии, а потом Сербской АН и искусств было принято 11 русских ученых-эмигрантов [17, с. 94–95]).

В Королевстве в 1920-е годы работало несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала не только переориентации югославского градостроительного искусства от провинциализма к общеевропейским художественным тенденциям, но и в восстановлении сильно пострадавшего в годы Первой мировой войны Белграда (по их проектам был выстроен ряд зданий и сооружений). Российскими специалистами в эти же годы была составлена геологическая карта Македонии, открыт и оборудован большой хирургический госпиталь в Панчево вблизи Белграда и т.д. [5, с. 255].

Опера и балет в Сербии были созданы непосредственно российскими эмигрантами. Хореографы Н. И. Легат и Б. Н. Князев заклали основы классического балета в Белграде. С 1920 до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132 участвовали русские артисты [9, с. 203]. В 1929 г. была открыта и театральная школа А. Ф. Черепова с классами художественного чтения, ораторского искусства, сценической практики для певцов и учеников частных школ пения. К концу года в ней насчитывалось 108 человек – как русских, так и сербов – в возрасте от 18 до 63 лет [8, с. 27]. В Хорватии и Словении русское влияние было менее ощутимым. К 1921 г. на территории Королевства СХС было 215 колоний русских беженцев, в Словении и Хорватии находилось всего 30 русских колоний [12, с. 19].

В Королевстве был создан «Союз русских писателей и журналистов в Югославии», который был принят под духовное покровительство короля Александра I Карагеоргиевича. Самой известной акцией этого союза стало проведение в Белграде в 1928 г. Первого (и единственного) в зарубежье съезда русских писателей и журналистов [15, с. 581].

Выдвинутая русской общиной идея создания своего культурного центра в Белграде была охотно поддержана королём Александром I, патриархом Сербской православной церкви Варнавой, а также многими политиками и деятелями культуры королевства. В двадцатые годы XX в. Белград превратился в один из крупнейших центров российской эмиграции, стал научным и издательским центром в Королевстве и одним из основных в Европе. В стране выходило около 150 наименований русской периодики. Развитию русского книгопечатания способствовал учрежденный в 1928 г. Комитет русской культуры. В Белграде был построен и открыт культурный центр русской эмиграции – «Русский дом им. императора Николая II». В здании разместились: Русский научный институт, Русская публичная библиотека, русско-сербские мужская и женская гимназии, Музей императора Николая II, театральные труппы, балетная студия и другие учреждения. Русский институт занимался активной издательской деятельностью. Так, до начала Второй мировой войны было издано 11 томов [11, с. 9–10]. «Русский Белград» как историко-культурное явление просуществовал два десятилетия. Он сыграл важную роль в сохранении русского духовного наследия и внес богатейший вклад в развитие науки и культуры Королевства СХС. А Югославия явилась единственной страной, где российская диаспора фактически стала частью местного социума [12, с. 3].

Таким образом, российская эмигрантская интеллигенция в Королевстве СХС оказала большое влияние на общественное сознание, внесла вклад в развитие науки, культуры и подготовку кадров для развития страны. Не в пример другим европейским странам, где поселились эмигранты из России, в Королевстве со вниманием отнеслись к своим новым жителям, и со стороны подавляющей части местного населения, и на официальном уровне, и со стороны государственных властей.

Библиографический список

1. Булатова, Р. В. Основатель югославской палеографической науки – В. А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 183–199.
2. Довгяло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник. Минск: Тетра-Системс, 2006. 272 с.
3. Ипполитов, С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.
4. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербс. А. Ю. Тимофеева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. 488 с.
5. Кадиевич, А. Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя войнами // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX века. СПб., 2008. 427 с.
6. Козлитин, В. Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19.

7. Комин, В. В. Идейный и политический крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. 198 с.
8. Косик, В. И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–44.
9. Косик, В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. 288 с.
10. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М. 1996. 292 с.
11. Российские ученые и инженеры в эмиграции: Сб. / Рос. акад. наук; Под ред. В. П. Борисова. М.: ПО «Перспектива», 1993. 188 с.
12. Русская эмиграция в Югославии. М.: «Индрик», 1996. 350 с.
13. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энцикл. биографич. справочник. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.
14. Силкин, А. А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры / Отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: «Индрик», 2009. 427 с.
15. Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова / Под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. М.: МАКС Пресс, 2004. 613 с.
16. Сумская, М. Ю. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX в.: социальная, правовая и экономическая адаптация. Пятигорск: Рекламно-инф. агентство на Кавминводах, 2011. 200 с.
17. Танин, С. Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009. 304 с.
18. Тесемников, В. А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921–1941 гг.) // Роль Русского Зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тезисы докладов науч. конф.. Москва, 13–15 апреля 1993 г. М., 1993. 105 с.
19. Томсинов, В. А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья шестая. Федор Васильевич Тарановский: Судьба и творчество // Законодательство. 2003. № 4. С.87–90; № 5. С. 87–91.
20. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. Ф. Никифоров. М.: «Индрик», 2011. 888 с.

Доўнар Таісія Іванаўна

Беларускі дзяржавны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ГІСТОРЫКА-ПРАВАВАЯ НАВУКА Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Утварэнне БДУ стала падставай станаўлення і развіцця савецкай гісторыка-прававой навукі Беларусі. Пачатак гэтаму быў пакладзены працамі першага рэктара У. І. Пічэты, у даследаваннях якога гісторыя беларускай дзяржаўнасці займала галоўнае месца. Важным было тое, што рэктар паставіў

перед беларускімі навукоўцамі мэту – напісаць сапраўдную гісторыю Беларусі. Пад яго кіраўніцтвам многія айчынныя і замежныя даследчыкі (К. І. Кернажыцкі, М. М. Улашчык, А. В. Бурдзейка, Т. І. Забела, Д. А. Дудкоў, В. Д. Дружыць, К. І. Таўсталес і інш.) пры распрацоўцы гісторыі Беларусі закраналі, або непасрэдна даследавалі пытанні прававой гісторыі. Навукоўцы ўдзельнічалі ў выданнях гістарычных дакументаў і матэрыялаў (“Беларускі архіў” і інш.), што значна садзейнічала развіццю гістарычнай і гісторыка-прававой навук Беларусі.

Менавіта пад кіраўніцтвам У. І. Пічэты актыўна распрацоўвалі пытанні прававой гісторыі Беларусі А. В. Бурдзейка, В. Д. Дружыць, Т. І. Забела, К. І. Таўсталес і інш. Так, А. В. Бурдзейка прысвяціў шэраг сваіх прац прававому становішчу сялянства Беларусі. В. Д. Дружыць напісаў значныя працы па гісторыі магдэбургскага права, дзе даказваў, што нямецкае права не проста пераймалася беларускімі гарадамі, а перапрацоўвалася адпаведна старажытнаму гарадскому праву Беларусі. Т. І. Забела ў сваіх даследаваннях адносна становішча насельніцтва Беларусі паказаў ролю заканадаўства (Статута 1588 г. і інш.) ва ўмацаванні прыгонніцкіх адносін і г.д. Актыўізацыі навуковай дзейнасці садзейнічала стварэнне пры БДУ навуковага таварыства, якое мела і юрыдычную секцыю.

Выкладчыкі БДУ прымалі ўдзел у працы заснаванага у 1922 г. Інстытуце беларускай культуры, дзе была створана камісія па савецкаму будаўніцтву (пераўтвораная потым у прававую секцыю), а таксама створанай у 1929 г. Беларускай акадэміі навук.

Айчынных правазнаўцаў у той час цікавілі многія пытанні: аб прававых формах узаемаадносін савецкіх рэспублік, перспектывах развіцця права і заканадаўства і інш. Так, савецкаму дзяржаўнаму праву былі прысвячаны працы В. Н. Дурдзянеўскага, П. М. Галанзы, М. М. Гуткоўскага, І. І. Крыльцова, Н. А. Канапліна, Л. А. Рудзіцкага, Р. Я. Парэчына; грамадзянскому праву і працэсу БССР – М. В. Грэдзінгера, Ф. І. Гаўзе; крымінальному праву і працэсу – В. М. Шыраева, Н. Н. Краўчанка; працоўнаму праву – І. В. Зайчык, шлюбна-сямейнаму – К. І. Таўсталес і г.д. [1, с. 14]. Пры гэтым правазнаўцы ў кантэксле распрацоўкі тагачасных прававых проблем надавалі ўвагу гістарычнаму аспекту. Так, пытанні гісторыі права закраналіся ў публікацыях Н. А. Бонч-Асмалоўскага, Е. А. Вішнеўскага, М. В. Грэдзінгера, Ф. І. Гаўзэ, Н. М. Гуткоўкага, М. А. Канапліна, Р. Я. Парэчына, В. М. Шыраева і іншых навукоўцаў. Напрыклад, адзін з першых беларускіх даследчыкаў нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі Р. Я. Парэчын выдаў кнігу «Наша Канстытуцыя» (1928), прысвяченую папярэдняму развіццю беларускай савецкай дзяржаўнасці і аналізу Канстытуцыі БССР 1927 г., дзе пазначыў і ўласнае разуменне асноўных этапаў развіцця беларускай савецкай дзяржаўнасці з 1917 па 1927 гг. Прафесар Н. А. Канаплін і дацэнт Л. А. Рудзіцкі выдалі ў 1931 г. манаграфію «Выбары тут і там» (1931), у якой, параўноўваючы савецкую сістэму выбараў з буржуазнай, падкрэслівалі, што апошняя з цягам часу страчвае сваю прагрэсіўнасць [2, с. 246].

Усе даследаванні, у тым ліку нешматлікія гісторыка-прававыя, ажыццяўляліся ў кантэксце агульных савецкіх уяўленняў і пад кантролем кіраўніцтва Камуністычнай партыі. З канца 1920-х гадоў яны ўвогуле падпадаюць пад жорсткі ідэалагічны кантроль, а ў сувязі з разгортваннем барацьбы з т.зв. “нацыянал-дэмакратызмам” многія навукоўцы былі рэпрэсіраваны. Наступствам гэтага стала значнае скарачэнне і ўсё большая ідэалагічная накіраванасць навуковых даследаванняў. Аднак у цэлым навукоўцы перадваеннага перыяду заклалі даволі трывалыя падставы далейшага развіцця савецкай прававой і гісторыка-прававой навук Беларусі.

У пасляваенны час актывізацыі прававых даследаванняў садзейнічала пераўтварэнне Мінскага юрыдычнага інстытута ў юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (1954). Акрамя таго, у кантэксце некаторага павелічэння самастойнасці савецкіх рэспублік пачала актывізавацца дзеянасць заканадаўчых органаў БССР, вынікам чаго стала прыняцце ў 1960-я гады шэрагу новых нарматыўных прававых актаў (кодэksаў і інш.), якія распрацоўваліся пры актыўным удзеле навукоўцаў БДУ. Усё гэта значна паспрыяла больш актыўнаму развіццю айчыннай гісторыка-прававой навуки.

Менавіта ў гэты перыяд быў пакладзены пачатак новаму кірунку гісторыка-прававой навукі – гісторыі дзяржавы і права Беларускай ССР. Другуюцца кнігі С. П. Маргунскага («Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе ее развития» (1953) і «Государственное строительство БССР в годы восстановления народного хозяйства. 1921–1925 гг.» (1966), а таксама іншых навукоўцаў. У 1958 і 1969 гг. з удзелам навукоўцаў юрыдычнага факультета (Ю. П. Броўка, М. В. Сторажаў, І. А. Юхо і інш.) былі выдадзены «Очерки по истории государства и права БССР» у двух частках. Пазней у 1970 і 1976 гг., дзякуючы супрацоўніцтву навукоўцаў БДУ, АН БССР і Мінскай вышэйшай школы МВД СССР, былі надрукаваны два тамы «Истории государства и права Белорусской ССР» (С. П. Маргунскі, І. І. Пацяружка, В. М. Арцёмава, Ю. П. Броўка, М. В. Сторажаў, У. І. Семянкоў, У. І. Шабайлаў, І. А. Юхо і інш.). У гэтих кнігах, нягледзячы на агульныя рамкі савецкага падыходу, навукоўцы паказалі харектэрныя рысы і асаблівасці дзяржаўна-прававога развіцця БССР папярэдняга савецкага перыяду.

У перыяд з 1960 па 1980-я гады навукоўцамі БДУ і АН БССР было выдадзена параўнальная шмат кніг па гісторыі дзяржавы і права, у тым ліку працы: А. С. Фарфеля «Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции временного правительства» (1969); А. А. Галаўко «Деятельность Советов Белоруссии по осуществлению экономической политики в деревне в 1927–1936 годах» (1968); Л. А. Прыходзькі «Государственно-правовое руководство коллективизацией сельского хозяйства Белоруссии» (1972); С. П. Маргунскага і Л. І. Кукрэш «Интернациональное и национальное в государственном строительстве Белоруссии (1917–1920)» (1978); І. І. Марціновіч «История суда в БССР» (1961), «Адвокатура в БССР» (1973); В. А. Крыталевіча «Административно-территориальное устройство БССР» (1966), «Формирование сельского

поселения нового типа» (1977), «Рождение Белорусской Советской Республики» (1975, 1979) і інш. Друкуюцца таксама даследаванні, прысвечаныя гісторыі арганізацыйнай структуры і дзейнасці цэнтральных органаў улады і кіравання Беларускай ССР: М. А. Слабодчыкаў «Совет Народных Комиссаров БССР в 1926–1936 гг.» (1977), А. Т. Шырокая «ЦИК Белорусской ССР в 1919–1936 гг.» (1979); а таксама міжнароднай дзейнасці і гісторыі міжнародных адносін БССР: Ю. П. Броўка «Международная правосубъектность БССР» (1967) і «Белорусская ССР – суверенный участник международного общения» (1974) і г.д.

Аднак, у гэты перыяд толькі некаторыя працы былі прысвечаны дасавецкаму перыяду дзяржаўна-прававой гісторыі Беларусі. Перш за ўсё – гэта навуковыя артыкулы І. А. Юхса, прысвечаныя ў асноўным гісторыі дзяржавы і права Беларусі феадальнага перыяду, а таксама яго першая манаграфія «Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.» (1978). Таксама ў шэрагу артыкулаў С. Ф. Сокала, а пазней у яго кнігах – «Социологическая и правовая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в.» (1974) і «Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первая половина XVII вв.» (1984) разглядаліся пытанні гісторыі айчыннай палітыка-прававой думкі.

Патрэбна адзначыць, што ў гэты ж час пытанні дзяржаўна-прававой гісторыі Беларусі закраналі ў сваіх працах многія гісторыкі (М. І. Ермаловіч, А. П. Грыцкевіч, З. Ю. Капыскі, Д. Л. Пахілевіч, М. М. Улашчык і інш.). У цэлым жа тагачасная савецкая наука знаходзілася пад кантролем класава-парцыйных установак. У сувязі з гэтым многія пытанні не закраналіся ўвогуле і амаль не друкаваліся гістарычныя помнікі права.

Толькі з набыццём Беларусі рэальнага суверэнітэту пачаўся якасна новы этап развіцця айчыннай юрыдычнай науکі, які прайвіўся ва ўсіх яе галінах і накірунках, у тым ліку ў сферы гісторыі дзяржавы і права. Аб'яднаныя намаганні беларускіх вучоных-юрыстаў былі накіраваны на пошук найбольш эфектыўных спосабаў рэформавання грамадскіх адносін і сродкаў удасканалення палітычнай сістэмы, на выпрацоўку тэарэтычных падстаў, шляхоў і сродкаў ажыццяўлення прававой рэформы і фарміраванне якасна новай прававой сістэмы. Усё гэта было б немагчымым без уліку гістарычнага вопыту развіцця дзяржавы і права Беларусі, у сувязі з чым значна павялічылася роля гісторыка-прававой науکі.

У канцы XX ст. пад кіраўніцтвам прафесара БДУ І. А. Юхса дзейнічала ўжо навуковая гісторыка-прававая школа Беларусі. Беларускія гісторыкі права (А. Ф. Вішнеўскі, І. У. Вішнеўская, Л. Л. Голубева, Г. В. Дзербіна, Т. І. Доўнар, Ю. П. Доўнар, І. А. Саракавік, М. У. Сільчанка, С. Ф. Сокал, М. Ф. Чудакоў, В. А. Шаўкапляс і інш.) распрацоўвалі разнастайныя пытанні айчыннай гісторыі, прымалі ўдзел у перавыданні помнікаў права (Статута 1588 г. і Статута 1566 г. і інш.), падрыхтоўцы энцыклапедычных выданняў («Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (1995, 2003), “Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6-ці т.”

(1993–2004), “Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя ў 2 т.” (2005–2006) і інш.).

Увогуле найноўшы гістарычны перыяд пазначыўся значнымі дасягненнямі ў сферах гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, друкующа вучэбныя дапаможнікі і манаграфіі: А. Ф. Вішнеўскі, І. А. Юхі “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах” (1998, 2003); А. Ф. Вішнеўскі “Палітыка-прававы рэжым савецкай дзяржавы (1917–1953 гг.)” (2002), “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (2003, 2005) і інш.; Т. І. Доўнар “Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях” (2001), “Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па Статутах ВКЛ) (2001), “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” (2007, 2011, 2014); Л. Л. Голубева «Наследственное право феодальной Беларуси (по законодательству Великого княжества Литовского)» (2002), І. У. Вішнеўская “Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі” (2004), “Палітычная і правая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый. IX – пачатак XXI стст. (2007); Ю. П. Доўнар “Судовая рэформа XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім” (2007).

Актывізаваліся даследаванні гісторыі беларускага канстытуцыяналізму Так, Р. А. Васілевічам, Т. І. Доўнар, І. А. Юхі была выдадзена кніга “Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі” (2001). Станаўленню і развіццю канстытуцыйнага працэса ў Беларусі былі прысвечаны доктарская дысертация і манаграфіі М. Ф. Чудакова (2006 і інш.). У 2014 г. пабачыла свет кніга Р. А. Васілевіча «Проекты конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994 г.)», прысвеченая гісторыі распрацоўкі і прыняцця Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь.

Патрэбна адзначыць, што ў пачатку ХХІ ст. з'явілася кола маладых даследчыкаў, якія пачалі актыўна распрацоўваюць шматлікія “белыя плямы” прававой гісторыі і абараняць дысертациі. Так, у БДУ былі паспяхова абаронены кандыдацкія дысертациі: па гісторыі ваеннага права і ваенай юстыцыі (В. В. Каляда, 2010, А. І. Адамюк, 2012); прававому становішчу маёmacі права-слаўнай царквы ў ВКЛ (М. Г. Шукан, 2007); гісторыі грамадзянскага права БССР (Ю. І. Кавалеўская, 2011); гісторыі крымінальнага права БССР (С. А. Гур’еў, 2016); гісторыі айчыннага натарыяту (У. М. Ангельскі, 2016); гісторыі адвакатуры Беларусі (А. А. Гур’ева, 2017).

Нягледзячы на пэўныя дасягненні, у айчыннай гісторыка-прававой навуцы застаюцца значныя недахопы, звязаныя з адсутнасцю акадэмічнага цэнтра па каардынацыі навуковых даследаванняў і спецыяльных кафедраў па гісторыі дзяржавы і права Беларусі ў вышэйшых навучальных юрыдычных установах, а таксама малой колькасцю гісторыкаў права і інш. У сувязі з гэтым з'яўляюцца даволі рэдкімі новыя навуковыя тэмы і публікацыі, асабліва манаграфічныя, а таксама існуюць значныя прabelы ў даследаваннях айчыннай гісторыі дзяржавы і права. Так, мала даследаванымі застаюцца пытанні аб гістарычных крыніцах права і эвалюцыі права, гісторыі асобных інстытутаў і галін права, гісторыі ўлад-

ных, праваахоўных і іншых органаў, гісторыі судовай улады і дзейнасці канкрэтных судовых устаноў, гісторыі айчыннага канстытуцыяналізму і парламентарызму, гісторыі зямельных і іншых рэформаў у Беларусі, уплыву рэлігійнага фактара на развіццё дзяржаўнасці, аб дзяржаўна-палітычным развіцці Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай і шмат іншага.

Аднак у цэлым у сферы гісторыка-прававой навукі Беларусі пазначылася тэндэнцыя павелічэння колькасці навуковых публікаций. Акрамя таго, пашираецца амплітуда навуковай тэматыкі, высоўваюцца новыя ідэі, адбываеца пошук больш эфектыўных метадаў даследавання і г.д. Усё гэта з'яўляецца важкай падставай для больш дакладных уяўленняў аб гістарычнай эвалюцыі дзяржаўна-прававога развіцця Беларусі.

Бібліографічны спіс

1. *Доўнар, Т. І.* Гісторыя і сучаснасць універсітэцкай юрыдычнай навукі і адукацыі / С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. Мінск: БДУ, 2015. С. 5–36.
2. *Саракавік, І. А.* Станаўленне і развіццё юрыдычнай навукі і адукацыі ў Беларусі. Мінск: Выдавецтва “Перасвет”, 2013. 324 с.

Ершова Ольга Игоревна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

С. М. НЕКРАШЕВИЧ КАК ОРГАНИЗАТОР БЕЛОРУССКОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ

Степана Михайловича Некрашевича считают наиболее значимым специалистом в белорусском языкоznании 1920-х гг. За относительно короткий срок он проявил себя как талантливый организатор белорусской языковедческой науки и одновременно как добросовестный исследователь белорусского языка с широким диапазоном научных интересов [4, с. 3]. Он занимался проблемами белорусской лексикологии, лексикографии, диалектологии, истории языка, литературного языка новейшего периода, орфографии.

Выходец из крестьянской среды, С. М. Некрашевич получил педагогическое образование и работал учителем в школах Виленского учебного округа. С 1914 по 1918 г. он находился в действующей армии, после демобилизации служил в органах просвещения в г. Одессе, а в 1920 г. возвратился на Родину. В этом же году он стал сотрудником Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпрос) Белоруссии, занимая ряд должностей преимущественно научно-административного характера [9, л. 11]. Одновременно Некрашевич являлся председателем Научно-терминологической комиссии, организованной с целью создания научной терминологии для начального и среднего образования. За десятилетие после установления советской власти

члены Комиссии сумели проделать огромную работу по превращению белорусского наречия, разбитого на множество диалектов, в полноценный литературный язык с установленными языковыми нормами. По итогам работы Комиссии, с 1922 по 1930 г., было издано 23 выпуска обработанной и утвержденной белорусской научной терминологии. Большинство этих терминов выдержало испытание временем и стало общепринятым [4, с. 3–4].

С. М. Некрашевич принял самое активное участие в организации Института белорусской культуры (далее – Инбелкульт), являясь с 1922 по 1925 г. его директором, а также председателем Отдела языка и литературы в составе Института и председателем Словарной комиссии [4, с. 4].

С января 1925 до июля 1926 г. С. М. Некрашевич стажировался, по командировке Наркомпроса БССР, в Научно-исследовательском институте языка и литературы при Ленинградском государственном университете, где его непосредственным руководителем был Е. Ф. Карский [11, с. 94]. Степан Михайлович установил связь с ленинградскими лексикографами, познакомился с их приемами подготовки словарей различных типов и организовал работу по выписке карточек из белорусских рукописных материалов, находившихся в ленинградских научных учреждениях [4, с. 5].

Вернувшись из Ленинграда, С. М. Некрашевич сделал доклад на языковедческой секции Инбелкульта, в котором предложил создать Словарь живого белорусского языка. Такой словарь должен был обнародовать, с необходимыми научными комментариями, лексические богатства белорусского языка, известные по всей этнографической территории Беларуси с начала XIX в. до середины 1920-х гг., на основе которых мог бы формироваться и которыми мог бы пополняться в процессе дальнейшего развития белорусский литературный язык. Некрашевич представил коллегам принципы составления Словаря, определил источники сбора необходимого материала, ориентировочные сроки подготовки [4, с. 5]. Летом 1926 г. ученый выехал в Польшу по командировке Инбелкульта с целью организации сбиания народной лексики для Словаря живого белорусского языка на территории Западной Беларуси [9, л. 11].

По возвращении в БССР в начале 1926/1927 академического года С. М. Некрашевич продолжил работу в Инбелкульте в качестве председателя Отдела языка и литературы. С 1922 г. он вместе с исследователем Н. Я. Байковым работал над созданием переводных сборников. В результате за очень короткий срок появились: в 1926 г. – «Беларуска-расійскі слоўнік» на 30 тыс. слов, в 1928 г. – «Расійска-беларускі слоўнік» на 60 тыс. слов. До выхода в 1953 г. «Русско-белорусского словаря» под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки эти словари являлись самыми фундаментальными работами данного типа [3, с. 251].

Осенью 1926 г. в Отделе языка и литературы, которым руководил С. М. Некрашевич, была создана Фольклорно-диалектологическая комиссия во главе с П. А. Бузуком, занимавшаяся сбором диалектного материала. Данный материал послужил базой для подготовки ряда исследований по белорусской диалектологии. Степан Михайлович принимал и непосредственное участие в

изучении диалектов белорусского языка. Особое внимание он уделил Паричскому району Бобруйского округа (сейчас Паричи находятся на территории Светлогорского района Гомельской области), наречия которого оставались недостаточно исследованными. В 1927 и 1928 г. он выезжал сюда в экспедиции [2, с. 39]. По результатам работы в 1929 г. появился большой очерк «Да харктастыкі беларускіх гаворак Парыцкага раена». Для своего времени эта работа была одной из самых серьезных в белорусской диалектологии.

Со временем С. М. Некрашевич пришел к выводу о том, что сложно стать полноценным языковедом, не занимаясь историей языка. В 1928 г. вышла его работа «Мова кнігі Касьяна Рымляніна Ераміты “О уставах монастырских”», в которой впервые дается детальный графический, фонетический, грамматический анализ рукописного текста с упором на проявление белорусских языковых черт. В дальнейшем Некрашевич работал над исследованием по истории белорусского языка «Васіль Цяпінскі. Яго прадмова, пераклад евангелія на беларускую мову і мова пераклада» [2, с. 40]. Некрашевич понимал необходимость создания исторического словаря белорусского языка, считая, что он послужит ценным источником пополнения современного литературного языка. К 1928 г. в Комиссию по созданию исторического словаря поступило 24 тыс. карточек-слов, выписанных из Евангелия Каллиста 1616 г. и белорусских летописей [4, с. 10].

С. М. Некрашевич принимал активное участие в подготовке и проведении реформы белорусского правописания и алфавита, настаивая на упрощении форм правописания и графики. Большинство из его предложений были впоследствии положены в основу белорусского правописания, например, передача неударного *o* через *a*, передача гласных через *я* в первом слоге перед ударением и др. С 1 октября 1927 г. он возглавил Комиссию по правописанию. По итогам ее деятельности к апрелю 1929 г. родился Проект белорусского правописания, который после обсуждения специалистами был доработан. На основе усовершенствованного Проекта белорусское правительство приняло постановление «Об изменениях и упрощении белорусского правописания», которое впервые узаконило конкретные нормы правописания и грамматики белорусского языка [2, с. 37–39].

С 1922/1923 учебного года С. М. Некрашевич работал по совместительству в Белорусском государственном университете. Вначале он читал курс белорусоведения на медицинском факультете [8, л. 90 об., 97]. С 1927 г. Степан Михайлович приступил к преподаванию курса белорусской диалектологии на педагогическом факультете [9, л. 12–14]. Именно здесь учились будущие филологи, преподаватели белорусского языка, для которых «Белорусская диалектология» являлась профильным предметом.

26 декабря 1928 г., в связи с преобразованием Инбелкульта в Академию наук БССР, Некрашевич постановлением правительства был назначен действительным членом Академии и ее вице-президентом [12, с. 12, 146]. Кроме того, в Академии наук он исполнял еще целый ряд обязанностей: директора Инсти-

тута языкоznания, председателя Аспирантской комиссии и еще целого ряда Комиссий. При Наркомпросе БССР Некрашевич возглавлял Главное управление науки [4, с. 10; 11, с. 95].

Следует отметить и такое важное направление деятельности С. М. Некрашевича, как подготовка учебников на белорусском языке для национальной начальной школы. Он был автором белорусского букваря, называвшегося «Лемантар», и книги для чтения «Роднае слова», которые неоднократно переиздавались [5; 13]. Совместно с М. Байковым Некрашевич создал букварь для взрослых, внеся таким образом свой вклад в борьбу с неграмотностью [10].

Деятельность выдающегося ученого была прервана разворачивающимися в стране на рубеже 1920–1930-х гг. репрессиями против национальной интеллигенции. 13 августа 1930 г. Президиум БАН исключил С. М. Некрашевича из своего состава и уволил со всех постов. Это было сделано с формулировкой «принимая во внимание антисоветскую работу» [6, с. 23–24]. Известность Степана Михайловича, огромный вклад в культурное строительство БССР, видное место в рядах белорусской интеллектуальной элиты не только не спасли его от репрессий, а, напротив, поставили одним из первых в очередь на уничтожение. В 1931 г. по решению ОГПУ БССР академик отправился в ссылку в Удмуртию, а в 1937 г. был расстрелян в Минске [1, с. 80].

В целом, за период своей активной научной деятельности С. М. Некрашевич успел опубликовать более 30 научных работ, в том числе четыре монографии и словаря [7, с. 130]. Однако его труды и заслуги перед белорусской наукой и образованием постарались предать забвению. В октябре 1957 г. С. М. Некрашевич был посмертно реабилитирован Военной Коллегией Верховного суда СССР по второму приговору, в 1978 г. восстановлен в звании академика, а в июле 1988 г. Судебная коллегия Верховного суда БССР реабилитировала Некрашевича и по первому приговору «за отсутвием состава преступления» [1, с. 80].

Роль С. М. Некрашевича в организации белорусской языковедческой науки сложно переоценить, а его научные исследования не утратили ценность и в начале XXI в.

Библиографический список

1. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Сост. Н. В. Токарев. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 120 с.
2. Германовіч, І. К. Аб навуковай дзейнасці Сцяпана Міхайлавіча Некрашэвіча // Веснік БДУ. Сер., IV. 1972. № 3. С. 34–40.
3. Германовіч, І. Сцяпан Некрашэвіч // Полымя. 1967. № 6. С. 250–251.
4. Жураўскі, А. І. Сцяпан Міхайлавіч Некрашэвіч (Да 120-годдзя з дня нараджэння) // Беларуская лінгвістыка. 2004. Вып. 54. С. 3–11.
5. Лемантар / С. Некрашевіч. Мінск: Дзяржаўнае выд. Беларусі, 1925. 71 с.

6. Национальная академия наук Беларуси: историко-документальная летопись, 1928–2008 гг. / сост.: Г. В. Корзенко [и др.]. Минск: Белорус. наука, 2008. 604 с.
7. Национальная академия наук Беларуси: Персональный состав, 1928–2008 / сост.: О. А. Гапоненко [и др.]. Минск: Белорус. наука, 2008. 376 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 55.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5790.
10. Наша сіла ніва да машина: Лемантар для дарослых / М. Байкоў, С. Некрашэвіч, М. Багдановіч. Мінск: 2-е выд. галоўпалітасветы, 1927. 96 с.
11. Некрашевич С. М. // Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды: библиограф. словарь. Мінск: Изд-во БГУ, 1978. Т. 3. С. 94–96.
12. Петриков, П. Т. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Ред. Н. А. Борисевич. Мінск: Наука и техника, 1979. 152 с.
13. Роднае слова: другая пасля лемантара кніга да чытання / Пад рэд. С. Некрашэвіча. Мінск: Адраджэнне, 1922. 161 с.

Жигал Иван Владимирович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КНИГОПЕЧАТАНИЕ НА ВЕНГЕРСКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ В ТРАНСИЛЬВАНИИ В XVI–XVII вв.

До XVII в. языком культа, а также языком канцелярии был церковнославянский (*limba bisericăescă* или *limba slavonă*). Первые свидетельства об использовании письменности на румынском языке относятся к XV в., однако самый старый документ, дошедший до нас, – «Письмо Никшу из Кымпулунга» («Scrisoarea lui Neacșu din Câmpulung») – датируется 1521 г. В основе письменного румынского языка лежал кириллический алфавит, которым пользовались вплоть до 1860-х гг., когда был осуществлён переход на латинский алфавит. В мультиэтнической Трансильвании румынское книгопечатание осуществлялось в четырёх городах – Сибиу, Брашове, Альба-Юлии и Блаже.

Сибиу. Первая типография в Трансильвании начала функционировать в 1528 г. в Сибиу под руководством сакса Лукаса Траполднера. С 1544 по 1552 гг. в типографии существовало отделение, использовавшее при наборе кириллические буквы, и печатавшее книги на румынском и церковнославянском языках. Именно здесь была напечатана первая книга на румынском языке – в 1544 г. Филипп Молдовянул издал «Румынский катехизис» («Catehismul românesc»). Филипп Молдовянул также издал в 1551–1553 гг. славяно-румынское Тетраевангелие («Tetraevanghelul slavo-român») [1].

Катехизис 1544 г. носит также название «Лютеранский катехизис» («Catehismul luteran»), так как он был отредактирован согласно лютеранскому вероучению, с его помощью священники-саксы расширить своё присутствие среди румынов. Не сохранилось ни одного экземпляра «Румынского катехизиса», его существование катехизиса подтверждают сохранившиеся в городском архиве Сибиу документы, свидетельствующие о том, что Филипп Молдовянул получил 2 флорина за печать катехизиса на румынском языке. Неполная копия катехизиса была обнаружена в библиотеке монастыря Блаж, и описана историком Тимотеем Чипариу. К сожалению, она также не сохранилась.

Славяно-румынское Тетраевангелие, являющееся самым старым изданием на румынском языке, которое дошло до нас, сохранилось фрагментарно, в одном единственном экземпляре, и находится в коллекции редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Брашов. Дьякон Коресь был родом из Тырговиште, там он и изучал ремесло книгопечатания у сербского священника Димитрия Любавича. В 1559 г. Коресь поселился в Брашове, где и создал свою типографию. Вплоть до своей смерти в 1583 г. он напечатал 11 книг на румынском языке и 24 на церковнославянском.

Цель прибытия Кореся в Брашов до сих пор неясна, считается, что он прибыл в город по приглашению его примара – Йоханнеса Бенкнера. Можно предположить, что примар Брашова преследовал целью приобщение румын к лютеранству. Косвенно это подтверждает тот факт, что первые книги на румынском языке содержат неуважительные замечания касательно православной веры [2].

Издательская деятельность Кореся в 1559–1565 гг. была довольно активной, после чего пошла на спад, в первую очередь это было связано со смертью в 1565 г. Йоханнеса Бенкнера, финансировавшего ряд изданий. Наиболее важными книгами, изданными в этот период, являются «Катехизис» (1560), румынское «Тетраевангелие» (1561), «Правила святых отцов» (1560–1562), «Апостол» (1563), «Казания» и «Молитвенник» (ок. 1567).

После 1569 г. Коресь возобновил связи с Валахией и начал печатать книги по указанию православной церкви. Начиная с этого периода, были опубликованы «Псалтырь» (1568), «Румынский псалтырь и литургия» (1570), «Славяно-румынский псалтырь» (1577) и «Казания» (1581). Книги издавались примерно по 100 экземпляров, за исключением румынского псалтыря, который был издан в 500 экземплярах. Они широко распространились по всему румынскому пространству.

Сын Кореси – Щербан издал в г. Орэштие первый перевод (частичный) Ветхого Завета на румынском языке, получивший названия «Палия из Орэштие» (1582).

Альба-Юлия. По просьбе трансильванского князя Дьёрдя I Ракоци типограф и кантор Попа Добре отправляется из Валахии в Альба-Юлию, чтобы заложить фундамент для новой типографии, профинансированной господарем Валахии Матеем Басарабом. Новая румынская типография функционировала с

перерывами до 1702 г. Первой книгой, напечатанной здесь, стало «Учительское Евангелие» (1641).

На средства Дьёрдя I Ракоци был издан первый полный перевод Нового Завета на румынский язык, также известный как «Новый Завет из Белграда» (1648). В 1699 г. был издан первый букварь на румынском языке – «Букоавна из Белграда». «Букоавна» представляла собой букварь, включавший в себе основные моменты литургии».

Блаж. В 1747 г. была основана типография в Блаже – официальная типография греко-католической церкви. В течение 200 лет она непрерывно издавала религиозные и светские книги, школьные учебники. Первыми книгами, напечатанными здесь, являются «Цветок правды» (1750), «Часлов» (1751), «Литургия» (1756), «Молитвень» (1757), «Октоих» (1760).

С «Букоавны», напечатанной в 1777 г., открывается серия изданий греко-католических букварей. В 1785 г. был издан перевод австрийского учебника «Арифметические вычисления», выполненный известным историком и филологом Георге Шинкае, этот перевод стал первым арифметическим руководством на румынском языке, напечатанным в Трансильвании [3].

Библиографический список

1. *Doru Bădără. Tiparul românesc la sfârșitul secolului al XVII-lea și începutul secolului al XVIII-lea.* Brăila, 1998. 247 p.
2. *Mircea Tomescu. Istoria cărții românești de la începuturi până la 1918,* București, 1968. 214 p.
3. *Olimpia Mitric. Din istoria cărții românești.* Suceava, 2002. 122 p.

Захаркевич Сяпан Артуравіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

БАРАЦЬБА ЗА ЗАХОДНЯ ЭТНАГРАФІЧНЫЯ ГРАНІЦЫ БЕЛАРУСІ: ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА САВЕЦКАГА ЭТНОГРАФА М. Я. ГРЫНБЛАТА ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

У назыву артыкула пакладзеныя слова У. И. Пічэты, агучаныя падчас дыскусіі на спецабароне кандыдацкай дысертацыі М. Я. Грынблата. Пратакол гэтай абароны ўдалося знайсці ў Архіве Расійскай акадэміі навук. Абарона адбывалася па спецтэме і на справе стаяў грыф “сакрэтна”. Дзякую Богу, грыф знялі і справы рассякрэцілі.

Пры разглядзе гэтых рассакрэчаных справаў адкрылася цікавая карціна ўдзелу М. Я. Грынблата падчас вайны ў распрацоўцы некалькіх сакрэтных тэмаў у межах супрацоўніцтва савецкіх (перадусім маскоўскіх) этнографаў з Наркаматам замежных спраў СССР, упраўлення спецыяльных заданняў Галоўнага выведвальнага упраўлення Генштаба Чырвонай арміі. Таксама атрымалася

знайсці пратаколы абароны яго кандыдацкай дысертациі, падрыхтаванай якраз на падставе выкананых сакрэтных заданняў.

Уздел этнографаў у ваенных справах у якасці экспертаў ці нават ваенных спецыялістаў дастаткова шырока вядомы. Праца амерыканскіх антраполагаў на чале з Рут Бенэдыкт па вывучэнню японскай культуры для арміі ЗША, афрыканіста Э. Эванса-Прычарда ў падбухторванні ануакаў супраць італьянскіх войскаў на карысць Англіі, даследчыка Бірмы Эдмунда Ліча (капітана брытанскай арміі), які арганізоўваў супраціў качынаў японцам і г.д. Савецкія этнографы таксама не засталіся ў баку ад вайны. Такім чынам, дадзены артыкул адчыняе яшчэ адную старонку – савецкую – так званай “антрапалогіі вайны”.

Артыкул будзе прысвечаны некалькім ваенным гадам жыцця і дзейнасці М. Я. Грынблата, якія да гэтага былі практычна невядомыя айчыннай гісторыяграфіі этналогіі. Гаворка пойдзе пра 1941–1945 гг. (з моманту эвакуацыі М. Я. Грынблата з сям'ёй з Мінску ў 1941 г. па красавік-май 1945 г., калі яны зноў вярнуліся ў Мінск).

Шукаючы матэрыялы, якія б высветлілі акалічнасці абароны кандыдацкай дысертациі М. Я. Грынблатам, у Архіве РАН знайшоўся шэраг дакументаў аб працы беларускага этнографа ў эвакуацыі ў Казані і Маскве. Цікавым з'яўлецца той факт, што частка тэкстаў спецтэмаў, выкананных Грынблатам знайшліся ў яго асабістым фонде ў Аддзеле рэдкай кнігі і рукапісаў Навуковай бібліятэкі АН Беларусі. Усе гэтыя дакументы разам дазваляюць паглядзець на творчасць М. Я. Грынблата, якая доўгі час была пад грыфам “сакрэтна”.

Вялікая Айчынная вайна аказала драматычны ўплыў як на беларускую этнографічную навуку, так і на савецкую ў цэлым. Мінск быў захоплены нямецка-фашистскімі войскамі амаль праз тыдзень. Большасць архіваў і фондаў вывезці не паспелі і яны былі знішчаныя, ці папросту зніклі іх лёс невядомы. Такая ж трагедыя сталася з працамі, якія былі ў друкарнях, ці на ўзоруні рукапісаў. Зніклі працы І. А. Сербава, рукапіс кандыдацкай М. Я. Грынблата і г.д. М. М. Нікольскі, як фармальны кіраўнік беларускай этнографіі не паспей эвакуявацца і застаўся ў акупацыі. І. А. Сербаў і М. Я. Грынблат здолелі выехаць з Мінска. У асабістым фондзе Маісея Якаўлевіча, які захоўваецца ў бібліятэцы АН Беларусі знаходзіцца некалькі пісем І. А. Сербава М. Я. Грынблату, якія дапамагаюць зразумець трагічныя абставіны гэтай эвакуацыі¹.

І. А. Сербаў эвакуіраваўся аж на Тамбоўшчыну, дзе выкладаў у педінстытуце і, нажаль, памёр, захварэўшы ўзімку 1942–1943 гг. М. Я. Грынблат апынуўся ў Марыйскай АССР, дзе працеваў раҳункаводам.

Савецкая “сталічная” этнографічная навука таксама перажыла драматычны лёс. Інстытут Этнографіі знаходзіўся ў Ленінградзе, які апынуўшыся ў блакадзе страціў ці не палову супрацоўнікаў [15]. Значная частка ацалелых у 1942 г. была вывезеная ў Ташкент, дзе працягнула працу. Новы імпульс развіццю і актывізацыі дзейнасці ІЭ даў новы кіраўнік – прафесар С. П. Талстой.

¹ Змест гэтых пісем часткова будзе надрукаваны ў артыкуле, прысвежаным І. А. Сербаву ў другім томе выдання “Інтэлектуалы БДУ”.

Далейшы лёс М. Я. Грынблата падчас вайны склаўся цалкам пад уплывам Дз.К.Зяленіна. Нашаму герою ў жыцці шанцавала на добрых настаўнікаў. Такім можна лічыць у адносінах да яго М. М. Нікольскага і Дз. К. Зяленіна. Першы дапамагаў яго кар'еры ў Беларусі і нават спас яго пасля вайны ад звольнення з Інстытута гісторыі АН БССР. Дз. К. Зяленін жа быў яго навуковым кіраўніком у Ленінградскім універсітэце і застаўся з ім у перапісцы і канакце праз усё жыццё. Хутчэй за ўсё менавіта член-карэспандэнт АН СССР Дз. К. Зяленін і прыцягнуў да працы па гэтай тэме беларускага этнографа М. Я. Грынблата. У асабістым фондзе М. Я. Грынблата захоўваецца пісьмо Дз. К. Зяленіна ад 13 студзеня 1943 г. у якім апошні запрашае нашага героя ў тэму: “Я атрымаў з Масквы (сам Зяленін знаходзіўся ў Самаркандзе – *aёт.*) даручэнне – распрацаваць “план-прастракт” работы ІЭ (Інстытута Этнографіі – *aёт.*) на 1943 г. па тэме “Захоўная этнографічная граніца СССР”. Вы названы як бліжэйшы выканаўца гэтай тэмы (...) Калі я буду распрацоўваць план без уліку Вашага вопыту, то магчымы вялікія разыходжанні і цяжкасці...” [17].

Па прызнанні нашага героя ва ўласнай аўтабіяграфіі з яго асабістай справы, у жніўні 1941 г. ён з сям'ёй быў эвакуаваны ў Нова-Тар'яльскі сельсавет Марыйскай АССР. З 10 чэрвеня 1942 г. М. Я. Грынблат пераезджае ў Казань, дзе быў адноўлены на пасадзе старшага навуковага супрацоўніка. Там ён працаваў у мясцовых бібліятэках. Потым, праз два месяцы, у лістападзе 1942 г. па запрашэнні АН БССР пераезджае ў Ташкент, дзе адразу ўключаета ў працу над планавай тэмай “Славянскія народы аб нямецкіх захопніках (гісторыка-фалькларыстычны нарыс)” [18, с. 9]. Дарэчы, трэба звярнуць увагу на якасная рыса гэтага пакалення людзей. Ва ўмовах эвакуацыі, калі не было зразумела, што будзе з людзьмі, дзе і як яны будуць жыць, за якія сродкі, амаль першае, што яны робяць – абіраюць планавыя тэмы сваёй працы.

Якраз з канца 1942 г. у Ташкенце пачаў працаваць філіял ІЭ АН СССР, якая атрымала назыву “ташкенцкая група”. Пры выкананні спецтэмаў гэтай групе не хапала спецыяліста па Беларусі. Кіраўніком спецтэмы быў Дз. К. Зяленін, які, хутчэй за ўсё, і запрасіў свайго вучня. М. Я. Грынблат добра ўпісаўся ў гэты калектыв. Потым, калі Дз. К. Зяленіна на пасадзе кіраўніка спецтэмы замяніў другі вядомы этнограф П. І. Кушнер Маісеій Якаўлевіч працягнуў працаваць па спецзаданні. У межах выканання сакрэтных тэмаў П. І. Кушнер актыўна камунікаваў з Грынблатам. Так, у адным з пісьмаў ён звяртаўся да нашага героя: “*Mixaіl Якаўлевіч! Існуе лі у Вас якая-небудзь сувязь з літоўцамі-этнографамі? З польскімі? Гэта вельмі важна, паколькі Вы закранулі зону мінулай этнічнай тэрыторыі літоўскіх плямён. Былі лі Вы ў раёне с. Галубоўкі, дзе яшчэ ў 1935 г. (польскі перапіс) жылі літоўцы? Вы прыгадалі аб Друскеніках (зараз Літ. ССР) – на супрацьлеглым берагу Нёмана (зараз БССР) яшчэ ў 1910 г. жылі яцвягі. Абеларусіліся яны зараз?...*” [17].

У пачатку снежня 1943 г. М. Я. Грынблат разам з “ташкенцкай групай” быў пераведзены ў Москву, дзе была працягнута праца па спецтэмах [18, с. 9].

У тэматычным плане навукова-даследчай працы Інстытута Энаграфіі АН СССР (далей – ІЭ) на 1943 г. у раздзеле “Этнаграфічныя пытанні пасляваеннага ладу свету” было пропісаныя, што будзе распрацоўвацца тэма “Заходняя этнаграфічная граніца СССР” у межах якой з трох падтэм дзве (“Беларуска-польская этнаграфічная граніца” і “Літоўска-нямецкая этнаграфічная граніца”) будуць выкананыя разам з старшым навуковым супрацоўнікам АН БССР М. Я. Грынблатам. Агульнае кіраўніцтва тэмай і падраздзелам “Украінска-польская, украінска-венгерская і украінска-чэхаславацкая этнаграфічная граніца” першапачаткова ажыццяўлялася членам-карэспандэнтам Дз. К. Зяленіным [3, л. 18]. Таксама ў справаздачы ІЭ за 1942 г. было пазначана, што Дз. К. Зяленін выкананыя па-за планам работу «Паліакі. Этнографічны нарыс», якая зараз мае “...асабліва актуальнае значэнне...”[3, л. 9].

Трэба адзначыць, што савецкія этнографы ўжо мелі вопыт выканання дзяржаўных заказных тэмаў, якія мелі важнае ідэалагічнае ці практычнае значэнне. Так, у 1939 г. Дз. К. Зеленін атрымаў спецыяльнае заданне наркамата замежных справаў скласці спраўку аб абласцях Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі, якія ўвайшлі ў склад СССР. У выніку гэтай працы ён падрыхтаваў у канцы 1939 – пачатку 1940-х гг. шэраг артыкулаў аб агульнасці культуры рускіх і “уз’яднаных украінцаў”[12]. У сборніку прац “Савецкая этнографія” за 1941 г. была агучана інфармацыя пра падрыхтоўку і здачу ў друк ілюстраванага гісторыка-этнографічнага альбома “Уз’яднаныя браты-украінцы і браты-беларусы” пад рэдакцыяй акадэміка Н. С. Дзержавіна, члена-карэспандэнта АН СССР Дз. К. Зяленіна і прафесара М. І. Артамонава [14, с. 167].

На пачатку вайны ІЭ складаўся з ташкенскай і невялічкай ленінградской частак. 22 снежня 1942 г. дырэктарам ІЭ быў прызначаны прафесар С. П. Талстоў. Яму дазволілі арганізаваць Маскоўскую группу, якая прыступіла да працы ў лютым 1943 г. і на працягу года ператварылася ў асноўнае структурнае падраздзяленне ІЭ. Штат з 37 адзінак канца 1942 г. быў павялічаны да 63 адзінак [1].

Можна з упэўненасцю канстатаваць, што ў гэты перыяд адбываеца інстытуяналізацыя савецкай этнографіі, павышэнне і замацаванне яе прыкладной ролі. Выкананне тэмаў для Генштаба Чырвонай Арміі, для НКЗС СССР з’яўляецца сведчаннем гэтага. Трэба адзначыць, што першапачаткова гэтыя тэмы выконвалі географы. Аднак адна з аналітычных запісак (эканамічнага географа А. С. Добраўа “Тры ўсходнія правінцыі Германіі (Усходняя Прусія, Сілезія, Памеранія)”) была ў сакавіку 1944 г. ацэнена негатыўна, асабліва яе частка, якая датычылася нацыянальнага пытання. Галоўнае палітычнае ўпраўленне Чырвонай Арміі накіравала гэты артыкул на дадатковую рэцензію ў Саюз польскіх патрыётаў у СССР, якая таксама дала моцна негатыўную ацэнку. Рэцензенты заяўлі, што аўтар некрытычна выкарыстаў нямецкія крыніцы і статыстыку, перабольшыўшы колькасць нямецкага насельніцтва [2].

Ташкенцкая, а з 1943 г. маскоўская група працавала па заказе розных дзяржаўных установаў СССР. Так, напрыклад, у справах фонду ІЭ А СССР

захаваўся невялікі фрагмент перапіскі дырэктара ІЭ С. П. Талстова з намеснікам наркома замежных спраў СССР М. М. Літвінава, які паралельна ўзначальваў Камісію па падрыхтоўцы мірных дамоваў і пасляваенному ладу. Так, 20 студзеня 1944 г. С. П. Талстоў пісаў М. М. Літвінаву: «Глыбокапаважаны Максім Максіміч! Дасылаю Вам работу, выкананую ІЭ АН СССР па Вашаму даручэнню. Астатнія работы знаходзяцца на стадыі афармлення и будуць передадзены Вам у найближэйшы час.

Не адмоўце даць водгук гэтай рабоце, а таксама паведаміць заўвагі і пажаданні, якія будуць улічаны працаўнікамі Інстытута пры выкананні аналагічных заданняў у будучыні» [8, с. 1]. 15 лютага 1944 г. С. П. Талстоў атрымаў адказ ад намесніка НКЗС СССР: «Паваж. С. П. Я Вам вельмі ўдзячны за дасланыя працы Вашага Інст. Яны з'яўляюцца каштоўным укладам у матэрыял, які збіраеца маёй Камісіяй, але вызначаныя аўтарамі тэмы, натуральна, ахоплены шырэй, чым гэта патрабуеца для спецыяльнай працы Камісіі. Але з вялікага заўсёды можна зрабіць меншае, і Камісія вядома возьме з ваших прац усё тое, што ёй спатрэбіцца. Старш. Камісіі па падрыхтоўцы мірных дагавораў і пасляваеннага ўладкавання М. М. Літвінаў» [8, с. 15]. Праз некаторы час, 1 сакавіка 1944 г. дырэктар ІЭ адказаў Літвінаву: «...накіроўваю Вам у дадатак да раней накіраваных матэрыялаў складзеную Інст. Этнаграфічную карту Захадніх абласцей СССР з тлумачальнай запіскай. Інст. гатовы даць па Вашых ўказаннях усе неабходныя дапаўненні і распрацоўкі па гэтай тэме, калі гэта ўяўляе для Вас цікавасць. Астатнія матэрыялы падрыхтоўваюцца і будуць перасылацца Вам па меры вырабу.

Ваш ліст атрымаў і спяшаюся выказаць глыбокае задавальненне тым, што наша праца можа апынуцца карыснай для Вас» [8, с. 22].

Асноўная праца праводзілася для аддзела, а потым упраўлення спецыяльных заданняў Галоўнага разведывательнага упраўлення Генеральнага Штаба Чырвонай Арміі. У каstryчніку 1944 г. пад справамі падпісваўся кіраўнік Упраўлення спецзаданняў генерал-маёр Славін [8, с. 149], а вясной 1946 г. ён ужо меў званне генерал-лейтэнанта [5, с. 3, 4 і г.д.]. Таксама ў перапісцы калі-некалі з'яўляеца прозвішча намесніка кіраўніка Упраўлення спецзаданняў палкоўніка Макарава [8, с. 146, 151]. Акрамя гэтага даволі часта ў перапіску па пытанняў дагавароў і аплаты працы ўступаў намеснік кіраўніка прававога аддзела Упраўлення спецзаданняў падпалкоўнік Чыкін [8, с. 147], які потым ужо падпісваўся як кіраўнік прававога аддзелу [4, с. 2].

Па заказе Упраўлення спецзаданняў Генштаба РККА была сформуляваная агульная спеcktэма, прысвечаная этнічным граніцам і этнічнаму складу Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы. Назвы самой спеcktэмы, а таксама яе раздзелаў увесь час мяняліся. Так, з накіраваных з Генштаба 17 чэрвеня 1944 г. папераў можна даведацца, аб назве спеcktэмы: “Заўвагі на сборныя нарысы “Захадняя этнаграфічная граніца карэл, літоўцаў, беларусаў, украінцаў і малдаван, складзеныя аўтарскай брыгадай навуковых супра-цыёнікаў ІЭ” [8, с. 80]. А ў накіраваных у канцы сакавіка 1946 г. паперах з самага Інстытута Этнографіі ў Камітэт па Сталінскай прэміі гэтая работа мела назыву

“Даследаванне этнічнага складу насельніцтва Цэнтральнай і Паўднёва-Усходнай Еўропы” [6, с. 10]. Такім чынам можна зрабіць выснову аб tym, што матэрыялы спецтэмаў у працэсе іх выканання мянялі назвы.

У 1944 г. агульны нарыс складаўся з наступных раздзелаў: “Этнаграфічная граніца карэлаў у Фінляндзіі” (аўтар – З. Е. Чарвякоў) [8, с. 80]; “Заходняя этнаграфічная граніца літоўцаў” (аўтары – праф. П. І. Кушнер, канд. гіст. навук П. І. Пакаркліс, канд. філалаг. навук Ю. І. Жюгжда² [8, с. 82]; “Да пытання аб заходній этнаграфічнай граніцы беларусаў” (аўтар – М. Я. Грынблат) [8, с. 83]; “Этнаграфічныя граніцы Заходняй Украіны (Галіцкай) з Польшчай” (аўтар – І. Ф. Сіманенка³) [8, с. 86]; “Паўднёва-Заходняя этнаграфічныя тэрыторыі Закарпатскай Украіны” (аўтар – Д. В. Найдзіч⁴) [8, с. 87]; “Букавіна” (аўтар – Д. В. Найдзіч) [8, с. 91]; “Граніца смешанага насельніцтва ў Закарпатскай Украіне” (аўтар не пазначаны) [8, с. 87]; “Дабруджа” (аўтар – І. Ф. Сіманенка) [8, с. 92].

Назва раздзела М. Я. Грынблата вар’іравалася ў перапісцы. Так, 13 ліпеня 1944 г. кірауніку аддзела спецзаданняў генерал-маёру Славіну былі накіраваныя “...тэкст “Аб заходніх раёнах расселення беларусаў” на 101 стар. і мапу з надпісам “Заходняя граніцы беларускай этнаграфічнай тэрыторыі” у адным экз.”, пры гэтым мапа была склееная з 12 лістоў [8, с. 102]. Трэба зauważыць, што раздзел М. Я. Грынблата быў адным з самых вялікіх. Работа складалася з уводзінаў, чатырох раздзелаў, заключэння і дадатакаў. Раздзелы мелі наступныя назвы: 1. Гістарычна мяжа беларускай тэрыторыі на Заходзе; 2. Крайні паўночна-заходні раён расселення беларусаў (Раён Гродна і Августовщына); 3. Крайні заходні раён расселення беларусаў (Бывшы Сакольскі, Беластоцкі і Бельскі уу.); 4. Крайні паўднёва-заходні раён расселення беларусаў (Забужье).

Аб зместце і пытаннях, якія цікавілі Генштаб можна даведацца з заўваг: “Раздзел «Да пытання аб заходній этнаграфічнай мяжы беларусаў» (аўтар раздзела – М. Я. Грынблат) напісаны ў цэлым здавальняюча. Станоўчым бокам падзелу варта прызнаць і тое, што ў пачатку аўтар даў ўступную частку, паказаўшы, хоць і коратка, але цалкам дастаткова, усю складанасць вызначэння заходній этнаграфічнай мяжы беларусаў.

Аднак, пры ў агульнай станоўчай ацэнцы, раздзел ўсё ж не пазбаўлены недахопаў.

У асобных месцах аўтар выказвае такія палажэнні, з якімі нельга пагадзіцца. Так, напрыклад, на старонцы 11-й ён піша: «Як вядома, у цеснай сувязі з аб'яднаннем дрыгавічоў і іншых рускіх плямёнаў ў адзіную Літоўскую дзяржаву знаходзіцца адзнака беларускай народнасці, працэс якой, пачаўшыся ў XIII–XIV стст., быў завершаны ў XV стагоддзі...».

² Вядомыя літоўскія савецкія этнографы і гісторыкі, супрацоўнікі Інстытута гісторыі АН Літ.ССР, аўтары шматлікіх работ.

³ Савецкі этнограф, супрацоўнік ІЭ АН СССР, пасля вайны – канд. гіст. навук., спецыяліст па Закарпаццю.

⁴ Савецкі этнограф, спецыяліст па земляробчым прыладам і земляробству.

На наш погляд, такая фармулёўка з'яўляеца не зусім выразнай. Невыразнасць гэтая складаецца, па-першае, у тым, што аўтар нічога не сказаў пра больш ранні перыяд складання беларусаў, як антрапалагічнага тыпу народа, з пэўнымі гістарычнымі сувязямі. Невыразнасць, па-другое, складаецца і ў тым, што аўтар абмежаваў складанне народа, прыкладна двумя стагоддзямі. Мабыць, гэты працэс быў гістарычна больш працяглы і карані гэтага працэсу з'яўляюцца больш аддаленымі ў старажытнасць.

На старонцы 12-й незразумела выраз: «... засвойваеца старарускае заканадаўства і праваслаўе...». Хіба да гэтага перыяду, пра які кажа аўтар, гэтага працэсу не было? (...)

Слаба апісана становішча беларускага народа ў складзе былой Польшчы. Гэту частку раздзела варта было б пашырыць. Ад гэтага і наступны перыяд гісторыі беларускага народа стане больш ясным. У гэтай сувязі высвятляюцца больш выразна і некаторыя пытанні аб тэрытарыяльным перасоўванні беларусаў у прыгрнічных раёнах.

На старонцы 15-й, там, дзе аўтар гаворыць аб пакінутых у межах Царства Польскага землях беларускага народа, пажадана было б прывесці дадзенія аб складзе насельніцтва гэтых зямель, пазначыўшы ўсё гэта на буйнамаштабнай карце.

Наступны перыяд гісторыі беларускага народа асветлены вельмі схематычна і не дае неабходнай сувязнай карціны. Гэтая частка раздзелу мае патрэбу ў дапрацоўцы і пашырэнні.

У другой частцы раздзела, на старонцы 2-й аўтар дапускае такія абавульняючыя фармулёўкі, якія ня падмацоўвае ні фактамі, ні дакументамі.

«...На поўнач ад был. Аўгустоўскага павета, можна з упэўненасцю сказаць, што ён у асноўным населены беларусамі...». Такая фармулёўка, хутчэй, з'яўляеца лагічнай пасылкай, чым дакументальна аргументаванай. Праўда, на старонках 3 і 4 аўтар прыводзіць дадзенія, якія пацвярджаюць раней выказаную ім думку аб заселенасці беларусамі Аўгустоўскага павета. У гэтым выпадку адпадае неабходнасць выразу «можна з упэўненасцю сказаць», так як прыведзеныя лічбавыя дадзенія даюць падставу зрабіць пэўную і бяспрэчную выснову.

На старонцы 2-й II раздзела, аўтар кажа аб этнаграфічных межах беларусаў, аднак, не прыкладае неабходнай карты.

Прыведзеныя на гэтай жа старонцы дадзенія аб аўгустоўскіх беларусах не даюць неабходнага і правільнага ўяўлення аб межах іх расселення і адсотковых судносінах да іншых нацыянальных груп насельніцтва гэтага рэгіёну.

На старонцы 5-й гэтага ж раздзела аўтар прыводзіць меркаванне акадэміка Карскага аб заходній этнаграфічнай мяжы беларусаў, але не дае схемы. Прыведзеная ў дадзеным выпадку схема дала б больш нагляднае ўяўленне пра гэту этнаграфічную мяжу.

У заключэнне нашай ацэнкі раздзела неабходна ўказаць на пажаданасць яго дапрацоўкі па наступных пытаннях:

1. Вызначыць і нанесці на карту крайня заходня мяжы пашырэнья беларускай мовы.

2. Крапавым метадам вызначыць беларускія і польскія населенныя пункты, якія ляжаць у этнографічна датыкальной паласе беларускага і польскага насельніцтва (па прыкладзе апісання Сувалкаўскай вобласці і Холмшчыны).

3. Вызначыць і адпаведна адлюстраваць на карце нацыянальны склад жыхароў буйных населеных пунктаў гарадскога тыпу, якія ляжаць на захад ад лініі Гродна, Гайнаўкі, Брэст-Літоўска (Сухоўлі, Кнышына, Беластока, Лана, Драгічына і інш.).

4. Складці буйнамаштабную этнографічную карту (напрыклад, 1: 200 000) да раздзела.

Гэтым у асноўным і абмяжуем свае заўвагі па раздзеле аб заходняй этнографічнай мяжы беларусаў...”[9, с. 80–93].

Аб важнасці выкананых раздзелаў і тэмы ўвогуле сведчыць той факт, што кірауніцтва ІЭ АН СССР па выніках працы калектыва аўтараў накіравала справы ў Камітэт па Сталінскім прэміям па науцы і вынаходніцтву. Шэраг спраў аб гэтым захаваўся ў АРАНе. А ўлічваючы грыф “сакрэтна” на гэтай тэме, кірауніцтва ІЭ не мела права накіроўваць справы без дазволу Упраўлення спецзаданняў Галоўнага разведывательнага упраўлення Генштаба Чырвонай Арміі. Гэты запыт таксама захаваўся, таму мы маєм цэлы пакет рознабаковых справаў по гэтай праблеме. Акрамя ўласна інфармацыі аб аўтарах, назвах тэмаў і раздзелаў, гэтыя справы дазваляюць яшчэ дакладней высветліць аўтарства і колькасць раздзелаў, якія былі выкананыя М. Я. Грынблатам. Так, з запыту ў Генштаб аб дазволе ўдзельнічаць у конкурсе на атрыманне Сталінскай прэміі можна даведацца, што з 15 раздзелаў 3 выконваў М. Я. Грынблат: саўтар калектывунаага нарысу “Заходняя этнографічныя граніцы літоўцаў, беларусаў, украінцаў і малдаван”; аўтар “Да пытання аб заходняй этнографічнай граніцы беларусаў”; аўтар “Раён Гродна” [5, с. 2].

Тэарэтычныя распрацоўкі М.Я. Грынблата адразу знайшлі прымяненне. 9 верасня 1944 г. урад БССР падпісаў з Польскім камітэтам нацыянальнага вызвалення (ПКНВ) пагадненне аб перасяленні палякаў з БССР у Польшчу і наадварот – беларусаў з Польшчы ў БССР [10, с. 146]. Са справаў АРАНу выходзіць, што ўрад БССР запытаў у Інстытута Этнографіі АН СССР працы М. Я. Грынблата “Да пытання аб заходняй этнографічнай граніцы беларусаў” менавіта ў гэты час. У архіве захаваліся распіскі фельдегерская службы аб атрыманні гэтай працы і абавязковым яе вяртанні, як “сакрэтнай”. Нажаль пакуль невядома, ці паўплывалі працы беларускага этнографа на практычнае вырашэнне пытання перасялення.

Ужо адразу пасля вайны М. Я. Грынблат абараніў кандыдатскую дысертацыю ў Маскве па спецытэме, якую яму даручылі яшчэ на рубяжы 1942–1943 гг. праз Інстытут Этнографіі Акадэміі навук СССР ад Другога («выведвальнага») аддзела Генштаба Чырвонай Арміі...” [7; 11, с. 515; 1, с. 44–46]. Адным з апанентаў на абароне быў У. І. Пічэта, які падчас свайго выступу

заўважыў: “Беларуская навука мае такого буйнога і сур’ёзнага вучонага, які ўзбагаціць яе...”.

Такім чынам, можна з упэўненасцю казаць аб tym, што Другая сусветная вайна аказала значны ўплыў на жыццё беларускага этнографа М. Я. Грынблата. Ён эвакуяваўся з Мінску страціўшы ўсе – працу, навуковыя даследаванні, сваю неабароненую дысертацыю “Фальклор грамадзянскай вайны”. У гады вайны вымушаны працаўца разам з іншымі савецкімі этнографамі па заданні Генштаба па вызначэнні этнографічных межаў усей Еўропы і часткова Азіі ён напісаў і абараніў кандыдацкую дысертацыю па спецеўме “Да пытання аб заходній этнографічнай граніцы беларусаў”, аб якой не мог нікому казаць, але якая аказала ўплыў на яго далейшыя навуковыя даследаванні. Ён напісаў адну з самых вядомых этнографічных прац па этнагенезу беларусаў – “Беларусы”, і нават падрыхтаваў да абароны доктарскую дысертацыю “Нарысы паходжання этнічнай гісторыі беларускай народнасці”.

М. Я. Грынблат падчас вайны разам з групай савецкіх этнографаў з Масквы, Ленінграда, Кіева і інш. гарадоў працаўаў на розныя дзяржаўныя ўстановы СССР, перад усім на разведку Генштаба РККА, выкарыстоўваючы этнографічны досвед дзеля перамогі над ворагам і ўносячы ўласны ўклад у “антрапалогію вайны”.

Бібліяграфічны спіс

1. Алымов, С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М: ИЭА, 2006. 278 с.
2. Алымов, С. Этническая география в СССР в годы Великой отечественной войны. // <https://www.academia.edu/9845588/> Дата доступа: 07.10.2016. Выказываю падзяку аўтару за прадстаўленне мне рукапісу артыкула.
3. Архіў Расійскай Акадэміі навук (далей – АРАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 1. “Секретная переписка за 1942–1943 гг.”.
4. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. “Секретная входящая и исходящая переписка Института Этнографии Академии Наук СССР за 1945 г.”.
5. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 5. “Секретная переписка с Генштабом”.
6. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 6. “Переписка с различными организациями и учреждениями”.
7. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 7. “Стенограмма и материалы заседания Ученого Совета института по защите диссертаций Кушнера и Гринблата”.
8. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. “Секретная переписка за 1944 г.”.
9. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. “Заўвагі на сборныя нарсы “Заходнія этнографічныя граніцы карэл, літоўцаў, беларусаў, украінцаў і малдаван”, складзеныя аўтарскай брыгадай навуковых супрацоўнікаў Інстытута этнографіі Акадэміі Навук СССР пад агульнай рэдакцыяй прафесара С. П. Талстова, прафесара С. А. Токарава і інш.”, якія выкананаў начальнік прававой группы Аддзела спецзаданняў Генеральнага штаба РККА падпалкоўнік Чыкін”.

10. Вялікі, А. На раздарожжы. Беларусы Беласточчыны ў час перасялення ў БССР (1944–1946) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2002. Т. 18. С. 146–166.
11. Захаркевіч, С. А. Як гартаўалася сталь: Станаўленне беларускага савецкага этнолага Маіселя Якаўлевіча Грынблата // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навук. прац. Вып. 3. Мінск: Бел. навука, 2016. С. 505–518.
12. Зеленин, Д. К. Воссоединенные украинцы // Советская этнография. Сборник статей. Вып. V. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 3–20.
13. Зеленин, Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов // Советская этнография. Сборник статей. Вып. II. М., 1939. С. 23–34.
14. Решетов, А. М. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 137–183.
15. Решетов, А. М. Отдание долга. Часть первая: Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в блокадном Ленинграде // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40–62.
16. Цэнтральная научная бібліятэка НАН Беларусі. Аддзел рэдкай кнігі і рукапісаў (далей – ЦНБ). Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1826 “Письма Сербова И. А, адресованное М. Я. Гринблату, 1942–1943 гг.”.
17. ЦНБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1736 “Письмо Зеленина Д. К., адресованное М. Я. Гринблату 13 января 1943 г.”.
18. Цэнтральны научны архіў НАН Беларусі. Ф. 22. Воп. 1. Спр. 362. «Асабістая справа Грынблата Маіселя Якаўлевіча».

Калинин Сергей Артурович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВОЗЗРЕНИЯ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ НА ПРАВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XVI в.

XIV столетие является поворотным в развитии европейской государственности, выступая переходом от общеевропейской наднациональной имперской сакрализованной государственности к национальным суверенным государствам, отражая кризис как общеевропейской политики Римской Церкви, так и чрезмерного увлечения Античным наследием и т.д. Именно понимание общеевропейских тенденций позволяет осмысливать политико-правовые воззрения Франциска Скорины, выраженные им в Предисловиях и Послесловиях к книгам Библейского канона, изданным им в 1517–1525 гг.

При этом нужно учитывать следующее:

1. Наличие конкретных цели и адресата – «доброе на учение людем пос-политым рускаго языка»;
2. Имеющееся значительное количество рукописей и переводов библей-ских книг в православной кириллической и глаголической традиции;
3. Ссылки в предисловиях и послесловиях на признанных в Православии авторитетов при малом упоминании западных Отцов Церкви;
4. Признание всех догматов и канонов Церкви;
5. Отражение полученного в Европе образования в классификации права, восходящей к Фоме Аквинскому (без упоминания) и римскому праву;
6. Признание Библии источником всякого знания, включая философское и социально-правовое, и отсутствие ссылок на языческие источники как неваж-ные для христиан.

Источником познания у Ф. Скорины выступает Господь Бог, давший лю-дям три закона: ветхий закон для евреев через Моисея, новый закон (благодать) для христиан через Иисуса Христа, «иные теже писма и права или уставы» для иных народов (язычников) «пописаны» Божиим «преизволънием и людскими пильностями». В качестве таких языческих законов указываются Фороней, Мер-курий Тримеист, Солон, Ликург и Нума Помпилий, однако Ф. Скорина знает и иных языческих законодателей, но не считает необходимым их упоминать, так как «христианом не суть тыи писма их потръбы чести, но толико книги ветхаго и нового закону, иже прилежать к нашему спасению». Такое отношение к Античности отражает предреформационное состояние критичности к Ари-стотелю и иным античным ученым, воззрения которых не соответствовали Христианскому учению.

Ф. Скорина считает, что Библия содержит «вси законы и права, ими же люде на земли справоватнся иметь». Одновременно Ф. Скорина не отрицает философию, но оценивает ее в западной традиции в качестве служанки бого-словия. Библия является основой социального общежития, так как «Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое доброе помножено бываетъ». Таким образом, вера, любовь и согласие рассматриваются как основа жизни любого социума и политической организации. В основе любого социального конфликта лежит гордость, которая «походит от мирское премудрости».

Политико-правовые воззрения Ф. Скорины отражают сложившиеся в За-падной Европе идеи, восходящие к Фоме Аквинскому и идеям естественного права. Человеческая природа («Людъское естество») регламентируется «быва-ет спрововано» двойным законом: исходящим от Господа Бога, то есть естест-венным «прирожденным», и писанным. Источником всех прав и устав является Божественный закон, разделяемый на Ветхий и Новый Завет.

Естественный закон является источником всех писанных законов, запи-санного в сердце любого человека (Ср. Рим 2, 12–15), и заключается в прин-ципе делать другим то, что хочешь, чтобы тебе делали другие, и не делать того, что не хочешь, чтобы тебе делали другие (Ср. Мф., 7:12). Основой

естественного закона является непослушание воле Бога (грехопадение), знание же закона и греха, как нарушения закона, осуществляется посредством разума, выделяющего такие преступления как «непослушание, убийство, прелюбодесание, ненависть, тат[ъ]ба, несправедливость, злоумиление, неволя, досаждение, гордость, злоречение, нелютость, клеветание, зависть и иная тым подобная злая быти, понеже сам таковых речей от иных не хощеть терпети».

Писанный закон проявляется в двух формах: во-первых, «от Бога ест данный, яко суть книги Моисеевы и светлое Евангелие», во-вторых, «от людей установленный, яко суть правила светых отец на сборах пописаные, и права земская, еже единый каждый народ с своими старейшими ухвалили суть подле, яко же ся им налепей видело бытии». Таким образом, человеческий писанный закон в формах правил Отцов Церкви, принятых на Соборах и законодательства каждого народа («права земская»), одобренного народом и старейшинами в целях наилучшей социальной организации. При этом «права земская» принимаются на том языке, который удобен для народа. Это свидетельствует о критике латинского универсализма и отражает складывание отдельных наций, обладающих и ценящих свой собственный язык.

Писаное право обозначается рядом терминов, отражающих различные феномены: «права», «закон» и «устава». Такое разделение восходит к западной традиции, когда под законом понимался акт, изданный верховной властью (*lex*), под правами – подтвержденная властью возможность обладания исключительными притязаниями (*privilegium*, частный закон, привилей), под уставой – любой общеобязательный акт органа управления.

Основой права (в широком смысле) является общее согласие народа (подданных) относительно следующих качеств права: уважительности, справедливости, исполнения, необходимости, полезности, общеизвестности права, действующего в интересах всего общества, но не в интересах частного лица. В этом случае Ф. Скорина фактически вводит требование, чтобы права (частные законы) не были направлены в интересах отдельного лица, но соответствовали пользе всего общества. Одновременно в качестве источника права выделяется «обычай земли», то есть право, хоть и выводимое из божественных начал, должно соответствовать исторически сложившимся моделям правового регулирования. Фактически Ф. Скорина ссылается на известную в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском норму: «старины не рухать, новины не вводить». Однако обычай не может быть полностью неизменным, поэтому выдвигается инструментальное требование его адекватности социальным потребностям («часу и mestu пригожий»). Целью создания права является, в первую очередь, карательная и превентивная функции, обеспечивающие правопорядок для законопослушных граждан. Эта мысль подтверждается авторитетом апостола Павла о цели закона и деяниях, которые по своей сути являются преступными (1 Тим 1, 8-10).

Человеческий естественный закон подразделяется на «посполитое», соблюдаемое всеми народами, и языческое, признаваемое многими народами,

право (закон). Посполитое право можно понимать либо как обычное либо, по аналогии с будущим названием объединенного государства (Речь Посполитая – Res Publica), публичное (общее). К посполитому праву относится «яко мужа и жены почтивое случение, детей пильное выхование, близко живущих схожение, речи позыченое навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех». Ф. Скорина считает, что данным правом живут христиане, которые имеют «серце едино, и душа едини и имение едино» (Деян 4, 32). Таким образом, выдвигается прогрессивная идея равной свободы. К языческому праву относится «земль чужих мечем доставание, градов и мест утвержение, послов без переказы отпущение, миру до часу приреного выполнение, войны неприятелем своим оповедание». Ф. Скорина отмечает существование отдельных отраслей права: царское (1 Цар 8; Рим 13), «рицерское или военное», «местьское», «морское», «купецькое» и иные отрасли «о тых всех и о иных писати для краткости преставаю».

Ф. Скорина разделяет идею о нравственной природе власти и Божественном промысле по отношению к человечеству. В Предисловии к книге судей разделяются социальные роли правительской и судебной властей. Правительственная власть («цари или властели вышни») реализуется через принуждение, а судейская власть управляет посредством нравственного авторитета («яко ровни и товарищи») посредством наставлений и обеспечения справедливости («раду им даючи и справедливость межи ними чинячи»). Роль власти и судейской власти, в том числе, весьма важна, ибо если суд будет несправедлив, и народ грешит перед Богом, то Бог наведет на народ врагов («яко суть поганы») и подвергнет его различным иным бедствиям. Если народ катется, «то посылает нам Господь Бог … князей и воевод добрых, иже боронят нас от рук гюганских, готово бо ест милосердие Божие всем призывающим его в целом серци».

Таким образом, в работах Ф. Скорины отражаются следующие общеевропейские тенденции развития государства и права:

1. Усиление значимости национального языка, что в перспективе явилось одной из основ национальной государственности;
2. Пересмотр отношения к языческой философии и рассмотрение Библии в качестве источника всякого познания;
3. Признание партикуляризма права, то есть существования его различных форм, исходящего из единого источника (Библии);
Нравственное осмысление политico-правовых феноменов;
4. Рассмотрение права как результата общественного согласия, направленного на обеспечение надлежащего правопорядка и допущение его развития и совершенствования;
5. Применительно к Великому княжеству Литовскому – акцент на значимость русского (старобелорусского) языка, противостоящий процессам инкорпорации Литвы в Польшу, латинизации и полонизации.

Каханоўскі Аляксандар Генадзьевіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**УНІВЕРСІТЭТЫ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ
ЯК АСЯРОДКІ СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ
Ў XIX – ПАЧАТКУ XX ст.**

Суб'ектам сацыяльна-культурных змен у беларускім грамадстве ў XIX – пачатку XX ст. выступіла інтэлігенцыя. За бачнымі праявамі яе фарміравання хаваліся тэндэнцыі і супярэчнасці гэтых змен. Іх парцыяльны, залежны ад урадавых мерапрыемстваў характар вызначыў складанасць і супярэчлівасць шляху станаўлення самой інтэлігенцыі. Фарміраванне складу гэтай групы знаходзілася ў непасрэднай залежнасці ад узроўню і запатрабаванасці яе сацыяльных функцый. Яна прыйшла складаны шлях уласнага станаўлення, акрэслення меж як сацыяльной групы і выполненых задач. Станаўленне беларускай інтэлігенцыі – складаны і да сёняшняга дня шмат у чым малапазнаны працэс. Склад і колькасць інтэлігенцыі Беларусі як сацыяльна-прафесійнай групы адлюстроўвалі кірунак і выніковасць урадавых мерапрыемстваў. У сувязі з ускладненнем задач па іх рэалізацыі, пашырэннем сацыяльна-культурнай сферы адбываецца рост дадзенай групы, папаўненне за кошт адукаваных выхадцаў з падатковых саслоўяў. Інтэлігенцыя Беларусі, нягледзячы на параўнальна невялікую колькасць, шматнацыянальны склад, абмежаваныя магчымасці сацыяльнай актыўнасці і самарэалізацыі на радзіме, выступіла носьбітам сацыяльна-культурнай складаючай трансфармацыйных працэсаў.

У той жа час станаўленне інтэлігенцыі стала і вынікам сацыяльных зрухаў у грамадстве. Імклівы рост сістэмы адукцыі, развіццё медыцынскага абслугоўвання насельніцтва, узнікненне запатрабаванасці ў прыватных юрыдычных паслугах і інш., выклікалі павелічэнне колькасці адпаведных прафесійных груп, якія можна аднесці да інтэлігенцыі. Інтэлігенцыя садзейнічала станаўленню новай культуралагічнай парадыгмы, якая акцэнтавала ўвагу на прагрэс, веру ў навуку і тэхналогіі. На фарміраванне інтэлігенцыі Беларусі адчувальны ўплыў аказала схільнасць яе да ўдзелу ў нацыянальна-палітычных працэсах, а ў апошній трэці XIX – пачатку XX ст. імкненне таксама да вырашэння сацыяльных пытанняў. Гэта вызначыла апазіцыйнасць значнай часткі інтэлігенцыі да існаваўшага дзяржаўнага ладу і стала прычынай выяўлення адной з асноўных спецыфічных рыс яе фарміравання, звязанай са стратай пераемнасці паміж рознымі пакаленнямі гэтай групы.

Інтэлектуальнае жыццё Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. знаходзілася пад пераважным ўплывам рускай культуры. Акрамя ўрадавых мерапрыемстваў, гэтamu садзейнічалі змены ў польскім грамадстве, у якім атрымала папулярнасць імкненне да эканамічнага росквіту Польшчы. Барацьба за нацыянальнае вызваленне адкладвалася на аддаленую перспектыву. Значная

частка творчай эліты, інтэлігэнцыі Беларусі трапіла пад уздзейнне ідэй «заходнерусізму», які на самым пачатку свайго фарміравання як ідэалагічнай плыні меў пэўную ліберальна-дэмакратычную афарбоўку, што было звязана са спробай з боку рускамоўнага культурнага асяродка даказаць непольскасасць беларусаў і tym самым аб'ектыўна садзейнічаць вырашэнню пытання аб іх этнічным самавызначэнні. Глыбокія якасныя змены ў фарміраванні інтэлігэнцыі адбыліся ў час і пасля рэвалюцыі 1905–1907 гг. З паўнаметражнага друку, у tym ліку з'яўленнем беларускамоўнага, распаўсюджваннем прафесійных, грамадска-культурных аб'яднанняў і гурткоў, заснаваннем выдавецкіх суполак, нацыянальных тэатральных калектываў узраслі новыя формы і кірункі інтэлектуальнага жыцця. На гэтым этапе больш акрэсленымі становішчамі розныя этнічныя групы інтэлігэнцыі, вылучаючыя беларускую нацыянальную яе частку. Апошній, аднак, не ўдалося атрымаць дастатковы ўзровень сацыяльнай сталасці для рэалізацыі ў поўнай меры сваіх дзяржаўнапалітычных і культурна-асветніцкіх ідэалаў.

Пасля паўстання 1831 г. цэнтры фарміравання інтэлігэнцыі, нацыянальна-культурнага жыцця паступова перамяшчаюцца па-за межы Беларусі. Імі сталі, перш за ўсё, вышэйшыя навучальныя ўстановы і грамадска-культурныя аб'яднанні Пецярбурга і Масквы, а таксама краін Заходняй Еўропы. Пасля паўстання 1863 г. гэта тэндэнцыя ўмацавалася і толькі актывізацыя беларускага нацыянальна-культурнага жыцця ў пачатку XX ст. істотна зменшила яе дамінуючу ролю. Яшчэ напярэдадні паўстання 1863 г. у Пецярбургу заўважнай была самаарганізацыя у межах зямляцтва студэнтаў з Беларусі. Сярод іх вылучалася адносна невялікая група, для якой абсолютна зразумелым было ўяўленне, што Беларусь мае ўсе ўмовы для самастойнага развіцця [5, с. 78–80]. Лідэрам гэтай групы быў К. Каліноўскі, які ўскосна выказаў ідэю аб самастойнасці Беларуска-Літоўскай рэспублікі.

У 1868 г. у Пецярбургу ўзнікла асветніцкае таварыства “Крывіцкі вязок”, члены якога планавалі арганізацыю выданне літаратуры на беларускай мове, вывучалі гісторыю Беларусі, яе культуру. Стваральнікам гэтай арганізацыі быў паэт В. Савіч-Заблоцкі [2, с. 15]. Беларускае студэнцтва аб'ядноўвала сацыяльна-рэвалюцыйная народніцкая група “Гоман”, якая дзейнічала ў Пецярбургу і выдавала аднаіменны нелегальны часопіс (1884 г.). У пачатку 90-х гг. XIX ст. у Маскве і Пецярбургу існавалі арганізацыі беларускага студэнцтва пад кіраўніцтвам А. Гурыновіча, М. Абрамовіча і інш. Друкаваннем і распаўсюджваннем беларускіх выданняў займалася культурна-асветніцкая арганізацыя “Круг беларускай народнай прасветы і культуры”, якая дзейнічала ў Пецярбургу ў 1902–1904 гг. У яе склад уваходзілі браты Антон і Іван Луцкевічы, В. Іваноўскі і многія іншыя беларускія студэнты. Арганізацыя мела цесныя сувязі з беларускімі студэнцкімі гурткамі Варшавы і Кракава.

У 1909 г. быў створаны беларускі гурток сярод студэнтаў Юр’еўскага ўніверсітэта. Узнікае таксама Беларускі літаратурна-навуковы гурток студэнтаў Пецярбургскага ўніверсітэта. Кіраўніком гуртка быў дацэнт А. Разенфельд, у працы яго ўдзельнічалі Б. Тарашкевіч, Я. Хлябцэвіч, К. Душэўскі, Б. Эпімах-

Шыпіла і інш. [4, с. 80–83]. Удзельнікі гуртка выпускалі часопіс “Раніца”, удзельнічалі у падрыхтоўцы альманаха “Маладая Беларусь”. Гурток падтрымлівалі вядомыя пісьменнікі, даследчыкі, грамадскія дзеячы А. Пагодзін, Е. Раманаў, А. Шахматаў і інш. У 1908–1914 гг. дзейнічала беларускае зямляцтва студэнтаў Варшаўскага ўніверсітэта. Яго працу падтрымліваў тагачасны рэктар прафесар Я. Карскі. У мерапрыемствах зямляцтва прымалі ўдзел жонка і дачка рэктара, беларускія пісьменнікі Г. Леўчык, А. Пшчолка і інш. Зямляцтва аб’ядноўвала каля 100 чалавек. Аналагічныя аб’яднанні студэнтаў-беларусаў дзейнічалі ў Маскве, Кракаве. Усе гэтыя арганізацыі, культурна-асветніцкія мерапрыемствы былі звязаны паміж сабой духоўна і з’яўляліся сведчаннем роста творчых і інстытуцыянальных контактаў прадстаўнікоў беларускай нацыяльной інтэлігенцыі, разгортання беларускага нацыянальна-культурнага руху.

Неспрыяльныя ўмовы развіцця нацыянальной культуры, адукацыі і навукі адбіліся на магчымасці растучай сацыяльной мабільнасці для прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі на радзіме, давалі ім шанс павысіць свой сацыяльны статус на чужбіне. Гэты фактар паўплывалаў на лёс многіх выхадцаў з Беларусі, якія ўнеслі часта заўважны ўклад у развіццё культур суседніх народаў. Нямногі з тых, хто атрымліваў адукацыю ва ўніверсітэтах Расійскай імперыі, змаглі працягнуць навуковую дзейнасць на радзіме, сваёй падзвіжніцкай працай пакласці пачатак развіцця навукі ў Беларусі. Прывяду некалькі прыкладаў. Выпускнік Казанскага ўніверсітэта К. Чаховіч выдаваў у Вільні першы ў Расійской імперыі фізіка-матэматычны часопіс. Яму належала першыя ў краіне працы па спектраскопіі і электраграфіі [3, с. 7]. Выпускнік Дэрпткага ўніверсітэта У. Дыбоўскі на радзіме, у маёнтку Нянькаў Навагрудскага павета, праводзіў даследаванні па заалогіі, батаніцы, якія прынеслі яму еўрапейскую вядомасць [1, с. 5–9]. Вучоным-энцыклапедыстам па праву лічыцца выпускнік Пецярбургскага ўніверсітэта А. Сапуноў, які падрыхтаваў працы «Рака Заходняя Дзвіна», «Матэрыялы па гісторыі і геаграфіі Дзісенскага і Вялейскага паветаў Віленскай губерні», «Віцебская дауніна» і інш.

У заключэнне варта адзначыць тэндэнцыю, якая накладаала моцны адбітак на працэс станаўлення беларускай нацыянальной інтэлігенцыі. Беларусы вызначаліся ў еўрапейскай частцы Расійской імперыі найбольшай удзельнай вагой тых, хто быў заняты ў сельскай гаспадарцы, і мінімальнай – у прамысловасці. На тэрыторыі беларускіх губерняў дадзены працэс значна ўскладняўся этнаканфесійнымі і саслоўнымі адрозненнямі розных груп насельніцтва, амежавальными мерапрыемствамі ўрада. Інтэлігенцыя Беларусі вызначалася шматнацыянальным і шматмоўным складам, прычым беларуская нацыянальная яе частка складала меншасць, для якой на радзіме былі амежаваныя магчымасці сацыяльнага росту.

Бібліографічны спіс

1. Галакціёнаў, С. Г. Рыцар навукі з Нянькава: Уладзіслаў Дыбоўскі / С.Г. Галакціёнаў, Г.М. Яцкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 64 с.

2. Кохановский, А. Г. Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX – начале XX в. // Працы гістарычнага факультэтата БДУ: навук. зб. Мінск, 2007. Вып. 2. С. 3–20.
3. Процька, Т. С. Экспериментатар з Беластроцкай гімназіі: Кароль Чаховіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 62 с.
4. Семашкевіч, Р. М. Браніслаў Эпімах-Шыпіла. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 112 с.
5. Шалькевич, В. Ф. Кастусь Калиновский: страницы биографии. Минск: Університетское, 1988. 240 с.

Кахновіч Віктар Адамавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ВЫТОКІ ХІMІЧНАЙ НАВУКІ Ў БДУ, 1920–1930-я гг.

Хімічны факультэт БДУ быў створаны ў кастрычніку 1931 г., тым не меней, вытокі хімічнай навукі і пачатак навучання хіміі ў БДУ адносяцца да самага пачатку працы першага нацыянальнага Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Так, вывучэнне дакументаў БДУ паказвае, што ўжо ў 1922 г. вялося выкладанне хіміі на медацынскім і педагогічным факультэтатах БДУ. Так, у складзе педагогічнага факультэта БДУ (быў створаны яшчэ ў 1922 г. і фунцыянуваў у складзе БДУ да 1931 г.) дзейнічалі кафедры арганічнай хіміі і аналітычнай хіміі. Пасаду прафесара, а зачыць і фактычнага загадчыка згаданых кафедраў, займаў з 20 чэрвеня 1922 г. праф. А. С. Усаў, дацэнт Маскоўскага ўніверсітэта. Апроч яго на кафедры арганічнай хіміі працевала асістэнт В. І. Вяршук, выкладчык Т. Карнілава, а аналітычнай хіміі – тая ж В. І. Вяршук, таксама асістэнты А. Д. Лабановіч і Т. В. Цэдэрман, выкладчык Целешова [1, арк. 26 адв.-27, 29 адв.]. Цікава, што асноўнае выкладанне сваіх дысцыплін кафедры арганічнай і аналітычнай хіміі вялі не на педфаку, за якім былі замацаваны, а на медыцынскім факультэце. Так, А. С. Усаў аднолькава чытаў на абодвух факультэтатах па 4 г. арганічнай хіміі і 12 г. аналітычнай хіміі, але іншыя супрацоўнікі кафедр выкладалі выключна на медыцынскім факультэце: В. І. Вяршук – 18 г. арганічнай і 12 г. аналітычнай хіміі адпаведна, а А. Д. Лабановіч і Т. В. Цэтэрман – 24 г. і 15 г. аналітычнай хіміі адпаведна [2, арк. 10, 26 адв.-27, 68–69]. Апроч таго, з дакументаў вынікае, што ў складзе педфака ў пачатку 1920-х гг. лічылася кафедра неарганічнай хіміі, якую займаў праф. Б. М. Беркенгейм, які выкладаў на педфаку неарганічную хімію (10 г.), уводзіны ў фізічную хімію (10 г.) і радыя-актыўнасць (2 г.) [2, арк. 10, 39, 96 адв.]. Апроч таго на медыцынскім факультэце, як бачна з дакументу 1922 г., знаходзіліся кафедры біялагічнай хіміі і фармакалогіі, якія ачольваў праф. А. П. Бястужаў, а ў складзе апошняй лічыўся таксама вкладчык Д. А. Найдус [2, арк. 26 адв.]. Задумка, што аб'ём выкладання такой важнай і складанай

дисыпліны, як хімія, быў мізэрны; прычым і на педагогічным і на медыцынскім факультэтах. БДУ знаходзіўся ў стадыі фарміравання матэрыяльна-тэхнічнай і адукатыўнай базы. Цікава, што 9 хімікаў ў БДУ – яўна недастаткова для патрэб выкладання (Табл. 1).

Таблица 1. Склад БДУ у 1922/1923 навучальным годзе [2, арк. 31].

Факультэт	Выкладчыкаў	Студэнтаў
медыцынскі	31	549
грамадскіх навук	50	993
педагагічны	13	918
рабфак	50	640
УСЯГО:	144	3100

Напрыклад, праф. Б. М. Беркенгейм мусіў выкладаць і агульную хімію на рабфаку і педфаку, і неарганічную хімію і ўводзіны ў радыяактыўнасць на педагогічным факультэце, а асістэнт Т. В. Цэдэрман вяла практичныя заняткі па неарганічнай хіміі на педфаку і неарганічную хімію на медыцынскім факультэце [2, арк. 38 адв., 39 адв., 42, 68]. Да восені 1924 г. менавіта на базе медфаку БДУ былі створаны шэраг спецыяльных хімічных лабараторый: (агульна)-хімічная (супрацоўнікі: С. К. Бурэйка, М. С. Бурэйка), а таксама лабараторыі арганічнай хіміі (К. Г. Кішкін), неарганічнай хіміі (А. Ф. Кішкіна), фармакалогіі (Г. У. Бурэйка), аналітычнай хіміі (С. В. Шапеткін) [2, арк. 43 адв.]. Пашырыўся і склад выкладчыкаў хіміі. Так, у складзе кафедры аналітычнай хіміі з'явіўся асістэнт Л. Я. Цір, неарганічнай хіміі – Т. І. Беркенгейм, біялагічнай – Л. Я. Тарановіч і М. С. Шамардзін, якія затым шмат год працавалі ў БДУ, а таксама на кафедры фармакалогіі – асістэнты Ф. А. Спірыдонаў і М. А. Нехамкіна [2, арк. 39 адв., 93, 94].

Пэўна, у 1920-я гг. кафедры неарганічнай, арганічнай, аналітычнай альбо фізічнай, а таксама тэхнічнай хіміі – адносіліся да складу педфаку, а менавіта – да яго прыродазнаўча-агранамічнага аддзялення [2, арк. 83 адв.]. Разам з тым, асноўныя патрэбы выкладання і логіка структурнай аптымізацыі навучальнага і даследчага працэсаў у большай ступені звязвала тады хімікаў БДУ з медыцынскім факультэтам; напрыклад, тое бачна пры разглядзе пяцігадовага плана медфака на БДУ на 1928–1933 гг. [5, арк. 378–378 адв.]. На жаль, паводле архіўных дакументаў БДУ, ужо ў маі 1930 г. медыцынскі факультэт быў вылуччаны са складу Ўніверсітэта (НАРБ, ф. 205, воп. 1) і ў жніўні 1930 г. быў створаны асобны Беларускі медыцынскі інстытут. Канешне, гэта адбілася на складзе кафедр і выкладчыкаў, бо частка з іх мусіла рушыць услед за медінстытутам, а іншыя засталіся ў БДУ. Між тым, мяркуем, што вылучэнне медыкаў і фармаколагаў са складу БДУ садзейнічала вылучэнню асобнага хімічнага факультэта. Асабліва актуальнай тады быў напрамак арганічнай хіміі, што прынес у XX ст. эру палімераў, штучнай гумы і пластыкаў, інш., а таксама выклікаў сапраўдны бум хімічнай прамысловасці, адной з самых перадавых галін навукі і эканомікі на той час.

Да навучальнага 1924/1925 г. у БДУ кафедры хімічнай спецыялізацыі набылі больш-менш сталы склад, сфарміравалі вучэбныя курсы і лабараторыі. Апошня, відаць, яшчэ былі беднымі і патрабавалі сваго ўкамплектавання, аднак дазвалялі перайсці ад фрагментарнага да сістэматычнага выкладання. Аднак, недзе ў канцы 1923 г. БДУ пакінуў праф. арганічнай хіміі А. С. Усаў, што поруч з праф. А. П. Бястужавым (біялагічна хімія) і праф. Б. М. Беркенгеймам (неарганічная і аналітычна хімія) ад самых пачаткаў БДУ увасаблялі хімічную навуку ва Ўніверсітэце. Так, Барыс Маісеевіч Беркенгейм (1885–1959) быў залічаны ў штат БДУ 9 верасня 1921 г., а Аляксандар Пятровіч Бястужаў (1880–1946) – 14 чэрвеня 1922 г. [3, арк. 2 адв., 4 адв.]. Замест А. С. Усава (1871–?) з ліпеня 1924 г. прыехаў у Мінск праф. арганічнай хіміі Палітэхнічнага інститута ў Кіеве Мікалай Аляксандравіч Прывлекаў (1872–1942). Ён быў вядомым ў свеце хімікам-арганікам, прастаўніком Варшаўскай школы хімікаў і вучнем Я. Я. Вагнера, пляменнікам вядомага расійскага і савецкага хіміка А. Я. Фаворскага (1860–1945). Апроч таго, з лістапада 1922 г. у БДУ працаваў як асістэнт па кафедры арганічнай хіміі ўраджэнец Мазыра Васіль Восілавіч Вяршук (нар. у 1885 г.) і яшчэ раней – ураджэнка Рыгі В. І. Вяршук ці Глод-Вяршук [3, арк. 11 адв.-12; 4, арк. 37]. Са студзеня 1922 г. у БДУ як асістэнт па агульнай і неарганічнай хіміі працавала ўражэнка Данеччыны Таіса Іванаўна Беркенгейм (нар. у 1895 г.), са жніўня 1922 г. як асістэнт неарганічнай хіміі – ураджэнка Мінска Таццяна Восіпаўна Цэтэрман (нар. у 1892 г.), з лютага 1923 г. – асістэнты аналітычнай хіміі ўраджэнка Слуцка Аляксандар Дзмітрыевіч Лабановіч (нар. у 1881 г.) і мінчанін Лазар Захаравіч Цір (нар. у 1879 г.), з вясны 1923 г. асістэнтамі біялагічнай хіміі былі дактары – мінчанін Леанід Яўстафавіч Тарановіч (1886 г.н.) і ўраджэнец Віцебшчыны Мікалай Сяргеевіч Шамардзін (1881 г.н.) [3, арк. 11 адв.-12; 4, арк. 38].

Да 1928 г. наспела рэарганізацыя навучальнага працэсу ў БДУ у tym выглядзе, як тое было ў першыя гады. Так, рэктар БДУ праф. У. І. Пічэта пісаў ў студзені 1928 г. ў Галоўнавуку: «...па цэламу шэрагу дысцыплін Універсітэт не можа падрыхтаваць добрых навуковых супрацоўнікаў па педагогічнаму факультэту. Справа ў tym, што на прыродазнаўчым і фізіка-матэматычным аддзяленнях спецыяльныя заняткі студэнтаў ідуць толькі на працягу 3-х год. Студэнты, якія скончылі фізіка-матэматычнае аддзяленне, фактычна могуць паступаць толькі на 3-й курс фізіка-матэматычных аддзяленняў іншых універсітэтаў. Тоё ж самае трэба сказаць і адносна прыродазнаўчага аддзялення, асабліва па кафедры хіміі» [5, арк. 129]. Фактычна, у БДУ пад кірауніцтвам бліскучага калектыва першых прафесараў Універсітэта адбывалася паглыбленне і развіццё спецыялізаваных навуковых напрамкаў. Так, вялікі ўнёсак у развіццё арганічнай хіміі і тэхнічнай (прамысловай) хіміі ў БДУ і агульна ў Беларусі належаў М. А. Прывлекаеву. Напрыклад, ён вельмі дбаў пра пашырэнне і набыццё сучаснага абсталявання для лабараторыі арганічнай хіміі і тэхнічнай хіміі ў БДУ. Як вынік, у 1930-я гг. кафедра арганічнай хіміі і лабараторыя сталі асновай для навуковай школы хімікаў-арганікаў у Беларусі. Так, да вучняў М. А. Прывлекаева належалі: 1-я выпускніца аспірантуры (1934) і хімічнага

факультэта (1926), а затым дацэнт кафедры ў 1934–1940 гг. Надзея Апанасаўна Пракапчук (1900–1940); выпускніца аспірантуры БДУ (1940) і хімфака МДУ, выдатны ў будучым савецкі хімік-арганік Алена Мікалаеўна Прывлежаева і шэраг імён [1]. Цікава, што расеец па паходжанні (родам з Ніжнегародскай губ.) М. А. Прывлежаеў, загадчык кафедры арганічнай і тэхнічнай хіміі ў 1924–1934 гг., падтрымаў беларусізацыю і на пач. 1930-х гг. Пачаў выкладаць сваі курсы (частку) па-беларуску, а ў звароце ў Праўленне БДУ у ліпені 1928 г. пісаў па-беларуску: «...неабходна пашырэнне каштарысу кафедры (...) у сувязі з планам пашырэння хімізацыі ў Савецкім Саюзе і запатрабаваннямі беларускай прамысловасці» [5, арк. 358]. Тоё ж расіянка за паходжаннем (з Данецкай вобл.) Т. І. Беркенгейм у чэрвені 1927 г. пісала ў Праўленне БДУ запіску, дзе «паведамляла, што згодна весці даручаныя мне практычныя заняткі ў наступным навучальным годзе на беларускай мове» [6, арк. 11]. Апроч іх, выкладалі хімію па-беларуску Э. В. Змачынскі, Л. З. Цір, Л. Я. Тарановіч, М. С. Шамардзін, В. В. Вяршук, Р. А. Кугель, Р. М. Сагаловіч [7, арк. 129]. У той час, у сакавіку 1927 г. пакінуў БДУ і з'ехаў у Москву праф. Б. М. Беркенгейм, што пагражала якансаму выкладанню неарганічнай і фізічнай хіміі ў БДУ. Нейкі час выкладаць неарганічную хімію даводзілася ўраджэнцу Мінска дацэнту Рубіну Абелевічу Кутелю, што выкладаў хімію на рабфаку БДУ. Між тым, на змену Беркенгейму з 1928 г. прыйшоў мясцовы ўраджэнец Астрашыцкага Гарадка праф. Эміль Вікенцьевіч Змачынскі (1889–1945), выпускнік Тартускага ўніверсітэта, і як яго асыстэнт Мікалай Тодаравіч Ермоленка (1900–1972), выпускнік МДУ [7, арк. 1, 6, 8, 53 адв., 57 адв.]. Услед за тым, з 1933 г. з'явілася пакаленне хімікаў-неарганікаў з выпускнікоў БДУ, вучняў Беркенгейма і Змачынскага: Аляксандр Антонавіч Будкевіч (1907–?), Іван Пятровіч Маркоўка (1906–?), Міхаіл Мікалаеўіч Дудзінскі (1908–?) [8, арк. 40 адв.–41]. Між тым, у пачатку 1930-х гг. Савецкія ўлады пашырылі сістэму палітычна матываваных рэпрэсій і пераследаў, ціску на людзей навукі і асьветы. Як вынік, з 1934 г. М. А. Прывлежаеў перайшоў на працу ў інстытут прамысловасці і заснаваны ім Інстытут хіміі АН БССР, у 1937 г. з'ехаў у Кіеў М. Т. Ермоленка. Змянілі яго ў выкладанні арганічнай хіміі на хімфаку БДУ Н.А. Пракапенка і Фама Георгіевіч Асіпенка (1884–1970), што прыйшоў у 1932 г. у БДУ з Кіеўскага Палітэхнічнага інстытута. Апроч таго, пазней у 1930-я гг. працаваць на хімфаку пачалі маладыя хімікі з ліку 2-га пакалення выпускнікоў БДУ: Лідзія Іванаўна Малішэўская, Абрам Самуілавіч Баркан – неарганікі; Уладзімір Іванавіч Бабраўніцкі, Даніл Канстанцінавіч Міцкевіч – арганікі [9, арк. 12].

Асобны хімічны факультэт з'явіўся ў 1932 г. Тоё было вынікам развіцця хімічнай навукі ў БДУ, тады найперш арганічнай хіміі. Як вынік адпаведнасці актуальным патрабаванням часу, у 1940 г. з'явілася кафедра калоіднай хіміі, якую ачоліў А. А. Будкевіч. Між тым, часы сталінізму не былі ў належнай меры спрыяльнімі для працы навукоўцаў. Так, са справаздачы за 1939–1941 гг. са слоў тагачаснага дэкана хімфака І. П. Маркоўкі вядома, што памяшканні факультэта дрэнна атапліваліся (4–5 °C); памяшканняў, рэактываў, прэпаратаў, падручнікаў і нават вады – не хапала. Як вынік, умоў для навукова-даследчай

працы не было [10, арк. 4, 11, 44]. Між тым, менавіта ў тыя часы рабілі свае першыя крокі калоідная (А. А. Будкевіч) і фізічная хімія (М. М. Паўлючэнка), развіццё якіх рушыла ў пасляваенны час.

Бібліографічны спіс

1. Кохнович, В. А. Основатель национальной школы химиков-органиков. Николай Александрович Прилежаев // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С.190–196.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (Далей НАРБ). Ф. 205. Воп. 1. Спр. 55.
3. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 143.
4. НАРБ. Ф. 205. Воп 1. Спр. 144.
5. НАРБ. Ф. 205. Воп 1. Спр. 267.
6. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 303.
7. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 417.
8. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 674.
9. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 733.
10. НАРБ. Ф. 205. Воп. 6. Спр. 4.

Келлер Ольга Борисовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ: БЕЛОРУССКИЙ КНИГОПЕЧАТНИК ФРАНЦИСК СКОРИНА И СЛОВЕНСКИЙ РЕФОРМАТОР ПРИМУС ТРУБЕР

I. Из истории Европейской Реформации.

Реформация, охватившая самые разные исторические регионы Европы ещё в период Средневековья и направленная на обновление и улучшение нравов католической церкви, была широким общественным движением. Истоки Реформации в Европе были налицо уже в XIV–XV вв. [1]. Данное движение проявило себя, прежде всего, в учении о превосходстве церковного собора над единоличной властью папы, в провозглашении определённой независимости государств от римского центра, к примеру, при выборе короля; немаловажным для развития Реформации оказалось «движение гуситов», отстаивавшее интересы национальной церкви. Наряду с этим, определённую лепту в данное общественное движение внесли итальянское Возрождение и гуманизм, пробудившие интерес к наследию античности и противопоставившие человека в его естественном греховном состоянии христианскому учению об аскетизме и святости

[2, с. 52]. В XVI в. Европейская Реформация приобретает ещё более радикальные меры. Речь идёт о начале пересмотра многих положений христианского вероучения. В 1517 г. против индульгенций выступает Августинский католический монах и профессор богословия Виттенбергского университета Мартин Лютер [3]. Нельзя не упомянуть, что в 1523–1524 гг. лекции Мартина Лютера в Виттенбергском университете прослушали 20 студентов-аристократов из ВКЛ [4, с. 26]. Затем споры перешли от предметов сугубо религиозных к вопросам политического и общественного устройства. Движение стало приобретать стихийный характер. Томас Мюнцер, бывший сторонник Мартина Лютера, провозгласил, что вооруженное восстание во имя справедливости не является преступлением, а угнетённые крестьяне и ремесленники должны выступить против своих господ. Это привело к жестоко подавленной крестьянской войне в Германии в 1524/1525 гг. Принявшие лютеранскую проповедь немецкие князья решительно участвовали в подавлении восстания, однако, и со своей стороны показали, что мнение большинства в вопросах веры в Бога и спасения души не есть закон. Таков был характер «Протестации» 1529 г. в Шпайере, от которой и ведёт своё начало «протестантизм».

В зависимости от местных экономических и социальных условий протестанты, принадлежавшие даже к одному течению, отличались друг от друга [5, с. 160]. В исполненном противоречий виде явился протестантизм и на землях ВКЛ. Реформационное движение попадает на упомянутые земли из Восточной Пруссии и Польши, то есть из областей, находящихся в наиболее тесных экономических и культурных связях с Германией, а также из самой Германии и Ливонии, с которыми столица ВКЛ Вильно и белорусские города (Полоцк, Гродно) находились в торговых сношениях. В Риге реформация налицо уже в 1522 г. Это учение появилось одновременно в Ревеле, Дерпте и иных городах Ливонии. Восставший против католичества народ сжигал латинские храмы и не щадил православных церквей. Восточные пруссы приняли протестантизм в 1525 г. В это же время протестантизм начал распространяться в Аукштоте и Жмуди, откуда перешел на белорусские земли ВКЛ. Наиболее прочное положение протестантизм приобрёл во времена правления польского короля и Великого князя ВКЛ Сигизмунда II Августа [6, с. 232]. В Вильно в это время проповедовали протестантские взгляды Франциск Лисманини и Аврам Кульва. В 1539 г. Кульва стал первым проповедником-лютеранином на белорусских землях ВКЛ [7, с. 25].

II. Белорусский книгопечатник Франциск Скорина.

Впервые с реформационными идеями в ВКЛ выступил Иероним Пражский, сподвижник чешского реформатора Яна Гуса [8, с. 32]. С разрешения Великого князя Литовского Витовта он в 1413 г. проповедовал в Вильне и Витебске евангельскую весть о спасении через веру в Иисуса Христа и о необходимости жить по Слову Божьему – Библии. Как попал в Вильно и Витебск Иероним Пражский? Очень просто. Он прибыл в ВКЛ с просьбой-обращением к Витовту оказать посильную помощь против немецких князей, ставшихся уничтожить «ересь» гуситов. К слову сказать, побывал Иероним Пражский и в

Полоцке [9, с. 134]. Уже через несколько десятков лет евангельское учение так широко распространилось в нашей стране, что в 1436 г. для борьбы с гуситами была введена инквизиция. Однако большого успеха она не имела. На протяжении всего XV в. мы встречаем свидетельства о деятельности гуситов на белорусских землях ВКЛ.

Идеи Яна Гуса оказали большое влияние на белорусского первопечатника Франциска Скорину [10, с. 39–45]. Униатский архимандрит Антоний Селява, живший в начале XVII в. и одновременно автор полемичной книги «*Anteleuchus...*», изданной в Вильне в 1622 г., прямо называет Франциска Скорину «еретиком гуситов». Издание Скориной в 1517 г. белорусской Библии, способствовало стремительному распространению евангельского учения. Некоторые исследователи высказывают точку зрения, что известный гуманист и, к тому же, современник М. Лютера Ф. Скорина мог встретиться с Лютером в Виттенберге [11, с. 35].

Интересным является и тот факт, что в 1530 г. Франциск Скорина вручил епископу Сператусу, сподвижнику Мартина Лютера, экземпляр «Малой подорожной книжицы», вероятнее всего, при посещении Сператусом Кёнигсберга. В настоящее время эта книга с экслибрисом Пауля Сператуса находится в коллекции Британской библиотеки [8, с. 33]. Много споров всегда ведется вокруг того, к какому вероисповеданию относился Скорина. Сам он не относил себя ни к католикам, ни к православным. Тогда для кого он опубликовал свою Библию? По всей видимости, для христиан без учёта их конфессионной принадлежности. Тогда такое отношение к Слову божьему позволяет предположить, что Скорина размышлял, как настоящий протестант. Однако, на самом деле он не был протестантом, так как это слово появилось лишь в 1529 г. Не был он и лютеранином, потому что начал издавать свою Библию в 1517 г., а Мартин Лютер перевёл Новый Завет на немецкий несколько позднее, в 1522 г. И, несмотря на то, что Мартин Лютер вывесил на воротах Виттенбергской церкви свои знаменитые 95 тезисов против торговли индульгенциями тоже в 1517 г., тем не менее, всегда самым главным событием Реформации считается издание Библии на национальном языке. Так может белорусская Реформация началась на пять лет раньше, чем немецкая?

Обычно историография рассматривает Франциска Скарину, как деятеля культуры, переводчика, издателя. Но ведь издание Библии на языке, приближенном к народному, – это событие Реформации, религиозное дело. В начале XVI ст. налицо только два перевода Библии на современные славянские языки – чешская и белорусская!!! И оба перевода были изданы в Чехии. Это, явно, нельзя назвать случайностью [12, с. 16]. Кстати, в 1991 г. была опубликована статья Я. И. Порецкого, который провёл сопоставление подхода Франциска Скарины и Мартина Лютера к переводу библейских книг, осуществлённому Скариной в 1517–1519 гг., а Лютером – в 1522–1532 гг. [13].

III. Словенский реформатор Примус Трубер.

После произошедшей в 1556 г. конфессиональной размолвки со своим сувереном Фердинандом I один из распространителей протестантизма между

славянами барон Ганс Унгнад фон Зоннек (1493–1564) уединился в лютеранском Вюртемберге. С 1558 г. барон Ганс фон Унгнад финансирует оборудование книгопечатной мастерской в монастыре Святого Аманды в (Бад) Урахе, где на словенском и хорватском языках издавались книги с целью религиозного обучения славянского населения Внутренней Австрии и Хорватии. Среди них были также хорватские книги, написанные глаголицей.

Среди сотрудников барона фон Унгнада были немцы, хорваты, боснийцы, сербы. Один из наиболее известных сотрудников барона фон Унгнада – словенский протестант и реформатор Крайны, создатель словенского литературного языка Примус Трубер (1508–1586) [14]. Примус Трубер работал для типографии барона фон Унгнада вместе со словенскими и хорватскими религиозными беженцами: Стефаном Консулом из Истрии (1521 – ок. 1568), Антоном Далматой (ок. 1500–1579) и Георгием Далматином (ок. 1547–1589).

В 1562/1563 гг. в Урахе были изданы наряду с другими книгами переведенный и обработанный Примусом Трубером текст «Аугсбургского вероисповедания», а также подготовленный Стефаном Консулом и Антоном Далматой перевод Нового Завета на хорватский язык, записанный глаголицей и кириллицей. В течение приблизительно пяти лет 37 старопечатных изданий были опубликованы общим тиражом примерно 31 000 экземпляров, причём основная часть, а именно 13 изданий общим тиражом 12 750 экземпляров были опубликованы на хорватском языке глаголическим шрифтом. После смерти Унгнада в конце 1564 г. венская, хорватская и кириллическая типография (так называемое «Урахское библейское учреждение») вынуждена была закрыться [15, с. 201–216].

До самой своей смерти в 1586 г. Примус Трубер трудился над переводом реформационных основных трактатов на словенский язык. Во время его жизни были изданы 40 книг, где Трубер исполнял обязанности автора, переводчика или издателя. Его нижнекрайнский земляк и ученик Георгий Даматин предоставил в 1584 г. законченный перевод Библии на словенский язык, созданный на основе еврейских и греческих оригинальных текстов, а также Библии Лютера (книга издана в 1584 г. в Виттенберге).

Сам Трубер скончался в 1586 г. в Дерендингене, где и был похоронен перед входом в церковь Святого Галла. Тюбингенский университет почтил его память торжественными похоронами, на которых надгробную проповедь прочитал один из первых университетских теологов Якоб Андрез (1528–1590) [16, с. 23–66]. Выдающемуся словенскому священнику в церкви Святого Галла посвящена расписная эпитафия эпохи Возрождения. На ней на заднем плане сцены пасхального воскресения как фиктивного рисунка Иерусалима размещено изображение города Лайбаха (Любляны) с характерными мостами через реку Лайбах (Любляницу) [17, с. 273–284]. Столица земли Крайны навсегда осталась местом, по которому он тосковал, и точкой схода его ежедневной переводческой работы. Трубер был три раза женат, его сыновья Трубер Младший

(ок. 1551–1591) и Фелициан (ок. 1555–1602) пошли по стопам отца и стали священниками вюртембергской церкви; Фелициан трудился также в период с 1591 по 1599 гг. в качестве крайнского суперинтендента в Лайбахе (Любляне).

Библиографический список

1. *Europa reformata. Reformationsstädte Europas und ihre Reformatoren /* Hrsg. von M. Welker, M. Beintker und Albert de Lange. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2016. 503 s.
2. Хомеев, А. Концепция «золотого века» и Реформация в Беларуси // Альманах «Сектоведение», Т. 1. Минск: Минска духовная академия, 2011. С. 51–63.
3. *Schwilk, H. Luther: der Zorn Gottes. Biographie.* München: Blessing, 2017. 463 s.
4. Лаврецкий, Н. Г. Каким быть протестантскому храму // Актуальные проблемы архитектуры. Сб. мат-ов междунар. науч. конф. / Ред. А. С. Сардара. Минск, 2012. С. 25–28.
5. *Tazbir, J. Państwo bez stosów: szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI–XVII w.* Warszawa: PIW, 1967. 296 s.
6. *Kempa, Tomasz. Die Reformation im Großherzogtum Litauen und die Beziehungen zur orthodoxen Kirche // Die Reformation in Mitteleuropa. Beiträge anlässlich des 500. Geburtstages von Primus Truber.* Wien-Ljubljana, 2008. S. 231–245.
7. Кэмпа, Т. Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка (1549–1616) віленскі ваявода. Пер. с польскай. – Mip: Музей «Замкавы комплекс “Mip”, 2016. 508 с.
8. Ващанка, А. П. Рэфармацыя як спроба стварэння нацыянальнай царквы на Беларусі // Сім'он Полацкі: Светапогляд, грамадска-палітычна і літаратурная дзеянасць (мат-лы III Міжнар. канф. 19–20 лістапада 2009 г.). Полацк, 2009. С. 31–39.
9. Kosman, M. Reformacja i Kontrreformacja w Wielkim Księstwie Litewskim w świecie propagandy wyznaniowej. Wrocław etc., 1973. 230 s.
10. Шапавалаў, М. Ф. Скарына, яго дні ды друк на Беларусі. Да 400-лецьця друку на Беларусі. Менск: Выданье наркамасьветы БССР, 1925. 59 с.
11. Падокшын, С. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сім'ёна Полацкага. Мінск, 1990. 123 с.
12. Падокшын, С., Мялешка, В. Асвета ў Беларусі ў XVI і першай палавіне XVII ст. // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі. Мінск, 1968. С. 15–36.
13. Порецкий, Я. И. Скорина и Лютер: сравнительный анализ переводов Библии // Кніжная культура Беларусі. Да 500-годдзя з дня нараджэння Ф. Скарыны (зб. навук. прац). Мінск: Акадэмія Навук Беларускай ССР, 1991. С. 26–39.
14. Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg / Hrsg. von S. Lorenz, A. Schindling und W. Setzler. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2011. 451 s.

15. *Brendle, Franz*. Michael Tiffernus (1488–1555). Humanistischer Lehrer, politischer Ratgeber und Vertrauter Herzog Christophs von Württemberg // Lorenz, Sönke; Schindling, Anton; Setzler, Wilfried (Hrsg.). Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2011. 451 s.

16. *Brendle, Franz; Riethe, Peter*. Die Leichenpredigt Jakob Andreaes für Primus Truber // Lorenz, Sönke; Schindling, Anton; Setzler, Wilfried (Hrsg.). Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2011. 451 s.

17. *Setzler, Wilfried*. Das Epitaph für Primus Truber in der Pfarrkirche zu Derendingen // Lorenz, Sönke; Schindling, Anton; Setzler, Wilfried (Hrsg.). Primus Truber 1508–1586. Der slowenische Reformator und Württemberg. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2011. 451 s.

Кондратович Наталья Михайловна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА И ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Гуманистические идеи Франциск Скорина сформулировал как свой моральный завет в следующих строчках: «*Закон прирожденный в том наболей соблюдаем бывает: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, итого не чинити иным, чего сам не хощеши от иных имети... Сей закон прирожденный ест в серци единого каждого человека*».

При всем многообразии действующих конституций в современном мире их объединяет стремление к установлению принципов гуманизма и защиты прав и свобод личности – высших конституционных ценностей в сложном меняющемся мире.

Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью означает, что именно эти права и свободы имеют приоритет перед всеми другими, что их признание, соблюдение и защита является высшей, первостепенной обязанностью государства, главным ориентиром деятельности всех его органов. В конституционном законодательстве нашей страны четко сформулирована ориентация республики на общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав и свобод, на гуманистические начала.

В Конституции Республики Беларусь понятие «высшая ценность» отнесено к человеку, его правам и свободам. Статья 2 закрепляет: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1]. Характерно, что в таких терминах не определяется никакой другой правовой институт, входящий в понятие основ конституционного строя. Следовательно, в Конституции есть только одна ценность, которая возвышается над остальными: человек, его права и свободы. Права и свободы

в этой формуле следует рассматривать не отдельно, а в рамках гражданского мира, согласия и гуманизма.

Все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам (ч. 3 ст. 25 Конституции Республики Беларусь).

Одним из основных принципов правосудия и важнейшим условием не-прикосновенности личности является презумпция невиновности, закрепляемая конституциями государств и действующим законодательством. Закрепление этого принципа в конституциях отражает гуманизм современного общества и политики государства в отношении к личности. Конституция Республики Беларусь (ст. 26) провозглашает, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Норма статьи 40 Конституции Японии устанавливает, что в случае оправдания судом после ареста или задержания каждый может, в соответствии с законом, предъявить государству иск о возмещении ущерба [2].

Можно говорить о таком основном праве, как право на защиту материнства, детства и семьи государством. Забота о детях, их воспитание является и правом и обязанностью родителей. Это корреспондируется гарантиями в связи с материнством, оказанием помощи женщинам и детям, поддержку многодетным и малообеспеченным семьям, обязанностью государства по обеспечению такой защиты. Современные конституции демократических государств закрепляют схожие нормы (ст. 6 Основного Закона ФРГ, ст. 30 Конституции Италии и др.). Конституция Республики Беларусь провозглашает: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (ч. 1 ст. 32). В ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, в частности говорится, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию [3].

Во многих современных конституциях встречаются нормы о социальной солидарности в обществе, о сотрудничестве. Положения о социальной солидарности имеются в Конституции Италии (ст. 2), Конституции Бразилии (ст. 3) и др. Так, Конституция Италии заявляет, что республика признает и гарантирует неотъемлемые права человека – как частного лица и как члена общественных объединений, в которых проявляется его личность, – и требует выполнения не-преложных обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности [4]. Положения о социальной справедливости содержат конституции Греции, Египта, Бразилии; нормы о защите от несправедливой эксплуатации содержатся в конституциях Индии, Бразилии, Перу и др.

Действующая Конституция Республики Беларусь имеет, безусловно, ценностное значение для развития республики как суверенного государства, став одним из главных правовых достижений постсоветской эпохи. В контексте конституционно-правовой политики актуальной видится задача воспитания и формирования у подрастающего поколения конституционного патриотизма, гуманизма, нашедших свое закрепление в основном законе страны.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2005. 48 с.
2. Конституция Японии / Конституции зарубежных стран: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М.: Волтерс Клювер, 2006. 608 с.
3. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 №7-ФКЗ). М.: ИНФРА-М, 2012. 48 с.
4. Конституция Италии / Конституции зарубежных стран: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М.: Волтерс Клювер, 2006. 608 с.

Корень Елена Васильевна

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
(Гомель, Беларусь)*

ВЛИЯНИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ЭВОЛЮЦИЮ МЕНТАЛИТЕТА ПЕРЕДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ

В первой четверти XIX в. в России довольно быстро расширялся интеллигентский слой общества. Этот процесс был обусловлен влиянием различных факторов, в том числе и развитием системы образования, расширения сети учебных заведений [1, с. 33–61; 2, с. 99; 3, с. 65]. Для мировоззрения русских интеллектуалов, происходивших большей часть из дворян, становилось все более характерно преобладание гуманистических ценностей и общенациональных интересов над корпоративными [4, т. 1, с. 48].

В среде наиболее прогрессивно настроенных дворянских интеллигентов-просветителей происходило формирование новой картины мира, новых представлений о началах общественной жизни [5, с. 152, 172, 181]. В этой среде возникли идеино-нравственная почва и личностные предпосылки для появления декабристов, выразивших первый открытый и широкий протест против несправедливости самодержавно-крепостнического режима с его «неуважением к человеку вообще».

Многие личностные черты и моральные понятия декабристы унаследовали от своих отцов – просветителей, среди которых – И. П. Тургенев, М. Н. Муравьев, И. М. Муравьев, А. Ф. Бестужев. Как отметил Н. Я. Эйдельман, «судя по воспоминаниям деятелей первых тайных обществ, у большинства родители отнюдь не крепостники (своим отрицательным примером как бы бросавшие сына в объятия вольности, но хорошие люди, исповедовавшие, как отец Якушкина, ценный принцип: “бога бойся, царя чти, честь превыше всего”» [6, с. 20]. Отец Н. М. Муравьева призывал: «Помни, что бедный теперь голоден» [7, ч. 3, с. 290]. «Желание для бага общего! вот все, что я во власти своей имею» – писал он [7, ч., 3, с. 292]. С. П. Трубецкой во время следствия говорил, что его отец «был добрый и хороший человек» и старался внушить своим детям «чувства чести и добродетели», чем сам декабрист старался следовать всю жизнь [8, т. 1, с. 34]. То, что интеллектуальным занятиям, идеям Просвещения придавалось во многих дворянских семьях большое значение, существенно повлиял на менталитет передовой русской интеллигенции.

Интеллектуальная атмосфера столичного и провинциального русского общества начала XIX в. выразительно и многопланово показана в произведениях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, в воспоминаниях С. Н. Глинки, И. И. Дмитриева, С. Г. Волконского, Н. И. Гречи, В. И. Штейнгеля и др., в свидетельствах иностранцев Л. Сегюра, Ж. де Сталь, М. и К. Вильмот, И. Оже и др., запечатлевших свой «взгляд со стороны» на многочисленные противоречия русской жизни второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: просвещённость и крепостничество, роскошь и чинопочитание высшего света, отвлеченный гуманизм, патриотизм и преклонение перед всем иностранным. Между прочим, отмечалась и такая специфичная черта, как высокий уровень культуры и образования русских женщин [1, с. 50–56]. Л. Сегюр писал: «В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии» [9, с. 329]. Речь могла идти и о матери будущих декабристов. Например, матери П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Аpostолов имели важное влияние на духовное развитие на своих сыновей. Забота о воспитании и образовании юношества в основном и осуществлялась женщинами. Наиболее распространенным было домашнее образование [10, с. 426–427; 11, с. 237, 243].

Хотя подавляющая масса общества имела весьма поверхностное образование, статус высших учебных заведений, как и их количество в первой половине XIX в. в России быстро возрастали [1, с. 34–38, 51].

Понятия о моральных и интеллектуальных благах, о человеческом достоинстве и чести, формировавшиеся под влиянием лекций и книг чаще всего вступали в конфликт с реалиями крепостнической России, и порождали протест. Неслучайно во время следствия всем декабристам задавали вопросы о том, какое и где они получили образование и какие книги читали, откуда заимствовали свободный образ мыслей. Значительную роль в духовном становлении

многих членов тайных обществ и участников декабристских восстаний сыграли такие учебные заведения, как Московский университет, Петербургский педагогический институт (с 1819 г. – университет), Царскосельский лицей, училище колонновожатых в Москве, кадетские корпуса. В консервативных кругах эти учреждения часто оценивались как «рассадники свободомыслия». Бурная студенческая жизнь была заполнена учеными диспутами, спорами, которые затрагивали темы социальной несправедливости, острые внутри- и внешнеполитические вопросы. Достоинием студенческой критики становились беспорядки в судах и в администрации, чиновничий злоупотребления, взяточничество, случаи издевательств над крепостными крестьянами. Огромным спросом пользовалась политическая, в том числе запрещенная, литература, содержавшая критику самодержавно-крепостнического строя: сочинения Д. Фонвизина, И. Крылова, А. Радищева, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Б. Констана, Детю де Траси, конституции и законодательные акты европейских государств и Америки.

Примечательно то, что большинство учащихся и студентов-дворян во время учебы сближались с выходцами из других сословий. Но политический радикализм был чаще всего характерен для дворян [12, с. 27]. Они были ближе к власти в силу сложившихся служебных традиций, более информированы о положении вещей из уст влиятельных родственников, со страниц книг из богатых библиотек своих родителей, а потому могли объективнее формировать свои взгляды на прошлое, настоящее и будущее страны, общества [13, с. 65].

В учебных заведениях и после выхода из них в различные сферы государственной службы и общественной деятельности молодые интеллектуалы проникались духом критики несправедливости и стремления к улучшению общественного строя [14, т. 1, с. 96–101; 15, с. 56]. Эти настроения вызывали потребность совершенствовать знания, нужные для социально-экономического, политического, культурного развития страны. Большой популярностью у них, помимо традиционных военных наук, пользовались политические и экономические знания: «...Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Сmita / И был глубокий эконом...» – метко очертил направленность интересов Евгения Онегина в одноименном романе А. С. Пушкин [16, т. 6, с. 8]. Декабрист В. И. Штейнгель писал об учащихся Лицея, что «свободомыслie, внущенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет» [8, т. 14, с. 188]. Действительно, сложно было выпускникам учебных заведений, слушавшим «Право естественное» профессора А. П. Куницына, лекции профессоров К. И. Германа, К. И. Арсеньева, Э. Раупаха, адаптироваться к действительности, в которой имела место торговля людьми, продажность судей, произвол властей [14, с. 97–99].

Известная народница В. Н. Фигнер и в конце XIX в. переживала подобное же противоречие. Она вспоминала: «Когда я вышла 17-ти лет из института, во мне в первый раз зародилась мысль о том, что не все находятся в таких благоприятных условиях, как я. Смутная идея о том, что я принадлежу к культурному меньшинству, возбуждала во мне мысль об обязанностях, которые налагает на меня моё положение по отношению к остальной некультурной массе,

которая живет из дня в день, погруженная в физический труд и лишенная того, что объективно называется благами цивилизацию. В силу этого представления о контрасте между моим положением и положением окружающих у меня яви-лась первая мысль о необходимости создать себе цель в жизни, которая клони-лась бы ко благу этих окружающих [17, т. 1, с. 382]. Говоря о своей просвети-тельской работе в деревне, Фигнер отмечает, что в любом государстве это на-зывалось бы культурной деятельностью и не подвергалось бы преследованию, как в России, где чиновники «подозревали, что не может быть, чтоб человек, не лишённый образования, поселился в деревне без каких-нибудь самых ужасных целей» [17, т. 1, с. 385]. В таких исторических обстоятельствах благие альтруи-стические и просветительские стремления, разбиваясь о действительность, пре-вращались в революционные настроения.

Важную роль в формировании интеллигентского менталитета (и декаб-ристов, и последующих поколений) играло общение студентов и учащихся в учебных заведениях, «атмосфера товарищества, студенческого дружества» [18, с. 44; 19, с. 45]. Это, например, предвосхитило союзы и артели, предшествовав-шие тайным обществам декабристов. Так, в училище колонновожатых появил-ось одно из первых юношеских тайных обществ, образованное братом декаб-ристов и будущим известным военачальником Н. Н. Муравьевым (Карским) [20, с. 78–79]. Декабрист Н. В. Басаргин вспоминал об этом училище: «...в на-шем заведении между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердие помогать друг другу, что каждый с удовольствием готов был от-казаться от самых естественных для молодости удовольствий, чтобы переда-вать или объяснять товарищу то, что он или нехорошо понимал, или когда слу-чайно пропускал лекции. Сами даже офицеры на дому своем охотно занима-лись с теми, кто просил их показать что-нибудь непонятное им» [21, с. 399].

Нравственно-психологическая атмосфера как нельзя лучше способство-вала возникновению дружеского «собратства», которое ставило своей целью построить, основанную идеалах социальной справедливости, республику в духе «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. А такая мысль, как справедливо заметила М. В. Нечкина, могла возникнуть только у того, кто «недоволен окру-жающей его жизнью и строем» [14, т. 1, с. 104]. Они мечтали создать на диком острове новую республику, образовав из диких жителей граждан, для которых Н. Н. Муравьев написал «законы» [20, с. 78–79]. Эта утопия, «юные забавы», стали своеобразным прологом для серьезной борьбы за преобразование обще-ственно-политического строя в России. По замечанию Ю. М. Лотмана, декаб-ристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [22, с. 380–383]. И. Д. Якушкин и С. П. Трубецкой вспоминали, что многие «офи-церы изучали науки», имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [23, с. 382–383; 24, с. 86–87].

В целом, образование, особенно университетское, и круг чтения сущест-венно повлияли на становление и эволюцию интеллигентского менталитета, в котором над сословными приоритетами возвышаться ценности истины, спра-ведливости, добра, красоты.

Библиографический список

1. Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век. 2-е изд, стер. СПб.: «Лань», 2002. 576 с.
2. Петров, В. М. Социокультурная динамика и функции интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 90–108.
3. Кондаков, И. В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 63–90.
4. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Пг., 1918. Т. 1. 192 с.
5. Соколов, К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
6. Эйдельман, Н. Я. Грань веков. М., 1986. 368 с.
7. Полное собр. соч. М. Н. Муравьева. В 3 ч. Спб.: Тип. Рос. Акад. Ч. 3. 325 с.
8. Восстание декабристов. Мат-лы и док. следствия. В 18 т. М.: Гос. полит. изд., 1925. Т. 1. 539 с.
9. Сегюр, Л. Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 313–456.
10. Дмитриев, М. А. Мелочи с запаса моей памяти // Русские мемуары. Избранные страницы XVIII в. М.: Правда, 1988. С. 414–456.
11. Дацкова, Е. Р. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М.: Советская Россия, 1987. 495 с.
12. Секиринский, С. С., Филиппова, Т. А. Родословная российской свободы. М.: Высшая школа, 1993. 254 с.
13. Бердяев, Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 395 с.
14. Нечкина, М. В. Движение декабристов. М.: Наука, 1955. Т. 1. 483 с.
15. Декабристы в воспоминаниях современников. М.: МГУ, 1988. 508 с.
16. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.
17. Фигнер, В. Н. Запечатленный труд. Воспоминание. М.: Наука, 1964. Т. 1. 439 с.
18. Лебедев, А. А. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1965. 270 с.
19. Пущин, И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. литература, 1988. 559 с.
20. Муравьев, Н. Н. Записки // Русские мемуары. Избр. страницы. 1800–1825 гг. М.: Правда, 1989. С. 57–157.
21. Басаргин, Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. Книж. изд., 1988. 543 с.
22. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
23. Якушкин, И. Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1987. С. 380–507.

24. Трубецкой, С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. В 2 т. Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1983 Т. 1. 409 с.

Кузьминов Петр Абрамович

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)*

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ. ДЕКАН ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Х. Т. МЕДАЛИЕВ (1928–2017)

12 февраля 2017 г. профессорско-преподавательский состав Кабардино-Балкарского государственного университета, общественность республики прощалась с одним из последних представителей блестящей когорты ученых-историков Кабардино-Балкарии, родившихся в 20-е годы XX в. В нее входили: Е. Дж. Налоева, Т. Т. Шикова, Т. Х. Кумыков, А. К. Текуев, Г. Х. Мамбетов, Ч. Э. Карданов, Х. Ф. Тазиев и многие другие. Эта плеяда историков заложила глубокие основы кавказоведения, опираясь на которые сегодня идет процесс успешного познания прошлого народов Северного Кавказа.

Хачим Темирович Медалиев родился 11 января 1928 г. в селении Нартан Чегемского района Кабардино-Балкарской автономной области в кабардинской крестьянской семье. В 1936 г. поступил в Нартановскую среднюю школу, но в 1942 г. в связи с временной оккупацией Кабардино-Балкарии, как и все его сверстники, вынужден был оставить учебу. После освобождения республики от фашистских захватчиков, надо было помогать семье, селу, стране и он три года работал в колхозе подводчиком и год – плотником. После окончания Великой Отечественной войны вернулся в школу, которую окончил в 1949 г. на хорошо и отлично.

Тяжелые послевоенные годы помогли осознать широту проблем построения новой жизни. Пришло четкое понимание необходимости приобретения глубоких знаний по изучению прошлого своего народа. Получить знания и профессиональные навыки можно было только в вузе.

В 1949 г. Хачим Темирович поступил на исторический факультет Кабардинского педагогического института, который окончил с отличием в 1953 г. и решил посвятить себя научно-педагогической деятельности, поскольку получил рекомендацию в аспирантуру. Осенью 1953 г. он стал ассистентом кафедры истории СССР педагогического института и аспирантом кафедры истории КПСС.

Научная тема диссертации была практически не разработана в советской историографии, поэтому надо было погрузиться в архивные фонды страны и республики. Выявив и собрав документальный материал, Хачим Темирович в 1959 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина по теме: «Борьба Кабардино-

Балкарской областной парторганизации за осуществление ленинской политики социалистической индустриализации в годы первой и второй пятилеток (1926–1937 гг.)».

Продолжая работать над фундаментальной проблемой строительства промышленности в Кабардино-Балкарии, Хачим Темирович разработал методологию и теоретические проблемы новой научной проблемы, расширил ее территориальные рамки, накопил значительный объем архивного материала и в 1973 г. блестяще защитил докторскую диссертацию на тему: «Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.)» в Ростовском государственном университете. Через два года ему присвоили звание профессора кафедры истории КПСС.

Хачим Темирович посвятил научную деятельность одной большой теме – индустриальному развитию Северо-Кавказского региона, формированию национальных кадров рабочего класса, инженерно-технической интеллигенции, становлению профессионально-технического образования. Каждая из этих проблем могла бы стать объектом исследования целого коллектива ученых. Являясь председателем секции Научного совета в Отделении истории Российской Академии Наук по Северо-Кавказскому региону, он много сделал по координации научно-исследовательской работы в областях и республиках Северного Кавказа, став одним из организаторов Северо-Кавказского научного центра.

Хачиму Темировичу принадлежит большая заслуга в подготовке научно-педагогических кадров высшего звена по историческим наукам всего Северо-Кавказского региона, так как он в течение многих лет был председателем Специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по историческим наукам. В семидесятые годы XX в. это был единственный совет в республиках Северного Кавказа, где защищали диссертации десятки молодых ученых из многих городов Кавказа. Под руководством профессора Х. Т. Медалиева написали и защищили диссертации 18 аспирантов и соискателей, являлся консультантом при подготовке трех докторских диссертаций, редактором четырех монографических изданий, которые потом становились основой докторских диссертаций.

В 1969 г. в составе делегации лекторов, отобранных из преподавателей вузов Советского Союза, Хачим Темирович был направлен Министерством иностранных дел СССР в страны Ближнего Востока (Сирия, Иордания, Ливан и др.). Основной целью командировки было участие в мероприятиях по обмену опытом и знаниями, укрепление дружеских связей и создание предпосылок для дальнейшего сотрудничества (чтение лекций, встречи с представителями правительства, общественных организаций, диаспор этих стран и др.). Одним из значимых результатов этой поездки стала межгосударственная договоренность об обучении молодежи из этих стран в вузах Советского Союза, в том числе и в Нальчике. С начала семидесятых годов по настоящее время в стенах КБГУ прошли обучение по различным специальностям несколько тысяч студентов из стран Ближнего Востока.

Работая доцентом, а затем профессором кафедры истории КПСС КБГУ, Хачим Темирович постоянно совершенствовал свое профессиональное мастерство, стал одним из лучших педагогов республики. Его лекции в переполненной аудитории № 248 главного корпуса КБГУ, куда собирались все первокурсники историко-филологического факультета, поражали нас четкостью фраз, логикой развития исторического процесса, вниманием лектора к каждому студенту. Чеканность фраз позволяла записывать лекцию дословно. Лекции увлекали глубоким знанием материала, мельчайшими подробностями жизни партии и ее лидеров на протяжении многих десятилетий. Поражала необычайная память лектора, размышляя над сложными проблемами истории партии, Хачим Темирович никогда не пользовался записями.

В 1974 г. профессор Х. Т. Медалиев был назначен деканом и почти 20 лет возглавлял историко-филологический, с 1990 г. – исторический, а с 1991 г. историко-юридический факультеты. Здесь проявился его талант как руководителя крупнейшего научно-педагогического и образовательного подразделения КБГУ.

В 1970-е гг., когда соотношение поступающих абитуриентов в КБГУ городской и сельской молодежи резко изменилось в пользу городской, Хачим Темирович предпринял конкретные шаги по увеличению приема молодежи на факультет из сельской местности. Это было необходимо, так как сельские школы были слабо укомплектованы учительскими кадрами. Он организовал поездки в сельские школы для выявления способной молодежи для поступления в вуз, добивался их рекомендации в КБГУ через отделы народного образования районов. В стенах университета он проводил большую работу по отбору наиболее способной части студентов для перевода их в столичные университеты, в частности, десяткам студентов он помог перевестись на факультет журналистики и философский факультет МГУ, юридический факультет Ростовского государственного университета и другие вузы страны. Можно вспомнить известного в стране российского государственного и политического деятеля, доктора юридических наук, юриста С. М. Шахрая, заведующего кафедрой философии Р. Х Коческова и др. Тем самым он восполнил отсутствие в КБГУ в то время специализации по многим отраслям науки.

Историко-филологический факультет в те годы стал самым крупным подразделением университета. Понимая сложности проблемы, Хачим Темирович много сделал по открытию новых специальностей. При нем из историко-филологического факультета были выделены самостоятельные факультеты: романо-германской филологии, русского языка и литературы, кабардинской и балкарской филологии, педагогики и методики начального обучения, социальной работы, юридический. По этим специальностям Хачим Темирович добивался внедрения в учебный процесс самых передовых достижений науки, которые имелись в вузах страны с большими традициями и опытом, привлечением лучших специалистов.

За свою многолетнюю работу Хачим Темирович награждался многочисленными грамотами, знаками отличия КБГУ, министерства образования и

науки КБР, РСФСР, РФ. Он являлся заслуженным деятелем науки КБР, автором многих научных трудов, в том числе трех монографий. Его труды вошли в библиографические издания по вопросам развития промышленности и кадров рабочего класса на Северном Кавказе, изучению которого он посвятил свою научную деятельность.

Его главный девиз в жизни и работе – принести как можно больше пользы своему народу.

Куприянов Сергей Евгеньевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВЫПУСКНИКИ БГУ – УЧАСТНИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История БГУ неразрывно связана с историей нашего государства. Развитие главного вуза страны всегда являлось мощным обществообразующим фактором. В свою очередь, страна на каждом новом этапе развития придавала новый импульс университету, укрепляя его. За многолетний период работы в БГУ созданы все необходимые условия для подготовки высококвалифицированных специалистов, интеллектуалов, творческих личностей.

Одним из главных показателей развития общества являются достижения университета, характеризующие его современность и состоятельность. Но не стоит забывать еще один немаловажный факт. БГУ вправе гордиться своими выдающимися выпускниками, которые прославили не только университет, но и всю страну. И среди этих выдающихся людей есть те, кто достоин особого уважения и признания. Это те, кто участвовал в строительстве белорусской государственности. Это те, кто в начале 1990-х гг. вел Беларусь к установлению сильной и независимой страны. Вот о них и пойдет сейчас разговор.

Шушкевич С. С. Многие современные белорусы часто осуждают и иногда с критикой подходят к личности Шушкевича Станислава Станиславовича. А люди более преклонного возраста вспоминают его с улыбкой и радостью. Но давайте отойдем от критики и посмотрим на него как на того, кто был непосредственным участником становления Беларуси как государства.

Станислав Станиславович Шушкевич родился 15 декабря 1934 г. в Минске. В 1951 г. окончил школу, в 1956 г. – физико-математический факультет Белорусского государственного университета, а уже в 1959 г. – аспирантуру Института физики Академии наук Белорусской ССР по специальности «Радиоспектроскопия». Системы, разработанные С. Шушкевичем и освоенные промышленностью в 1961–1963 гг., появились за рубежом только в начале 1970-х годов. С 1963 по 1966 гг. работал доцентом кафедры, затем заведующим отделом электронных систем [6, с. 321].

С 1969 г. переводится на работу в Минский радиотехнический институт проректором по научной работе. В это же время Станислав Станиславович продолжает разрабатывать физические методы регистрации сигналов. И в 1970 г. он успешно защищает докторскую диссертацию «Информативные параметры сигналов». В 1971 г. его избирают заведующим кафедрой ядерной физии и мирного использования атомной энергии. В 1982 г. С. С. Шушкевичу было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники БССР, а в 1985 г. он был награжден премией Совета Министров СССР. В 1986 г. в соавторстве он издает книгу «Основы радиоэлектроники». Следует сказать, что им подготовлены 33 кандидата физико-математических наук, он являлся научным руководителем 5 докторских диссертаций. С 1986 г. С. С. Шушкевич становится проректором по научной работе БГУ [6, с. 322].

Его политическое карьера или движение начинается в 1989 г., когда его избирают народным депутатом СССР. А в 1990 г. он становится уже депутатом Верховного совета БССР. Вот здесь и начинается становления Беларуси как суверенной и независимой. В частности, С. С. Шушкевич так говорил о начале этого становления: «Еще весной 1990 г. фракция БНФ в Верховном совете вела разговоры и готовила Декларацию о независимости БССР. Они хотели сделать документ совершенным, поэтому долго спорили. Начиная с июня, депутаты от БНФ стали говорить, что пора включить этот вопрос в повестку дня. У нас ведь были хорошие контакты с Литвой, которая приняла Декларацию о суверенитете еще 18 мая 1989 г., а Эстония еще раньше – в ноябре 1988 г. Но когда 12 июня 1990 г. и Россия приняла декларацию – поняли: надо шевелиться. Николай Дементей, который тогда был председателем Верховного совета БССР, внес предложение о принятии Декларации о суверенитете БССР» [2].

В то время уже многие начинают оказываться от своего коммунистического прошлого. Многие депутаты сдали партбилеты, Шушкевич сделал это 12 мая 1990 г., вступать в различные партии и выдвигать разные программы относительно будущего Беларуси. 27 июля 1990 г. Верховным советом БССР была подписана «Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь». Фактический Верховный совет стал парламентом.

18 августа 1991 г. в Москве начался переворот. Его еще назвали «Августовским путчем». Если в РСФСР было понятно, что происходило, то как же восприняли это в БССР? С. С. Шушкевич будучи на тот момент уже заместителем председателя Верховного совета БССР, так отзывается о тех днях: «19 августа я был на даче. Как только узнал о ГКЧП, сел в машину – и в Верховный совет. Когда я узнал, кто вошел в ГКЧП, мне все сразу стало понятно. Помню, я спросил у Янаева о том, на какую тему была его кандидатская диссертация. Он ответил: что-то там по троцкизму. Понятно, что он сам ее не писал. И такой человек хотел стать у руля страны» [3].

Шушкевич говорил, что для него путч стал неожиданностью. По словам политика, он пытался убедить председателя Верховного совета Николая Дементея созвать сессию парламента, но тот отказался. Тогда по инициативе Стани-

слава Шушкевича, Зенона Пазыняка и некоторых других депутатов было принято обращение к народу с осуждением путча. Его опубликовала «Народная газета» [3]. Уже 25 августа 1991 г. Верховный совет проголосовал за признание декларации статуса конституционного закона, благодаря чему внесли изменения в Конституцию 1978 г. Тогда же приняли решение о об обеспечении политической и экономической самостоятельности БССР, а также о приостановлении деятельности КПБ. 19 сентября 1991 г. БССР переименовали в Республику Беларусь, также были утверждены новый государственный герб и новый государственный флаг, а позднее – новая Конституция и гражданский паспорт.

С. С. Шушкевич, уже будучи Председателем Верховного совета Республики Беларусь, подписал 8 декабря 1991 г. Беловежское соглашение. Это и стало началом движения независимой и суверенной Беларуси. Станислав Станиславович очень активно поддержал внедрения новых символов Беларуси – бело-красно-белого государственного флага и герба «Погоня». В 1992 г. было начато формирование национальных вооруженных сил Беларуси. Также была введена своя национальная валюта. По его инициативе был ратифицирован «Международный пакт о гражданских и политических правах». Церковь на территории Беларуси была легализована и получила определенные права.

Не все конечно были моменты продуманы. Да, можно за многое осудить Станислава Станиславовича. Но одно точно останется всегда в памяти людей. Это независимость, которую он подарил белорусам. Знал ли С. С. Шушкевич, что она станет когда-то знаменитым? Наверно, нет. А все когда-то начиналось с учебы в Белорусском государственном университете.

Кравченко П. К. Далее речь пойдет о не менее важной личности, которая помогла утвердиться Беларуси как независимой стране в международном плане. Этой личностью является Петр Кузьмич Кравченко.

Петр Кузьмич родился 13 августа 1950 г. в Смолевичах. В 1972 г. он заканчивает исторический факультет БГУ. Через четыре года он успешно защищает кандидатскую диссертацию. Еще будучи не кандидатом исторических наук, он в 1975 г. начинает преподавать в БГУ. В 1985 г. Кравченко П.К. становится секретарем Минского городского комитета КПБ БССР. 15 мая 1990 г. он был избран депутатом Верховного совета БССР. Однако 17 июля он становится Министром иностранных дел Белорусской ССР. Здесь и начинается его политическое влияние на становление независимой Беларуси.

Отмечая положение БССР после 27 июля 1990 г. Кравченко заявлял: «Суверенитет БССР висел в воздухе, начиная с 1985 года. О суверенитете говорили все. Декларацию приняли 27 июля, если не ошибаюсь, это была пятница, а 30 июля, в понедельник, я провел в МИД БССР первое рабочее совещание. За несколько дней до подписания декларации парламент избрал меня министром иностранных дел, до этого все министры назначались Политбюро. На первом совещании я сформулировал подходы, связанные с безъядерностью и нейтралитетом, поскольку они были заложены в декларации. Я добавил: «Уважаемые коллеги, история развивается так, что уже через несколько лет вы все

будете послами». Недоумение, тишина. Я разъяснил, что пора готовиться к независимости...» [4].

На тот период истории Белорусская ССР была единственной республикой в СССР, которая не получала дотаций из союзного бюджета. Мало того, она ежегодно отчисляла в союзный бюджет 2 млрд. долларов. Кстати, атомный ледокол «Ленин» и ударный авианосец «Минск» строился на белорусские деньги. Как раз согласно «Декларации о суверенитете БССР» земля, все ее богатства, а также трубопроводы, нефтеперегонные заводы были провозглашены достоянием республики.

Петр Кузьмич говорил: «Но до 92-го года не были определены главные принципы: что делать с валютными резервами СССР, золотым запасом, алмазным фондом, оружейной палатой, с долгами, то есть с активами и пассивами СССР, как их делить? Все смотрели на парламент, а парламент возглавлял Николай Дементей. Когда в августе 91-го председателем Верховного Совета стал Станислав Шушкевич, парламент стал действовать более радикально, решительно. Хотя, может, и не всегда осмысленно...» [4].

Может на уровне государства и не были предприняты важные шаги, помимо декларации, то на международной арене они шли очень быстро. Кравченко, будучи с 27 июля уже Министром иностранных дел Республики Беларусь, начал вести активные переговоры в мире. Он так говорил об этом: «При всей формальности Декларации о суверенитете я понимал ее историческую важность, у меня, как у министра, были развязаны руки. В 1990 г. в интервью американскому энергетическому журналу я заявил о том, что СССР обречен. Я начал вести переговоры с крупнейшими американскими корпорациями, руководителем федеральной резервной системы о том, что Беларусь готовится к введению своих денег. В октябре 1991-го, за полтора месяца до Беловежских соглашений, находясь в Нью-Йорке, я поехал в Вашингтон, в штаб-квартиру МВФ, где меня принял заместитель председателя. Первые полчаса он не понимал, что я плету. Я заявил о том, что мы готовимся к вступлению в МВФ. Что сейчас идет подготовительная работа, что мы должны ввести свою валюту, что нам нужны кредиты. Членство в МВФ мне было нужно, чтобы подать сигнал бизнес-элитам мира о том, что в Беларусь можно инвестировать» [4]. Как следствия этого после Беловежских соглашений, Беларусь через 6 месяцев, одной из первых стран СНГ, стала членом МВФ.

П. К. Кравченко был активным участником Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г. Он был одним из авторов этого договора. В своих воспоминаниях он делится: «У меня не было ни малейших сомнений в том, что мы делаем. Я горжусь, что стал соавтором Беловежского соглашения, что руками белоруса написан первый параграф договора о создании СНГ, который гласит: «Союз Советских Социалистических Республик, как субъект международного права и geopolитическая реальность, прекращает свое существование».

Когда я в Вискулях зачитал этот абзац, воцарилась мертвая тишина. Я спросил, есть ли другие варианты, Гайдар ответил за всех: «Нет, вариантов нет, это идеально, это подходит...» [4].

Кравченко Петр Кузьмич внес большой вклад в становлении Беларуси на международной арене. Он много сделал для признания Беларуси государством другими странами, наладил дипломатический контакт со многими государствами, обратил внимание ООН на преодоления последствий Чернобыльской катастрофы, был сторонником идей сотрудничества с НАТО и политикой разоружения.

В данной статье были приведены лишь только две значимые фигуры в истории Беларуси и истории БГУ. Одно можно отметить, университет заявил о себе в выдающихся лицах, которые учились в нем. Не будет лишним заявить, что косвенно БГУ повлиял на становление суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь. Пройдет время и еще немало выдающихся деятелей различных сфер, которые окончили университет, проявят себя и свое место учебы не только у нас, но и во всем мире.

Библиографический список

1. *Кравченко, П. К.* Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир: Выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка. Минск: Белорусский институт правоведения, 2009. 636 с.
2. Станислав Шушкевич: Мы верили, что нам достанется золотой запас СССР [Электронный курс]. Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26411.5/3286048>. Дата доступа: 29.12.2017.
3. Что было в Беларуси 19 августа 1991 года? [Электронный курс]. Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2006/08/19/ic_articles_112_147668. Дата доступа: 29.12.2017.
4. Экс-министр иностранных дел Беларуси Петр Кравченко: СССР развалился потому, что мы умели делать ракеты, но не умели кастрюли [Электронный курс]. Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26423/3296645>. Дата доступа: 29.12.2017.
5. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 7 (верасень 1991 г. – 1995 г.) / Склад.: У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа. Мінск: Выд. Цэнтр БДУ, 2004. 479 с.
6. Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / Склад. А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2001. 339 с.
7. Смяховіч, У. М. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: У 2-х кн. Мінск: Беларус. навука, 2012. Кн. 2. 654 с.

Ларионов Денис Геннадьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСИТЕТ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ: ТРАДИЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Университет – это один из важнейших, системообразующих элементов в обществе. Именно университет, стоящий наверху пирамиды системы образования, способствует сохранению, воспроизведству и развитию знаний общества

о себе и об окружающем мире, готовит новые поколения специалистов в теоретической и прикладной сферах, а также, что особенно важно, готовит специалистов высшей квалификации.

Можно утверждать, что именно наличие собственного университета замыкает цикл образовательной системы и завершает формирование нации и/или государства, как цельной, современной единицы. Таким образом, формируется субъектность, независимость и безопасность общества в образовательной и научной сферах, а концептуализированное видение себя получает возможность для артикуляции и реализации в максимальном масштабе. В результате, общество поднимается до уровня цивилизации и может интегрироваться в широкий культурный, социальный, экономический и политический контекст, конкурировать с другими обществами и предлагать адекватные вызовам альтернативы и модели развития.

В то же время, нельзя не согласиться с мыслью Х. Ортеги-и-Гассета относительно того, что не следует абсолютизировать значение образования вообще и университета в частности в развитии нации, поскольку в обществе все взаимосвязано и оказывает взаимное воздействие [3, с. 26–27]. Если и общество, и университет достаточно зрелые, чтобы осознавать стоящие перед ними вызовы и чтобы сформулировать взаимные ожидания, то вырабатываются ясные концептуальные положения, в которых отражены цели развития общества, государства и университета и степень их взаимодействия. Наглядный пример – Миссия БГУ, которая, среди прочего, постулирует, что БГУ работает для «удовлетворения интеллектуальных, культурных, социальных запросов и интересов личности, общества и государства, содействует устойчивому развитию Беларусь» [2].

О той роли, которую университет может играть в новейшее время, свидетельствуют студенческие волнения 1968 г. во Франции, ФРГ, Бельгии, Югославии, Мексике. Особого размаха достигло студенческое движение в мае 1968 г. во Франции, оказавшее влияние как на политику (отставка Ш. де Голля), так и на науку, культуру и искусство (многочисленные исследования, кинофильмы, романы). Вполне естественно, что столь значимое явление, как университет, имеет также идеологическое и пропагандистское значение. Различные теоретики, социальные институты, общественные силы стремятся связать историю университета с собой, либо повлиять на его трансформацию.

Как известно, Церковь, насчитывающая 2000-летнюю историю, является одним из старейших институтов. Она пережила множество социально-политических, экономических потрясений, внешних и внутренних вызовов, оказалась способной к выживаемости больше, чем многие государства и народы, исчезнувшие в ходе исторического процесса. В настоящее время она представлена в большинстве стран мира, насчитывает более миллиарда верующих. Наконец, имеет собственную мировоззренческую концепцию и свое представление о законах, принципах цели существования человека, его истории.

Совершенно естественно, что такой институт имеет свое видение университета, его предназначения. Тем более, что для этого есть исторические основания: европейская и, шире, западная цивилизация базируется на христианстве, и именно Католическая Церковь создала первые европейские университеты. Разные исследователи и сами университеты не всегда соглашаются относительно первенства и конкретной даты формального основания старейших европейских университетов [14, р. 189; 15; 4, с. 13–74; 1, с. 55–57]. При этом следует помнить, что, несмотря на факт основания Церковью, многие университеты оставались самостоятельными и независимыми учреждениями. Собственно католических университетов в мире не так много – всего порядка 200 [5, с. 1572], – поскольку для того, чтобы считаться таковым, университет должен иметь соответствующий устав либо «обязательства, принятые ответственными лицами» [5, с. 1570]. Как бы то ни было, все старейшие университеты в Европе были основаны именно Церковью. При этом право присуждать ученые степени университеты получали от Папы римского, и такая степень, санкционированная высшей властью над всем христианским миром, признавалась в этом мире повсеместно [1, с. 56–57]. Таким образом, совершенно естественным является интерес Церкви к университету на протяжении всей истории.

Новое время и Реформация принесли значительные перемены во взаимоотношения университета и Церкви. В тех странах, где победил протестантизм, университеты разрывали свою связь с католицизмом. Наблюдался процесс секуляризации и в католическом мире. Именно в этот период жили и действовали люди, повлиявшие на ход истории, в том числе, благодаря знаниями, полученным ими в университетах и благодаря воздействию, оказанному ими на развитие мысли и образования. Это Мартин Лютер (1483–1546 гг.), начавший Реформацию, одним из частных следствий которой стало развитие новых университетов и разрыв с прошлой системой образования; Франциск Скорина (ок. 1490–1551 гг.), получивший классическое образование в Краковском университете и получивший степень доктора в Падуанском университете, своей дальнейшей жизнью и деятельностью способствовавший распространению печатного слова, знаний и науки среди людей; и Игнатий Лойола (1491–1556 гг.), основатель Общества Иисуса, человек, внесший значительный вклад в преодоление Реформации и, в то же время, активно трансформировавший саму Церковь.

Среди достижений И. Лойолы и иезуитов – создание новой системы образования. Коллегиумы, открывавшиеся иезуитами по всему миру, успешно конкурировали со старыми университетами, а также с протестантскими учебными заведениями. Большую роль в успехе иезуитской системы образования сыграла игнатианская педагогика – комплекс теоретических, методических и дидактических подходов в преподавании и обучении, базирующийся на целостном восприятии мира и предусматривающий взаимосвязь трех ключевых элементов: действие, опыт, осмысление [7; 10, р. 9]. Непосредственно в учебный процесс эти новшества были внедрены при помощи специально разработанного иезуитами в конце XVI в. «Ratio studiorum» – учебного плана и свода правил – внедрившегося повсеместно в их учебных заведениях [11].

Помимо реформ, проводимых иезуитами, Церковью открывались новые университеты, которые изначально позиционировались как католические. Таким образом, Церковь трансформировала университет и в очередной раз подтвердила свою ответственность и свои претензии на доминирование в системе высшего образования.

В наше время, в эпоху, которую называют постхристианской, постиндустриальной, информационной знания и их сочетание с личностными характеристиками человека получают новое значение для общества. Естественно, что Церковь, остающаяся одним из последних институтов, отстаивающих традиционные ценности, имеет свой взгляд на роль и функции университета в современном обществе. И, разумеется, особую активность в этой сфере проявляет Общество Иисуса.

Одной из наиболее влиятельных фигур, заложивших парадигму новому пониманию университета Католической Церковью, стал иезуит Игнасио Эльякурия, представитель теологии освобождения, ректор иезуитского Центральноамериканского университета, убитый в 1989 г. сальвадорскими военными за свою деятельность, направленную против политики правящего военного режима. В 1982 г. он выступил с речью в иезуитском Университете Санта-Клары, в которой изложил свое концептуальное видение того, что университет через свой образовательный апостолат должен продвигать социальную справедливость, отдавая предпочтительное внимание бедным (разумеется, не ограничиваясь ими) [9, р. 4–5].

Впоследствии его инициатива была поддержана и развита генералом Общества Иисуса П.-Х. Кольвенбахом [12] и главой Иезуитского секретариата социальной справедливости при Генеральной Курии Общества Иисуса (ныне – второй секретарь Секции мигрантов и беженцев Ватиканской дикастерии по содействию целостному человеческому развитию) М. Черни [8], который, кстати, после убийства И. Эльякурия и его сотрудников, приехал в Центральноамериканский университет, чтобы продолжить его деятельность. Примечательно, что о. М. Черни, позиционируя себя в качестве условного антиглобалиста, увязывает университет и глобализацию, как термины, имеющие общий смысловой корень [8, р. 1–2]. Исходя из этого, он, в итоге, подводит к мысли о возможности построения при помощи университета справедливой глобализации, используя для этого несколько измененный лозунг антиглобалистов «Другой мир возможен» [8, р. 22].

Еще один иезуит – профессор в Университете Санта-Клары и директор Игнатианского центра иезуитского образования М. Маккарти подводит своего рода промежуточный итог рассуждениям собратьев по ордену относительно университета, утверждает, что, несмотря на «финансовый прессинг» и «неопределенное будущее высшего образования», университет должен сохраняться в качестве примера для студентов. И, возвращаясь к тезису о. И. Эльякурия «Университет – это социальная сила», он подтверждает и его вывод о том, что эта сила «должна трансформировать и просвещать общество, в котором она существует» [13].

В то же время, есть консервативное крыло Церкви, которое склонно видеть корень проблем современного образования не только в масштабных социальных преобразованиях, но также и в тех внутренних реформах, которые осуществляют Католическая Церковь после II Ватиканского Собора (1962–1965 гг.). Представители этого крыла подчеркивают, в частности, что католические университеты, идя путем либерального прогресса и свобод, теряют свою религиозную идентичность и перестают быть католическими, а высшее образование в целом утратило свои прежние функции [6].

Таким образом, Католическая Церковь по-прежнему имеет свое мнение и свои подходы к развитию университета, свое понимание его предназначения. Однако сочетание вызовов современности, перманентных масштабных реформ в самой Церкви и наличие в ее лоне противоборствующих групп приводит к тому, что утраченная в Новое время монополия Церкви на высшее образование имеет тенденцию к дальнейшему ослаблению.

Библиографический список

1. *Выдс, Т.* Как Католическая церковь создала западную цивилизацию. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 280 с.
2. Миссия БГУ // Белорусский государственный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=13181>. Дата доступа: 15.09.2017.
3. *Орtega-и-Гассем, Х.* Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
4. *Суворов, Н. С.* Средневековые университеты. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.
5. *Юдин, А.* Университет католический // Католическая энциклопедия: в 5 т. М.: Издательство францисканцев, 2011. Т. IV. С. 1570–1572.
6. Bishop Conley Denounces Vatican II Consequences in Education // Society of Saint Pius X District of USA [Electronic resource]. 2017. Mode of access: <http://sspx.org/en/news-events/news/bishop-conley-denounces-vatican-ii-consequences-education>. Date of access: 15.09.2017.
7. The Characteristics of Jesuit Education. London: Jesuit Institute, 1986. 40 p.
8. *Czerny, M.* University and Globalization: Yes, But // The Santa Clara Lectures. 2002. Vol. 9, No 1. 25 p.
9. *Ellacuría, I.* Commencement Address at the University of Santa Clara, June 12, 1982. 6 p. P. 4–5 // Archivo Personal de Ignacio Ellacuría, S.J. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.uca.edu.sv/centro-documentacion-virtual/wp-content/uploads/2015/03/C27-c16-.pdf>. Date of access: 15.09.2017.
10. Ignatian Pedagogy – A Practical Approach. London: Jesuit Institute, 1993. 37 p.
11. The Jesuit Ratio Studiorum of 1599. Washington: Conference of Major Superiors of Jesuits, 1970. 149 p.

12. *Kolvenbach, P.-H.* The Service of Faith and the Promotion of Justice in American Jesuit Higher Education // The Santa Clara Lectures. 2000. Vol. 7, No 1. 24 p.

13. *McCarthy, M.* A University is a Social Force. – 2014 // The Chronicle of Higher Education [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.chronicle.com/blogs/conversation/2014/11/07/a-university-is-a-social-force>. Date of access: 15.09.2017.

14. *Pace, E. A.* Universities // The Catholic Encyclopedia. N.Y.: The Encyclopedia Press, Inc., 1912. Vol. XV. P. 188–198.

15. *Post, G.* The Papacy and the Rise of the Universities. Leiden: BRILL, 2017. 304 p.

Латышева Виктория Александровна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**«ОН БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКОМ,
КОТОРЫЙ БЛАГОДАРЯ СВОЕЙ ЛЮБЕЗНОСТИ И ЭНЕРГИИ
ОКАЗАЛ РЕАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ». НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ
К ЧЕРТАМ ЛИЧНОСТИ М. Б. КРОЛЯ**

Жизненный путь М. Б. Кроля насчитывает всего шестьдесят лет (1879–1939), однако, его судьба, пожалуй, может служить яркой иллюстрацией к той эпохе, в рамках которой она разворачивалась. Личность Михаила Борисовича впитала в себя и уровень медицинского образования конца XIX – начала XX вв., как в Российской империи, так и Западной Европе, и трагизм Первой мировой войны, и те векторы преобразований, которые коснулись как идей, так и практики белорусской государственности 1910–1920-х гг. Продолжать, пожалуй, можно долго. Однако безусловным остается следующее: жизненная позиция и активная деятельность М. Б. Кроля до настоящего времени способны зараживать исследователей, в том числе и своей результативностью, а также неиссякаемым оптимизмом в решении сложных профессиональных задач, несмотря ни на какие обстоятельства.

Благодаря развитию, в том числе, и такой исследовательской области как университетоведение, имя М. Б. Кроля заслуженно внесено в летописи ряда университетов. Оно представлено на страницах соответствующих изданий, в интернет-пространстве, что обеспечивает реконструкцию хронологии элементов биографии М. Б. Кроля, связанной с историей высших учебных заведений как Беларуси, так, в частности, и Российской Федерации. Таким образом, сегодня возможно констатировать следующие вехи из жизни Михаила Борисовича, связанные с его деятельностью в университетах страны.

М. Б. Кроль вошел в число одних из тех уроженцев Беларуси, кто в начале 1920-х гг. откликнулся на приглашение правительства БССР среди науч-

ных работников из среды соотечественников. Он был не только членом правительственный комиссии по созданию Белорусского государственного университета, но и принял активное участие в развитии учреждения. В стенах БГУ Михаил Борисович работал в должности заведующего кафедрой нервных болезней, а также декана медицинского факультета [7].

Ещё в 1924 г. М. Б. Кролем в столице БССР была организована клиника нервных болезней, которая стала первым в республике неврологическим центром. На ее базе, а также психоневрологического диспансера в том же году был создан Белорусский государственный институт физиотерапии, который М. Б. Кроль возглавлял до 1930 г., когда он, как не только талантливый врач, но и успешный организатор, стал первым директором Белорусского медицинского института (сегодня Белорусский государственный медицинский университет), открытого на базе медицинского факультета БГУ [8].

С 1932 г. судьба Михаила Борисовича была связана уже со 2-ым Московским государственным университетом (сегодня Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова). Университет был хорошо знаком М. Б. Кролю. Придя работать сюда в год основания учреждения, в 1906 г., тогда ещё на Московские высшие женские курсы внештатным сотрудником кафедры нервных болезней, именно здесь он стал доцентом этой кафедры, а в последствии, в 1932 г., вернулся как избранный на должность её заведующего [9, с. 69].

Безусловны заслуги М.Б. Кроля, кроме прочего удостоенного звания академика АН БССР, заслуженного деятеля наук БССР, доктора медицинских наук, профессора как исследователя и практикующего врача; как организатора советской системы здравоохранения; а также системы высшего медицинского образования, как в Советском Союзе, так и БССР. И эти страницы не могли остаться без внимания исследователей, найдя своё отражение ещё в советскую эпоху, имея продолжение сегодня. Среди отечественных авторов, обращающихся к профессиональной деятельности М. Б. Кроля отметим публикации Д. А. Змачинской [3], И. А. Маркова, Н. Ф. Инсарова [4], и др. Достижения М. Б. Кроля в области медицины перечисляются и авторами статей и в ряде энциклопедических изданий (см., например [6, с. 143–144]).

Несмотря на количество публикаций, посвящённых как университетской деятельности М. Б. Кроля, а в большей мере его достижениям в области медицины, большинство из них объединяет одна общая черта – сухой язык официальных страниц биографии Михаила Борисовича. К сожалению, подобные подходы позволяют за реконструкцией хронологии событий из жизни человека не увидеть его качества как личности. В публикации, посвящённой М. Б. Кролю, В. С. Улащик отмечает: «Студенты очень любили Михаила Борисовича, поскольку его лекции отличались ясностью, глубиной изложения материала, остроумием лектора, он всегда хорошо контактировал с аудиторией» [9, с. 69].

Однако, пожалуй, наиболее ярко черты личности раскрываются в кризисные моменты жизни общества. Один из таких эпизодов, способных охарактеризовать личность М. Б. Кроля не только как специалиста своего дела, но и

небезучастного человека, милосердная душа и гуманное сердце которого не позволили пройти ему мимо страданий больных, реализовав при этом всё свою настойчивость и кипучую профессиональную энергию, имел своё место в Витебске. Напомним, что с 1914 по 1917 гг. М. Б. Кроль возглавлял нервно-психиатрический пункт Красного Креста и Красного Полумесяца в Минске. Сведения об этих годах из жизни Михаила Борисовича практически не известны. Однако архивные документы запечатлели один из фактов его биографии этих лет, отраженный как в воспоминаниях современников, так и документационной отчетности здравоохранения г. Витебска.

Именно в указанной выше должности, на непродолжительное время «доктор Кроль» оказался летом 1917 г. в Витебске, который задыхался от волн кризисов повседневности в вихре военных лет жизни государства. Но не последствия кризисов тронули более всего Михаила Борисовича в прифронтовом городе. Объектом его деятельного внимания стала губернская больница города, вернее персонал и пациенты ее психиатрического отделения.

Проблемы скучного финансирования, переполненность, отсутствие необходимого количества персонала и т.д. были характерны для этого отделения, как и подобных ему во всех белорусских губернских больницах, ещё в дооценный период. И ранее было очевидно, что губернский город не справляется с трудностями и нуждами этого отделения. Приближение фронтов Первой мировой войны ухудшило психическое здоровье не только жителей Витебска и губернии, но и увеличило количество пациентов психиатрического отделения за счет беженцев, а также больных из числа военнослужащих. Именно для последней категории Военное ведомство было вынуждено запрашивать помощь и у Красного Креста. Для М. Б. Кrolя явно не существовало принципиально-бюрократической разницы в случае необходимости помощи: его более волновали вопросы смертности из-за недоедания и истощения, возможных вспышек эпидемий среди всех категорий больных из психиатрического отделения губернского Витебска в не зависимости от их социального статуса.

Не только должностных возможностей, но силы характера Михаила Борисовича хватило на то, чтобы организовать перевод 42 больных в г. Славянск Харьковской губернии, что хотя и сократило их количество только на 5 %, но в условиях колоссального переполнения отделения имело существенное значение. Он смог организовать возможность для психиатрического отделения привлечь трёх докторов сроком на полгода, до января 1918 г. за счёт Красного Креста. Таким образом, количество врачей в отделении было увеличено до пяти. До этого момента там работало только два специалиста. Причем, один постоянный, и один из военных врачей, которые очень часто менялись. Со складов Красного Креста благодаря доктору Кролю были выделены для отделения запас некоторых продуктов питания. Михаилу Борисовичу частично удалось обеспечить медицинский персонал хотя бы халатами, а больных постельными принадлежностями, одеждой, предметами мебели и посудой [1, л. 34].

Перечисленные меры имели успех: отделение не только смогло сохранить жизнь своим пациентам, но и принимать в свои стены других нуждающихся в помощи. «За четыре военные годы М. Кроль был единственным чиновником, который благодаря своей любезности и энергии оказал реальную помощь душевнобольным больницы» [2, л. 53]. Именно так охарактеризовала М. Б. Кроля в 1918 г. доктор С. Л. Гуревич. Стоит отметить, что имя Кроля было единственным, кого Софья Львовна упомянула, давая ответ на вопрос «как же жило психиатрическое отделение губернской больницы все военные годы?». Наверное, оценка, полученная от первой на территории Беларуси женщины-психиатра, которая «одна из первых самоотверженно работала над созданием в Белоруссии основ организации помощи психиатрическим больным, неустанно боровшаяся за улучшение условий их содержания и лечения в стационарах» [5] имеет свой вес. Профессиональный опыт, который приобрела Софья Львовна к моменту встречи с Михаилом Борисовичем летом 1917 г., был колоссальным. Если в 1912 г. Софья Львовна ещё только пришла на работу в психиатрическое отделение больницы города в должности врача-экстерна, то уже в годы Первой мировой войны она оказалась в положении, когда ей приходилось практически одной решать не только довоенные, хронические для психиатрической медицинской помощи проблемы отделения, но и добавившиеся к ним войной.

События, произошедшие с М. Б. Кролем в Витебске, лишь краткий эпизод из его насыщенной победами на профессиональном поприще жизни. Однако, как представляется, обращение и к подобным фактам из биографии способны обнажить черты личности, позволяющие раскрыть ее интеллектуальную элитарность, в том числе и через идеино-духовный багаж внутреннего мира. Неудивительно, но отрадно, что имя такого наполненного достоинством человека, как Михаил Борисович Кроль, оказалось у истоков создания и Белорусского государственного университета.

Библиографический список

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАВт. Ф. 64. Оп. 1. Д. 9.
3. Змачинская, Н. Ф. Заведующие кафедрами и профессора Минского медицинского института (1921–1996): биогр. справ. Минск, 1999. 427 с.
4. Марков, Д. А. Михаил Борисович Кроль / Д. А. Марков, И. А. Инсаров // Здравоохранение Белоруссии. 1972. № 5. С. 62–64.
5. Мелешико, Л. С. Первая в Белоруссии женщина-психиатр, рукопись. Из личного архива автора.
6. Мухеев, В. В. Кроль Михаил Борисович // Большая медицинская энциклопедия / Редколл., гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е изд. М., Изд-во «Сов. энцикл.», 1980. Т 12. 557 с.

7. Пролог (1919–1920 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/prolog-1919-1920.html>. Дата доступа: 17.09.2017.

8. Ректоры университета. Кроль Михаил Борисович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bsmu.by/page/6/1584>. Дата доступа: 6.09.2017.

9. Улацкік, В. С. Михаил Борисович Кроль (1879–1939) – белорусский учёный, организатор медицинского образования и медицинской печати // Здравоохранение. 2014. № 1. С. 69–70.

Лізуноў Андрэй Іванавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ЭТАПЫ РАЗВИЦЦЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТУ

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт з'яўляецца вядучай установай вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, флагмана вышэйшай адукацыі Беларусі. З'яўляючыся старэйшай дзеючай установай вышэйшай адукацыі БДУ мае багатую гісторыю, традыцыі і цэлы шэраг славутых выпускнікоў, якія ўнеслі свой унесак у гісторыю Беларускай Дзяржавы. Таму важна ведаць гісторыю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, ведаць кожны яе этап, дзеля разумення агульнага развіцця БДУ.

Першым этапам гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – гэта этап стварэння і першапачатковай дзеянасці. БДУ быў адчынены 30 кастрычніка 1921 г., а заснаваны 11 ліпеня 1921 г. А першыя крокі ў гэтым напрамку былі прадпрыяты 25 лютага 1919 г. Але і да гэтага існавала ідэя стварэння ў Мінску ўніверсітэту. На пачатак XX ст. існавала некалькі планаў аб адчыненні на Беларусі ўстановы вушэйшай адукацыі. Віцебская і Мінскія гарадскія думы ў 1903 г. выношвалі планы адчынення ў Віцебску альбо Мінску ўніверсітэту. На паседжанні Мінскай гарадской думы ад 3-га верасня 1903 г. гэтую ідэю выказаў сябра думы В. О. Янчэўскі. Мінская Дума падхапіла гэтую пропазіцыю і звярнулася да ўраду, але гэтая ідэя засталася без падтрымкі [4, с. 30].

Наступная спроба адчыніць універсітэт адбылася 1916 г. Да Міністэрства народнай асветы Расійскай Імперыі звярнуліся наступныя ўстановы: Магілёўскае губернскае земскае сабранне, Віцебская губернская земская управа, Мінская гарадская Дума, Міnsкае губернскае земства. Iх прапанова мела наступны сэнс: адчыніць у якім-небудзь горадзе на неакупаванай частцы Беларусі ўніверсітэт. Але Міністэрства народнай асветы адказала адмовай, тлумачучы сваю пазіцыю tym, што адзіным горадам, які можа браць на сябе ролю навуковага цэнтра з'яўляецца Мінск, але Мінск горад прыфрантавы [4, с. 33].

Наступны раз ідэя аб стварэнні ўніверсітэту прагучала пасля Лютаўскай рэвалюцыі. Пытанне аб адчыненні ўніверсітэту ўвайшло ў праграмныя запатрабаванні беларускіх нацыянальных арганізацый. Першыя крокі да стварэння ўніверсітэту зрабіў Народны Сакратарыят Беларускай Народнай Рэспублікі. Праектам разпрацоўкі ўніверсітэтут зймаліся Яўхім Карскі і Мітрафан Доўнан-Запольскі. Але спробы Народнага Сакратарыяту БНР апынуліся по бальшай частцы без выніковымі [3, с. 79].

ЦВК ССРБ лічыў, што заснаванне Беларускага ўніверсітэта з'яўляецца адным з неабходных да вырашэння пытанняў. Першыя крокі да адчынення Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта былі ажыццяўлены Прэзідымам ЦВК ССРБ 24–25 лютага 1919 г. Былі асігнаваны грошы на арганізацыйную працу, вызначана месца дзе будзе дзейнічаць універсітэт (маёнтак у Лошицы). Але гэта справа была спынена на пэўны час з-за савецка-польскай вайны і часовай акупацыі Мінску з боку Польшчы. Праца ўніверсітэтскай камісіі аднаваілася толькі пасля вызвалення Мінска ў 1920 г. [4, с. 40].

11 ліпеня 1921 г. было зацверджанна праўленне ўніверсітэту Народным камісарыятам асьветы БССР у складзе: рэктар У. І Пічэта, У. М. Ігнатоўскі, Ф. Ф. Турук, М. Я. Фрумкіна. У гэты ж дзень адбылося ўрачыстае паседжанне ў Мінскім гарадскім тэатры, на якім быў абрацаваны тэкст Дэкрэту аб адчыненні Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. Таксама Ігнатоўскім, была агучана пастанова Калегіі Наркома асьветы аб прызначэнні рэктарам У. І. Пічэты і склад праўлення ўніверсітэта [4, с. 48].

На дадзеным этапе гісторыі БДУ была невялікая колькасць факультэтаў: рабочы, медыцынскі і грамадскіх навук. За перыяд 1921–1925 гадоў быў адчынены педагогічны факультэт у 1922 г. Кадравае пытанне вырашалася наступным чынам: у БДУ прысыпаліся выкладчыкі з Маскоўскага, Казанскага і Пецербуржскага ўніверсітэтаў. Кіраванне ажыццяўлялася Праўленнем БДУ на чале з рэктарам, дэканы факультэтаў, Савет універсітэту, Саветы факультэтаў і прадметныя камісіі. У 1922 г., згодна новаму Статуту БДУ, было перавыбрана праўленне. Яго склад па большасці захаваўся.

Такім чынам, можна сказаць, што першы этап развіцця БДУ ахапіў сабой 1921–1925 гады. На гэтым этапе быў створан Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: яго структура, сістэма кіравання, сфармавана кадравая структура ўніверсітэта. Дадзены этап з'яўляецца адным з самых складаных этапаў у развіцці БДУ, бо ва ўмовах пасляваеннай разруші ствараць новую ўстанову вышэйшай адукцыі з'яўлялася вельмі цяжкай і маруднай справай, але дзякуючы цітанічнай працы БДУ быў створан.

Другі этап у развіцці БДУ гэта 1925–1941 гады. Па-першае адбылася змена структуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1925 г. быў зачынены факультэт грамадскіх навук. Замест яго быў створаны факультэт права і гаспадаркі. Гэты факультэт праіснаваў да 1929 г. У гэты годзе ён быў падзелены на два факультэты: факультэт народнай гаспадаркі і факультэт права і савецкага будаўніцтва. У 1929 г. таксама быў створаны новы факультэт – хіміка-

тэхналагічны. У гэтым годзе адбылася змена рэктара БДУ. Замест Пічэты быў паставлены Я. П. Карапеўскі [1, с. 182].

У 1926 г. Народны камісарыят асветы ініцыянуваў новы Статут БДУ. Приняты ён быў 30 студзеня 1929 г. Згодна новаму Статуту БДУ кіраванне Ўніверсітэтам пачало складвацца на прынцыпе адзінанаачалля. Такім чынам змянілася структура кіравання: сябры Праўлення БДУ прызначаліся на свае пасады, расфармаваны саветы факультэтаў і аддзяленняў, прадметныя камісіі. Рэктар і дэканы пачалі несці асабістую адказнасць.

У 1930/1931 годзе адбылося так зване “разукрупненне БДУ”. Згодна з гэтым планам шэраг факультэтаў прапанавалася вывесці са складу БДУ і стварыць на іх базе самастойныя установы вышэйшай адукацыі. Такім чынам былі створаны Мінскі медыцынскі інстытут, Інстытут народнай гаспадаркі, Палітэхнічны інстытут, Вышэйшы педагогічны інстытут, Інстытут савецкага будаўніцтва і права [2, с. 28–29].

Разукрупненне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта апнулася ледзь не знішчэннем універсітэту. У складзе БДУ засталося 3 факультэты: фізіка-матэматычны, хімічны, біялагічны. Паступова БДУ пачаў адраджацца і зноў прымаць выгляд класічнага ўніверсітэту. У 1934 г. ў БДУ былі адчынены гісторычны і геаграфічны факультэты. У 1939 г. быў зачынены рабфак і адчынены філалагічны факультэт, які складаўся з дзвух аддзяленняў. Напярэдадні Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай Вайны ў Беларускім дзяржаўным універсітэце працавала шэсць факультэтаў [5, с. 6].

Такім чынам на дадзенным этапе развіцця Ўніверсітэту можна зрабіць наступныя вынікі. Была зменена структура кіравання ўніверсітэтам, была ўведзена сістэма асабістай адказнасці. Ліквідаваны ўсе ворганы калегіальнага кіравання. З структуры БДУ былі вылучаны ў самастойныя навучальныя установы і створаны новыя факультэты ў складзе Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту.

Наступны этап гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту гэта перыяд Вялікай Айчыннай Вайны 1941–1945 гады. З пачаткам вайны на фронт накіраваліся 450 выкладчыкаў і студэнтаў БДУ. Адбылася спроба эвакуяваць Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Эвакуявацца удалося толькі 620 навукоўцам БДУ. Да 1943 г. большая іх частка была раскідана па ўсяму Савецкаму Саюзу. У чэрвені 1942 г. партыйнае кірауніцтва БССР узніяло пытанні аб аднаўленні працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 15 траўня 1943 г. СНК СССР прынало пастанову “Аб аднаўленні працы Беларускага Дзяржаўнага Ўніверсітэта”. Новым месцам дыслакацыі БДУ была абрана чыгуначная станцыя Сходня. Была аднаўлена дзейнасць шасці факультэтаў: гісторычнага, філалагічнага, біялагічнага, геаграфічнага, фізіка-матэматычнага, хімічнага. Заняткі пачаліся са спазненнем 11 кастрычніка 1943 г. [2, с. 113]. Пасля вызвалення тэрыторыі БССР ад нямецкіх захопнікаў у ліпені 1944 г. пачаліся настроі на вяртанне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Мінск. І нарэшце на прыканцы ліпеня і ў пачатку жніўня 1944 г. ў Мінск паехалі дзве групы студэнтаў БДУ. Гэтыя групы пачалі аднаўленне БДУ. Навучальны год

1944/1945 пачаўся са спазненнем 15–22 кастрычніка 1944 г. За гэты перыяд увесь педагогічны і студэнцкі склад БДУ вярнуліся ў Мінск.

Такім чынам, этап 1941–1945 гг. з'яўляецца самым цяжкім у гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. Вынішчэнне маёмыці БДУ, цяжкі час аднаўлення выкліканы нямецкай акупацыяй. Дзякуючы рашэнням СНК БССР і стараннай працы выкладчыкаў БДУ універсітэт удалося захаваць.

Наступным развіцця БДУ былі часы пасляваеннага аднаўлення, якія ахапілі 1945–1953 гг. Гэта былі адны з найцяжэйшых гадоў, як для Ўніверсітэта, так і для Беларусі ў цэлым. У 1946 г. ў складзе БДУ было сем факультэтаў. У 1944 г. быў створаны факультэт журналістыкі, але ўжо ў 1947 г. быў уведзены ў склад філалагічнага факультэта. На гістарычным і філалагічным факультэтах адчыняліся новыя аддзяленні, якія пераўтвараліся пазней ў самастойныя факультэты. Напрыклад, філасоўскае аддзяленне гістфака [2, с. 120].

У 1946 г. пачаўся перавод БДУ на мірныя рэйкі. Аднавіўся пяцігадовы тэрмін навучання, з'явіўся конкурс пры паступленні. Захоўваліся праблемы з матэрыяльным забяспечэннем. Гэтая з'ява тармазіла працэс эфектыўнасці навучання. У 1946 г. БДУ быў выведзены са складу Наркамату асветы БССР і пераведзена ў склад створанага Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР. Гэта кепска адлюстравалася на працы БДУ, з'явіліся праблемы з фінансаваннем, цяжкасці з вырашэннем цяжкіх праблем [2, с. 134].

Наступным этапам развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту з'яўляецца перыяд 1953–1989 гг. За гэты перыяд БДУ былі ажыццяўлены шэраг інавацый у навучальнym працэсе. Пастановай Савета Міністраў СССР ад 22 верасня 1968 г. былі указаны функцыі ўніверсітэту: падрыхтоўка высакокваліфікованых кадраў, выхаваўчая праца. БДУ знаходзіўся пад пільным кантролем партыйных і дзяржавных органаў. За гэты час быў створан шэраг новых факультэтаў у складзе БДУ: юрыдычны факультэт, вячэрні факультэт (потым аддзяленне), факультэт грамадскіх прафесій, факультэт павышэння кваліфікацыі, факультэт журналістыкі. У 1970-х гг. былі адчынены факультэт прыкладной матэматыкі, фізічны і матэматычны. На прыканцы 1970-х гг. адбылося драбленне фізічнага факультэта на фізіку і радыёфізіку і электроніку.

Апошній этап гісторыі Ўніверсітэта гэта сучасны этап. Свой пачатак ён бярэ з абрацення незалежнасці Рэспублікі Беларусь у 1991 г. і працягваецца да нашых дзён. У гэты час быў адчынен шэраг факультэтаў, неабходных для незалежнай Беларусі. Першым у гэтым спісе стаў факультэт міжнародных адносін. Апошні з новаўтвораных гэта факультэт даўніверсітэцкай адукацыі.

Такім чынам у гісторыі развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта можна вылучыць наступныя этапы:

1. 1921–1925 гады – этап фарміравання і першапачатковага функцыянавання БДУ;
2. 1925–1941 гады – этап даваеннага развіцця Ўніверсітэту, для якога характэрна змена ўнутранай структуры і структуры кіравання;

3. 1941–1945 гады – этап дзейнасці БДУ ў эвакуацыі, вяртанне БДУ у Мінск у 1944 г.;
4. 1945–1953 гады – этап пасляваеннага аднаўлення Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту;
5. 1953–1991 гады – этап развіцця БДУ, для якога характэрна развіццё і пашырэнне ўнутранай структуры, яе пашырэнне ў колькасным плане.
6. 1991 г. і па нашыя дні. На гэтым этапе Ўніверсітэт з'яўляецца флагманам беларускай сістэмы вышэйшай адукацыі, нацыянальным навуковым цэнтрам, які адыгрывае значную ролю ў дзяржаўным будаўніцтве Рэспублікі Беларусь.

Бібліографічны спіс

1. *Баранова, Е. В. В. И. Пичета и власть в 1920 гг. // Российско-славянские исследования: науч. сб. 2009. Вып. 4. С. 178–186.*
2. *Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина / Редкол.: А. Н. Севченко [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 1971. 319 с.*
3. *Кіпель, Я. Эпізоды / Пад рэд. І. Урбановіч, З. Саўкі. Нью-Йорк, 1998. 305 с.*
4. *Пічэта, У. І. Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінульм. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 48 с.*
5. *Яноўскі, А. А. У пошуках аптымальных методык выкладання (з гісторыі арганізацыі вучэбнага працэсу ў БДУ ў 1920–1930-я гады) // Гісторыя: праблемы выкладання. 2006. № 6. С. 3–10.*

Літвіноўская Юлія Іваноўна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі
(Мінск, Беларусь)*

СТАН БЕЛАРУСКАЙ АСВЕТЫ НА ПАЧАТКУ XIX ст.

На канец XVIII – першую палову XIX ст. прыпадае пачатковы этап новых, пасля раздзелаў Рэчы Паспалітай, узаемаадносін паміж культурамі Беларусі і Расіі. На пярэднім плане гэтых даволі складаных і неадназначных узаемаадносін апынулася такія ўжо сфарміраваныя культурныя плыні, як шляхецкая культура Беларусі і руская дваранская імперская культура. Шмат у чым гэтыя культуры былі роўнавялікія, найперш на ўзроўні развіцця. Да XIX ст. яны прыйшли значна адноўленымі бурнымі працэсамі еўрапеізацыі, узбагачаныя ідэямі і ідэаламі эпохі Асветніцтва, аднак мелі розныя культурныя вопыты, арыентацыі і традыцыі. І гэта, апошняя, пазначалася на развіцці ўсіх сфер культурнага жыцця краю, асабліва народнай асветы.

Сеймам 1773–1775 гг. у Рэчы Паспалітай была заснавана Адукацыйная камісія – установа па кіраўніцтву народнай асветай. Гэта была першая падобнага рода установа ў Еўропе. Камісія ажыццяўляла рэформу школ і ўніверсітэтаў у духу ідэй Асветніцтва. Правядзенню рэформы спрыяў роспуск ордэна езуітаў у 1773 г., школы і маёмасць якога былі перададзены Адукацыйнай камісіі. Вышэйшую ступень новай сістэмы адукцыі стварылі Ягелонскі ўніверсітэт у Кракаве і Галоўная школа ВКЛ у Вільне.

Сярэднюю ступень адукцыі складалі акруговыя і падакруговыя школы. Ніжэйшай павінны былі стаць парафіяльныя вучылішчы, адкрыццё якіх прадугледжвалася ў мястэчках і гарадах. Агульнае кіраўніцтва справай асветы забіралася з рук духавенства. Школа набывала свецкую накіраванасць [1, с. 62–63].

Рэгіёны Беларусі ўваходзілі да складу Расійскай імперыі паступова па меры падзела Рэчы Паспалітай і канчаткова ў 1795 г. У выніку ў канцы XVIII ст. на Беларусі дзеянічалі розныя тыпы школ: у цэнтры і на захадзе – школы былога Адукацыйнай камісіі Рэчы Паспалітай, на ўсходзе – галоўныя і малыя народныя вучылішчы, заснаваныя паводле расійскага статута 1786 г. Гэта былі свецкія школы. Акрамя іх існавалі манастырскія, уніяцкія і каталіцкія навучальныя ўстановы, у тым ліку езуіцкія.

Да пачатку XIX ст. на Беларусі склалася даволі заблытаная сетка навучальных установ, пазбаўленых адзінага кіраўніцтва і не звязаных паміж сабой. Дыяпазон разнастайных навучальных сістэм дазваляў пры жаданні і магчымасцях атрымаць адукцыю, адпаведную ўзору ведаў XVI, XVII і XVIII ст. на польскай, рускай, яўрэйскай, французскай і німецкай мовах. Напярэдадні школьнай рэформы 1803–1804 гг. на Беларусі існавала каля 130 пачатковых, 33 сярэдніх і няпоўныя сярэднія школы, значная колькасць яўрэйскіх рэлігійных школ, каля 40 школ розных каталіцкіх ордэнаў. Агульная колькасць навучэнцаў у канцы XVIII ст. ва ўсіх школах (за выключэннем яўрэйскіх) не перавышала 4 тыс. чалавек. Школьная адукцыя была даступна дзесяткам шляхты, духавенства, заможных гараджан [1, с. 206].

Народныя школы былі створаны ў Расіі па ўзору прускіх і аўстрыйскіх школ і працавалі пад кіраўніцтвам зацверджанай у 1782 г. імператрыцай Кацярына II Камісіі па ўсталяванню народных школ. Яны ствараліся на абліспіцах усіх імперыі. У губернскіх цэнтрах – галоўныя чатырохкласныя, у павятовых – малыя двухкласныя. На Беларусі галоўныя былі адкрыты ў Магілёве і Віцебску, малыя – Полацку, Оршу, Чавусах, Мсціславе, Копылі, Чэрнігаве і інш. Народныя школы адчынілі дзвёры для прадстаўнікоў усіх саслоўяў, практикавалі сумеснае навучанне хлопчыкаў і дзяўчыннак. На ўсходзе Беларусі яны ствараліся як альтэрнатыва мясцовым традыцыйным прыкляштарным калегіумам. Навучэнне ў іх было бясплатным. Рускія настаўнікі гэтых школ у большасці былі добра падрыхтаваныя прафесійна і вызначаліся шчырай прыхільнасцю справе пашырэння асветы [2, с. 138].

Народныя вучылішчы былі даступнымі для ўсіх слоўніка гарадскога насельніцтва. У іх у гэты час вучылася звыш 400 дзяцей дваран мяшчан, сялян

жыўшых у гарадах, а іх было 10,9%. Дзяўчынкі складалі 11% ад усіх навучэнцаў [3, с. 170].

У пачатку XIX ст. у Расіі была праведзена рэформа ў галіне адукацыі. У 1802 г. упершыню ў яе гісторыі ствараецца Міністэрства народнай асветы. Еўрапейская частка краіны была падзелена на 6 навучальных акруг. На чале кожнай з іх знаходзіліся назначаныя царом папячыцелі. Віцебская, Гродзенская, Магілеўская і Мінская губерні ўвайші ў склад Віленскай вучэбнай акругі, папячыцелем якой быў адзін з “маладых сяброў” Аляксандра I буйны польскі магнат Адам Чартарыйскі. У акругах цэнтрам вучэбнага і адміністрацыйнага кіраўніцтва асветай быў універсітэт. Для Беларусі, Літвы і Правабярэжнай Украіны, якія знаходзіліся ў адной акрузе, такім цэнтрам быў Віленскі ўніверсітэт. Ён быў створаны ў 1803 г. на базе Галоўнай Віленскай школы (заснавана ў 1570 г. езуітамі як калегіум).

У 1804 г. быў прыняты “Статут навучальных устаноў, падначаленых універсітэтам”. Утваралася новая сістэма адукацыі: універсітэт – гімназія – павятовыя вучылішчы – прыходскія вучылішчы. [4, с. 507–508]. Агульным для ўсіх ступеняў адукацыі было тое, што ў іх, да рэскрыпту Мікалая I 1827 г., прымаліся вучні ўсіх саслоўяў. Такім чынам, прынамсі тэарэтычна, магчымасць атрымаць добрую адукацыю мелі ўсе саслоўі [3, с. 171].

Гімназіі, павятовыя і прыходскія вучылішчы на беларускіх землях ствараліся, як правіла, на базе наяўных школ. Аднак у першай трэці XIX ст. было заснавана і нямала новых, галоўным чынам першапачатковых вучылішч, у тым ліку ланкастэрскіх – бясплатных школ для бедных, дзе навучанне вялося на сістэме англійскага педагога Дж. Ланкастэра. Яна аснована была на прынцыпах узаемнага навучання, якія прадугледжвалі навучанне дзяцей і дарослых больш падрыхтаванымі вучнямі пад кіраўніцтвам настаўніка. У 20–30-я гг. XIX ст. у Беларусі працавала больш за 20 ланкастэрскіх школ [2, с. 141]. Усталіваная ў Беларусі трохступенняя сістэма адукацыі прадугледжвала 7-гадовы тэрмін начання ў гімназіі; 4-гадовы у павятовых вучылішчах, 2-гадовы – у прыходскіх.

Асноўнай мовай, на якой вялося выкладанне заставалася польская. Руская мова ў вучэбны план вучылішчаў уводзілася толькі ў тым выпадку, калі былі жадаючыя яе вывучаць [3, с. 508–509]. У цэлым сістэма навучання і выхавання была пранізана польскім патрыятычным духам. Царскія ўлады пагаджаліся з гэтым дзеля паразумення з польскімі памешчыкамі. Існаванне беларускага этнаса і мовы не прызнавалася ні тымі, ні другімі. Беларуская мова не вывучалася і навучанне на ёй не дапускалася нават у пачатковай школе.

Што датычыцца навучальных праграм, то гімназіі спачатку мелі рэальны накірунак. Выкладаліся фізіка, матэматыка, пачатковыя асновы тэхналогіі і камерцыйных навук, філософія, гісторыя, геаграфія, статыстыка, польская, руская, лацінская, французская і німецкая мовы. Пасля 1828 г. – Закон Божы, царкоўная гісторыя, логіка, геаметрыя і інш.

Асноўнае месца ў вучэбных планах 4-гадовых вучылішчаў было адведзена вывучэнню мовы і літаратуры (польскай, лацінскай, французской і німецкай).

Прыблізна 1/4 усяго часу адводзілася на вывучэнне фізіка-матэматычных навук. У вучылішчах выкладалі таксама гісторыю, геаграфію, логіку і права. Неабходна адмеціць таксама адну вельмі істотную акалічнасць – пераемнасць вучэбных планаў гімназій, павятовых і прыходскіх вучылішчаў.

З цягам часу стаў усе больш выразна праяўляцца саслоўныя харктар новай рэформы асветы. Ён яскрава адчуваўся ў выдадзеным у 1807 г. “Статуте для прыходскіх вучылішчаў”. Статут прадугледжваў стварэнне некалькі тыпаў прыходскіх школ. Для дзяцей дваранства і рамеснікаў трэба было заснаваць мужчынскія і жаночыя 2-класныя вучылішчы. Але, калі ў школе вучыліся дзецы “бедных рамеснікаў”, тэрмін навучання для іх скарачалі на 6 месяцаў, таму што яны, як адзначалася ў статуте, абвязаны “падзяліць працу бацькоў”. Програма прыходскіх вучылішчаў для дзяцей дваран і рамеснікаў побач з агульнаадукацыйнымі прадметамі прадугледжвала азнаямленне іх з некоторымі відамі рамёстваў. Шмат увагі падавалася рэлігійна-маральному выхаванню.

Для сялянскіх дзяцей было рэкамендавана адкрыць толькі аднакласныя вучылішчы. Агульнаадукацыйная падрыхтоўка ў іх не прадугледжвалася. Дзяцей сялян трэба было навучаць “перасаджванню і прышчэпліванню дрэў, рабіць добрыя земляробчыя прылады … і хатнія гаспадарцы, а таксама застаўляць іх “завучваць на памяць духоўныя песні пра хатніх дабрачынцаў і адчуваць агіду ды заганы”. Чытанне, пісьмо, лічэнне – гэта навукі, якія на думку складальнікаў статуту “не ўласцівы для сялянскіх дзяцей”. Статут не рэкамендаваў адцягваць дзяцей прыгонных школьнімі заняткамі ад работы на памешчыка [4, с. 511].

Вучэбным і адміністрацыйным цэнтрам адукацыі быў Віленскі ўніверсітэт. Віленскай навучальнай акрузе было дазволена кіравацца не агульнарасійскім статутам навучальных установ, а асобным, які ўлічваў багаты вопыт дзейнасці Адукацыйнай камісіі Рэчы Паспалітай. Гэтым прызнаваліся заслугі камісіі ў галіне стварэння сістэмы асветы, падпрадкаванай дзяржаўным інтарэсам.

Рускія ўлады дазволілі захаваць польскую мову як асноўную мову навучання ў акрузе, разумеючы, што фарсіраванне ў пытаннях культурнай інкарпарацыі можа выклікаць моцнае супрацьдзеянне шляхты, што было небяспечным для імперыі. З другога боку, Віленскі ўніверсітэт быў адным з самых аўтарытэтных культурных і навуковых цэнтраў на землях былой Рэчы Паспалітай. Само яго існаванне азначала для мясцовай шляхты захаванне пэўнай культурнай камфорtnасці. Да таго ж універсітэт вызначаўся высокім узроўнем навучання і даваў вышэйшую адукацыю еўрапейскага тыпу. Колькасць яго навучэнцаў была больш за самы старэйшы расійскі ўніверсітэт – Маскоўскі: 300 супраць 160 ў 1808 г. і 1300 супраць 800 у 1830 г. [2, с. 142].

Віленскі ўніверсітэт меў чатыры факультэты: маральна-палітычных навук, літаратуры і вольных мастацтваў, фізіка-матэматычны і медычны. На кафедрах універсітэту працавалі вядомыя вучоныя-энцыклапедысты свайго часу: браты Ян і Андрэй Снядэцкія, І. Франк і Г. Балнус, І. Лялеваль,

I. Анацэвіч, Н. Даніловіч, М. Баброўскі. Пры ўніверсітэце працавалі медычная, ветэрынарная і агранамічная школы, самы багаты ў Еўропе батанічны сад, абсерваторыя, заалагічны музей, трывалікі, найбагацейшая бібліятэка, аптэка, друкарня, якая выпускала штотомесячны навукова-літаратурны часопіс “Dziennik Wileński” [2, с. 142].

У адпаведнасці са “Статутам, або агульнымі пастановамі Віленскага ўніверсітэта і вучылішчаў яго акругі” ўніверсітэту былі падначалены ўсе навучальныя ўстановы на тэрыторыі Беларусі. Ён ажыццяўляў рэарганізацыю сістэмы школьнай адукацыі, камплектаваў выкладчыцкія кадры вучылішчаў, забяспечваў іх вучэбнымі дапаможнікамі і літаратурай клапаціўся аб матэрыяльным забеспечэнні школ і настаўнікаў.

З Віленскага ўніверсітэта ў школы Беларусі прыйшлі многія настаўнікі, якія адыгралі прыкметную ролю ў асьвеце, актыўна удзельнічалі ў дэмакратычным грамадска-палітычным руху, склалі першы атрад беларускай разначинна-дэмакратычнай інтэлігенцыі. Погляды перадавой прафесуры ўніверсітэта становіліся здабыткам іх вучняў, з якімі пранікалі і ў беларускія школы. Нягледзячы на тое што выкладанне ваўніверсітэце вялося на польскай мове, сярод студэнцтва выкрышталізоўваліся ідэі беларускай нацыянальнай самасвядомасці.

Правядзенне адукацыйнай рэформы на Беларускі тармазілася недахопам сродкаў і падрыхтаваных настаўнікаў. Штогодны бюджет для фінансавання школ быў вельмі бедным – ля 32 тыс. рублеў. Гэтай колькасці ледзь хапала на фінансаванне 6 гімназій або 11 павятовых вучылішч. Аплаты працы настаўніка была вельмі мізэрнай. У выніку настаўнікі, пазбаўленыя магчымасці працягваць заняткі ў школах не атрымліваючы ніадкуль фінансавай дапамогі патрабавалі звольнення ад настаўніцкай пасады, а часам пакідалі родныя мясціны ў пошуках больш выгаднай службы. На Беларусі толькі для рэарганізацыі манастырскіх вучылішчаў патрабавалася ў 1804 г. не менш 212 настаўнікаў, а фактычна іх было толькі 136. Захады, прынятые Віленскім універсітэтам – заснаванне настаўніцкай семінарыі хуткіх вынікаў не абышаў: набор быў абмежаваны, доступ у семінарыю быў адкрыты галоўным чынам для дваран, якіх зусім не вабіла ўбогае існаванне настаўніка [2, с. 510–511].

Бібліяграфічны спіс

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск: Беларус. энцыкл., 1993. Т. 1.
2. Гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск: Экаперспектыва, 2005. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Мінск. 519 с.
3. Параікоў, С. А. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск, Бел. навука, 2003. 444 с.
4. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. Т. 1. 632 с.

Луговцова Светлана Леонидовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СТУДЕНТЫ ВИЛЕНСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ: ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

На рубеже 1830–1840-х гг. в Вильне были раскрыты организации патриотического характера: «Союз польского народа» Шимона Конарского, «Демократическое общество» Франца Савича. Согласно документам следственных органов каждой из них самое активное участие принимали студенты Виленской медико-хирургической академии (ВМХА). Кроме того, в июле 1840 г. близ Ставрополя был задержан бежавший с места службы юнкер Эриванского кара-бинерского полка Чесновский. Выяснилось, что к побегу его подтолкнул участник восстания 1830–1831 гг. Либерадский. Последний показывал Чесновскому воззвание французского консула к полякам с призывом начать борьбу против российской власти. Столъ тревожные известия стали причиной создания очередной следственной комиссии, которая вновь выявила тесные связи заговорщиков со студентами и выпускниками ВМХА. Анализ документов следственных комиссий, позволяет нам выяснить особенности мировоззрения и модели поведения широкого круга лиц, которые не являлись членами кружка Ф. Савича, не имели связей с Ш. Конарским, однако «были подобного образа мыслей» [2, л. 21об.].

На наш взгляд, определяющей чертой, характеризующей юношество 30–40-х гг. XIX в. являлся романтизм, что проявлялось в действиях, словах, в образе мыслей. Так, после исключения в 1840 г. из числа студентов ВМХА 11 человек за выступления против начальства академии один из исключенных, Митарновский, «пронзил себя ножом» на глазах своей любовницы Зульки и через несколько минут умер [2, л. 246].

Переписка студентов ВМХА наполнена романтическим образом мыслей и выражением чувств. Например, Александр Вейшторт пишет другу Яну Микуличу: «Откажи мне в своей дружбе, ежели убедишься, что я не достоин оправдания. Все снесу и пре буду в неизменности моих чувств; до последнего дыхания кричать буду за правду, за благородное чувство, за благо народов!» [2, л. 262]. В качестве эпиграфа к своему письму Вейшторт использует четверостишие [2, л. 239]:

*Сколь север ни холоден, ни темен;
Невзгоды его мы переносим смело,
Ибо участь человека тогда приятна,
Когда её он разделяет с милым другом.*

Бывший студент ВМХА Ксаверий Микульский просит сообщать ему добрые вести с Родины, дабы он мог обратить свой «слезный путь родной стороне, жалея этот свет, для которого дышу с презрением» [2, л. 430–430 об.].

Студенты восхищались произведениями Адама Мицкевича, сами писали (как минимум переписывали) стихи, подражая своему кумиру. Так, Матвей Ловицкий в стихотворной форме прославлял студентов ВМХА (участников общества Ф. Савича), поднявшихся на борьбу за свободу родины [2, л. 15–16]. В целом, как поэтические, так и прозаические произведения Ловицкого наполнены антироссийскими высказываниями и верой в восстановление независимости Речи Посполитой. Не только для этого автора, но и для других студентов Виленской медико-хирургической академии были характерны стихотворные произведения, написанные в форме молитвы [2, л. 15–15 об.]:

*Боже! Который Польшу чрез столь многие столетия,
Окружал блеском могущества и славы,
Который защищал щитом своей опеки
От угрожавших ей несчастий.
Пред твои алтари возносим молитвы!
Боже! Спаси наше Отечество!
<...>
Возврати древней Польше прежний блеск,
Сделай плодоносными поля опустевшей земли.
Пусть мир и счастьеечно в ней процветают
Перестань карать нас славный Боже!
Пред твои алтари возносим молитвы
Боже! Спаси наше Отечество!*

В «неблагонамеренной» переписке с Ловицким был уличен ординатор Тифлисского военного госпиталя Зенон Пилецкий [3, л. 310–310 об.]. Александр Вейшторт писал иноскательные сочинения «в роде басен» [2, л. 412]. У Ксаверия Микульского были обнаружены стихи патриотического содержания, в которых он проклинал русское иго и благословлял Литву [2, л. 260]. У выпускника ВМХА Яна Микулича были найдены стихи, содержащие молитву о восстановлении независимости Польши [2, л. 341]. У военного врача Галашевича в ходе обыска в Кронштадте было обнаружено произведение Ш. Конарского «Воспоминание по прочтении второй декларации Родзевича», в котором автор призывал освободить залитую кровью Родину, объединиться всем патриотам, чтобы заставить дрожать создателей ада на земле – царей [2, л. 210]. В стихотворении «Верноподданный» Конарский насмехался над теми местными помещиками, которых волновал лишь урожай пшеницы и доход от винокурения; обвинял царскую власть в том, что истинных патриотов Отечества она отправляет «искать смерти на Кавказ» [2, л. 212]. Его произведения были обнаружены также у врача Бомборского военного госпиталя Виктора Малиновского [3, л. 309].

В бумагах ветеринарного помощника Харьковской врачебной управы Дадан Юртова были найдены два стихотворения, в одном из которых Россия сравнивалась с молотом, а Польша – с наковальнею, но высказывалась надежда, что роли могут поменяться [3, л. 304]:

*Победоносная Польша была молотом,
Ныне сделалась наковальнею.
Бог поразил нас сильным ударом,
Но не отчаивайся — мы ещё не погибли.
Скажи лучшее: ныне враг есть молот,
Завтра будет наковальнею.*

За участие в тайном обществе Ш. Конарского на Кавказ был сослан М. Бутовт-Анджейкович, который описал своё путешествие из Владикавказа до Тифлиса, а позднее – путешествие в Дагестан и двухлетнее пребывание в столице этого края, Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск). По той же причине на Кавказе оказался поэт Ксаверий Петрашкевич (1812–1842). Его перу принадлежит сборник «Кавказских сонетов», в которых воспет Крестовый перевал на границе Грузии и Северного Кавказа, а также «Отрывки из неопубликованных мемуаров ксёндза П..., бывшего студента Виленской академии» [1, с. 169–170]. В целом, в творчестве поэтов-уроженцев тех территорий, которые входили ранее в состав Речи Посполитой, ярко отразилось характерное для романтизма увлечение «ориентальной» темой (использование местных сюжетов и мотивов, описание кавказской природы). Вместе с тем, Восток для польских «кавказцев» – тех, кто «стонал, прикованный к скалам Кавказа», служил не только антитезой Европе (изображение первозданной природы места их ссылки и живущих здесь людей как близких к идеалу естественной простоты) и источником пополнения литературного реквизита экзотическими образами и метафорами, но был местом изгнания, пространством неволи. Это обстоятельство обусловило наполнение традиционных для романтизма мотивов изгнания, ностальгии, разлуки конкретным драматическим содержанием.

Вместе с тем, умевшие столько ярко выразить себя в поэзии и переписке, студенты Виленской медико-хирургической академии умели также тщательно скрывать свои мысли и чувства от окружающих. Из материалов полицейских органов известно, что за время пребывания ветеринарного врача Я. Микулича в Пензенской губернии за ним «не было замечено ничего предосудительного» [3, л. 225]. Арестованный в Новогрудке ветеринарный лекарь Реут, у которого были обнаружены переписанные его рукой «неблагонадежные стихи», по свидетельству полиции «по кроткому нраву и скромной жизни» не подавал ни малейшего повода к подозрению [3, л. 228]. Хотя в одном из стихотворений содержался вымышенный разговор двух русских солдат, в котором один из товарищей склоняет другого ни много ни мало к цареубийству.

Члены Виленской следственной комиссии в 1841 г. пришли к выводу, что образ мыслей М. Ловицкого «быть может, до самой смерти остался бы в неизвестности», если бы не поимка Чесновского [2, л. 21 об.]. Отметим, что сам Ловицкий был уверен, что если бы не удалось при жизни издать его сочинения, то это непременно произошло бы позднее, пусть даже и через сто лет. И оказался прав! Его «Очерк духа Виленской академии от учреждения оной до

1839 г.» впервые увидел свет через 70 лет после его создания [6] и до настоящего времени остается важнейшим источником для изучения широкого круга вопросов.

Ведущую роль в сохранении на территории бывшей Речи Посполитой польского языка как «души общества» и в воспитании молодого поколения патриотами своей Родины студенты и выпускники ВМХА 1830–1840-х гг. отводили польским женщинам. В частности, в письме Микульского к неизвестной девушке Бенигне содержатся серьезные размышления о возможностях для женщин составлять ученыe общества, заниматься литературным трудом, осуществлять переводы на польский язык европейских авторов. В качестве примера Микульский опирается на творческую деятельность английских женщин. Упоминает, что литературным трудом занимаются сестры Дмуховского в Варшаве (романы, выпущенные под фамилией брата, на самом деле были плодом их творчества) [2, л. 407–408]. Молодой человек уверен, что литературный труд может «принести для всего Отечества великую пользу, поддержать упадающий язык, распространить нравственность и поселить надежду» [2, л. 408 об.]. По его мнению, пример женщин заставит и мужчин развиваться в том же направлении, так как «женский пол есть возбудителем и руководителем ко всему, от него все зависит» [2, л. 409]. Со свойственным молодости максимализмом Микульский заявляет, что прекращает отношения с другом Данисом, решившим жениться на немке. По мнению Микульского, «влюбиться в чужеземку есть одно и тоже, что любить скворца или попугая, ибо что мне из любовницы, в жилах которой не бьется польская кровь, которая не умеет говорить по-польски, не умеет объяснить своих мыслей, языком человеческим, языком Божественным» [2, л. 427–427об.]. Эти рассуждения явно перекликаются с пассажем из широко известного письма А. Киркора, написанного в начале 1861 г. своей будущей жене Марии: «О, я тебя очень люблю, ты знаешь, как я тебя люблю; а все-таки, если бы в глубине души был убежден, что ты уже не Литвинка, а только Полька, – моя любовь исчезла бы вдруг!» [7, с. 15].

Отличительной чертой виленской молодежи 1830–1840-х гг. является смелость, которая проявлялась как в студенческие годы, так и на протяжении дальнейшей жизни. Сам факт участия студентов в антиправительственных организациях второй половины 30-х гг. XIX в. свидетельствует об этом. Кроме того, несмотря на почти постоянную деятельность специальных правительственные следственных комиссий в столице Великого Княжества Литовского, жесткие приговоры, вынесенные участникам восстания 1830–1831 гг., тайных обществ Ш. Конарского и Ф. Савича, 19 студентов академии в апреле 1840 г. осмелились подписать требования к руководству академии. Они считали необходимым увеличить средства, выделяемые на содержание казеннокоштных студентов (в связи с инфляцией), требовали улучшить качество питания и условия проживания студентов. Отметим, что, несмотря на строжайший запрет коллективных обращений, все основные требования студентов были удовлетворены [4, л. 2–130].

За участие в антиправительственных обществах студенты ВМХА были разбросаны по самым отдаленным уголкам Российской империи, где их смелость нашла проявление в условиях военной и гражданской службы. Ярким примеров является судьба студента академии Франца Вояковского, который 8 февраля 1839 г. был признан «виновным в соучастии в возмутительном обществе между студентами этой Академии и прочими лицами образовавшимся, назначен в военную службу с определением в Отдельный Кавказский корпус впредь до выслуги, без лишения прав состояния». В 1842 г. мужество и храбрость в борьбе против горцев был произведён в унтер-офицеры, в 1843 г. за отличие по службе произведён в прапорщики, в 1845 г. «за отличие против горцев произведён в подпоручики». 21 апреля 1848 г. «за отличия, оказанные в делах и перестрелках с горцами в продолжении 1847 г., бывших на Черноморской береговой линии, награждён орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Впоследствии дослужился до чина генерал-майора [5, с. 104].

Героев данной статьи (М. Ловицкого, А. Вейшторта, Кс. Микульского, Я. Микулича, В. Малиновского, Ф. Вояковского), объединяет происхождение. Все они являлись выходцами из безземельной белорусской шляхты. Их семьям не удалось преодолеть барьеры, созданные в результате так называемого «разбора шляхты» – правительственной политики, активно осуществлявшейся в Российской империи в 30-х гг. XIX в., – стать полноправными членами дворянского сословия. Их также объединяет бедность, и вытекающие из этого состояния систематическое недоедание и болезни. Кс. Микульский был болен чахоткой [2, л. 430]. Я. Микулич страдал ревматизмом [2, л. 263]. А. Вейшорт на протяжении 18-дневного пути из Вильни в Казань (в 1840 г. в Казанский университет была переведена целая партия студентов Виленской медико-хирургической академии) питался одним хлебом и лишь дважды кушал горячую пищу. Деньги же, выданные на питание в дороге, студент потратил на покупку шинели [2, л. 258]. Кроме того, у Вейшторта было «хроническое воспаления горла и других грудных органов». В 1840 г. он обращался с просьбой о переводе его в Харьковский, а не Казанский университет именно по причине слабого здоровья [2, л. 437].

Таким образом, в качестве отличительных черт виленской студенческой молодежи на рубеже 30–40-х гг. XIX в. мы можем говорить о патриотизме; проявлениях романтизма в образе мыслей, словах и поступках; смелости и решительности при одновременном умении скрывать свои истинные мысли и чувства.

Библиографический список

1. Боголюбов, А. Судьбы поляков на Северном Кавказе в XIX в. // Поляки в России: вехи истории. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. С. 135–217.
2. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (ЛГИА). Ф. 378. Политический отдел. Оп. 216. Д. 72. Л. 1–434.
3. ЛГИА. Ф. 378. Политический отдел. Оп. 216. Д. 73. Л. 1–442.

4. ЛГИА. Ф. 378. Политический отдел. 1840 г. Д. 33. Л. 1–138.
5. *Матвеев, О.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 1830–1850-е гг. // Поляки в России: вехи истории. Под ред. Х. Граля, А. Л. Петровский, А. И. Селицкий (отв. редактор). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. С. 97–129.
6. *Ловицкий, М.* Очерк духа Виленской академии от учреждения оной до 1839 г. // Русский архив. 1909. Кн. 1. № 4. С. 534–564.
7. *Тальвирская, З. Я.* Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х – начале 60-х гг. и подпольная литература // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.): Сб. ст. М., 1967. С. 5–77.

Любы Андрэй Уладзіміравіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**ТРАДЫЦЫІ ВЫВУЧЭННЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
 Ў ВІЛЕНСКІМ УНІВЕРСІТЭЦЕ ІМЯ СТЭФАНА БАТОРЫЯ
 I ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX ст.**

Нараджэнне ўніверсітета ў пэўнай лакальнай мясцовасці, на “вакантнай” тэрыторыі рэгіёна, у святле ўспамінаў пра былы “залаты час” інстытуцыі-папярэдніцы – гэта сапраўдны акт інтэлектуальнага выбуху. З аднаго боку, ён цягне да насычэння інтэлектуальнай прасторы края асобамі, свядомымі ў сваёй нацыянальнай, культурнай і прафесійнай ідэнтычнасці. З іншага боку, прыводзіць у дзеянне працэс стварэння і пераасэнсавання ўмоваў творчай працы, інтэрпрэтацыі гістарычнага мінулага, вагі і значнасці дадзенага рэгіёна для развіцця ўсёй краіны.

Стварэнне ў галоўным горадзе Заходняй Беларусі – Вільні – універсітета, наданне яму ў якасці ганаровага патрона імя караля-“гарадзенца” Стэфана Баторыя, было відавочным прарывам у барацьбе за інтэлектуальную спадчыну старажытнай Беларусі і Літвы, былой часткі Першай Рэчы Паспалітай. “Асаблівыя адносіны” ўніверсітэцкай прафесуры з мясцовым ураджэнцам і кірауніком дзяржавы Юзэфам Пілсудскім – надавалі вялікі патэнцыял праведзенай падрыхтоўчай працы і чакаймым вынікам для рэгіёна т.зв. “усходніх ускраін” новай дзяржавы.

Адзінае пытанне, якое ніколі наўпрост не ставілася, але заўсёды прадугледжвалася: якім якасна будзе гэты інтэлектуальны цэнтр? На паверхні ляжалі ўзаемавыключаймыя варыянты: “палацізацыя” і “краёвасць” (беларуская, літоўская). Верагоднасць перамогі магла быць на любым баку, бо агульнадзяржаўныя задачы перад сістэмай адукцыі і выдаткованыя грошы незаўсёды ўвасабляюцца ў сацыяльнай палітыцы. Нацыянальная дэфармацыя – складаны прадукт, у тым ліку, і інтэлектуальнага ўздзеяння. Нават у спрыяльных умовах нацыянальнай эйфары 1920-х гг.

Заснаванне і гісторыя навуковых даследаванняў. Пытанне пра ўніверсітэт у Вільне падымаецца ў коле мясцовай інтэлегенцыі яшчэ ў 1905 г. Ідэйным цэнтрам з'яўлялася Таварыства аматараў навук. У канцы 1918 г. мясцовая ініцыятыва пераўтвараеца ў агульнадзяржаўны Камітэт адраджэння Віленскага ўніверсітэта [1, с. 50–51]. Са жніўня 1919 г. па загаду начальніка польскай дзяржавы распачалася праца па стварэнню Віленскага ўніверсітэта (“адражэнню”, мэтай якога дэклараравалася пераемнасць ад папярэдніх навучальных установаў універсітэцкага тыпу ў Вільні, прызначаная для адукацыі палякаў, якія пражываюць на тэрыторыі Літвы і Беларусі, а таксама “беларусаў-католікаў”) [1, с. 51–52]. Ужо пасля падпараткавання горада польскім уладам адбылося афіцыйнае адкрыццё навучальнай установы. На мерапрыемстве прысутнічалі знакавыя дзеячы навуковай і палітычнай супольнасці міжваеннай Польшчы. Іх засцярогі адносна якасці навучання, складу выкладчыкаў і навучэнцаў, і, канешне, палітычнай мэтазгоднасці адкрыцця ўстановы не маглі супернічаць з асабістай зацікаўленасцю Ю. Пілсудскага.

Барацьба за кантроль над установай распачынаеца адразу пасля інагурацыйных мерапрыемстваў. Праяўляеца ў адборы кадраў, выцісканні заўважаных у палітычных спачуваннях нацыянальным меншасцям універсітэцкіх функцыянераў, спробах негуманітарнай прафілізацыі навучальнай установы. Гэта было часткова дасягнута праз адміністрацыйны рэсурс: запрашаліся кадры з розных адукацыйных цэнтраў дзяржавы.

“Польскі” праект універсітэта заключаўся ў правядзенні праз стрымліванне (нацыянальныя квоты) адукацыйнай актыўнасці беларусаў і літоўцаў, прыцягненне на Віленшчыну вонкавых педагогічных кадраў, правядзенне даследавання краю ў пошуку польскай гісторыі і культуры. Відавочна падобнаму накірунку спрыяла падтрыманне культуры такіх асобаў універсітэта XIX ст. як Яўхім Лелявель, Юзаф Ігнацы Крашэўскі, Адам Міцкевіч. З іх імям гісторыя краю асацыявалася з гісторыяй Вялікага Княства Літоўскага. А сам вобраз Вялікага Княства з канца XIX – пачатку XX ст. трывала ўваходзіць у польскі нацыянальны гістарычны наратыв.

Аднак не ўсе прадстаўнікі польскай акадэмічнай супольнасці і нават эмісары варшаўскай улады на “ускраінах” падтрымлівалі герайзацыю агульнопольскага значэння мінулага краю. Так Ян Бадуэн дэ Куртэнэй (Jan Niecisław Beaudouin de Courtenay), Баляслаў Ліманоўскі (Bolesław Limanowski) і Людвіг Каланкоўскі (Ludwik Kolankowski) выступілі за раўнавагу ўмоваў навучання для беларусаў і літоўцаў, прызнавалі за імі права на сваю рэгіянальную гістарычную спадчыну [1, с. 53; 2, с. 338, etc.].

Ідэйная барацьба праходзіла поруч з іншымі працэсамі. Так у чэрвені 1919 г. кірауніком Выканаўчага камітэта становіща Юзэф Жэмяцкі (Józef Kazimierz Ziemacki), які шмат зрабіў для фарміравання навуковага патэнцыялу ўніверсітэту, яго кадравага складу, прыцягненне спецыялістаў на выкладчыцкія пасады [3]. Ва ўніверсітэце пачынаюць працеваць такія спецыялісты як Фелікс Канечны (Feliks Konieczny), даследчык стасункаў Польшчы і Вялікага Княства

Літоўскага ў эпоху Ягелонаў; менавіта ў “віленскі” перыяд фарміруе са сваіх лекцыйных матэрыялаў накіды пра палітычныя адносіны Літвы і Масквы ў другой палове XV ст. [4, с. 59]. Ці гісторык права Вялікага Княства Літоўскага Стэфан Эрэнкрайц (Stefan Łukasz Ehrenkreutz) [5]. Іх семінары, курсы і асабісты вопыт у даследаваннях гісторыі Сярэднявечча і ранняга Новага часу Цэнтральнай і Усходняй Еўропы дапамаглі узніць цікавасць да працэсаў фарміравання віленскай навуковай школы ў Другой Рэчы Паспалітай, імёны дазволілі прыцягваць да працы маладых і амбіцыйных даследчыкаў.

Акадэмічнае кола. Самым цяжкім для станаўлення ўніверсітэта з'яўляецца яго рэнаме і рэпрэзантациі на ў навуковых даследаваннях кола спецыялістаў. Польская навуковая супольнасць заўсёды шмат увагі надавала (і надае зараз) статусу прафесарскіх кадраў, іх “паходжанню” і навуковай “генеалогіі”. Наколькі відавочным была прага львоўскіх, кракаўскіх і нават варшаўскіх выкладчыкаў хутка праславіцца на перыферыі навуковага польскага свету, настолькі ж, памыліўшыся, яны з'язжалі з Вільні. Польскі гісторык Анджэй Закшэўскі (Andrzej Zakrzewski) ствараючы агляд асабовага складу выкладчыкаў універсітэта 1920-х – першай паловы 1930-х гг. адзначыў, відавочную перавагу львоўскай школы: Фелікс Канечны (Feliks Koneczny), Станіслав Касцялкоўскі, Станіслав Заянчкоўскі (Stanisław Franciszek Zajączkowski), Ян Адамус (Jan Adamus) [6, с. 295–296]. У сваіх нарысах пра развіццё гістарычнай навукі ў Віленскім універсітэце варшаўскі даследчык Аляксандэр Гейштар (Aleksander Gieysztor) адзначае, што пачынаючы з 1920–1921 гг. кафедры пакрысе насычаюцца гісторыкамі мясцовага паходжання (гарадзенец С. Касцялкоўскі, случак Януш Івашкевіч, Рышард Мяніцкі з-пад Лепеля і інш.) [4, с. 58–59]. Да таго мясцовая прафесура – імкнулася расціць свае кадры, каб не залежыць ад вонкавага току. Нездарма хуткі кар'ерны рост у 1930-ых гг. можам назіраць па былых выпускніках – Хенрыку Лаўмяньскаму (Henryk Łowmiański) і Севярыну Віславуху (Seweryn Wiślouch).

Часам, для “львавян”, намаганні застацца ў структурах універсітэта ў Вільне нічым не сканчваліся. Яскравы прыклад – “віленскі” перыяд у жыцці Людвіга Каланкоўскага. Сваю адукцыю Л. Каланкоўскі атрымаў у Львове і Берліне. У Львове пад кіраўніцтвам Людвіга Фінкеля абараніў дактарат, а ў кракаўскім Ягелонскім універсітэце – хабілітацию, прысвеченую княжэнню Жыгімонта Аўгуста ў Вялікім Княстве Літоўскім да 1548 г. Адпечатку існавання ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя Л. Каланкоўскі быў прызначаны паўнамоцным прадстаўніком Начальніка дзяржавы пры вучэльне. Адначасова выконваў свае абязязкі пры Міністэрстве замежных спраў загадчыка ўсходняга аддзела, а ў ім – літоўска-беларускай секцыі [2, с. 338, etc.]. Актыўны ўдзел прымаў у стварэнні акадэмічнага кола Універсітэта. Менавіта яго намаганнямі былі прыцягнуты львоўскія кадры для заснавання гістарычнай школы. Палітычная кар'ера не дазваляла займацца навуковай і выкладчыцкай дзейнасцю ў поўнай меры.

Калі Л. Каланкоўскі задумаў перайсці на выкладчыцкую працу і ў кастрычніку 1929 г. атрымаў з Варшавы пацвярджэнне на пасаду прафесара

“надзвычайнага”, то Сенат Віленскага ўніверсітета адмовіў яму ў займанні пасады. У немалой ступені ў акадэмічным асяродку зыграла свою ролю і станоўчае стаўленне Л. Каланкоўскага да нацыянальных меншасцяў. Аднак з 1931 г. Л. Каланкоўскі ўзначальвае ў Вільні кафедру гісторыі Усходняй Еўропы. А ўжо ў 1937 г. пераводзіцца ва ўніверсітэт у Львоў [7]. У Вільню ён больш не вярнуўся.

Асноўныя навуковыя дасягненні Л. Каланкоўскага, як і большасці яго калег, якія выбрали для сябе палітычную кар'еру ў 1910–1920-я гг., прыпадаюць на перыяд 1930-х гг. Менавіта ў гэты час былі створаны асноўныя працы Л. Каланкоўскага, прысвечаныя палітычнай гісторыі рэгіёна ў эпоху панавання дынастыі Ягелонаў. З дапамогай некалькіх абагульняючых прац ён паспрабаваў аб'яднаць вопыт вывучэння эпохі Ягелонаў у ВКЛ і Польшчы, на што і зварнуў увагу Каланкоўскі-сын у выданні 1991 г. [8].

Лёс склаўся такім чынам, што пасля завяршэння Другой сусветнай вайны Л. Каланкоўскі пакідае межы Галіцый, супрацоўнічае з Польскай Народнай Рэспублікай і нават спрыяе адкрыццю Торуньскага і Лодзьскага ўніверсітетаў. Нажаль на адміністрацыйнай працы ўлады бачылі Каланкоўскага толькі ў часовай якасці. Пакідалі без увагі яго імкненне да фарміравання канцепцыі ўніверсітета, стварэнне персанальнай навуковай школы.

Да яго школы ў розныя этапы дзеянасці адносіцца невялікае кола даследчыкаў. На сёння нават не вызначана дакладная колькасць тых, хто абараніўся пад яго кіраўніцтвам. Аднак і сярод іх мы можам вылучыць такія вядомыя імёны ў праблематыцы Вялікага Княства Літоўскага і гісторыі Польшчы, як Эва Малечыńska (Ewa Maleczyńska), Зоф'я Лібешоўска (Zofja Libeszowska), Людвік Бжылув (Ludwik Brzylów). А таксама гістарыёграф Анджэй Томчак (Andrzej Tomczak) [9]. Аднак Л. Каланкоўскі так і застаўся своеасаблівым ценяўшим патронам Віленскага ўніверсітета імя С. Баторыя.

Зусім іншы прыклад – творчы і жыццёвы шлях Станіслава Касцялкоўскага (Stanisław Kościałkowski). Ён з'яўляецца ў літаратуры антыподам Л. Каланкоўскага. У прасторы ўніверсітета вакол таленавітага даследчыка збіралася вялікая група патэнцыйна здольных даследчыкаў. С. Касцялкоўскі быў своеасаблівым выкладчыкам-настаўнікам, натхняльнікам студэнтаў гуманітарнага накірунку [6, с. 297–298].

Нарадзіўся С. Касцялкоўскі ў Гародні ў сям'і лекара. Адукацыю атрымаў ва ўніверсітэтах Варшавы і Кракава, у апошнім у 1905 г. абараніў дактарскую працу па праблеме палітычнай дзеянасці Антонія Тызенгаўза. З 1906 г. перехаў у Вільню. Тут удзельнічаў у працэсе адраджэння ўніверсітета, стаў членам Сенату ўніверсітета, з 1921 г. на пасадзе намесніка прафесара, з 1935 г. – прафесар звычайны. Адначасова выконваў адміністрацыйныя функцыі на Гуманістычным факультэце, а пасля акупацыі Вільні падтрымліваў акадэмічнае жыццё праз тайныя заняткі ва ўласным доме і наладзіў апеку над бібліятэкай віленскага Таварыства аматараў навук.

Яго навуковая зацікаўленасць тычылася пераважна гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Пад яго кіраўніцтвам былі напісаны такія працы па

гісторыі Вялікага Княства як “Літоўская шляхта і пытанні збора правоў Анджэя Замойскага на старонках пасольскіх інструкцый 1776, 1778, 1780 і 1782 гадоў” Крыстыны Адольхавай (Krystyna Adolhowa), “Антоні Глябовіч – забыты біёграф Вітаўта” Марты Бурбянкі (Marta Burbianka), і яе ж праца “Войтаўскі ўряд у Вільні. Паўстанне, прысвячэнне і прызначэнне войтаў...” (прызнаная навуковым кіраўніком лепшай працай) [6, с. 297], “Партыя Тызенгаўзаў на літоўскіх сейміках” Ганны Каленкевіч-Міровіч (Anna Krystyna Kalenkiewicz-Mirowiczowa). Падымалася проблематыка татарскай меншасці Лук’янам Краўцом (Lucjan Krawiec), даследаванне праваслаўнай царквы Аляксеям Дзяругай (Aleksy Deruga). І напісаная Ежы Ордам (Jerzy Orda) доктарская праца “Пінск. Пачаткі, тапаграфія і кароткая гісторыя да XVII ст.” [6, с. 297]. Пры ўдзеле студэнтаў С. Касцялкоўскага была падрыхтавана “Памятная кніга Гістарычнага кола слухачоў Віленскага ўніверсітэта Стэфана Баторыя” [10].

Нарэшце, вобраз пераўтварэння і кар’ерна-выкладчыцкага росту праілюстраваны ў біографіі Казіміра Хадыніцкага (Kazimierz Chodynicki). Які нарадзіўся ў Варшаве, атрымаў адукцыю ў Кракаве, але дактарат абараніў пры Варшаўскім ўніверсітэце пад навуковым кіраўніцтвам Марцэлія Хандэльстмана (Marceli Handelsman) на тэму “Адносіны Рэчы Паспалітай да грэцкага веравызнання”. Навуковыя інтарэсы ляжалі ў сегменце гісторыі хрысціянскіх канфесій на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. Яны ўвасобіліца ў манаграфіі “Праваслаўная царква Рэчы Паспалітай. Гістарычныя нарсы 1370–1632” [11].

З 1921 г. К. Хадыніцкі пераязджае ў Вільню і становіцца прафесарам надзвычайнім і кіраўніком кафедры гісторыі Сярэднявечча і дапаможных дысцыплін. Менавіта пры ім у перыяд з 1921 па 1928 г. гістарычныя даследаванні ва ўніверсітэце прымаюць мэтанакіраваны і структураваны выгляд. Акрамя падрыхтоўкі кадраў К. Хадыніцкі ў 1923–1928 гг. становіцца рэдактарам часопіса “Ateneum Wileńskie”, які друкуе матэрыялы па шырокім полі гуманістыкі, яны тэматычна адносяцца да асэнсавання спадчыны тэрыторыі былога Вялікага Княства Літоўскага.

Пад патранатам К. Хадыніцкага стваранецца некалькі даследчыцкіх груп, у якія ўваходзяць прастаўнікі выкладчыкаў і студэнтаў. Паралельна ідзе заснаванне новых даследчых структур па вывучэнню Беларусі, такіх як Навукова-даследчы інстытут Усходній Еўропы (секцыі гістарычна-прававая і этналагічная). У іх сваю ролю адыгралі і вучні К. Хадыніцкага. Нажаль лёс не дазволіў К. Хадыніцкаму напоўную раскрыць сябе ў працы ў Вільні.

Новае, страчанае для Вільні, пакаленне. Працэс стварэнне навуковай гістарычнай школы Віленскага ўніверсітэта дазволіў выявіць досьціць хутка неабходнасць у такіх супрацоўніках як Хенрык Лаўмяньскі (Henryk Łowmiański). Ураджэнец Віленшчыны, распачаў сваё навучанне ў Кіеўскім ўніверсітэце святога Уладзіміра. Аднак Першая сусветная вайна змяніла яго планы. Пасля заканчэння змаганняў на франтах Х. Лаўмяньскі вяртаецца давучвацца ва ўніверсітэт, аднак ужо на малой радзіме – ў Вільні. Тут жа распачынаеца і яго даследчая праца (у 1924 г. абаронена дысертация пад

навуковым кіраўніцтвам К. Хадыніцкага), пазней Х. Лаўмяньскі становіща і выкладчыкам.

Яго віленскія праекты ўражваюць сваёй грунтоўнасцю ў працы з крыйніцамі і падыходах да вывучэнне эканамічных і дэмаграфічных пытанняў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XVI ст. Некаторыя айчынныя даследчыкі бачаць тут пераемнасць ці ўплыў на фарміраванне навуковай свядомасці з боку М. Доўнар-Запольскага. У Вільне Х. Лаўмяньскі актыўна апрацоўвае матэрыялы гарадскога архіва. Удзельнічае ў шэрагу праектаў віленскага Таварыства аматараў навук [12, с. 6, etc.].

Пасля пачатку Другой сусветнай вайны Х. Лаўмяньскі надоўга застаецца без выкладчыцкай практыкі, пазбаўлены ўніверсітэцкага акадэмічнага жыцця, ён выжывае працай архіварыўса праз увеселіе перыяд акупацыі. Пасля завяршэння вайны яму дазваляюць эміграваць у Польшчу, дзе яго кампетэнцыі адразу былі запатрабаваны.

Менавіта ва Ўніверсітэце імя Адама Міцкевіча ў Познані Х. Лаўмяньскім будзе створана найбуйнейшая ў Польшчы навуковая школа вывучэння гісторыі ВКЛ [13]. Сярод яго вучняў будуць як выхадцы з ўсходняй часткі Другой Рэчы Паспалітай (напрыклад Станіслаў Александровіч), так і закаханыя ў Віленшчыну і старадаўнюю Літву (Збыслаў Вайткавяк, Ежы Ахманьскі, Марцэлі Косман). Гэта быў шлях Іахіма Лелявеля: ад Вільні да Познані.

Крыху пад іншым поглядам мы можам зірнуць на творчы шлях Севярына Віславуха, які ў віленскі перыяд быў зацікаўлены гісторыяй ВКЛ, у канцы 1930-х гг. узначальваў камісію нацыянальнасцяў пры Інстытуце Усходняй Еўропы, а ўжо ва ўроцлаўскі перыяд аддае належнае XIX і XX ст. Род Віслаухаў знакавы для Беларусі, але нажаль абмежавана вядомы ў гісторычным наратыве [14] і варты асобнага даследавання.

Чакаюць свайго айчыннага даследчыка і такія постаці, якія паходзяць з розных куткоў Беларусі, як Леанід Жытковіч (Leonid Źytkowicz), Януш Іашкевіч (Janusz Iwaszkiewicz), Атон Хэдман (Otton Hedman) і інш.

Такім чынам, у перыяд ад верасня 1939 г. да 1946 г. (пасля вызвалення Вільні ад нямецка-фашистыкіх захопнікаў) выпускнікі і выкладчыцкія кадры ўніверсітэта з большага вымушаны былі пакінуць горад, эміграваць у сацыялістычную Польшчу ці ў Заходнюю Еўропу (у асяродкі Велікабрытаніі). Выпускнікі ўніверсітэта і даследчыкі спадчыны Вялікага Княства Літоўскага, хто эміграваў у Польскую Народную Рэспубліку, актыўна ўключыліся ў навуковыя і ўніверсітэцкія цэнтры Варшавы, Торуня, Познані. Аднак у новых палітычных і ідэалагічных умовах прадмет іх даследавання застаўся незапатрабаваны на новай глебе.

Цікавасць да гісторыі школы даследвання Вялікага Княства Літоўскага Віленскага ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя будзе моцна пераасэнсавана ў пачатку 1990-х г. варшаўскімі архівістамі [15], фонды захоўвання прафесуры ўніверсітэта звярнуць на сябе ўвагу гістарыёграфаў і гісторыкаў, чые карані роду паходзяць з замеяль Літвы і Беларусі [4; 16; 17]. У пачатку 1990-х гг. не без удзелу варшаўскай прафесуры (Юліуша Бардаха, Аляксандра Гейштара)

у сучасным Вільнюсе быў заснаваны “Collegium Batorianum”, навучальная ўстанова для адраджэння польскай адукацыі ў Літоўскай Рэспубліцы [18]. Аднак мэты і задачы, падобныя на мэты і задачы пачатку XX ст., у канцы XX ст. ужо не мелі мясцовага падмурку.

Віленскі ўніверсітэт у 1910–1930-х гг., які меў ідею пабудовы свайго інтэлектуальнага цэнтра для Віленшчыны, для Беларусі, якая пасля 1921 г. аказалася падзелена і заходняя частка апынулася ў складзе польскай дзяржавы. Універсітэт прыйшоў некалькі стадый эвалюцыі выкладчыцкага і даследчыцкага складу. У выніку, нягледзячы на кадравую палітыку і ідэалагічныя ўмовы, працэс завершыўся карэнізацыяй.

Бібліографічны спіс

1. *Šabajevaitė, L.* Wileński Uniwersytet Stefana Batorego w polskiej polityce // Lithuania. 1994. No. S. 50–56.
2. *Mihałuk, D.* Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918–1920 гг. Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Навук. рэд. С. Рудовіч, пераклад з пол. А. Пілецкі. Смалянск: Інбелкульт, 2015. 496 с.
3. *Narkowicz, Liliana* “Nigdy od ciebie, miasto, nie mogłem odjechać (...)” // Nasza Gazeta. Tygodnik. R. 30 (466) // [Электронны рэсурс]. Рэжым доступа: <http://archiwum2000.tripod.com/466/narkow.html>. Дата доступа: 20.12.2017.
4. *Gieysztor, A.* Dziejopisarstwo w Wilnie międzywojennym // Lithuania. 1994. No. 4. S. 56–62.
5. Ehrenkreutz Stefan Łukasz // Uczeni polscy XIX–XX stulecia, T. I: A-G. Warszawa, 1994. S. 439–440.
6. *Zakrzewski, A.* Stanisław Kościałkowski a lituanistyka polska XX wieku // Stanisław Kościałkowski pamięci przywrócony. Warszawa–Łódź: IPN, 2016. S. 292–305.
7. *Połchowska, A.* Pamięci profesora Ludwika Kolankowskiego // [Электронны рэсурс]. Рэжым доступа: <http://www.design-it.nazwa.pl/miejscapamieci/1/Pami%C4%99ci%20Profesora%20Ludwika%20Kolankowskiego.pdf>. Дата доступа: 20.12.2017.
8. *Kolankowski, Z.* Wstęp // Polska Jagiellonów: dzieje polityczne Ludwiga Kościałowskiego / do druku przygotował Zygmunt Kolankowski, wyd. 3 popr. i uzup. Olsztyn: Oficyna Warmińska 1991.
9. *Pisulińska, J.* Doktoraty historyczne na Uniwersytecie Jana Kazimierza 1918–1939 // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / Red. Jerzy Maternicki. T. 1. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2004. S. 233–249.
10. *Kozłowski, M.* Wychowawca i nauczyciel. О учениах Stanisława Kościałowskiego // Stanisław Kościałkowski pamięci przywrócony. Warszawa–Łódź: IPN, 2016. S. 130–171.
11. *Chodnicki, K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632. Wyd. 2. Białystok: Orthdruk, 2005.

12. Kosman, M. Szkic do portretu Uczonego // Prusy-Litwa-Krzyżacy / H. Łowmiański, opracował M. Kosman. Warszawa: PIW, 1989. S. 5–33.
13. Pawlikowska, W. Z dokonań dydaktyczno-naukowych Zakładu Historii Narodów ZSRR w latach 1949–1990 // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. XIII. 2008. S. 23–35.
14. Iwanow, M. Seweryn Wysłouch – założyciel polskiej białorucystyki // Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich [Wilno, 1939–40] / S. Wysłouch, red. nauk. M. Iwanow. Warszawa, 2013. S. XV–XXXVI.
15. Zamojska, D. “Ta ludność życie mieć Uniwersytet...” Walka o utworzenie Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie / Dorota Zamojska// Kwartalnik Nauki i Techniki. 2006. R. 51. No 3. S. 7–43.
16. Bardach, J. Nauka historii ustroju i prawa w litewskiego w Wilnie w latach 1920–1939 // Lithuania. 1994. No 4. S. 63–76.
17. Aleksandrowicz, S. Przedmowa // Dwa doktoraty z Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. Poznań: Wyd. Poznańskie, 2005. S. 7–12.
18. Collegium Batorianum Uniwersytet Wileński. T. 626. F. III-352. Materiały Aleksandra Gieyszторa. Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie.

Ляскоў Аляксандр Якаўлевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ДАСЛЕДАВАННІ І. А. ЮХО І СТАНАЎЛЕННЕ ГІСТОРЫИ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ ЯК НАВУКІ

Станаўленне гісторыі дзяржавы і права Беларусі, на наш погляд, вылучаеца наступнымі ўзаемазалежнымі асаблівасцямі.

Па-першае, гісторыя дзяржавы і права Беларусі развівалася пераважна як універсітэцкая навука (адпаведныя традыцыі былі закладзены яшчэ заснавальнікамі нацыянальнай гісторыяграфіі М. В. Доўнар-Запольскім і У. І. Пічэтам). Па-другое, гісторыя дзяржавы і права фарміравалася адначасова і як навука, і як вучэбная дысцыпліна (па сутнасці можна казаць пра іх непадзельнае адзінства – “два бакі аднаго медаля”). Па-трэцяе, стварэнне нацыянальнай школы гісторыі дзяржавы і права непарыўна звязана з навуковымі пошукамі доктара юрыдычных навук, прафесара Іосіфа Аляксандравіча Юхі (1921–2004).

Актыўная даследчыцкая дзеянасць І. А. Юхі пачалася з 1952 г., калі ён паступіў у аспірантуру Інстытута філасофіі і права АН БССР. Відавочна, што ўжо ў той час вызначыліся яго навуковыя прыярытэты – вывучаць дзяржаўна-прававыя з’явы, звязаныя з гісторыяй Беларусі.

Ужо ў 1954 г. І. А. Юхі абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму “Устанаўленне Савецкай улады ў Заходній Беларусі ў 1939 годзе”. З 1954 па 1956 гг. ён працеваў у акадэмічным Інстытуце філасофіі і права. З 1956 г. – на

юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе на працягу розных гадоў займаўся навуковай, педагогічнай і адміністрацыйнай дзейнасцю.

У 1958 г. І. А. Юху публікуе ў часопісе “Беларусь” артыкул “Хто складаў Літоўскі Статут?” [5]. Пачынаючы з гэтай публікацыі, прасочваеца яго асаблівасці інтарэса да вывучэння помнікаў права XVI ст., а таксама схільнасць да папулярызацыі сваіх навуковых пошукаў, што будзе ўласціва яму на працягу ўсяго жыцця.

З 1963 г. пачынае чытаць курс “Гісторыя дзяржавы і права БССР”. У 1964 г. разам з Б. Я. Бабіцкім выдае праграму гэтага вучэбнага курса [3]. Можна сцвярджаць, што менавіта ў той час і зараджаеца гісторыя дзяржавы і права Беларусі як самастойная навука і як асобная вучэбная дысцыпліна.

У 1960–1970-х гг. мінулага стагоддзя публікуе шэраг важных даследванняў па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Сярод іх вылучаюцца манаграфія “Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке” (1978) [2], артыкулы “Статуты Вялікага Княства Літоўскага” (1966) [8], “Грамадскія і прававыя погляды Скарыны” (1967) [4], “Пра назну “Беларусь” (1968) [9], “Уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай” (1972) [10] і іншыя. Відавочна, што гэтыя публікацыі закраналі базавую праблематыку гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Аўтар назапашваў матэрыял для наступнага навуковага абагульнення і сістэматызацыі.

Прызнаннем высокага ўзроўню навуковых дасягненняў І. А. Юху у гэты перыяд стаў яго ўдзел у падрыхтоўцы падручніка па гісторыі дзяржавы і права СССР, для якога ён напісаў артыкул, прысвечаны грамадска-палітычнаму ладу і праву Вялікага Княства Літоўскага (1967) [1].

У 1980 г. І. А. Юху абараніў у Кіеўскім дзяржаўным універсітэце доктарскую дысертацыю на тэму “Грамадска-палітычны лад і права Беларусі ў XVI ст.”. Ён становіцца адным з найбольш аўтарытэтных спецыялістаў у вобласці вывучэння беларускіх помнікаў права эпохі Рэнесансу. У 1983 г. І. А. Юху было прысвоена вучонае званне прафесара.

Вельмі плённымі для яго даследчыцкай дзейнасці сталі 1980–1990-я гады, калі, з аднаго боку, аслаблі абцугі афіцыйнай цэнзуры, а з іншага – значна вырас інтарэс грамадства да нацыянальнай гісторыі.

Знакавай падзеяй для станаўлення навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі стала здзейсненая па ініцыятыве І. А. Юху юбілейнае выданне Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 года з каментарыямі, прымеркаванае да 400-годдзя з даты яго прыняцця. Трэба адзначыць, што і ў далейшым прафесар надаваў асаблівую ўвагу вывучэнню і публікацыі першакрыніц беларускага права.

У 1991 г. ім была выдадзена манаграфія “Крыніцы беларуска-літоўскага права” [7].

У 1992 г. выходзіць этапнае выданне – канцэптуальны вучэбны дапаможнік “Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі” [6], магчыма, адно з найбольш значных дасягненняў І. А. Юху за ўвесь перыяд яго творчай дзейнасці. У гэтым дапаможніку ўпершыню ў сістэматызаваным (але

лаканічным) выглядзе і ў лагічнай паслядоўнасці былі прадстаўлены яго важнейшыя навуковыя ідэі і падыходы, метадалагічная аснова даследвання, лексічны апарат, а таксама комплекс актуальнага матэрыялу па галоўных праблемах гісторыі дзяржавы і права Беларусі як навукі і як вучэбнай дысцыпліны. Публікацыя “Кароткага нарысу гісторыі дзяржавы і права Беларусі” падвяла пэўныя вынікі шматгадовай дзейнасці І. А. Юху, прадэманстравала высокі ўзровень яго навуковых асэнсаванняў і абагульненняў, стала трывалай асновай для далейшых творчых пошукаў.

У наступныя гады І. А. Юху, развіваючы базавыя палажэнні сваіх даследванняў, падрыхтаваў шэраг вучэбных дапаможнікаў і вучэбных праграм па гісторыі дзяржавы і права Беларусі (як правіла, у суаўтарстве), апублікаваў значную колькасць навуковых артыкулаў наватарскага зместу.

Асобна трэба адзначыць яго ўдзел у складанні энцыклапедычных выданняў, для якіх ён у розныя гады напісаў больш за 150 артыкулаў. І. А. Юху падрыхтаваў двух дактароў юрыдычных навук, дзевяць кандыдатаў юрыдычных навук і аднаго кандыдата філасофскіх навук.

Можна сцвярджаць, што ён сфарміраваў парадыгмальныя асновы навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі, стварыў эфектыўную мадэль вывучэння дзяржаўна-прававых з'яў у кантэксле наратыву беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці.

Прафесар прапанаваў канцептуальныя падыходы да вызначэння храналагічных, тэрытарыяльных, этнографічных, сацыякультурных, крыніцаўнаўчых, гістарыграфічных і іншых аспектаў даследвання гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Абагульніў і сістэматызаваў багаты практичны і тэарэтычны матэрыял. Прааналізаваў шматлікія гістарычныя падзеі і факты, палажэнні важнейшых помнікаў права. Вызначыў перыядызацыю, асноўную праблематыку, тематыку і навуковую тэрміналогію гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Выявіў сацыяльна-эканамічныя дэтэрмінанты, прычынна-следчыя сувязі, галоўныя тэндэнцыі і заканамернасці ў развіцці нацыянальнага права і беларускай дзяржаўнасці.

Навуковыя дасягненні І. А. Юху прызнаныя і запатрабаваныя яго паслядоўнікамі і калегамі. Яго работы атрымалі шырокую вядомасць не толькі ў Беларусі, але і далёка за яе межамі. Многія ідэі прафесара творча асноўваюцца і развіваюцца сучаснымі аўтарамі.

У той жа час трэба прызнаць, што перад навукай гісторыі дзяржавы і права Беларусі стаяць новыя выклікі, на якія навуковай супольнасці трэба даваць адекватныя адказы. Назавем некаторыя з іх.

Так, чакае свайго вырашэння праблема далейшага ўдасканалення метадалогіі навуковага даследвання. Неабходным становіщам пошук новых метадалагічных падыходаў і ўдакладненне традыцыйных.

Актуальная задача – арганічнае ўключэнне гісторыі дзяржавы і права Беларусі ў агульнаеўрапейскі кантэкст, што дазволіць не толькі ўспрымаць многія з'явы і падзеі больш аб'ёмна, “стэрэаскапічна”, але і дапаможа пазбегнуць ізоляванасці і “замкнёнасці” нацыянальнай навукі. Важна да-

пускаць магчымасць крытычнага пераасэнсавання шэрагу навуковых пасту-
латаў з пазіцый аб'ектыўнасці і непрадузятасці, а таксама вылучэння новых
неардынарных ідэй і гіпотэз.

Такія падыходы, на наш погляд, будуць у значнай меры спрыяць якім-
зменам у развіцці навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі на сучасным этапе.

Бібліографічны спіс

1. Юхо, И. А. Общественно-политический строй и право Литовского го-
сударства (XIII–XVI вв.) // История государства и права СССР: учеб. для сту-
дентов юрид. вузов и фак. / МГУ им. М. В. Ломоносова; К. А. Сафоненко (отв.
ред.) [и др.]. М.: Юрид. лит., 1967. Ч. 1, гл. 10. С. 238–265.
2. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке.
Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 144 с.
3. Юхо, И. А. Программа по истории государства и права БССР / И. А. Юхо,
Б. Е. Бабицкий. Минск: Выш. шк., 1964. 17 с.
4. Юхо, И. Грамадскія і прававыя погляды Скарны // Полымя. 1967. № 6.
С. 175–180.
5. Юхо, И. Хто складаў Літоўскі Статут // Беларусь. 1966. № 5. С. 28.
6. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб.
дапам. Мінск: Універсітэтэцае, 1992. 270 с.
7. Юхо, Я. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / Пад рэд. Т. Ф. Еси-
пенкі. Мінск: Беларусь, 1991. 238 с.
8. Юхо, Я. А. Статуты Вялікага Княства Літоўскага // Полымя. 1966. № 11.
С. 125–137.
9. Юхо, Я. Пра назыву “Беларусь” // Полымя. 1968. № 1. С. 175–182.
10. Юхо, Я. Уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай // Полымя.
1972. № 1. С. 207–226.

Мазарчук Дмитрий Валерьевич

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Минск, Беларусь)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА ПАДУАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И НАЧАЛО РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ РЕДЖИНАЛЬДА ПОУЛА)

2017 год представляет нам по меньшей мере две возможности для реф-
лексии над связью между прошлым и настоящим. Для всего мира это год
Реформации, для Беларуси это – «год Скорины». Два события – широкое об-
щеевропейское религиозное движение и начало книгопечатания в Восточной
Европе – несомненно, имеют глубинную связь. Обновление менталитета европ-

пейской культурной элиты проявилось не только в расширении географических горизонтов, но и в появлении новых технологий, распространении новых знаний, постановке новых вопросов об отношении Бога и человека. Книгопечатанием Скорина способствовал не просто распространению знаний, но включению ВКЛ в общеевропейские ренессансные процессы [15, с. 73–74]. Именно поэтому фигура Франциска Скорины – человека эпохи Ренессанса, человека эпохи Реформации – связывает историю Беларуси с историей Европы и всемирной историей.

В настоящем докладе хочется обратить внимание на ещё одну достаточно значимую фигуру в европейской истории – Реджинальда Поула (1500–1558 гг.). Его деятельность имеет несомненное отношение к реформационному процессу, а его судьба чем-то напоминает судьбу нашего славного земляка. Впрочем, в отличие от мещанина Скорины, англичанин Поул был очень знатного происхождения. По матери он был Плантагенетом – внуком и внучатым племянником английских королей.

В правление династии Тюдоров Поулы, состоявшие в родстве с монархами, занимали достойное положение, пока в какой-то момент не впали в немилость к Генриху VIII. Судьба семейства Поула – матери, старшего и младшего братьев, самого Реджинальда – в определённой степени трагична. Семья подверглась преследованиям, одни её представители были казнены, другие подвергнуты заключению, сам Реджинальд длительное время провёл в изгнании. Однако, речь в данном случае пойдёт не об этом. Данной работой хочется привлечь внимание к раннему этапу жизненного пути героя.

Получив начатки образования на родине, 21-летний Реджинальд Поул отправился на обучение в знаменитый Падуанский университет. Обучение было оплачено его монаршим родственником, Генрихом VIII Тюдором, который позднее предоставил Реджинальду несколько доходных бенефициев. Поул провёл в Падуе и соседней Венеции всего несколько лет – с 1521 по 1525. Однако время обучения в университете, как и для многих здесь присутствующих, во многом оказалось решающим для формирования его взглядов и последующей его судьбы. Особое значение при этом играло не столько само образование, сколько интеллектуальный круг, в котором оказался Поул, будучи в Италии.

Как известно, в образовании важны две вещи. Первая: кто и чему учит. Вторая: с кем учишься, с кем общаешься, с кем соперничаешь. Во всех смыслах Ф. Скорине при защите диссертации в 1512 г. и Р. Поулу десятилетием позднее повезло. Падуанский университет – один из старейших в Европе. Он был прославлен штудиями практически во всех областях университетской подготовки – от классической филологии и философии, до права и медицины. Находясь в зависимости от Венецианской республики, будучи расположенной на пересечении важных торговых путей, в XVI в. Падуя стала одним из наиболее активных центров науки, местом вызревания новых идей.

В отличие от других старых и консервативных университетов, в Падуе поощрялись творческий скептицизм и критика признанных авторитетов [17, с. 41]. Не удивительно, что Падуанский университет являлся одним из центров

гуманистической мысли и одним из очагом размышлений о реформировании церкви. По словам Ф. Мак-Нейра, «едва ли можно найти деятеля неудавшейся итальянской Реформации, не связанного с Падуанским университетом» [8, с. 86]. Вероятно, мы имеем дело именно с тем случаем, когда случайность уступает место закономерности. Один из старейших университетских городов в Европе стал одним из центров передовой гуманистической мысли и реформаторских устремлений.

Уровень подготовки и интеллектуальная среда привлекали в университет студентов со всех концов Европейского континента. Известно, что кроме получившего в Падуе докторскую степень «Франциска Скорины из Полоцка» там учились другие выходцы из Восточной Европы. До Поула в Падуе также были его соотечественники, среди которых можно выделить его оксфордского учителя Уильяма Латимера. Они, как и многие другие, получили в университете эрудитскую гуманистическую подготовку, пусть и эклектичную. К сожалению, подробности образовательной программы Поула, за малым исключением, нам неизвестны [13, с. 111].

Будучи королевского происхождения, о чём хорошо знали городские и университетские власти, в годы учёбы Реджинальд Поул поселился в Падуе в Палаццо Роккабонелла и жил в подобающим ему достатке. В деньгах он не нуждался [2, № 6, 9; 7, № 1529], так что мог посвятить себя учёным занятиям. Поул получал, прежде всего, богословское и классическое образование. Причём, в духе того времени и под влиянием учителей, он испытывал особенный интерес к Платону (в классике) и Августину (в патристике).

Значительное влияние на Реджинальда Поула оказал его падуанский наставник Никколо Леонико Томео (1456–1531 гг.). Это был грек по происхождению, получивший образование в Италии. Длительное время он преподавал в Падуанском университете греческий язык и литературу, а в 1520-х гг. учил студентов частным образом. Леонико был видным представителем гуманистической культуры, известным знатоком Платона и Аристотеля. Эразм Роттердамский, познакомившийся с Леонико в Падуе в 1509 г., называл его одним из «светочей» своего времени [13, с. 104].

Подобно многим другим представителям науки и культуры эпохи Ренессанса, Леонико вёл обширную переписку, поддерживая связи с десятками респондентов. Особые отношения он поддерживал с англичанами, проживавшими и обучавшимися в Италии, в 1520-х гг. – прежде всего с Реджинальдом Поулом [13, с. 109].

Безусловно, в круг Леонико в Падуе входили не только проживавшие там англичане. Учёный грек был центром целого «незримого колледжа» гуманистической учёности и, вероятно, одним из его вдохновителей. Многие из его друзей составили также ближний круг Р. Поула в Падуе. Среди них Пьер Паоло Верджерио Младший, Витторе Соранцо, Томмазо Санфеличе, Альвизе Приули, Маркантонио Фламинио, Пётр Мартир Вермильи, Джованни Мороне [5, с. 25]. Среди названных имён – видные деятели раннего этапа Реформации, представители движения спиритуалов (*spirituali*).

Эти люди получили классическое образование – лучшее, которое могла предоставить им эпоха. Известно, что Поул глубоко изучал произведения Платона и Аристотеля, участвовал в разработке проекта критического издания работ Цицерона и Галена [6, с. 35, 91]. Вскоре после прибытия в Италию он вошёл в литературный кружок поэта и будущего кардинала Пьетро Бембо, который отзывался о Поуле как о «самом добродетельном, образованном и серьёзном юноше во всей Италии нашего времени» [П. Бембо – кардиналу И. Чибо, 17 июля 1526 г. Цит. по: 8, с. 100].

Гуманистическая мысль эпохи Ренессанса была светской и рационалистичной по своей направленности. Опираясь на античное культурное наследие, занимаясь *studia humanitatis*, европейские гуманисты способствовали созданию атмосферы свободомыслия и критицизма. Тем самым возводились не только мировоззренческие основы национальной естественной науки, но и фундамент для пересмотра ответов на основные вопросы духовного и социального бытия человека. Ренессансный гуманизм тесно связан с Реформацией: поскольку, поскольку *studi sacri* в кругу интересов его представителей дополняли классическую филологию и литературу. Эта полнота социально-политической и духовно-мировоззренческой сторон идеологии эпохи Возрождения нашла своё выражение в судьбе двух её представителей – полочанина Ф. Скорины и англичанина Р. Поула.

В конце 1525 г. Реджинальд Поул был вынужден возвратиться в Англию, где занялся вопросом о расторжении брака короля. Первый падуанский период в его жизни завершился, но обретённые в этом городе связи продолжали играть в судьбе Поула значительную роль. Об этом свидетельствует даже то, что ближайший советник Генриха VIII кардинал Т. Уолси пытался использовать итальянские контакты Поула для решения Великого дела (Great Matter) короля – развода с Екатериной Арагонской, правда, безуспешно [4, с. 18]. Вскоре, однако, Поул вновь уехал в Италию, где провёл большую часть своей жизни, став кардиналом, одним из руководителей Тридентского собора, а также главой кружка интеллектуалов, стремившихся реформировать церковь.

Явилось ли обучение в Падуе импульсом, подтолкнувшим итальянских спиритуалов Дж. Мороне, П. М. Вермильи или самого Р. Поула к размышлениям о доктрине и выводам о необходимости реформирования? Вероятно, этот фактор не был основным, поскольку несмотря на всю открытость новому традиции обучения в университете предполагали следование схоластической программе. По воспоминанию Вермильи, обучение там было «тёмным, путанным, сложным» [8, с. 101]. Определяющей для формирования взглядов будущих реформаторов была именно интеллектуальная среда. В Падуе Р. Поул «быстро стал частью активной сети учёных-гуманистов» [4, с. 14], многие из которых размышляли на близкие ему темы.

Если Никколо Леонико, будучи учителем молодого англичанина, сумел вызвать в нём любовь к Платону и Аристотелю, то он же косвенно способствовал движению мысли своего выдающегося ученика. Речь идёт о размышлениях, о принципиальных догматах (роль поступков и веры в спасении души, роль

папы как главы церкви), а также об общем стремлении к церковному обновлению. Круг Леонико, который известен нам по его эпистолярному наследию, включает тех самых близких Поула, которые составили основу ранней Реформации в Италии.

Вернувшись в Падую в 1532 г., Поул продолжил свои учёные занятия. Одновременно он вошёл в тесный контакт с одним из центров реформаторского движения на Апеннинском полуострове, Ораторией Божественной любви. Среди членов этого кружка были его близкие друзья и соученики М. Фламинио и А. Приули. Кроме того, во второй падуанский период своей жизни (продолжавшийся 4 года) Р. Поул завёл тесную дружбу с ещё одним видным деятелем итальянской Реформации и тоже будущим кардиналом, Гаспаро Контарини [5, с. 30].

В Падуе и Венеции, где Поул жил пополам, предметом его научных интересов стала библеистика. В частности, известно, что он посещал лекции по пророку Исаиे известного гебраиста Яна ван Кемпена и занятия по экзегетике бенедиктинца Исидора Клария [3, с. 210; 11, с. 45]. Эти занятия направили ум Поула в направлении библейской интерпретации событий мировой истории. Другим предметом его интереса стал богословский вопрос оправдания верой.

Помимо венецианца Г. Контарини на интерес Поула в этой области оказал влияние некий бенедиктинец, которого обычно отождествляют с монахом монастыря Св. Юстина в Падуе Марко Армеллини из Кремоны. Основной темой проповедей Марко была слабость человека и спасительный дар милости Божьей. Выступления брата Марко неизменно привлекали большой интерес проживавших в венецианской Терраферме интеллектуалов и, по воспоминаниям Контарини, вызывали волнения в сердцах [12, с. 412]. Брат Марко стал духовным учителем не одного Р. Поула, но целого круга друзей последнего, составивших впоследствии в римской курии костяк сторонников реформирования церкви. Согласно Д. Фенлону, влияние брата Марко на Поула выражалось в стремлении уменьшить значимость человеческого вклада в спасение, вместо этого увеличив смысл активности Бога [5, с. 34].

Включённость Реджинальда Поула в круг приверженцев реформирования и его глубокие размышления о соотношении веры и дел в спасении души позволяют поставить вопрос о границе между протестантской Реформацией и католической реформой до Тридентского собора. В отношении многих ранних представителей реформационного движения в Италии, включая Р. Поула, эта граница будет очень зыбкой, практически неуловимой. Взгляды немецких протестантов и итальянских спиритуалов сходились, например, в таком ключевом вопросе доктрины, как оправдание верой. Приверженцы кружка спиритуалов во главе с Контарини считали «спасение делами» «пелагианской ересью» [5, с. 32] – взгляд, достойный Лютера!

Поул неоднократно выказывал себя приверженцем идеи оправдания верой [4, с. 89–91]. Вместе с тем, его занимал и вопрос верховной власти в церкви. Весной 1536 г. он завершил трактат «О единстве» (*De Unitate*), осудивший развод Генриха VIII и последовавший за этим раскол церкви (выразившийся в

подчинении английской церкви королевской супрематии). В конце того же года он был возведён в достоинство кардинала.

Несмотря на это, реформаторские идеи не покидали Поула и других спиритуалов. В 1537 г. папа сформировал специальную комиссию для рассмотрения вопроса об обновлении церкви. В состав комиссии вошли Р. Поул, Г. Контарини, а также консерватор Джанпьетро Карафа. Однако, тогда время для размежевания между сторонниками протестантской Реформации и приверженцами обновления папской церкви соборными методами ещё не наступило [9, с. 446–469; 10, с. 28–31]. По этой причине некоторые авторы даже избегают употреблять слова «католик» и «протестант» применительно к периоду до 1550 г. [10, с. 2].

Ранний биограф Р. Поула, Лудовико Беккаделли, оценивает год возвращения в Падую (1532 г.) как поворот или даже революцию в создании будущего кардинала [1, с. 287]. Согласно закрепившемуся в историографии мнению, решающим фактором произошедших в Поуле изменений является его участие в событиях развода Генриха VIII с Екатериной Арагонской. Поначалу англичанин выступал в роли верного слуги своего короля и принимал участие в обосновании монаршей позиции перед другими дворами и римской курией. Однако, ключевой вопрос королевской супрематии над церковью и религиозной жизнью страны поставил Р. Поул в своего рода оппозицию к монарху, что привело к его повторному отъезду в Италию [11, *passim*; 14, с. 226]. Этот отъезд скорее следовало бы назвать бегством или изгнанием.

После длительных размышлений, сомнений и колебаний Реджинальд Поул выбрал верность католической церкви [10, с. 8]. Он оставался верен этому выбору всю оставшуюся жизнь, в завершении которой стал даже символом преследования реформаторов на своей родине (Марианские преследования 1555–1558 гг.). Определённая амбивалентность религиозных взглядов Поула и трудность с точным дефинированием его конфессиональной принадлежности ещё раз роднила его биографию с биографией нашего земляка Скорины.

Как известно, интересы последнего в области библейстики и классики нашли отражение в издании им перевода библейских книг, осуществлённого на протяжении нескольких лет (1517–1519 гг.) в Праге. Вопрос о религиозном самоопределении Ф. Скорины продолжает оставаться открытым. Однако известно, что сам по себе факт издания библейского перевода воспринимался ревнителями православия как отклонение из ортодоксии [16, с. 37–38]. Нигде, насколько известно, не заявляя о своей конфессиональной принадлежности, Ф. Скорина своими поступками представлял выражение квинтэссенции христианского гуманизма, характерного для эпохи Возрождения. В этом его судьба и судьба Реджинальда Поула подобны. Они оба служили делу духовного возрождения человека, совершенствования личности и социума.

В заключение отметим, что падуанские годы в жизни Р. Поула (1521–1525, 1532–1536 гг.) не просто способствовали повышению его образовательного уровня или приобретению учёной степени. Главное, что было приобретено за это время, – это включение Реджинальда Поула в широкий круг друзей-

единомышленников. Первые годы, проведённые будущим кардиналом в Италии, сформировали его взгляды как приверженца идеи обновления – реформирования – церкви. Эти взгляды, в той или иной форме, впоследствии он развивал всю оставшуюся жизнь.

Библиографический список

1. *Beccadelli, L.* Monumenti di varia letteratura tratti dai manoscritti originali. Т. 1, p. 2. Bologna, 1797. 458 p.
2. Correspondence of Reginald Pole. Vol. 1. A Calendar, 1518–1546: Beginnings to Legate of Viterbo / Ed. by Th. F. Mayer. N. Y.: Ashgate, 2002. 378 p.
3. *Dittrich, F.* Gasparo Contarini. Braunsberg, 1885. 880 s.
4. *Edwards, J.* Archbishop Pole. Oxford: Ashgate, 2014. 314 p.
5. *Fenlon, D.* Heresy and Obedience in Tridentine Italy: Cardinal Pole and Counter Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 300 p.
6. *Gasquet, F. A.* Cardinal Pole and His Early Friends. L.: G. Bell & Sons, 1927. 116 p.
7. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547 / Ed. by J. S. Brewer. – Vol. 4, part 1. 1524–1526. L.: Longman, 1870. 1055 p.
8. *McNair, Ph. M. J.* Peter Martyr in Italy: An Anatomy of Apostasy. Oxford: Clarendon Press, 1967. 326 p.
9. *Murphy, P.* Between *spirituali* and *intransigenti*: Cardinal Ercole Gorzaga and Patrician Reform in Sixteenth Century Italy // Catholic Historical Review. 2002. No 88. P. 446–469.
10. *Overell, A.* Italian Reform and English Reformation, c.1535-c.1585. Aldershot: Ashgate, 2008. 250 p.
11. *Schenk, W.* Reginald Pole, Cardinal of England. L.-N. Y.: Longmans, 1950. 176 p.
12. *Stella, A.* La lettera del cardinale Contarini sulla predestinazione // Rivista di storia della chiesa in Italia. 1961. No 3. P. 411–441.
13. *Woolfson, J.* Padua and Tudors. English Students in Italy, 1485–1603. Cambridge: James Clarke and Co, 1998. 322 p.
14. *Zeeveld, W. G.* Foundations of Tudor Policy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948. 291 p.
15. *Касюк, М. П.* Францыск Скарына і яго эпоха // Беларуская думка. 2017. № 1. С. 72–75.
16. *Сапунов, Б.* Религиозные взгляды Скорины // Беларусіка. 1998. Кн. 9. С. 36–39.
17. *Тумаш, В.* Скарына ў Падуі // Запісы Беларускага Інстытута навукі й мастацтва. Кн. 5. München, 1970. С. 35–79.

Максимчик Андрей Николаевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВКЛАД УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.

История становления системы высшего образования в Кавказском регионе имеет ряд параллелей с теми процессами, которые происходили на территории Беларуси. Два региона, несмотря на усилия местной научной и творческой интеллигенции, так и не смогли реализовать проекты организации высших учебных заведений на местах в период их пребывания в составе Российской империи [4; 6; 9; 27] (Поиски ответов на вопрос «почему?» не входит в рамки данной статьи, поскольку требуют пристального изучения – *авт.*). Эта, во многом ключевая для них задача, стала развиваться в практической плоскости только после 1917 г. на фоне развернувшихся процессов национального и государственного строительства. Руководство, возникавших в результате революционного кризиса на осколках бывшей империи, национально-демократических республик отчетливо понимало, что создание собственных высших учебных заведений позволит им существенно укрепить государство- и нациообразующий фундамент. Поскольку Университет был и остается сегодня одним из ключевых центров, внутри которого формулируются, обосновываются не только научные, но и общегосударственные идеи, именно он является источником воспроизведения и обеспечения жизненно важных интеллектуальных ресурсов. Два этих региона сближало также и то, что интеллектуально-организационный ресурс для создания высшей школы был ограниченным, что требовало прибегать к его поиску и привлечению по всем уголкам бывшей империи.

Начало процессу создания широкой сети высших учебных заведений на Кавказе было положено в феврале 1918 г., когда был основан долгожданный Тифлисский государственный университет. Уже после его открытия, по обе стороны Главного кавказского хребта стали открываться университеты и профильные институты.

Активно в работу по созданию сети ВУЗов в Кавказском регионе включились и уроженцы Беларуси. Так, первым ректором созданного в декабре 1918 г. во Владикавказе Политехнического института был избран уроженец г. Вилейка Минской губернии **Иосиф Гаврилович Есьман**. Он родился 1(13) декабря 1868 г. в семье поветового врача Гавриила Константиновича Есьмана, бывшего участника восстания 1863–1864 гг. [15, с. 356]. Начальное образование Иосиф получил в Минской гимназии. В 1887 г. он поступил на механическое отделение Петербургского технологического института, который с отличием окончил в 1892 г. Во время студенческих каникул Иосиф Гаврилович трудился на должности помощника машиниста на Минской железной дороге, а в 1900 г. поступил на службу старшим инженером на Рязанско-Уральскую железную дорогу [29, с. 177]. С 1902 г. И. Г. Есьман стал преподавать в Петербургском технологическом институте, в стенах которого разработал программу

и читал первый в Российской империи курс гидравлики и гидравлических двигателей. С 1905 г. этот же курс он вел в Политехническом, с 1907 г. – в Электротехническом институте, а с 1910 г. – Институте путей сообщения. Появление И. Г. Есьмана на Кавказе было связано с тем, что в декабре 1917 г. Главное артиллерийское управление командировало его в г. Тифлис для контроля за выполнением работ по строительству гидроэлектрической станции для алюминиевого завода. Проект станции был разработан Иосифом Гавриловичем. Вследствие развернувшихся событий гражданской войны на юге России, он не смог вернуться в Петербург и вынужден был остаться во Владикавказе. Появление в городе талантливого инженера и педагога не могло не оставаться без внимания руководства провозглашенной весной 1918 г. Терской советской республики. В мае того же года И. Г. Есьмана пригласили в комиссариат труда и промышленности, где он стал руководить отделом проектов и предложений, а затем – отделом промышленности. В августе 1918 г., находясь на должности исполняющего обязанности народного комиссара труда и промышленности Терской республики (до 10 октября 1918 г.) [16, с. 304], И. Г. Есьман совместно с другими педагогами и учеными (В. Ф. Раздорский, С. А. Гатуев, И. Т. Повсянко, М. М. Беляев, А. В. Запрягаев, Н. В. Мазераки) подготовили докладную записку на имя наркомпроса республики Я. Л. Маркуса о необходимости открытия во Владикавказе высшего учебного заведения. Нарком активно поддержал инициативу группы энтузиастов и в начале октября 1918 г. вынес проект высшего технического учебного заведения на рассмотрение Совнаркома Терской республики. 4 октября особым декретом Совнаркома этот проект был утвержден, а институту было присвоено название «Первый советский политехнический институт». В документе говорилось, что «Терский совет народных комиссаров приступает к открытию первого высшего учебного заведения в Терской области» [11, с. 3]. Отдельным декретом был определен состав Совета института, в обязанности которого входила дальнейшая организация учебной части и управления институтом, выбор и приглашение доцентов, лаборантов и преподавателей. Созданный Совет избрал И. Г. Есьмана ректором института и профессором по кафедре механики. 8 декабря 1918 г. в здании бывшего 1-го реального училища Владикавказа был открыт Политехнический институт (в настоящее время – Горский государственный аграрный университет), а его первым студентам было вручено знамя с надписью «Да здравствует разум, да скроется тьма» [11, с. 3]. В 1920 г. Иосиф Гаврилович был удостоен звания «Заслуженного профессора института», а также приглашен на должность профессора механики в институт народного образования во Владикавказе для чтения курса инженерного дела [12, с. 10].

Несмотря на то, что к 1922 г. внутриполитическая ситуация в России значительно улучшилась, И. Г. Есьман не желает покидать полюбившийся ему Кавказ и, вместо Петербурга, переезжает в Баку. Руководство Азербайджанского политехнического института⁵, созданного на основании декрета нарком-

⁵ С 1992 г. Азербайджанская государственная нефтяная академия.

проса республики от 12 декабря 1920 г., пригласило его на должность профессора и заведующего кафедрами гидравлики и гидравлических механизмов, а также санитарной техники. Одновременно с этим, он с 1925 г. стал читать лекции в Тифлисском политехническом институте, где основал кафедру гидравлики и гидротехнических сооружений. В 1927 г. его пригласили на должность профессора Тифлисского государственного университета, а в 1930 г. – профессора гидравлики Закавказского института инженеров транспорта [2, с. 7]. В 1928 г. 60-летнего Иосифа Гавриловича избирают ректором Азербайджанского политехнического института им. М. Азизбекова. За его деятельность в области науки и образования правительство Азербайджанской ССР в 1929 г. присудило ему звание заслуженного деятеля науки. Помимо педагогической деятельности Иосиф Гаврилович активно участвовал в работе Академии наук Азербайджанской и Грузинской республик. По его инициативе в 1932 г. был создан Энергетический институт Академии наук Азербайджанской ССР, которому в 1943 г., в день 75-летия со дня рождения И. Г. Есьмана, было присвоено его имя. В 1937 г. ученым была составлена первая техническая терминология в Советском Союзе. В мае 1938 г. И. Г. Есьмана пригласили на первое совещание работников высшей школы в Москве. Уже в послевоенное время его избрали действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР. 30 июня 1955 г. талантливый педагог, организатор и руководитель ряда научно-исследовательских учреждений Закавказья умер и был похоронен в Баку.

Большую часть своей жизни с Азербайджаном связал также уроженец г. Гродно **Александр Осипович Маковельский** (1884–1969). По окончании Гродненской классической гимназии, он в 1902 г. поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Получив по завершении обучения диплом первой степени, А.О. Маковельский был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии. В 1908 г. решением Совета Казанских высших женских курсов он был избран на должность преподавателя философии и психологии. После революционных событий 1917 г. Александр Осипович стал директором этих курсов. 1 октября 1918 г. декретом СНК РСФСР 34-летний педагог утверждается профессором Казанского университета [1, с. 7]. Осенью 1920 г. на имя Александра Осиповича поступили приглашения занять должность профессора в Симбирском, Иркутском, Среднеазиатском и Бакинском университетах. Свой выбор он сделал в пользу открытого в 1919 г. Бакинского государственного университета. 3 сентября 1920 г. советом университета он избирается профессором кафедры психологии, а 23 ноября того же года – секретарем историко-филологического факультета [13, с. 330]. В 1922 г. А. О. Маковельский вошел в состав комиссии по организации Восточного факультета Бакинского госуниверситета [3, с. 48]. Нужно сказать, что помимо работы в этом университете Александр Осипович с 1920 по 1960 гг. преподавал в ряде других высших учебных заведений г. Баку: Политехническом институте им. М. Азизбекова, Институте народного образования, Заочном педагогическом институте, Институте повышения квалификации учителей, Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина и

др. Он читал лекции по истории философии, истории социально-политических учений, логике, истории логики, психологии, эстетике, этике и педагогике. В 1931–1932 гг. он руководил Заочным педагогическим институтом, а с 1945 по 1950 гг. – являлся директором Института философии и права Академии наук Азербайджанской ССР. В 1946 г. талантливый ученый и педагог был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1949 г. – действительным членом Академии наук Азербайджана. В декабре 1969 г. на 86-м году жизни профессор А.О. Маковельский скончался. После себя он оставил более 150 научных работ, большинство из которых востребованы и актуальны сегодня.

Следует подчеркнуть, что Азербайджан 1920-х гг. стал притягательным местом еще для целого ряда ученых и педагогов – уроженцев Беларуси. Согласно справочнику «Научные справочники Азербайджана» в государственном университете им. В. И. Ленина на должности преподавателя судебной медицины работал уроженец Могилевской губернии **Иван Михайлович Леплинский** (1872 г. рожд.) [24, с. 8]. Из ежегодных «Кавказских календарей» известно, что он до 1917 г. работал прозектором городской Михайловской больницы Баку, ординатором Бакинского военного госпиталя. На кафедре русского языка и литературы университета в должности научного сотрудника преподавал уроженец г. Орша **Анатолий Михайлович Линин** (1901–1938). [24, с. 8]. В 1928 г. он переехал в Ростов-на-Дону, где занял должность заведующего кафедрой русской литературы. Помощником прозектора на кафедре нормальной анатомии Азербайджанского госуниверситета работала уроженка Могилевской губернии **Ася Исааковна Беленькая** (1897 г. рожд.), которая в 1940 г., после успешной защиты диссертации «Возрастные особенности гиалиновых хрящей гортани человека», станет доктором медицинских наук [24, с. 5]. В Политехническом институте им. М. Азизбекова курс электротехники преподавал выпускник Петербургского электротехнического института им. императора Александра III уроженец Витебской губернии **Леонид Никитович Гриншпун** (1878 г. рожд.) [24, с. 6], курсы «Сопротивление материалов» и «Строительная техника» читал **Иван Анатольевич Томкович** (1872 г. рожд.) – уроженец г. Вильно [24, с. 11]. В 1934 г. он опубликовал конспект лекций по теории давления земли на подпорные стакки [31]. Уроженец Витебска, выпускник Петербургского университета **Леонид Михайлович Черноцкий** (1892 г. рожд.) читал в институте курс «Испытание станков» [24, с. 11].

Среди преподавателей азербайджанских ВУЗов нельзя не упомянуть известного белорусского историка, экономиста и этнографа **Митрофана Викторовича Довнар-Запольского** (1867–1934). Как и в случае с А. О. Маковельским он получил приглашение в Бакинский государственный университет, которое принял, во многом по причине ухудшившегося состояния здоровья. Мягкий континентальный климат Баку, в отличие от изменчивого Харькова, где Митрофан Викторович преподавал в университете с 1920 г., был более благоприятным. Следует сказать, что о бакинском периоде жизни и деятельности белорусского ученого сведений не так много, и этот пробел в его биографии еще не заполнен в историографии. Известно, что с 1 февраля 1922 г. он был избран

профессором Азербайджанского госуниверситета по кафедре истории хозяйства [13, с. 329]. Имея богатый научно-педагогический и организаторский опыт, Митрофан Викторович вскоре был избран первым проректором университета и находился на этой должности до мая 1923 г. [1, с. 47]. Помимо этого, он занимал должность профессора Бакинского политехнического института, был назначен начальником Управления торговли и промышленности Наркомата Азербайджанской ССР, являлся организатором и директором сельскохозяйственного и торгово-промышленного музеев [20, с. 19]. В Баку М. В. Довнар-Запольский возвратился к прерванной ранее научно-исследовательской деятельности. О тематике его работ в этот период можно судить по подготовленному в 2000-е гг. библиографическому указателю трудов ученого, однако и он не всегда полно отражает все публикации [22]. Так, в указателе отсутствует его статья «Промышленность Японии», опубликованная в 1924 г. Азербайджанским обществом Красного полумесяца в сборнике, выпущенном в помощь пострадавшим от землетрясения в Японии 1 сентября 1923 г. [10]. В 1925 г. по приглашению Наркомата просвещения БССР и Института белорусской культуры М. В. Довнар-Запольский покинул Азербайджан и переехал в Минск.

Насыщенный бакинский период в жизни и деятельности отмечен в биографии советского физиолога и фармаколога, матери известного физика-теоретика Льва Давидовича Ландау **Любови Вениаминовны Гаркави** (1877–1941), которая с весеннего семестра 1920 г. стала работать на кафедре физиологии Азербайджанского государственного университета [24, с. 5]. Родилась она в г. Бобруйске в бедной еврейской семье. Начальное образование получила в Могилевской женской гимназии, по окончании которой в 1898 г. поступила в Петербургский императорский клинический повивальный институт. В 1905 г. Любовь Вениаминовна вышла замуж за инженера Д. И. Ландау. В связи с назначением мужа на руководящую должность на нефтепромыслах Азербайджана молодая семья переехала в Баку. На протяжении нескольких лет Л. В. Гаркави занималась частной акушерской практикой в поселке Балаханы, в годы Первой мировой войны работала врачом-ординатором военного госпиталя в Баку, преподавала в женских гимназиях города. После 1917 г. стала читать лекции по физиологии, анатомии и фармакологии на курсах сестёр и красных фельдшеров при Всеобуче и в Военной школе Азербайджанской армии, в бакинской среднемедицинской школе, в Высшем институте народного образования, на рабфаке и в Азербайджанском сельскохозяйственном институте. В начале 1930-х гг. вместе с мужем она переехала в Ленинград, где до конца жизни работала на кафедре физиологии Первого ленинградского медицинского института.

Крайне интересной, но еще не до конца изученной, является биография известного на Кавказе хирурга **Александра Исидоровича (Иосифовича) Окиншевича**. Родился он в 1869 г. в Могилеве [24, с. 9] Университетское медицинское образование получил в Санкт-Петербурге, после чего работал на должности сверхштатного ординатора в Петербургской городской Петропавловской больнице. За участие в марте 1901 г. демонстрации у Казанского собора он был выслан на жительство в г. Майкоп сроком на пять лет под гласный

надзор полиции. Известный прозаик и драматург Е. Л. Шварц упомянул майкопского хирурга Окиншевича в своих воспоминаниях [32, с. 28]. Предположительно в 1906 г. Александр Исидорович переехал в Баку, где устроился ординатором Балаханской больницы съезда нефтепромысловенников. В 1912 г. он опубликовал работу «К вопросу об увечности и ранимости рабочих на бакинских нефтяных промыслах» [25]. Затем он устраивается на должность хирурга Бакинской городской михайловской больницы [14, стлб. 170]. С 1923 г. А. И. Окиншевич стал заведующим кафедрой оперативной хирургии и ординатор-хирургом больницы им. М. Азизбекова в Баку. С 1925 г. одновременно с работой в больнице он был приглашен на должность заведующего кафедрой общей хирургии и пропедевтической хирургической клиники медицинского факультета Азербайджанского государственного университета. Александр Исидорович известен также тем, что передал в фонд библиотеки Университета книги, за что получил благодарность от руководства ВУЗа.

С Кавказским регионом связано начало профессиональной карьеры в будущем всесоюзно известного ветеринара, уроженца местечка Оболь Витебской губернии **Сергея Николаевича Вышелесского** (1874–1958). В 1895 г. он окончил Витебскую духовную семинарию и поступил в Варшавский ветеринарный институт. За участие в студенческих революционных выступлениях был исключен с последнего курса института и выслан в Брянск. Только в самом конце учебного года он получил разрешение сдавать выпускные экзамены экстерном [29, с. 103]. Впервые на Кавказ он был командирован Ветеринарным управлением Министерства внутренних дел в декабре 1900 г. для борьбы в Гяндже с чумой крупного рогатого скота. Во второй раз Сергей Николаевич оказался на Кавказе в ноябре 1919 г., когда был назначен заведующим ветеринарно-бактериологической лабораторией в Ставрополе. В 1921 г. его пригласили на должность доцента, а с 1922 г. профессора кафедры микробиологии Ставропольского института сельского хозяйства и мелиорации, созданного в мае 1919 г. [30, с. 8]. Несмотря на короткий период преподавания в Ставрополе, С. В. Вышелесский успел провести ряд исследований по чуме крупного рогатого скота, организовал производство гипериммунной сыворотки против данной инфекции, поделился ценным опытом и знаниями с будущими ветеринарами.

В становлении высшего медицинского образования в Кавказском регионе видное место принадлежит **Станиславу Владимировичу Очаповскому** (1878–1945). Родился он 1 февраля 1878 г. в деревне Ёдчицы Слуцкого уезда Минской губернии в семье служащего [29, с. 31]. В 1896 г. он окончил с золотой медалью Слуцкую гимназию, в 1901 г. – с отличием Императорскую Военно-медицинскую академию в г. Петербурге (1896–1904) и по конкурсу научных работ остался при академической клинике для усовершенствования знаний в области офтальмологии и физиологии. После успешной защиты докторской диссертации в 1904 г. уехал на Кавказ отрабатывать стипендию, которую он получал от военного ведомства во время обучения в академии. Там он возглавил глазную лечебницу Красного Креста в Пятигорске, затем работал в Батуми и Тифлисе. В декабре 1909 г. С. В. Очаповский по приглашению Кубанского

казачьего войска переехал в Екатеринодар (с 1920 г. – Краснодар) на должность заведующего глазным отделением Екатеринодарской войсковой больницы [28, с. 105]. В медицинских учреждениях этого города он проработал до конца своей жизни. С 1910 по 1920 гг. он преподавал курс глазных болезней в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе. В 1920 г. уже будучи широко известной личностью на Кавказе, Станислав Владимирович вошел в состав комиссии по организации медицинского факультета Кубанского государственного университета. Глазное отделение больницы, которую он возглавлял, преобразовали в университетскую клинику. Осенью 1921 г. медицинский факультет Кубанского университета был выделен в самостоятельный Кубанский медицинский институт, где Станислав Владимирович возглавил кафедру глазных болезней. В апреле 1923 г. он был избран профессором глазной клиники Кубанского медицинского института. Профессор Московского университета врач-офтальмолог С. С. Головин, характеризуя С. В. Очаповского как лектора, называл его «Баяном русской офтальмологии». В летние периоды он организовывал так называемые «глазные отряды» из числа сотрудников кафедры и студентов старших курсов, которые проникали в самые отдаленные районы Кубани, Карачаево-Черкесии, Осетии, Ингушетии, Дагестана, Абхазии и др. для помощи местному населению. С 1921 по 1933 гг. он лично участвовал и руководил 42 такими отрядами, по итогам которых было осмотрено более 200 тыс. больных и произведено более 8 тыс. операций в сложных походных условиях. Имя ученого стало широко известно во всех уголках Кавказа. За свою бескорыстную деятельность он был удостоен звания почетного жителя аула Учкулан, поселка Беслан. Заведя в Краснодаре глазной клиникой (с 1909 по 1945 год) и кафедрой глазных болезней медицинского института, он лично осмотрел 1.200.000 глазных больных и собственноручно сделал около 60.000 операций на органе зрения [26, с. 436]. В 1926 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. 17 апреля 1945 г. Станислав Владимирович умер. Его похоронили рядом с клиникой в Краснодаре.

Не менее знаковой фигурой в медицинских кругах на Кавказе был белорусский татарин **Омер (Омар) Алиевич Байрашевский**. Он родился 24 декабря 1874 г. в г. Волковыск Гродненской губернии в семье бедного чиновника – делопроизводителя уездного казначейства [24, с. 5; 19, с. 24]. После перевода отца в г. Петрозаводск, Омар в 1884 г. поступил в Олонецкую гимназию, которую с отличием окончил в 1892 г. Затем поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию, которую окончил с отличием в 1897 г. После окончания академии молодой выпускник начинает службу младшим врачом пехотного полка в г. Бобруйск, затем младшим врачом войскового лазарета в г. Керчь, заведует терапевтическим и инфекционным отделениями и на свои собственные средства создает при лазарете химико-бактериологическую лабораторию. После двухгодичной стажировки в лучших клиниках Европы он стал работать на кафедре гигиены Военно-медицинской академии. В 1910 г. при Академии он защитил докторскую диссертацию на тему: «Организация санитарной службы в главнейших европейских армиях». С начала Первой мировой

войны Омар Алиевич занимал должности начальника военного госпиталя, главного врача головного эвакопункта на Северном фронте, а в 1918 г. переводится консультантом крупного военного госпиталя в г. Казань. В конце 1918 г., будучи командированным из Казани в Самару, он попадает под власть белого адмирала А. В. Колчака и мобилизуется в его армию, но ненадолго. В начале 1919 г. О. А. Байрашевский снова в рядах Красной Армии, где работает на ответственных должностях начальника эвакопункта, а затем начальника санитарного отдела Западно-Сибирского военного округа.

В 1921 г. по семейным обстоятельствам он демобилизовался из армии и переехал в г. Симферополь, где стал работать на медицинском факультете Крымского университета. На новом месте он организовал кафедру общей гигиены и госпитальной терапии. В 1926 г. О. А. Байрашевского избрали профессором кафедры социальной гигиены медицинского факультета Азербайджанского университета. В Крыму и Азербайджане он на русском и местном языках напечатал целый ряд работ о гигиеническом воспитании в школе, о борьбе с туберкулезом в школе, о значении школы для оздоровления населения, о санитарном состоянии ряда городов. В феврале, а затем и марте 1932 г. Правительство Дагестана обратилось к руководству Азербайджанской ССР с просьбой об откомандировании профессора экспериментальной и социальной гигиены Азербайджанского медицинского института О. А. Байрашевского «для организации и возглавления Дагестанского мединститута» [8, л. 2]. Его ввели в состав оргбюро института и предложили пост заместителя директора по учебно-научной работе, а также заведующего кафедрой общей гигиены. По докладу профессора О. А. Байрашевского, сделанного 20 марта 1932 г. на заседании СНК Дагестанской АССР, был утвержден пятилетний план развертывания кафедр нового института и строительства учебных корпусов и интерната. Не теряя времени Омар Алиевич выехал в Баку, Ростов-на-Дону, Москву, Киев и Минск для подбора и приглашения профессорско-преподавательского состава. Благодаря ему из Минска в Махачкалу переехал профессор Белорусского мединститута, действительный член Академии наук БССР П. А. Мавродиади (1878–1933), который возглавил кафедру общей биологии и гистологии [8, л. 2 об.]. 26 июня 1932 г. он был утвержден в должности заместителя директора по научно-учебной части института. Торжественное открытие мединститута было приурочено к годовщине Октябрьской революции в 1932 г. [5, с. VI].

В начале 1933 г. по инициативе и при активном участии профессоров Дагестанского мединститута была организована ассоциация врачей, председателями которой поочередно назначались профессора О. А. Байрашевский, В. Г. Божовский, С. И. Ризваши. После принятия устава научно-медицинского общества Наркомздрава РСФСР ассоциация врачей стала называться Дагестанским научно-медицинским обществом, в его состав вошло 40 научных работников и врачей. В августе 1934 г. по инициативе профессора О. А. Байрашевского филиал общества был создан в Дербенте [23, с. 29]. Непосредственно к занятиям по гигиене со студентами он приступил в сентябре 1934 г. В 1935 г.

Омару Алиевичу была присуждена ученая степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора.

В это же время в Дагестанский мединститут на открывшуюся кафедру госпитальной терапии был приглашен **Феодосий Романович Бородулин** (1896–1956) – уроженец деревни Большие Лежни Полоцкого уезда Витебской губернии [17, с. 53]. В 1915 г. он окончил Витебскую гимназию, а в 1923 г. медицинский факультет Московского университета. Дальнейшее обучение он продолжил на естественном факультете Института красной профессуры. С 1928 г. Ф. Р. Бородулин – доцент терапевтической клиники 1-го Московского медицинского института.

Проработав в течение года в Дагестанском мединституте, 15 марта 1936 г. приказом наркомздрава РСФСР Феодосий Романович был назначен директором этого института [7, с. 74]. Однако на этом посту он проработал чуть больше года. 20 мая 1937 г. Ф. Р. Бородулин был арестован органами НКВД и первый выпуск врачей состоялся без директора института. Его обязанности исполнял Омар Алиевич. К слову, Председателем государственной экзаменационной комиссии на первом выпуске врачей был назначен профессор Кубанского мединститута С. В. Очаповский [18, с. 14]. С 1940 г. Омар Алиевич в связи с преклонным возрастом сложил с себя полномочия заместителя директора по учебно-научной части, оставаясь только заведующим кафедрой гигиены. В годы Великой Отечественной войны О. А. Байрашевский включился в работу по обслуживанию эвакогоспиталей ДАССР в качестве консультанта по санитарии и лечебному питанию раненых и больных. Организовал два цикла курсов подготовки диетсестер, состоял членом госпитального совета при Наркомздраве ДАССР. Его выдающиеся заслуги были высоко оценены правительством. Ему было присуждены звания заслуженного деятеля науки ДАССР и заслуженного деятеля науки РСФСР. В феврале 1949 г. Омар Алиевич ушел из жизни.

Помимо Байрашевского на ниве высшего медицинского образования Дагестана работал уроженец Беларуси **Яков Григорьевич Савицкий**. Он родился в 1890 г. В 1920 г. окончил медицинский факультет Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону. Одно время был ординатором, а затем ассистентом хирургической клиники в Ростове. С 1931 г. Яков Григорьевич – заведующий хирургическим отделением Северо-Кавказского онкологического института. В 1934 г. он был приглашен в Дагестанский мединститут, где организовал и заведовал кафедрой общей хирургии, а потом 1935 г. перешел на кафедру факультетской хирургии [18, с. 51]. Яков Григорьевич являлся также основателем кафедры госпитальной хирургии института. В апреле 1935 г. он был утвержден в степени доктора медицинских наук и звании профессора. Известно также, что одновременно Я. Г. Савицкий был заведующим Дагестанским филиалом Центрального института переливания крови. К тому же, он организатор в Дагестане первого Онкологического центра, позже переименованного в Республиканский онкологический диспансер. В Дагестанском мединституте Яков

Григорьевич проработал до марта 1941 г. [18, с. 52]. О дальнейшей его судьбе точных сведений нет.

Нужно сказать, что приведенный в тексте перечень фамилий, скорее всего, не окончательный и требует дальнейшего не только расширения, но и углубления. Однако имеющийся текст наглядно демонстрирует вклад уроженцев Беларуси в становление системы высшего образования на Кавказе, дает основание для гордости потомкам и уважения предшественникам. Ряд из этих интереснейших людей оставили после себя не только основанные кафедры и другие структурные подразделения ВУЗов, научные труды и научные школы, но и вписали свои имена в историю этих учебных заведений в роли университетских и институтских летописцев.

Библиографический список

1. А. О. Маковельский: Библиография / [Вступит. статья Ф. Кочарли, Дж. Ахмедли]. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1964. 68 с.
2. Ализаде, А. А. Краткий очерк о жизни и деятельности академика АН Азерб. ССР Иосифа Гавриловича Есьмана (1868–1955 гг.) // Труды Азербайджанского науч.-исслед. ин-та энергетики. 1968. Т. XVIII. С. 5–11.
3. Алимирзоев, Х. О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет: исторический очерк. Баку: Азернешр, 1969. 467 с.
4. Бабов, А. С. К вопросу об открытии высшего учебного заведения на Кавказе. Тифлис: Электропечатня Х. Г. Хачатурова, 1911. 20 с.
5. Байрашевский, О. А. Дагестанский государственный медицинский институт за первое пятилетие его существования (1932–1937) // Труды Дагестанского государственного медицинского института. 1938. Т. 1. С. V–XII.
6. Благовидов, Ф. В. Начальные страницы из истории высшего образования на Кавказе // Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Сер., Общественные науки. 1925. Т. 4/5. С. 285–304.
7. Дагестанская государственная медицинская академия (прошлое, настоящее, будущее): к 75-летию основания / Авт.-сост. Р. С. Гаджиев, Ф. М. Османова. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. 560 с.
8. Дагестанский государственный медицинский институт за 15 лет его существования // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. Р 512. Оп. 17. Д. 74.
9. Дело по отношению Министерства народного просвещения о представлении заключения по журнальному постановлению Витебской городской управы об учреждении в г. Витебске университета. 1904 г. // Нац. ист. архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46779.
10. Довнар-Запольский. Промышленность Японии // Японский сборник. Баку, 1924. С. 13–15.
11. Есьман, И. Г. К трехлетней годовщине Горского политехнического института // Горская правда. 1921. 8 декабря. С. 3–4.

12. И. Г. Есьман. 1868–1955: Библиография / Авт. вступ. ст. Ч. М. Джуварлы. Баку: Элм, 1969. 80 с.
13. Историко-филологический факультет, Фон и Педфак А.Г.У (краткий отчет за время с 1919 по 1925 г.) // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Сер., Общественные науки. 1925. Т. 2/3. С. 329–336.
14. Кавказский календарь на 1917 г. / Под ред. Н. П. Стельмащука. Тифлис: Тип. Канц. Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916. Отд. Адрес-календарь.
15. *Кісялёў, Г. В. Смак Беларушчыны* / Уклад.: Л. Г. Кісялёва; прадм.: У. А. Арлоў. Мінск: Лімарыус, 2013. 498 с.
16. Коренев, Д. З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. / [Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т]. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд., 1967. 352 с.
17. Кузьмин, М. К., Лисицын, Ю. А. Ф. Р. Бородулин – выдающийся историк медицины // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2008. № 5. С. 53–55.
18. Кыштымов, В. В. История возникновения и развития Дагестанского государственного медицинского института (1932–1967). Махачкала: ДГМА, 1995. 110 с.
19. Кыштымов, В. В. О. А. Байрашевский (1874–1949) // Первые советские врачи и учёные-медики Дагестана: [Сб. статей] / М-во здравоохранения ДАССР. Даг. гос. мед. ин-т. Респ. дом сан. просвещения. Махачкала, 1971. С. 24–31.
20. Лебедзева, В. Мітрафан Доўнар-Запольскі: служэнне Беларусі // Доўнар-Запольскі, М. Выбранае / Уклад., прадмова, камент В. Лебедзевай. Мінск: Беларуская навука, 2017. С. 5–22.
21. Маковельский, А. О. Азербайджанский государственный университет имени Ленина: первое десятилетие, 1919–1929. Баку: Изд. Азербайджанского гос. ун-та, 1930. 140 с.
22. Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі: бібліографічны паказальнік / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны [і інш.]. Выд. 2-е, дапоўненае. Мінск: БелНДІДАС, 2007. 168 с.
23. Нагиева, М. К. К вопросу об истории становления Дагестанского государственного медицинского института в 30-е гг. XX в. // Вестник Дагестанского государственного ун-та. 2013. Вып. 4. С. 26–32.
24. Научные работники Азербайджана: Справочник. Баку: Секция науч. работников, 1927. 16 с.
25. Окинишевич, А. И. К вопросу об увечности и ранимости рабочих на бакинских нефтяных промыслах: (По материалам фирмы «Бр. Нобель» за пять лет, с 1906 по 1910 г.). Баку: Бакин. отд-ние Рус. техн. о-ва и О-во врачей г. Баку, 1912. 75 с.
26. Очаповский, С. В. Ты опять поедешь в Карабай: Дневники и воспоминания / Сост. и ред. Ф. Байрамукова. Под ред. Р. Т. Хатуева. М.: ЭльбрусOID, 2009. 448 с.
27. Пічэта, У. І. Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінульым // Працы БДУ. 1928. № 19. С. 3–18.

28. Сахнов, С. Н., Каленич, Л. А. К 135-летию со дня рождения профессора Станислава Владимировича Очаповского // Кубан. науч. мед. вестник. 2013. № 2. С. 105–107.
29. Сузор’е беларускага памежжа: беларусы і народжаныя ў Беларусі ў суседніх краінах: энцыкл. даведнік / Рэдкал.: А. Мальдзіс і інш. Мінск: Энцыклапедыкс, 2014. 588 с.
30. Терентьев, Ф. А. Материалы о жизни и деятельности Сергея Николаевича Вышелесского // Труды Всесоюз. ин-та экспериментальной ветеринарии. 1967. Т. 33. С. 3–13.
31. Томкович, И. А. Конспект лекций по теории давления земли на подпорные станки и расчет подпорных стенок с фундаментами / Азерб. краснознаменный нефтяной ин-т им. Азизбекова. Баку: АКНИ, 1934. 97 с.
32. Шварц, Е. Л. Телефонная книжка / Сост. и comment. К. Н. Кириленко. М.: Искусство, 1997. 640 с.

Малиновская Эмма Леонидовна

Музей истории Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕХНИКИ В БГУ В 1920-х гг.

Период 1920-х гг. в СССР ознаменовался становлением и внедрением психотехник в развитие культуры труда в новых экономических условиях на производстве, в школе, армии, биржах труда. Бурное развитие психологических техник привлекло к этой работе не только психологов, но представителей других отраслей: гигиенистов, физиологов, работников сферы управления, идеологов, представителей движения «Научная организация труда». Это, прежде всего, коррелировалось с необходимостью модернизации советского общества, его системы управления человеческими ресурсами. Актуальными научными направлениями в области психотехнических исследований в этот период были: оптимизация подготовки, условиям, режиму труда; автоматизация трудовых действий; изучение эффективности пропагандистской работы, профконсультация и отбор, анализ профессий, изучение утомляемости в процессе труда и др. Эти научные разработки инициировали открытие ряда научно-исследовательских и научно-практических учреждений. В СССР на платформе Центрального института труда (ЦИТ) в 1922 г. по инициативе И. Н. Шпильрейна была открыта первая психотехническая лаборатория для проведения теоретических и экспериментальных исследований по психотехнике [2, с. 20].

Становление и развитие в 1920-х гг. XX в. белорусской психологии и ее отраслей, педалогии и психотехники, тесно связано с именем Серафима Михайловича Василейского (1888–1961), получившего хорошее образование в

Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева и на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Ученый прошел стажировку в Германии, слушал лекции В. Вундта в Лейпциге, работал в его лаборатории. Педагогическая деятельность С. М. Васильского началась в г. Самара, где он познакомился с выдающимися педагогами, психологами того времени А. П. Нечаевым и В. Н. Ивановским, впоследствии заместителем ректора Белорусского государственного университета по академической работе и председателем правления научного общества университета.

Открытие в 1921 г. в г. Минске БГУ в составе рабочего, медицинского факультетов, факультета общественных наук (ФОН) стало значительным событием для всей научной общественности БССР. Согласно отчету о деятельности БГУ за 1921–1922 гг., произошла реорганизация университета и на базе ФОНа был создан педагогический факультет (с отделениями – этнолого-лингвистическое, социально-историческое, естественное, математическое), который возглавил Всеволод Макарович Игнатовский [3, с. 352]. В сентябре 1921 г. ученый совет университета утвердил среди других выдыхающихся интеллектуалов, корифеев науки В. И. Ивановского и И. М. Соловьева, которые были первыми преподавателями психологии и педагогики в БГУ. По рекомендации А. П. Нечаева и В. И. Ивановского в университет был приглашен и С. М. Васильский. В феврале 1924 г. Серафим Михайлович был утвержден профессором по кафедре психологии [5, л. 5–8].

Ученый развернул активную деятельность по внедрению и популяризации психологических исследований. 9 апреля 1924 г. на педагогическо-методологической комиссии при педагогическом факультете был рассмотрен вопрос о создании психотехнической лаборатории [4, л. 7]. Организация первой Центральной психотехнической лаборатории БССР была поддержана Всебелорусской ассоциацией научной организации труда (НОТ). Возглавил лабораторию С. М. Васильский, работа которой по профотбору и профконсультации началась уже летом 1925 г.

Для расширения кадрового состава БГУ по психологии и педагогике в 1925 г. был приглашен на должность ассистента кафедры «психологии и педагогии» Александр Алексеевич Гайворовский, который окончил Самарский государственный университет по специальности «психотехник и педагог». А. А. Гайворовский и С. М. Васильский были знакомы по Самарскому университету. «Среди массы студентов, которую я знал, Гайворовский вместе с немногими другими студентами выделялся по своему интересу к проблемам философии, психологии и педагогики, по своей даровитости и усердию в занятиях по указанным дисциплинам. Он мог бы не без успеха работать в БГУ в качестве ассистента по педагогии и психотехнике (под моим руководством)», говорилось в рекомендации С. М. Васильского [6, л. 5]. А. А. Гайворовский совмещал работу на кафедре с работой в Центральной психотехнической лаборатории, разрабатывая вопросы отбора представителей различных профессиональных групп. Научная деятельность А. А. Гайворовского включала «исследова-

ние реальных представлений и знаний детей и взрослых различных социальных, национальных и культурных групп населения БССР (2700 человек); исследование профессиональной одаренности студентов Минского железнодорожного техникума (до 120 человек); исследование круга литературного опыта различных групп молодежи (400 человек); разбивка по спецодаренности молодежи, прибывшей в местные военные части (до 500 человек)» [6, л. 17–18]. Многое его работ было опубликовано в журнале «Асвета» и в «Трудах БГУ».

К деятельности лаборатории осенью 1925 г. был привлечен еще один талантливый сотрудник – студент Сергей Михайлович Вержболович в качестве лаборанта, а позднее научного сотрудника. В рамках лаборатории С. М. Вержболович занимался разработкой психограмм шофера, организовывал профконсультации в школах г. Минска. Он также сотрудничал с Белорусской ассоциацией научной организации труда, входил в президиум и выполнял обязанности секретаря, а с мая 1927 г. по октябрь 1929 г. был ответственным секретарем Ассоциации. Выступал в радиопередачах по проблемам психологических характеристик наиболее востребованных специальностей того времени – учителя, врача, слесаря, столяра, водителя и др. [2, с. 132].

За время работы в БГУ и в психотехнической лаборатории (с 1924 по 1928 гг.) С. М. Васильевскому удалось сделать очень многое. Профессор отмечал «слаженную работу коллектива лаборатории, что позволило осуществить обширные и многоплановые исследования ее сотрудниками» [1, с. 127]. В книге Серафима Михайловича «Из теории и практики профориентации и профконсультирования», написанной в соавторстве с А. А. Гайворовским и С. М. Вержболовичем, содержится отчет о деятельности психотехнической лаборатории. В рамках психотехнического обследования было проведено:

- анализ отбора поступающих на предмет одаренности в Военную Окружную Школу Погранохраны, Комвуза им. Ленина, профтехшколу металлистов и деревообделочников, курсантов Пограншколы Комсостава для выделения особой кавалерийской группы, слушателей железнодорожного техникума Западной железной дороги;
- выявление круга реальных представлений и знаний современности у кавалеристов (200 человек), в школе Погранохраны в целях выявления профиля их общекультурного и «общежизненного» развития; были составлены специальные системы тестов для более масштабного (до 3500 человек) исследования такого рода у различных возрастных, половых, национальных и социальных групп населения БССР;
- выявление связи между умственной одаренностью и пригодностью к работе на командных должностях у курсантов Полковой Школы (300 человек);
- определение профвалидации и профпригодности шоферов Белавтоиромторга, кондукторов Автопромторга;
- разработка психограммы наиболее популярных профессий того времени шофера, кондуктора, железнодорожника (дежурного по станции), кочегара, профодаренности зубных врачей, красноармейцев погранохраны, кавалеристов и т.д.;

- анализ профодаренности хирургов клиник Белорусского государственного университета;
- профконсультация для подростков, направляемых Минской Биржей Труда на производство и др. [1, с. 127].

В рамках деятельности лаборатории были разработаны тесты: «на наблюдательность, картографическую память и точность восприятия, тест на знание слов и объектов, тест на исследование круга литературного опыта». Был адаптирован ряд тестов: тест Бурдона, тест на вставку слов, тест Эббингауна, тест умозаключения, тест на знание слов и объектов [1, с.130]. В 1927 г. из Германии было получено оборудование для психограмм и сконструирована собственная аппаратура – «сложный экспозиционный прибор для исследования дежурного по станции; прибор на мышечную память; прибор на меткость удара; сложно комплексный прибор, объединяющий в себе кимограф, мнемометр, компликационные часы и хроноскоп, отмечающий время до 1/50 доли секунды); прибор для исследования точности и координированной работы на узко ограниченном поле (для исследования зубных врачей); видоизмененный и упрощенный аппарат Мюнстерберга для исследования шоферов; аппарат для исследования подвижного глазомера и ряд других менее значительных приборов и аппаратов» [1, с. 132].

Результаты научно-исследовательской работы С. М. Василейский активно представлял на международной арене. В качестве одного из ведущих специалистов по психотехнике Серафим Михайлович в составе советской делегации наряду с И. Н. Шпильрейном, С. Г. Геллерштейном, А. М. Мандриком, М. Ю. Сыркиным с 10 по 14 октября 1927 г. участвовал в IV Международной конференции по психотехнике и профориентации в г. Париже [5, л. 24]. На конференции был представлен сравнительный метод в профессиографии разработанный С. М. Василейским и его учеником С. М. Гайваровским. В 1927 г. С. М. Василейский был командирован БГУ на первую Всесоюзную конференцию по психофизиологии труда и профподбору, которая состоялась в г. Москве. Итогом работы конференции стало создание Всероссийского общества психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП) (председатель – И. Н. Шпильрейн), впоследствии получило статус Всесоюзного. В конце года Серафим Михайлович участвовал в работе I Всесоюзного съезда по педагогии, где было зарегистрировано свыше 2000 человек [5, л. 28]. Пленарные заседания съезда включали четыре главных раздела: политico-идеологические проблемы, педагогия труда, общие вопросы педагогики, проблема методологии изучения детства.

В 1929 г. лабораторию возглавил А. А. Гайворовский, в связи с переводом в 1928 г. С. М. Василейского в Нижегородский университет. В условиях изменения социально-политических реалий середины 1930-х гг. педагогия и психотехника подверглись критике. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. «О педагогических извращениях в системе наркомпросов» наука педагогия была запрещена.

Библиографический список

1. *Василейский, С. М.* Из теории и практики профориентации и профконсультирования / С. М. Василейский, А. А. Гайворовский, С. М. Вержбалович. Минск: Наркомтруд БССР, 1929. 138 с.
2. *Кандыбович, Л. А.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20–30-е гг. XX ст.) / Л. А. Кандыбович, Н. Ю. Стоюхина. Минск: Тесен, 2009. 328 с.
3. *Каценбоген, С. З.* БГУ в 1921–1922: итоги и перспективы // Труды Белорусского государственного университета. 1922. №2/3. С. 326–356.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 793.
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1172.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497.

Малышаў Аляксандр Алегавіч

Нацыянальная акадэмія навук Украіны (Кіеў, Украіна)

УНІВЕРСІТЭТЫ ПЯТРА РАІЗІЯ (1515? – 1571)

Пра знакамітага ураджэнца Арагонскага каралеўства, юрыста і паэта-гуманіста, аднаго з ключавых персанажаў Рэнесансу ў Вялікім Княстве Літоўскім – Пятра Раізія (ісп. – Pedro Ruiz de Moros, пол. – Piotr Rojzjusz, нар. 1515? – пам. паміж 23 сакавіка – 26 красавіка 1571 г.) у сёняшній Беларусі вядома нашмат больш, чым ва Украіне. Тым не менш, тэматыка канферэнцыі дазваляе нам паспрабаваць сістэматызаваць і крытычна ацаніць факты і звесткі аб універсітэцкай біяграфіі Пятра Раізія, неаднойчы перапісаныя у шырокай літаратуры па гэтым пытанні.

Выдатны жыццёвы шлях Пятра Раізія пралёг праз шэраг еўрапейскіх універсітэтаў. Тут можна адзначыць, што некаторую пачатковую адукцыю ён атрымаў яшчэ ў родным пасёлку Альканысе. Вядома імя яго першага настаўніка. Ім стаў Хуан Собрапіас, якога разам з Раізіем іспанскія літаратуразнаўцы пазней аднясуць да «Círculo humanístico alcañizano» – знакамітай пяцёрцы альканыйскіх паэтаў-гуманістаў. Пасля смерці Х. Собрапіаса П. Раізій вучыўся ў школе Дамінга Алітэ. Апошні парай бацькам нашага героя аддаць юнака ў заснаваны яшчэ ў 1300 г. Арагонскай універсітэт Лярыды (цяпер – г. Льейда ў Каталоніі). Гады навучання ў Лярыдзе і якія-небудзь іншыя падрабязнасці нам невядомыя, паколькі ўніверсітэцкі архіў за тыя гады загінуў у пажары [7, р. 131]. П. Раізій сам позней сведчыў, што ў Лярыдзе ён упершыню пачаў вывучаць права (*in artis boni, et aequi studiis primus est mihi labor exhanlatus*) [4, р. 148–149]. Вядома, што прыкладна у 1530 г. П. Раізій быў пасвечаны ў дыяканы.

З Лярыды прыкладна ў 1537 г. Пэдра Руіс дэ Морас адправіўся ў Італію. Варта адзначыць, што свой шлях ў Італію праз Францыю сам вучоны адзначае

як асобны эпізод у сваёй юрыдычнай адкукацыі [4, р. 12], хоць дадаць нам па гэтым пытанні пакуль няма чаго.

З італьянскім перыядам назіраеца некаторая блытаніна ў крыніцах. Арагонскі бібліёграф Фелікс Латасса (1733–1805) у сваёй кнізе аб Арагонскіх паэтах паведамляе, што Пэдра Руіс дэ Морас альканысец пасля Лярыды спачатку навучаўся ў Падуі [9, р. 228]. Пры гэтым нашмат раней Арагонскі паэт і гісторык Хуан Францыска Андрэс дэ Устаррос (1606–1653) у прадмове да зборніка лістоў вядомага рэнесанснага юрыста, таррагонскага арцыбіскупа Антонія Аўгустына (аднаго з лепшых сяброў П. Раізія) адзначыў, што Раізій пасля Лярыды адправіўся не ў Падую, «як кажуць некаторыя», а адразу ў Балонню [1, р. 139]. Характэрна, што абодва аўтары пры гэтым называюць адных і тых жа выкладчыкаў П. Раізія – італьянскага юрыста, заснавальніка гуманістычнай школы права Андрэя Альчато, а таксама Аўгустына Беройо і Пабла Паріса. Усе трое выкладалі ў Балонскім універсітэце, што сведчыць на карысць версіі Хуана Андрэса, хоць варта пагадзіцца і з аўтарамі, якія паведамляюць, што П. Раізій так ці інакш пабываў як у Балонні, так і ў Падуі, а таксама, магчыма, наведаў Рым, Фларэнцыю і Венецью [5, с. 81]. У гэтих жа гарадах амаль у тыя ж гады праходзіў навучанне Станіслаў Арахоўскі. Яны з П. Раізіем цалкам маглі пазнаёміцца і завесці дружбу у Італіі да таго, як стаць непрымірымымі апанэнтамі ў Польшчы.

Характэрна, што ў Балонні яшчэ ў 1528 г. іншы выхадзец з Альканыса Андрэс Вівес і Альтафулья заснаваў калегіум для альканыйсцаў, з шасцю стыпендыямі для лепшых студэнтаў [13, р. 422–423]. П. Раізій ў 1538–1541 гг. вучыўся менавіта ў гэтым калегіуме. У 1541 г. ім была абаронена дысертация, з прысваеннем тытула доктара абодвух правоў (рымскага і кананічнага).

Арагонец паспрабаваў застацца ў Балонні, нейкі час ён там выкладаў старажытнагрэцку мову (пра выкладанне ім права ў Італіі звестак няма), але надоўга затрымацца там П. Раізію не ўдалося. У tym жа 1541 г. ён адправіўся ў Кракаў, каб заняць кафедру рымскага права ў тамтэйшым універсітэце.

У якасці прычыны пераезду П. Раізія ў Кракаў звычайна называецца запрашэнне кракаўскага біскупа Пятра Гамрата (1487–1545). Сакратаром П. Гамрата у той час быў Марцін Кромер, які таксама вучыўся ў Італіі ў 1537–1540 гг. і мог быць знаёмы з П. Раізіем. Літоўскі гісторык Стасіс Гастаутас адзначае таксама, што ў запрашэнні іспанскага доктара магла адыграць сваю ролю тагачасная польская каралева Бона Сфорца – дачка Ізабелы Арагонскай і прапраўнучка караля Арагона і Сіцыліі Альфонса V Вялікадушнага [6, р. 398].

На момант прыезду іспанца выкладанне рымскага права ў Кракаўскім універсітэце знаходзілася ў досыць жаласным стане. Зразумела ўніверсітэт займаў бок Контррэфармацыі, якая да паўнавартаснага прыходу езуітаў у Цэнтральную і Усходнюю Еўропу відавочна прыгрывала пратэстантам ў сферы адкукацыі. У той жа час асвечаныя каталікі з раманскай Еўропы заставаліся годнымі супернікамі, нават для спрактываваных ў інтэлекце кальвіністаў. Італьянскім жа юрыстам у той час папросту не было роўных.

Руіс дэ Морас, які прыбыў у Кракаў спачатку 1542 г., выкладаў тут каля дзевяці гадоў. Аб выкладчыцкам стылі і методыках можна выказаць шэраг здагадак. Сучасны іспанскі вучоны Пабла Куэвас Субіас у сваім артыкуле выказвае ўпэўненасць у tym, што кракаўскія калегі і студэнты П. Раізія напэўна павінны былі быць шакаваныя метадамі выкладання і цяжкім харктарам іспанца [3, р. 27]. Гэта кантрастуе з прыведзеным яшчэ Язэпам Асалінскім і звычайна цытуемым у польскай гістарыяграфіі лістом А. Аўгустына да П. Руіса, які ўспамінае як натоўпы маладых студэнтаў з усёй Еўропы абступалі П. Раізія і паўсяль пераследвалі любімага выкладчыка [12, с. 156].

Томаш Фіалковскій задаваўся пытаннем, ці спрабаваў Раізій укараниць ў польскую юрыдычную адукцыю элементы «*mos gallicus*» – школы гуманістычнай юрыспрудэнцыі, каля вытокаў якой стаяў настаўнік П. Руіса А. Альчато. Вучоны прыводзіць у якасці зачэпкі перапіску П. Раізія з А. Аўгустынам па пытанні Фларэнтыйскіх Пандэктаў, якая адбывалася ў 1542 г. і мела дыдактычныя значэнніе [5, с. 82; 2, р. 37]. На нашу думку, важна адзначыць, што так званая Фларэнціна лічыцца найбольш старажытным і аўтэнтычным тэкстам Дыгестаў Юстыніяна, а таму складана пераацаніць яе значэнне для рэнесансных юрыстаў XVI ст., якія рабілі першыя крокі ад дагматычнага да крытычнага разумення крыніц рымскага права.

Некаторае свяцло на аўтарскую выкладчыцкую канцепцыю П. Раізія пралівае яго паэма «*De origine iuris*» [8, р. 150–158], таксама напісаная арыентавана ў Кракаўскі перыяд, і якая дайшла да нас толькі ў выглядзе чатырох фрагментаў. Дзякуючы дапамозе доктара Розы Марыі Саэс з Універсітета Сарагосы нам удалося прысвяціць дадзенай паэме асобны артыкул [15]. Тут жа абмяжуемся толькі некаторымі момантамі.

Вершаваная форма паэмы пра вытокі права павінна была спрасціць ўспрыманне студэнтамі матэрыялу, хоць сам Раізій, пераймаючы Лукрэцыя Кара, кажа ў паэме пра надзвычай складаную задачу вершаванага прадстаўлення вельмі складнай навуковай матэрыі: «*словы згарнуць звлістыя і замкнуць ix у рытмах і перашкодах вяриша цеснага*» [8, р. 154]. У асноўным першым фрагменце выкладаецца гісторыя ўзнікнення трох відаў права: *ius naturale*, *ius gentium* і *ius civile*. Паэт па-майстэрску пераплятае сухія вызначэнні рымскіх юрыстаў з сюжэтамі антычных паэтаў, што пісалі пра першабытную гісторыю чалавечтва. Нягледзячы на пэўны дагматызм, у паэме дэманструеца эвалюцыя і гістарычны харктар прававых формаў, нават натуральнага права, што было досьціць прагрэсіўным для свайго часу.

Пасля гістарычнай часткі, якая абрываеца на перыядзе складання Законаў XII табліц, паэт, намагаючыся ў першую чаргу натхніць сваю студэнцкую мэтавую аўдыторыю, кажа аб адмысловым падыходзе рымскіх прэтараў да сваёй працы, якія «*паўсюдна звартаюць ўважлівія вочы і ад ічырых сэрцаў усё тлумачаць*» [8, р. 154]. Канкрэтныя настаўленні па вывучэнню права даюцца ў чацвёртым фрагменце. Прыступаючы да вывучэння права, варта папярэдне авалодаць латынню і грэцкай, а таксама спасцігнуць

прамоўніцкае мастацтва. Тут, акрамя таго, прама гаворыцца аб выкладчыцкам статусе аўтара паэмы (*«Iustitiae studio et iuris...»*) [8, р. 156].

Варта адзначыць, што сам П. Раізій, некалькі грашачы супраць у цэлым вельмі прыдатнай для яго асобы канцэпцыі рэнесанснага дзеяча, якій гарманічна спалучае тэорыю з практыкай, пазней прызнаваўся ў лісце да караля Жыгімонта Аўгуста, што заўсёды бачыў сваё пакліканне менавіта ў выкладанні права, і не адчуваў асаблівай цікавасці да практычнай юрыспрудэнцыі [4, р. 21]. Гэта пісалася ўжо напачатку 1560-х гг. у Вільні, калі выкладчыцкая кар'ера была ўжо ў мінульым, а вучоны усяго сябе прысвячаў вырашэнню спраў у асэсорскім судзе і працы ў камісіі па падрыхтоўцы Другога Статута ВКЛ [14].

Разам з tym ёсць некаторыя падставы меркаваць, што П. Раізій ўсё ж змог у далейшым вярнуцца на адукатыўную ніву, будучы ў апошнія гады жыцця канонікам царквы святога Яна ў Вільні. Пры царкве дзейнічала школа, у якой згодна прывілею ад 1513 г. магло вучыцца 22 вучні. Яшчэ Тэадорам Нарбутам выказвалася пазіцыя аб tym, што П. Раізій прыкладна у 1569 г. рэфармаваў гэту школу, падняўшы яе да ўзроўня акадэміі, дзе, акрамя вывучэння латыні і грэцкай мовы, іспанскі доктар асабіста выкладаў рымскае, саксонскае і магдэбургскае права, а нехта С. Грахоўскі чытаў лекцыі па мясцоваму літоўскому праву [11, с. 481]. Дакладных дакументаў, якія пацвярджаюць звесткі, прыведзеныя Т. Нарбутам, наступнымі пакаленнямі навукоўцаў знайдзена не было. Акрамя таго, нядайна літоўскі гісторык Айварас Рагаускас знайшоў у шведскім архіве Упсалы пратаколы апытанняў кандыдатаў у езуіты, якія прыбывалі з Вільна ў 1569–1574 гг. Юнакі, якія прыйшли раней навучанне ў школе пры царкве св. Яна нічога не паведамлялі аў вывучэнні права, а паказвалі толькі тое, што ўмеюць чытаць і пісаць [10]. Разам з tym гісторыяграфія, асабліва літоўская, не спяшаецца расставацца з гэтай прывабнай ідэяй аў першай юрыдычнай навучальнай установе ў ВКЛ. Як паказвае С. Гастаутас, доказ існавання юрыдычнай школы быў бы, перш за ўсё, каштоўным з-за таго, што гэта быў бы адзіны ў гісторыі прэцэдэнт, калі права ВКЛ вывучалася асобна ад польскага [6, р. 403]. Так ці інакш, пытанне аў юрыдычнай школе, як і многае іншае ў біяграфіі Пятра Раізія, яшчэ належыць высветліць у працэсе далейшых даследаванняў.

Бібліяграфічны спіс

1. *Antonii Augustini Archiepiscopi Tarragonensis Epistolae / a Joanne Andresio*. Parmae, 1804. 167 + 416 p.
2. *Ciampi S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali il tutto raccolto ed illustrato con brevi cenni biografici degli autori meno conosciuti da. T. III. Firenze, 1842. 137 p.*
3. *Cuevas Subías P. Pedro Ruiz de Moros o Piotr Roizjusz (ca. 1515–1571) // Paralelo 50. Revista de la Consejería de Educación: Polonia, Eslovaquia, República Checa y Rusia. – № 2 (diciembre 2005). – P. 26–29.*

4. *Decisiones Petri Royzii Maurei Alcagnicen Regii iureconsulti de rebus in sacro auditorio Lituanico ex appellatione iudicatis.* Cracoviae, 1563. 762 p.
5. *Fijałkowski T.* Z badań nad Rojzjuszem (Między prawem a literaturą) // *Prace Polonistyczne.* Seria 26. (1970). Łódź, 1972. S. 79–94.
6. *Goštautas S.* Ispanų humanistas Petras Roizijus Vilniuje (1551–1571) // *Ai-dai.* 1979. Nr. 9. P. 398–405.
7. *Guillén Cabañero J.* Un gran latinista aragonés del siglo XVI: Pedro Ruiz de Moros // *Cuadernos de Historia Jerónimo Zurita.* № 12–13. Zaragoza, 1961. P. 129–160.
8. *Kruczkiewicz B.* Petri Royzii Maurei Alcagnicensis Carmina. I. Cracovia, 1900. LXXIX + 311 p.
9. *Latassa F.* Biblioteca nueva de los escritores aragoneses que florecieron desde el año de 1500 hasta 1599. T. I. Pamplona, 1798. P. 228–239.
10. *Latvėnaitė R.* Vilniaus Šv. Jono Krikštytojo bažnyčios mokykla XVI amžiuje: tarp mito ir tikrovės. URL : <http://lzinios.lt/lzinios/Istorija/vilniaus-sv-jono-krikstytojo-baznycios-mokykla-xvi-amziuje-tarp-mito-ir-tikroves/235509>
11. *Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego. T. VIII : Panowania Kazimierza i Alexandra. Wilno, 1840. XIV + 492 + 48 s.
12. *Ossoliński J.* Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej, o pisarzach polskich, także postronnych, którzy w Polsce albo o Polsce pisali, oraz o ich dziejach, z roztrząśnięciem i różnej kolej ogólnego oświecenia, jako też szczególnych nauk w narodzie polskim. T. II. Kraków, 1819. 625 s.
13. *Sancho N.* Descripción histórica, artística detallada y circunstanciada de la Ciudad de Alcañiz y sus afueras. Alcañiz, 1860. 672 p.
14. *Дзербіна Г. В. А.* Ратундус і П. Раізій, «докторі прав чужоземських», у складзе статутавай камісіі па падрыхтоўцы праекта Статута Вялікага Княства літоўскага 1566 года // Статут Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1566 г.: да 450-годдзя выдання: матэрыялы Рэспубліканскага навукова-практычнага круглага стала, 1 красавіка 2016 г., г. Мінск / рэдкал.: Т. І. Доўнар (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2016. С. 140–146.
15. *Марина Cáec P. M^a, Малишев О. О.* De origine iuris: поема Петра Ройзія про історію права // Пам'ятки права як відображення історичных процесів і культури суспільства: до 500-річчя Реформації: матеріали XXXVII Міжнародної історико-правової конференції, 14–17 вересня 2017 р., с. Колочава / ред. колегія: І. Б. Усенко (голова), О. О. Малишев (відп. секр.), А. Ю. Іванова, В. Є. Кириченко, Н. М. Крестовська, І. В. Музика, Є. В. Ромінський, О. Н. Ярмиш. Київ–Херсон, 2017. С. 186–199.

Маслоўскі Яўген Валер'евіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

СТАН ПРАФЕСІЙНА-ТЭХNІЧНАЙ АДУКАЦЫИ НА ТЭРЫТОРИI БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У 1907–1914 гг.

Стварэнне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў 1921 г. дазволіла палепшыць адкукацыю на тэрыторыі Беларусі. Святкаванне гэтых падзеяў ў наш час робіць актуальным спробу аднаўленне рэальнай карціны стану і ўзроўня адкукацыі сярод фабрычна-заводскіх рабочых 5 беларускіх губерняў (Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай) у 1907–1914 гг.

Адным з першых асвятліў некаторыя пытанні адкукацыі насельніцтва Беларусі ў пачатку XX ст., закрануўшы і такую частку грамадства як фабрычна- заводскі пралетарыят М. М. Улашчык [69].

Глыбей і шырэй гэтае пытанне ў сваёй працы «Ніжэйшая прафесійная школа ў дарэвалюцыйнай Беларусі» разгледзеў М. Н. Абраменка, які паказаў у ёй якасць і маштаб прафесійной адкукацыі працоўных 5 беларускіх губерняў у канцы XIX – пачатку XX ст.

Манаграфію З. Я. Абезгауза «Рабочы клас Беларусі ў пачатку ХХ ст.» варта прызнаць прарывам у даследаванні становішча працоўных Беларусі ў пачатку ХХ ст. У даследаванні аўтар, увёўшы ў навуковы абарон шэраг новых крыніц, дастаткова поўна і дакладна асвятліў пытанні прафесійной кваліфікацыі прамысловага пралетарыяту, пісьменнасць. Безумоўна нельга не ўзгадаць манаграфію такога сучаснага даследчыка як А. Г. Каханоўскі, які ў сваім грунтоўным даследванні адзначае адрывачнасць звестак аб узроўні кваліфікацыі рабочых.

Недаследванным застаецца пытанне існавання магчымасці самастойнай адкукацыі рабочых, яе рэальный ролі ў павышэнні і паляпшэнні сацыяльнага становішча рабочага. Пытанні асведамлення залежнасці высокай кваліфікацыі рабочых, павышэння іх заробкаў і ўмоў працы і жыцця ад узроўня адкукацыі таксама застаюцца недаследваннымі ў беларускай гісторычнай навуке.

Апошняе пытанне асвятляюць скаргі і дадзеныя аб забастоўках, якія захоўваюцца ў фондах фабрычных інспектараў, якія ажыццяўлялі нагляд за дзейнасцю цэнзавай прамысловасці, за адносінамі паміж наёмнымі работнікамі і фабрыкантамі, умовамі жыцця і працы рабочых.

Варта разглядзець паведамленне губернатару ад старэйшага фабрычнага інспектара Віцебскай губерні аб tym, што 21 лістапада 1913 г на гуце «Труды» Мерліса адбылася забастоўка, на якой працоўныя вылучылі наступныя патрабаванні:

- Скасаванне бальнічнай касы (той, якая была створана па законе ад 23 чэрвеня 1912 г.);
- «Лазню тапіць 2 разы на месяц»;
- адкрыццё вучылішча для дзяцей рабочых і іх дзяцей.

У гэты час сам Мерліс на заводзе не знаходзіўся, з рабочымі вёў дыялог яго сын. Ён патлумачыў, што бальнічную касу прыбраць нельга, бо гэтае патрабаванне закона. Лазня не працуе па тэхнічных прычынах, у хуткім часе яе адрамантуюць і яна будзе працеваць зноў. Вучылішча не адкрываюць толькі з-за таго, што адпаведныя ведамствы не могуць знайсці для яго настаўніка. Застаўшыся здаволенымі такім адказам, рабочыя праз 20 гадзін зноў выйшлі на працу [6].

Адным з патрабаванняў рабочыя выказалі “адкрыццё вучылішча для дзяцей рабочых і іх дзяцей”. Безумоўна дадзены прыклад не адзіны. Прыведзены, як адзін з тыповых прыкладаў забастовак, дзе разам з эканамічнымі і надзённымі патрабаваннямі знаходзіцца патрабавання адкрыцця школ.

У пачатку XX ст. сістэма серэдніх і ніжэйшых спецыяльных і прафесійна-тэхнічных навучальных установаў складалася з сярэдніх і ніжэйшых вучылішч, рамесных вучылішч і школ, настаўніцкіх і духоўных семінарыяў. З прыведзеных найбольш цікавымі з'яўляюцца рамесныя вучылішчы і школы, якія будуць ніжэй найбольш пільна разгледжаны. Функцыянувалі 10 школ і вучылішч, якія рыхтавалі спецыялістаў па вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі, дзве школы па вырабу і дагляду за сельскагаспадарчай тэхнікай, чатыры вучылішчы па падрыхтоўцы рабочых для чыгуначных рамонтных майстэрняў, адна лясная школа. Выпускнікі гэтых школ, як можна меркаваць, мелі магчымасць хуткай перакваліфікацыі ў фабрычна-заводскіх рабочых. 12 вучылішч і школ агульнатэхнічнага профілю, якія рыхтавалі сталяроў, токараў па дрэве і металлу, кавалёў, слесараў, рабочых-станочнікаў, два прафесійных жаночых вучылішчы са спецыялізацыяй “кройка і шыццё”, трохкласная гандлёвая школа. Усяго ў 34 сярэдніх і ніжэйшых прафесійных школах навучалася 2,9 тыс. чалавек [3, с. 411–412].

У 1907–1914 гг. на фабрыках і заводах ўзрастала патрэбнасць у кадрах кваліфікованых рабочых. Невялікая частка іх рыхтавалася ў прафесійна-тэхнічных і рамесных вучылішчах, сетка якіх паступова пашыралася. Аднак, як і раней, пераважная большасць працоўных навучалася сваёй прафесіі ў працэсе працы на прадпрыемствах. Колькасць жа рамесных вучылішч было нязначным. Найстарэйшым прымысловым прафесійным навучальнай установай Беларусі было і застаецца Горацкае рамеснае вучылішча, адчыненае ў 1872 г. Вучні яго атрымлівалі навыкі па слясарнай і кавальскім, а з пачатку XX ст. – па сталярнай і такарнай справе [2, с. 13–23].

Кваліфікованых рабочых розных спецыяльнасцяў для рамонтных чыгуначных майстэрняў рыхтавала Гомельская тэхнічнае чыгуначнае вучылішча. Да 1900 г. вучылішча штогод выпускала 20–25 чалавек. З 1900 г. выпуск павялічыўся да 30–35 чалавек (пуцейцы, паровозники, тэлеграфісты). У пачатку XX ст. ўрад расейскай імперыі пашырала сетку прафесійных навучальных установаў. Рамесныя вучэльні былі адкрыты ў Мінску, Гродна, Клімавічах, Ракаве, Мазыры, Рэчыцы, Дрысе, Нягневічы (Навагрудскі павет). У іх вялася падрыхтоўка токараў, слесараў, кавалёў, столяраў. Па дадзеных, якія прыводзіць М. Н. Абраменка, на 1 студзені 1910 г. на тэрыторыі Беларусі

дзейнічалі 66 навучальных прафесійных устаноў. Згодна з ім жа, да 1910 г. яны падрыхтавалі 4085 рабочых – спецыялісту ніжэйшай і сярэдняй кваліфікацыі. Некалькі пазней, у 1911 і 1912 гг., пачалі сваю працу яшчэ 3 чыгуначных вучылішча – адно ў Мінску і два ў Баранавічах [2, с. 38].

Рабочыя былі зацікаўлены тым, каб даць адукацыю і кваліфікацыю сваім дзесяцям. Таму пры некоторых прамысловых прадпрыемствах адкрываліся пачатковыя школы, а пры іх рамесныя класы. Такая школа ў 1904 г. змяшчалася на сродкі працоўных пры Серковічском гуце ў Аршанскім павеце. З іншага боку і пэўныя пісьменныя прадпрымальнікі бачылі свой інтарэс у павышэнні ўзроўню адукацыі працоўнага і яго дзяцей, бо гэта ў пэўнай ступені замацоўвала яго за прадпрыемствам і ўплывала на якасць выпускай прадукцыі. З 1908 г. пры папяровая фабрыцы ў Добрушы працавала двухкласнае вучылішча для дзяцей рабочых. У ім навучалася больш за 240 чалавек. Пры вучылішчы былі адкрыты рамесныя класы, дзе навучалі сталірнай, кавальскім, слясарнай, переплётному і ткацкага справе. На некоторых прамысловых прадпрыемствах дзейнічалі прафесійна-тэхнічныя курсы і вучылішча. У 1906 г. яны былі арганізаваны на драцяных-цвікова заводзе ў лаянцы (Аршанскі павет), у 1907 г. – пры Дняпроўскай мануфактуры ў мястэчку Дуброўна, а таксама пры некоторых прамысловых прадпрыемствах Мінскай і Віцебскай губерні, дзе навучалася 450 чалавек. Для дарослых рабочых адкрываліся вячэрнія школы [1, с. 156].

Напярэдадні Першай сусветнай вайны ў Мінску існавала Мінскае габрэйскае рамеснае вучылішча. Курс навучання ў ім доўжыўся 4 гады: першыя 2 гады вывучалі слясарнае рамяство ўсе вучні. Пасля, у залежнасці ад «успехов учёбы», адбывалася спецыялізацыя на:

1) слесараў-механікаў, якія вывучалі слясарна-такарнае рамяство (прыкладна 80% ад агульнай колькасці вучняў у плыні 1911–1912 гг.); усіх – 82 вучня;

2) электраманцёраў, якія вывучалі электратэхнічную справу (прыкладна 20%); 16 чалавек;

У 1909 г. у вучылішчы праходзілі навучанне 64 вучня, у 1910 г. ужо 86 вучняў. На студзень 1911 г. у вучылішчы лічылася 86 вучняў. На працягу года было прынята 38 чалавек. Выбыла 25, скончыла 10. Да канца 1911 г. 89 чалавек атрымоўвалі адукацыю ў разглядаемай установе.

З іх на слесароў вучыліся 75 чалавек і 15 атрымоўвалі адукацыю па спецыяльнасці “электраманцёр”. На 1912 г. залічылі 48 чалавек, з іх выбыла ў гэтым годзе 27, скончыла поўны курс 12 чалавек. На канец 1912 г. у вучылішчы атрымоўвалі адукацыю 98 вучняў.

Прычына сыходу і выбывання ў асноўным беднасць. «Вучні вымушаныя сыходзіць, азнаёміўшыся з рамяством у прыватныя майстэрні», – кажа аўтар спрабаздачи. Аднак тут трэба адзначыць, што навучэнцам III–IV класаў выдаваліся штомесячныя дапамогі, а таксама абмундзіраванне (вопратку). [С. 6–7]. Утрымлівалі вучылішча за кошт ахвяраванняў гараджан, практычна ўсе з якіх былі габрэямі. Адзін з асноўных мецэнатаў вучылішча, О. Л. Лунц

нават заснаваў фонд, названы ў гонар яго для лепшых вучняў года. Першаму з якіх выдавалася стыпендыя на год 50 рублёў. Другому 30 рублёў. Трэцяму 20 рублёў [5].

На прыведзеным прыкладзе можна ўбачыць дынаміку павялічэння колькасці навучэнцаў, што дазваляе сцвярджаць аб павялічэнні попыту на адукацыю. Менавіта адукацыю рабочыя бачылі адным з сродкаў паляпшэння свайго становішча. Пралетырыят беларускіх губерняў вызначанага часу дастаткова добра разумеў залежнасць росту заробкаў ад узроўні рабочай кваліфікацыі, павышэнне якой ў сваю чаргу залежыла ў тым ліку ад узроўню адукацыі фабрычна-завадскага рабочага. Безумоўна неабходна адзначыць канфесійную абмежаванасць разгледжанага вучылішча.

Аднак існавалі подбыя таварысты сярод хрысціян: каталікоў і праваслаўных.

У 1904 г. у 5 заходніх губернях налічвалася 16 нядзельных школ, якія наведвалі 1500 чалавек [1, с. 156].

Тут трэба адзначыць вялікую колькасць рабочых, якія самастойна атрымалі адукацыю. Адным з найбольш яскравых прыкладаў з аткіх можна лічыць Язэпа Голубева. Нарадзіўся ён ў м. Кулебакі Ніжнеўгародскай губерні. Рана асірацеў. Яго і яшчэ 4 дзяцей выхоўвала маці. Пасля службы ў войску ў г. Брэст-Літоўск стаў працаваць з 1900 г. у Мінскім чыгуначным дэпо, працаваў столярам-чырванадрэўшчыкам. Гадавы даход меў на ўзроўні чыноўніка фабрычнай інспекцыі, зарабляючы з 1907 па 1914 гг. каля 500–600 рублёў у год. Сам вывучыўся грамаце, вёў дзённік. Імкнуўся паляпшаць свою кваліфікацыю як столяра праз вывучэнне новых методык працы з дрэвам [7, с. 5–14].

На прыкладзе Голубева можна сказаць аб існаванні магчымасці для рабочых для самаадукацыі, залежнасці павышэння ўзроўня адукацыі ад жадання і матывацыі саміх рабочых. Улічваючы вышэй прыведзены прыклад забастоўкі на заводе Мэрліса з патрабаваннем адкрыцця школы, можна сцвярджаць аб росце свядомасці рабочых, разумення залежнасці паляпшэння сацыяльнага становішча ад росту граматнасці фабрычна-заводскага пралетарыяту.

Статыстычных дадзеных аб пісьменнасці працоўных за 1901–1913 гг. няма. Аднак, Абезгауз ў сваім даследаванні, спасылаючыся на шэраг ўскосных паказчыкаў, сцвярджае, што ўдзельная вага пісьменных рабочых у гэтыя гады прыкметна вырас. У першую чаргу гэта звязана з патрэбамі эканамічнага развіцця, тэхнічны прагрэс патрабаваў кваліфікованых рабочых. У гэтым кірунку вялікае значэнне мелі і меры ўрада па паляпшэнню народнай адукацыі. Сетка пачатковых школ у 5 заходніх губернях у 1894–1910 гг. пашырылася амаль у 3,5 разы. У Мінскай губерні, згодна, з дадзенымі, якія прыводзіць Улашчык М.М., колькасць навучэнцаў з 1898 па 1913 г. вырасла ў 2,3 разы, а працэнт навучэнцаў да ўсяго насельніцтва павялічыўся з 3,5 да 6. Сярод навабранцаў Магілёўскай губерні пісьменных ў 1897 г. было 39%, а ў 1913 годзе – 79% [8, с. 110].

Паводле інфармацыі Абраменка, на 1 студзеня 1910 г. у 25 ніжэйшых навучальных установах Беларусі навучалася 1511 вучняў. Самымі вялікімі па ліку навучэнцаў былі, згаданыя вышэй, Горацкае рамеснае вучылішча, 98 навучэнцаў, і Гомельскае чыгуначнае вучылішча, дзе навучалася 92 вучняў [2, с. 25].

Аднак, Абраменка не ўлічваў тое, што многія з рамесных аддзяленняў і класаў пра пачатковых вучылішчах у пачатку XX ст. былі пераўтвораны ў ніжэйшыя прафесійныя школы, таму іх агульная колькасць скарацілася. Да 1914 г. у Беларусі налічвалася 18 рамесных аддзяленняў з 741 навучэнцамі. У той жа час у 52 ніжэйшых прафесійных навучальных установах навучаліся рабочым прафесіям каля 3,6 тыс. чалавек [3, с. 412].

На 1913 г. на прамысловых прадпрыемствах 5 беларускіх губерняў працавала 60 790 рабочых. Атрымоўваецца, што толькі колькасць навучэнцаў рамесніцкіх вучылішч і класаў складала 5% ад агульнай колькасці усіх фабрычна-заводскіх рабочых, што можна прызнаць недастатковым.

Паводле дадзеных прафесійнай перапісу 1918 г., якія без вялікай хібнасці можна аднесці і да пачатку 1914 г., сярод фабрычна-заводскіх рабочых Расіі пісьменныя мужчыны складалі 79%, а жанчыны – 44%, прычым найбольш пісьменнымі былі працоўныя паліграфічныя прамысловасці (97% мужчын і 89% жанчын) і металісты (адпаведна 84 і 54%). Больш нізкі працэнт пісьменных быў сярод тэкстыльшчыкаў: 7% у мужчын і 38% у жанчын. Абезгауз выказаў здагадку, што прыкладна такі ўзровень пісьменнасці быў і сярод адпаведных катэгорый працоўных Беларусі [1, с. 159]. У некаторай ступені з гэтай гіпотэзай можна пагадзіцца, улічваючы выснову А. Г. Каҳаноўскага, што значная частка рабочых па перапісу 1897 г. называла сабе “напалову пісьменнымі”. Менавіта гэтая катэгорыя рабочых, магла па перапісу 1918 г. называць сабе “пісьменнымі” [4, с. 256].

Прыведзеныя дадзенныя сведчаць аб недастаткова развітай сетцы прафесійных навучальных установ на тэрыторыі беларускіх губерняў. Можна лічыць, што дадзеную сітуацыю, кампенсавала тое, што новы рабочы мог праходзіць навучэнне прафесіі ўжо на самім прадпрыемстве. Таксама прыклад Язэпа Голубева дэманструе магчымасць самаадукацыі для рабочых. Дзякуючы дзейнасці дабрачынных таварыстваў існавала магчымасць бясплатнага навучэння ў рамесніцкіх школах як для габрэяў, так і для хрысціян. Згодна са зместам артыкула неабходна адзначыць адсутнасць кіруючага цэнтра развіцця прафесіона-тэхнічнай адукацыі, якіх сачыў за развіццём сітуацыі ў гэтай галіне і мог яе каардынаваць. Да пачатку Першай сусветнай вайны такі орган не ўзнік. Безумоўна названая вышэй прычына марудніла развіццё і пашырэнне прафесійна-тэхнічнай адукацыі. Толькі з адкрыццём Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1921 г. з'явіўся навуковы цэнтр для выпрацоўкі новай палітыкі ў сферы прафесійна-тэхнічнай адукацыі.

Бібліографічны спіс

1. Абезгауз, З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900–1913 гг.). Минск: Наука и техника, 1977. 168 с.
2. Абраменко, М. Н. Низшая профессиональная школа в дореволюционной Белоруссии. Минск, 1975. 64 с.
3. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2007. Т. 4. 519 с.
4. Каҳаноўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Мінск: БДУ, 2013. 333 с.
5. Отчёт общества доставления бедным евреям города Минска средств для обучения ремёслам за 1912 г. Минск, 1913. 22 с.
6. Отчёт фабричного инспектора по 2 участку Витебской губернии за 1914 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 2592. Воп. 1. Спр. 217.
7. “Счастье мое...”: Дневники Иосифа Голубева, 1916–1923 гг. / [Предисл. Г. Буравкина. Минск: Энциклопедикс, 2002. – 442 с.
8. Улащик, Н. Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии // История СССР. 1966. № 1. С. 110–111.

Михайловская Людмила Львовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СЛАВЯНСКАЯ КНИЖНОСТЬ В ЧЕХИИ ОТ МЕФОДИЯ ДО Ф. СКОРИНЫ

Франциск Скорина, родившийся и учившийся в Полоцке, в Кракове и Падуе, важнейшее дело своей жизни осуществляет в Праге. Случайно ли это? Наши сегодняшние чтения призваны ответить на этот вопрос...

Если обратиться к истокам славянской письменной культуры, выясняется, что именно чешские земли сыграли важнейшую роль в ее формировании. Великая Моравия как начальная точка развития славянской книжности, кроме мораван, объединяла и другие славянские племена – вислян, чехов, паннонцев по Саве и Драве. Сюда, в столицу Моравии Велеград, по зову князя Ростислава прибыли в 863 г. братья Константин, прозванный Философом, и Мефодий, чтобы проповедовать христианство на понятном мораванам языке. Константин разработал славянскую азбуку, но не только.

Константин и Мефодий были не только миссионерами и создателями азбуки, но просветителями. На основе глаголицы был создан славянский литературный язык, способный на таком же уровне, как греческий и латинский, обслуживать все сферы жизни общества и государства. Перевод Библии на старославянский не только доносил до них слово Божье. Он открывал им новый многообразный мир и вводил в их жизнь множество новых понятий, имевших государственное, философское и нравственное значение.

Вновь созданная церковь с литургией на славянском языке, ученики Константина и Мефодия способствовали распространению славянской письменности и культуры в Великой Моравии и Паннонии. Эти области вошли в состав архиепископства Мефодия. Здесь были созданы первые памятники на старославянском языке, распространившиеся на другие славянские государства, в частности, Киевскую Русь. В течение нескольких столетий Пржемысловская Чехия и Киевская Русь были связаны общей лингвистической парадигмой. Примечательно, что в Новгороде (только в 2000 г.) была найдена первая древнерусская псалтырь (сборник псалмов), написанная на деревянных дощечках, которая датируется X в. В историографии за этим памятников утвердилось название «Киевские листки» или «Киевский миссал», хотя это перевод латинской богослужебной книги, выполненный в Чехии в X в. В основу древнерусского законочеловечества (Правды Русской) лег «Закон судный людем», византийский правовой памятник, адаптированный Мефодием для славян. Ему принадлежат и оригинальные произведения, в частности **«Об обязанностях правителя»**, которое по духу, по содержанию и направленности невероятно близко **«Поучению Владимира Мономаха»**.

В этом культурно-цивилизационном пространстве с 884 г. находилась и Чехия. Чешский князь Борживой подчинился моравскому Святополку и вместе с женой Людмилой, дружиной и двором был крещён Мефодием (885 г.) в Праге. Здесь Борживой построил первую в Чехии христианскую церковь в честь Св. Климента, а позднее храм девы Марии.

После распада Великой Моравии славянский язык продолжал жить в Чехии. В XI в. здесь возникла бесценная агиографическая литература. Примечательно, что она сразу же просочилась в Киевскую Русь. Это были Жития первых чешских святых – супруги Борживого св. Людмилы и их сына – св. Вацлава, написанные на греческом, но сразу же переведенные на старославянский и во многочисленных списках распространившиеся в Киевской Руси. Рукопись Жития св. Людмилы не сохранилась, и примечательно, что его содержание известно по русскому «Прологу» на старославянском языке и латинским переводам, составленным в Чехии. И Людмила, и Вацлав были признаны на Руси и почитались как святые. Именно Людмила после смерти князя Борживого сумела сохранить в Чехии богослужебную литературу и литургию на славянском языке. В X в. Пражское епископство было независимым от Регенсбурга. В Чехии действовали центры славянской культуры. Самым мощным был Сазавский монастырь, построенный в 30-е гг. XI в. монахом-отшельником Прокопием. Прокопий владел славянским письмом, которому научился от учеников Кирилла, и первые сто лет существования монастыря литургии велись на старославянском языке. Так, еще долгое время после завершения миссии Кирилла и Мефодия в Чехии продолжалась традиция старославянской молитвы и письменности.

Монахи Сазавского монастыря активно общались с киевскими коллегами из Киево-Печерской лавры. Это были времена расцвета и для Сазавского монастыря, и для Киево-Печерской лавры. Многие памятники, составленные в

Сазавском монастыре, в том числе в копиях XVI–XVII вв. были обнаружены именно на Руси. Среди них – **Киевские листки (Киевский миссал)** – древнейшая глаголическая рукопись, датируемая X в., особенности языка которой указывают на чешское или моравское происхождение.

После кончины Прокопия (1053 г.) в монастыре были составлены Свято-прокопские жития, написанные на старославянском, однако не сохранившиеся в подлиннике и известные в латинском переводе 1097 г. Культ Св. Прокопия, как и св. Людмилы, и Вацлава, почитался на Руси. Жития св. Людмилы и св. Вацлава, по мнению таких исследователей древнерусской литературы, как Шахматов, стали образцом для создания Житий канонизированных Бориса Глеба. Более того, в 1095 г. в один из алтарей Сазавского монастыря были положены частицы мощей святых Бориса и Глеба. В таком тесном кругу жило и развивалось древнейшее русско-чешское культурное общение: чешские житийные произведения повлияли на создание житий Бориса и Глеба, а затем мощи этих древнерусских святых были принесены в одну из святынь Чехии.

Когда латинское духовенство добилось запрета славянского языка в Сазаве (1097 г.), монахи были изгнаны. Вместе с тем, новый настоятель монастыря (Детхарт) попал в сложное положение, поскольку не нашел в монастыре ни одной неславянской книги. В эпоху Карла IV, Прокопий стал одним из наиболее почитаемых небесных покровителей страны.

Славянское богослужение в Чехии продолжалось до начала XII в., и даже в XIV–XV вв. важную роль в духовной жизни страны играл Эмаусский монастырь, где служили «на слованех».

Музыченко Максим Николаевич

Центр творчества детей и молодежи г. Калинковичи (Калинковичи, Беларусь)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ – ПРИОРИТЕТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Патриотическое воспитание среди студентов всегда было актуально и обусловлено высоким уровнем интеллектуального потенциала и социальной активностью. В социальной структуре общества студенчество – социальная группа, по своему общественному положению ближе всего стоящая к интеллигенции и предназначенная в будущем к занятию высококвалифицированным трудом в различных отраслях науки, техники, управления, культуры и естественно молодежь является продолжателем и носителем национальных идей [5, с. 387]. Таким образом, студенческая молодежь это тот социальный слой общества, который, прежде всего, должен стать объектом патриотического воспитания. В нормативных правовых документах, регламентирующих сферу образования, сделан акцент на активное вовлечение всех учащихся в общественно-

полезную и культурно-досуговую деятельность, на формирование у них навыков самодисциплины, культуры поведения и чувства ответственности перед самим собой, обществом и государством.

В настоящее время, в стране уделяется большое внимание патриотическому воспитанию студенческой молодежи. Проводятся различные конференции, мероприятия, приуроченные к государственным праздникам и памятным датам, направленные на военно-патриотическое воспитание. Ведется пропаганда достижений белорусской науки, культуры, отечественного спорта, трудовых свершений граждан, подвигов защитников Отечества, государственных символов, разрабатываются методические пособия, проводятся социологические исследования в данной области. Все это является формами патриотического воспитания, но что же такое «патриотическое воспитание»?

Понятие «патриотизм» в различные периоды развития общества трактовали по-разному, рассматривая его то как нравственный и политический принцип, то как социальное, высшее моральное чувство, то как социальную и нравственную ценность и т.д. Патриотизм обусловлен образованием государств и их длительной борьбой за свою независимость и самостоятельность. Дать определение понятию «патриотизм» сегодня, значит определить, каким должен быть человек, его отношение к себе, окружающим людям, к семье, Родине, к природе и др. Но отношения при этом наполняются определенными чувствами, желаниями, потребностями [2, с. 20]. Иными словами, всем тем, что характеризует отношение как сложную психологическую структуру. В «Концепции патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь» под словом «патриотизм» понимается чувство любви к Родине, выраженное в активной деятельности по ее процветанию и защите от врагов. Большое количество подходов обусловлено сложностью рассматриваемого явления. В современных условиях возникает настоятельная необходимость уточнить сущность данного понятия, поскольку успешность проведения воспитательной работы с подрастающим поколением напрямую зависит от правильного определения исходных понятий и положений. Таким образом, патриотизм – это исторически сложившаяся и развивающаяся категория социальной педагогики, отражающая устойчивое положительное отношение людей к своему Отечеству, проявляющееся в деятельности на его благо, в реализации которого с единых позиций участвуют и государство, и общество. Патриотизм является важным фактором консолидации общества. Он выступает в качестве внутреннего мобилизующего ресурса развития общества. Иными словами, патриотизм нравственное качество личности, которое выражается в нравственных понятиях о Родине, определяет отношение человека к Отечеству, реализует знания и это отношение в процессе его деятельности. На основании этого патриотическое воспитание можно рассматривать как процесс и результат формирования у студентов знаний о патриотизме, нравственных отношений, которые реализуются в патриотической деятельности.

Конечно же патриотическое воспитание в образовании (в том числе и в университетах) регламентируются различными документами. Наиболее важным из которых являются Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2015–2020 годы и Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, которая на годы вперед определяет основные направления воспитания и формы воспитательной работы в учреждениях образования. Все это сделано с целью повышения качества воспитательной работы.

Концепция и Программа являются важнейшими документами, в которых закрепляются приоритеты воспитания в учреждениях образования, основанные на идеологии белорусского государства, с учетом принципов государственной политики в сфере образования, государственной молодежной политики, а также формулируются цели и задачи, раскрывается содержание, определяются эффективные формы и методы воспитательной работы [1, с. 387].

Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь определяет общие подходы к организации воспитания, условия становления гражданина, патриота, профессионала-труженика, семьянина. Целью воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь согласно Концепции является «формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося». Достижение цели воспитания предполагает решение следующих задач: формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии; подготовка к самостоятельной жизни и труду; формирование нравственной, эстетической и экологической культуры; овладение ценностями и наукаами здорового образа жизни; формирование культуры семейных отношений; создание условий для социализации, саморазвития и самореализации личности.

В Концептуальных основах идеально-воспитательной работы с детьми, учащейся и студенческой молодежью (2003 г.) обращается внимание на формирование у подрастающего поколения основополагающих ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность белорусской государственности и активной гражданской и личностной позиции молодежи в становлении сильного и авторитетного государства. Решить эти задачи возможно только при условии эффективного гражданско-патриотического воспитания молодежи. Кроме того, данный аспект воспитания ориентирован на формирование чувства любви и уважения к своей Родине, гордости за достижения Беларуси; убеждений в необходимости приумножения авторитета страны через собственные достижения в обучении, труде, спорте, общественной жизни. Важным моментом патриотического воспитания является и формирование активной гражданской позиции молодежи, чувства ответственности за развитие и государственное устройство Беларуси, сознательного выбора и приоритета национальных интересов, уважения Конституции Республики Беларусь и законов государства. Все это в перспективе станет основой для повышения уровня и качества жизни граждан на основе стимулирования их трудовой и социальной активности, предоставления

им возможности обеспечить собственное благосостояние и благосостояние своей семьи [3, с. 39]. Для решения задач патриотического воспитания намечены основные направления работы:

1) скоординированное взаимодействие участников педагогического процесса, государственных и общественных организаций, семьи, самих учащихся по обеспечению условий для эффективной идеологической и идейно-воспитательной работы в условиях учреждений образования;

2) формирование у учащихся системы знаний, понимания исторической и причинной обусловленности происходящих событий и явлений, представлений о роли личности в истории и ее ответственности за мир, природу, окружающую среду, гражданское общество, коллектив, свою семью, за самого себя;

3) мониторинг и анализ качества и действенности идеологической и идейно-воспитательной работы в условиях учебного заведения и ее осуществление на основе данных об уровнях личностного и социально-психологического развития учащихся и ученических (студенческих) коллективов;

4) формирование взглядов, убеждений, ценностных ориентаций, мотивации поведения через увлекательные формы активности, социально одобряемую и результативную деятельность на благо страны, своей семьи; через проявление и поддержку молодежных инициатив, связанных с основными вехами в развитии Беларуси, через проявление заботы о старших, через приумножение экономических, политических, миротворческих, культурных, спортивных и других достижений нашей страны;

5) развитие национального самосознания и гражданской позиции в условиях учебного процесса, внеклассной и досуговой деятельности учащихся и студентов;

6) формирование ответственного поведения, умения противостоять чуждым идеям и асоциальным проявлениям; развитие навыков здорового образа жизни, самодисциплины;

7) формирование любви к Родине и гордости за свою страну.

Таким образом, на государственном уровне патриотическое воспитание подрастающего поколения определяется как приоритетное направление идеологической и воспитательной работы в стране и в первую очередь в учреждениях образования. Поэтому перед педагогами стоит задача: творчески используя передовой педагогический опыт, создать реальную действенную систему патриотического воспитания [4].

Наконец, гражданско-патриотическое воспитание молодежи способствует единению всех граждан страны вне зависимости от национальной принадлежности, политических либо религиозных убеждений, оно консолидирует общество во имя процветания Беларуси.

Библиографический список

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015, № 82.

2. Лутовинов, В. И. О патриотическом воспитании молодежи // Обозреватель. 1997. № 3/4. С.18–23.
3. Семенов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. 2007. С. 37–43.
4. Середа, В. А. Патриотическое воспитание студентов педагогических вузов во внеучебной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. [Электронный ресурс]. 2007. Режим доступа: <http://referat.mpgu.edu.ru/ped/124/referat.html>. Дата доступа 14.09.2017.
5. Шлыков, А. В. Патриотизм и патриотическое воспитание в ВУЗе // Молодой ученый. 2012. №8. С. 386–388.

Назаренко Артем Михайлович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

БЕЛАРУСЬ И БГУ В СУДЬБАХ СЕМЬИ АРЦИМОВИЧЕЙ: ОТ ПОВСТАНЦА ДО “ОТЦА” ТОКАМАКА

Арцимовичи – известная фамилия. Её носили известнейшие государственные деятели, учёные, писатели, врачи и инженеры. Одни из самых выдающихся, однако, – это, пожалуй, сенатор Виктор Антонович Арцимович, живший в веке XIX и выпускник БГУ, выдающийся физик, академик Лев Андреевич Арцимович, живший в веке XX. В немалой степени благодаря вниманию к фигуре последнего до нас дошли сведения о его отце – Андрее Михайловиче Арцимовиче.

Особую благодарность тут следует высказать собирателю и хранителю истории рода Арцимовичей Н. Н. Взорову. Опубликованные им материалы [1], различные воспоминания о Л. А. Арцимовиче [2, 3], уникальные документы Национального архива Республики Беларусь [4], Государственного архива Гомельской области [5] и иных хранилищ, различные уже опубликованные документы и сведения послужили источниковой базой исследования, некоторые результаты которого представлены в данном сообщении.

Андрей Михайлович Арцимович родился 16 января 1881 г. в Смоленске в семье представителя древнего благородного дворянского рода. Вопрос о национальной принадлежности родителей Андрея Михайловича пока является открытым, однако сам он себя относил к великороссам, а родным языком называл русский. Андрей Михайлович знал также французский, немецкий и польский языки. Учитывая, что последний из них в гимназии не изучался, можно, учитывая историю рода Арцимовичей, предполагать, что польским Андрей Михайлович овладел в семейном кругу.

В 1864 г. Виктор Антонович Арцимович по решению императора Александра II был направлен в Польшу для участия в проведении последовавших за восстанием преобразований. Получил пост вице-президента Государственного совета Царства Польского, однако и само направление в Варшаву было против

его воли, и в своих действиях он был ограничен постоянными противоречиями с Н. А. Миллютиным, потому в конце 1865 г. В. А. Арцимович подаёт прошение об отставке. Интересно, что в 1865–1866 гг. внештатным референтом Госсовета Царства Польского состоял Иосиф Арцимович! Скончавшийся в 1866 г. в один год со своей супругой Антониной Арцимович (Абрамович) – именно о них Н. Н. Взоров говорит как о наиболее вероятных начинателях той ветви Арцимовичей, к которой принадлежал Андрей Михайлович, отмечая, однако, что идущая от Иосифа (Юзефа) Арцимовича ветвь нигде не пересекается с ветвью, начинающейся от Антона Арцимовича, отца того самого сенатора В. А. Арцимовича.

Так или иначе, как гласит семейное предание и официальная биография академика Л. А. Арцимовича, Михаил Иосифович (Юзефович) Арцимович за участие в восстании 1863 г. был сослан в Сибирь. В списках участников восстания 1863–1864 гг. действительно значится дворянин из Могилёвской губернии Михаил Арцимович, родившийся в 1841 г., – владелец имения Ярошевка и фольварка Буда Климовического уезда, собственник 2,4 тыс. десятин земли, двух домов, конюшни, кузницы, мельницы и других построек. По данным властей, он собрал собственный небольшой отряд и активно участвовал в восстании. 14 мая 1863 г. он был приговорён к лишению прав, конфискации имущества и ссылке «на каторгу на заводах» сроком на шесть лет. Наказание отбывал в Астраханской губернии. В мае 1871 г. он согласно Высочайше утвержденному положению освобождается от «полицейского надзора», но без права проживания в столицах и столичных губерниях, а также на родной Могилевщине, с запретом поступления на государственную и общественную службу. Всё сходится с ранее известными данными. Вот только согласно архивным следственным документам это был Михаил Михайлович Арцимович. Нельзя исключать, что был среди сосланных за участие в восстании и Михаил Иосифович Арцимович, однако нам никаких документальных подтверждений этого обнаружить пока не удалось. Возможно это разные люди, возможно на каком-то этапе закралась ошибка, и может быть Михаил Арцимович, чтобы «обойти» наложенные ограничения в правах немного поменял свои биографические данные. Эти страницы семейной истории Андрея Михайловича Арцимовича ещё требуют изучения.

Мать Андрея Михайловича – Елена Игнатьевна Яхимович – по свидетельствам потомков была сибирячкой. Высказывалась версия, что она могла быть дочерью поляков, сосланных в Сибирь после восстания 1830–1831 гг.

В ходе декабрьско-январской сессии 1910–1911 г. Андрей Михайлович успешно окончил юридический факультет Императорского Московского университета по специальности «политическая экономия и статистика», получив дипломом 1 степени.

Вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. Всероссийский земский союз ликвидируется и с февраля 1918 г. Андрей Михайлович поступает на работу заместителем заведующего статистическим отделом Московского облпрокомитета.

В 1908 г. Андрей Михайлович женится. Жена Андрея Михайловича – Ольга Львовна Левъен (Левин) была из состоятельной семьи торговца, выходца из Германии, образование получила в пансионе в Швейцарии, а затем в Институте благородных девиц. В 1909 г. в семье Андрея Михайловича и Ольги Львовны рождается сын – Лев, спустя два года – дочь Екатерина, и ещё через три года – дочь Вера.

В Москве семья Андрея Михайловича жила в квартире, расположенной в особняке с мезонином на Арбате (Денежный переулок, 13; сегодня здание по этому адресу, признанное культурной ценностью, принадлежит МИД России). Расположенная на втором этаже квартира была пятикомнатной – там была и отдельная комната для маленького Льва, и кабинет Андрея Михайловича.

В кабинете Андрея Михайловича, попасть в который дети могли только с разрешения отца и по большой удаче, открывался удивительный мир разносторонней личности. На стене – большой персидский ковёр, на полу – шкура большого бурого медведя, убитого Андреем Михайловичем на охоте в Полесском урочище. Об увлечении охотой говорили и развешенные на стене охотничьи ружья, рог, картина с изображением двух собак. Картины, кстати, в кабинете было много, особо же выделялись работа Айвазовского и портрет деда Андрея Михайловича – Иосифа Арцимовича. Богатейшая библиотека была полна изданий мировой и русской классики, энциклопедий, научно-популярной литературы (Брокгауз и Эфрон, Брэм, Пушкин, Мицкевич, Мольер, Шекспир и многие другие). Отличавшийся любознательностью Лев рано научился читать и заслужил право оставаться в кабинете отца для чтения даже в его отсутствие, что было невероятной честью. Так, сидя в отцовском кабинете, с жадностью впитывая новые знания, Лев получал, по сути, своё образование.

Ещё одной семейной реликвией были рыцарские доспехи, принадлежавшие кому-то из предков. «Рыцарь», опираясь на копье, стоял у рабочего стола Андрея Михайловича. Сохранившийся А. М. Арцимовичем семейный архив (к сожалению, в годы войны в Минске был безвозвратно утрачен) содержал свидетельства того, что один из прямых предков участвовал в начале XV в. знаменитой битве под Грюнвальдом!

На рубеже эпох А. М. Арцимович – создатель статистической службы Гомельщины. В марте 1919 г. А. М. Арцимович командируется ЦСУ РСФСР в Могилёвскую губернию для организации губернского статистического бюро. Он прибыл не совсем на пустое место, но от бывшего Статистического отделения Губернской земской управы, перешедшего затем Совнархозу, остались лишь один статистик, три писца и часть материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. Вскоре последовали переезд в Гомель, нескончаемые сложности, вызванные прифронтовым положением, эвакуациями и реэвакуациями.

Условия в самом Гомеле были, конечно, не те, что в период краткосрочной эвакуации в Клинцы, но не было даже самых очевидных для нас сегодня удобств. Работать же приходилось допоздна. Так, в октябре 1919 г. коллегия губернского статбюро постановила, что т.к. А. М. Арцимович «работает также и по вечерам на дому, а освещения в занимаемом им помещении нет, выдать

А. М. Арцимовичу удостоверение на предмет проведения электрического освещения в занимаемую им комнату». К слову, коллегии в тот день не удалось даже рассмотреть все вопросы – «ввиду позднего времени».

Если в настолько непростых условиях приходилось работать руководителю, что говорить о сотрудниках, которые только и могли, что выступать с заявлениями о «тяжёлом материальном положении, которое очень вредно отражается на работе губстатбюро»? Главе губернской статслужбы помимо прямых обязанностей было необходимо как-то отвечать на нескончаемый поток запросов от различных инстанций. Требования эти далеко не всегда имели отношение к статистике. Так, в сентябре 1919 г. от А. М. Арцимовича потребовали “немедленно предоставить проект приспособления аппарата ГСБ к работам по обороне, эвакуации и разгрузке города” [5, д 2, л. 8]. Исчерпывающую характеристику положению в Гомеле зимой 1919–1920 гг. даёт в своих воспоминаниях А. Г. Бармин: «В нашем маленьком городе свирепствовали холод, голод и тиф».

Основной груз работы Андрею Михайловичу приходилось тянуть самому: его заместитель не только являлся заведующем секции текущей сельскохозяйственной статистики, но и был избран народным судьёй, что отнимало у него не менее половины рабочего дня, часто – целый день. Высшему московскому руководству Андрей Михайлович открыто жаловался на состояние постоянной перегруженности: работа от раннего утра до поздней ночи в будни и праздничные дни, без возможности отлучиться даже на два-три дня, без отпуска, командировок, в постоянной беготне по различным инстанциям. Андрей Михайлович жаждал иметь хоть немного больше времени, чтобы «отдаться руководству теоретическому и организационному в работах секций», найти время на редакционную работу и выпуск в печать материалов Бюро, сделать эффективнее свою работу в Экономическом совете и Президиуме губисполкома. Для всего этого он просил себе хотя бы квалифицированного помощника. Колossalное нарастающее переутомление вело к утрате работоспособного состояния: «я на 70% занят не статистической работой и силы мои нерационально расстраиваются, и нервная система расшатывается».

Верным «бастионом» Андрея Михайловича была его семья, любовь, уважение и взаимная забота в которой никуда не ушли даже несмотря на период крайне непростых испытаний. Война привела к временной эвакуации губстатбюро в Клинцы, там же оказалась и семья Арцимовичей. В Клинцах с ними жила семья брата Андрея Михайловича – Вячеслава, его вдова Фаина с детьми Михаилом и Галиной. Условия были тяжелейшими. Вся семья из восьми человек была вынуждена ютиться в шестиметровой кладовой – помещение Губстатбюро в прямом смысле слова было завалено бланками переписи и находится там было просто невозможно. Дела шли настолько плохо, что Андрей Михайлович с женой пошли на крайний шаг – отдали своих любимых детей в детский приют. Льва и Екатерину разделили, спустя две ночи заведующая приютом взяла их к себе, но наутро Лев сбежал из приюта, скитался по деревням, добравшись до Клинцов, жил с беспризорниками. В конце концов Льва удалось

найти не находившей себе места от горя матери. Прожив в Клинцах около месяца, Арцимовичи добрались до Гомеля.

Андрею Михайловичу приходилось заботиться не только о своих жене и детях, но и помогать семье своего погибшего брата Вячеслава. В годы нищеты, голода, болезней он дал кров Фаине Арцимович с детьми. Некоторое время с мая 1920 г. Фаина Николаевна Арцимович (вдова В. М. Арцимовича, брата Андрея Михайловича) работала в Гомельском губстатбюро в должности помощника заведующего сектором ценовой статистики. Позднее она вернётся в Москву, где продолжит работу в области статистики – в качестве ответственного работника организационно-инспекторского отдела Наркомата просвещения РСФСР. Её сын Михаил останется на иждивении Андрея Михайловича, перебедет в Минск, вместе со Львом Арцимовичем поступит в БГУ.

Постоянные переезды освободили детей от посещения школы. Главным учителем был многотомный энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрана. Ещё в Москве юного Льва несколько недель поводили в частную начальную школу, но вскоре выяснилось, что всё, чему там учат, школьник и так уже знал. Учителя средней школы в Гомеле также видели Льва Арцимовича нечасто – посещал он её нерегулярно, преимущественно для сдачи экзаменов за очередной год. В возрасте 12 лет он уже сдал экзамены за среднюю школу-семилетку. Гомель – недавний губернский центр, на дворе – военный коммунизм. Никаких ставших привычными в Москве театров, оперы, балета, музеев здесь, конечно, не было: «Приезжали лишь жалкие иллюзии с очень примитивными фильмами». Зато в Гомеле был полуразрушенный замок Румянцевых-Паскевичей, окружённый каштановым парком на живописном берегу Сожа. Развлечением служили путешествия по чердакам и подвалам старых зданий, развалины же дворца были и вовсе настоящим подарком. Как вспоминала Екатерина Арцимович, вместе со Львом и Михаилом они притащили оттуда «массу ценных для нас вещей». В Гомеле Арцимовичи жили в доме по ул. Замковой, рядом с домом стоял костёл (не сохранился) и подростки часто захаживали туда послушать орган и «хор мальчиков в белых одеждах». На этом культурная жизнь для подрастающих Арцимовичей исчерпывалась, если не считать тех стараний, которые предпринимались в семейном кругу. Именно в Гомеле было положено начало изданию семейного журнала «Тишетамия» (от слов «Тише там!», раздававшихся из кабинета Арцимовича). Забавные истории из семейной жизни, стихи, новые похождения «хабиасов» составляли содержание «издававшегося» целый ряд лет журнала Арцимовичей (увы, ни одного выпуска не сохранилось).

26 августа 1923 г. сотрудники губернского статбюро с почестями проводили А. М. Арцимовича в Минск. За четыре с половиной года в должности заведующего губернским статистическим бюро, Андрей Михайлович, принявший весной 1919 г. «обломки» земской статистической службы, проделав колоссальную работу, полную профессиональных и личных испытаний, часто действуя на пределе возможностей, фактически создал в губернии полноценный статистический аппарат, развернул его работу, обеспечил проведение важ-

нейших общегосударственных переписей. Оставляя такое наследство, он с чистым сердцем мог вернуться к оставленной с переездом в Беларусь научной и педагогической деятельности, поступив на службу в Белорусский государственный университет. Молодой, только встающий на ноги БГУ испытывал острую нехватку кадров по самым различным дисциплинам.

30 июня 1923 г. А. М. Арцимович подаёт заявление о своей заинтересованности в работе по кафедре статистики в БГУ. 23 августа 1923 г. правление БГУ представляет в Главпрофобр на утверждение кандидатуру Андрея Михайловича Арцимовича преподавателем по кафедре статистики, а 8 сентября 1923 г. Главпрофобр утверждает А. М. Арцимовича в должности преподавателя по кафедре статистики БГУ.

Так как период работы А. М. Арцимовича в БГУ уже получил достаточно внимательное рассмотрение [6], добавим лишь несколько штрихов к портрету Андрея Михайловича. Организованный, требовательный прежде всего к себе, А. М. Арцимович ожидал этого и от других. Когда в сентябре 1927 г. он пропускает собрание (узнал о нём случайно в беседе с деканом С. Я. Вольфсоном) и у него срывается лекция по причине того, что его просто не проинформировали ни о расписании, ни о готовящемся собрании, он просит деканат «принять соответствующие меры, т.к. я хотел бы избегнуть необходимости в противном случае каждодневно заходить в канцелярию деканата чтобы узнать там о имеющихся состояться собраниях». В 1920-е гг. статистиков с высшим образованием в СССР готовило всего несколько вузов МГУ, Московский ИНХ. В подготовку кадров активно включилось и ЦСУ – были созданы Центральные статистические курсы во главе с В. Г. Михайловским. Все учебные центры, не исключая московских, испытывали острую нехватку учебной литературе. Остаётся только догадываться, как А. М. Арцимовичу удавалось пудами возить литературу и материалы из своих служебных и частных поездок в Москву! Невероятными усилиями всего нескольких человек, в Минске, в недавно созданном Белорусском государственном университете были заложены основы для подготовки специализирующихся в статистике экономистов высшей квалификации. И вот 3 марта 1926 г. СНК БССР принимает постановление, согласно которому в новом учебном году надлежит «организовать в составе факультета права и хозяйства при Белорусском государственном университете статистическое отделение». Когда в 1929 г. в самостоятельную единицу будет выделен факультет народного хозяйства, одним из четырёх отделений там будет планово-статистическое.

Первым адресом семьи Арцимовичей в Минске стал домик по улице Широкой, 28 (с 1935 г. улица носит имя В. В. Куйбышева). Потом в этом районе возведут комплекс штаба Белорусского особого военного округа, в современном нам Минске там располагается Министерства обороны Республики Беларусь. Временный дом Арцимовичей стоял в большом фруктовом саду, вокруг росли сирень и жасмин, перед крыльцом – большая старая груша. В расположеннем дальше парке стоял трёхэтажный дом, в одном его крыле была домовая церковь с колокольней. Ранее там располагалось женское духовное училище,

ещё раньше – Спасо-Вознесенский монастырь, бывший центром религиозной жизни. В церковном дворе было много деревянных домиков, похожих на дачи с террасами. В них в 1922–1923 гг. жила профессура университета: Прилежаевы, Сиротины, Ивановские, Розановы. Тут же, среди деревьев, стояли клетки с различными животными. Парк, заброшенное здание, словно магнитом тянули к себе детей профессуры. В саду, у оврага играли в казаки-разбойники, в индейцев. В последнем случае юный Л. Арцимович даже цитировал длинные отрывки из «Песни о Гайавате» Лонгфелло или «Айвенго» В. Скотта.

Уже ближе к зиме 1923 г. Арцимовичи переезжают в профессорский дом на улице Университетской, 5 (ныне – Кирова), получив в своё распоряжение пятикомнатную квартиру №8 (позднее – № 4) на первом этаже. Отдельная комната была у мальчиков – Льва и Михаила, отдельная – у девочек (Кати и Веры). В собственной комнате жила тёща Андрея Михайловича. Конечно же, отдельная комната была отведена под кабинет главы семейства. В холодное время года дом отапливался печками, в квартире их было целых три. За подготовку дров и истопку отвечали молодые Лев и Михаил.

Дом Арцимовичей в Москве ли, в Минске ли всегда отличался радушием. В квартире на Университетской на Рождество ставили большие и ярко украшенные ёлки, принимали гостей. По вечерам Арцимовичи пели. Запевал Андрей Михайлович, умевший и любивший петь и имевший, по воспоминаниям, «неплохой баритон».

По приезде в Минск Андрей Михайлович, помимо решения учебных и бытовых вопросов, стремится установить с коллегами и хорошие человеческие отношения. Так, однажды в гости к профессору БГУ Владимиру Николаевичу Ивановскому пришёл «профессор статистики А. М. Арцимович, худощавый подвижный мужчина со слегка выюющимися волосами и мелкими чертами лица». Арцимовичи и Ивановские подружились по-настоящему семьями – и взрослые, и дети часто бывали в гостях друг у друга. Е. В. Ивановская, дочь профессора БГУ, так вспоминала знакомство с детьми Арцимовичей: «Лева – курчавый светловолосый юноша с ломающимся петушиным голосом, с живыми карими глазами. Он был задиристый и остроумный, насмешливый и доброжелательный, с серьёзными интересами в математике и физике».

Пребывание в профессорской среде служило для детей Арцимовичей своеобразным университетом. Так, беседы для молодёжи устраивал В. Н. Ивановский: молодые люди приглашались за стол, а профессор, заняв председательское место, рассказывал о самых различных исторических событиях, людях, эпохах – от войны Алой и Белой роз до Варфоломеевской ночи, жизни и учении Лютера, вводил детей в мир логики, психологии, философии. С сыном В. Н. Ивановского Лёшем старший на несколько лет Лев играл в шахматы и беседовал о новейших достижениях в физике. Мимо внимания юных умов не проходило ни одно доступное в Минске научное издание по физике (например, брошюра «Строение атома и теория Бора»). Молодые люди могли днями читать, «забыв обо всем на свете». Редкие издания по логике, философии, истории, сохранившиеся в библиотеке Ивановских, находили в лице студента БГУ

Льва Арцимовича благодарного читателя. С сестрой Алексея Еленой Ивановской, своей ровесницей, молодой Л. Арцимович, как она сама вспоминала «читали популярного тогда Пантелеимона Романова, Фрейда и много спорили о платонической и эпикурейской любви».

Летом семья Арцимовичей жила на даче под Ратомкой. Густые нетронутые леса, полные грибов, неподалёку – старинный Заславль (ранее – Изяславль), места полные тайн и загадок. Однажды Лев, Миша и Катя Арцимовичи отыскали курган. Любивший историю Лев решил организовать раскопки, составил чертёж, план раскопок и под его началом подростки энергично приступили к работе. Археологические изыскания молодых Арцимовичей длились с утра до вечера много дней, однако пришло время отъезда с дачи и раскопки так и не удалось завершить. Если бы не вынужденный отъезд, как знать, может быть сегодня мы говорили бы о выдающемся учёном Л. А. Арцимовиче не как о физике, но как историку и археологе?

Сын Андрея Михайловича Лев по приезде в Минск поступает в восьмой класс школы имени Червякова, где сразу сдал экстерном экзамены за девятилетку. В 1924 г. младшие Арцимовичи поступают на педагогический факультет БГУ: сын Лев (ему тогда было 15 лет!) – на физико-математическое отделение, а племянник Михаил, находившийся на иждивении дяди, – на естественное отделение. Став студентом БГУ, Лев не оставлял самообразования – почти всегда его можно было застать в комнате за столом, заваленным книгами, с любимыми им трудами лауреатов Нобелевской премии Х. Лоренца и А. Эйнштейна. Способность и стремление к самообразованию, глубина уже имевшихся знаний позволили Льву даже при весьма редком посещении занятий в университете экстерном сдать экзамены сразу за два курса и окончить БГУ в возрасте 19 лет. Е. А. Арцимович вспоминала, что в последний год учёбы Лев помогал отцу, доценту БГУ А. М. Арцимовичу, готовиться к занятиям по вариационной математической статистике. «Девочки, не шумите, Лева занимается с папой в кабинете», – слышала от мамы прибежавшая из школы вместе с подружками домой Катя. Молодой Лев увлекался боксом, для которого имел перчатки, грушу. Боксировал и дома, с двоюродным братом Мишой, и в университетском спортивном кружке. С сестрой они ходили на трек, брали там велосипеды напрокат. Зимой все вместе катались на коньках. Студент БГУ Л. Арцимович катался, правда, значительно хуже, чем боксировал, потому помогали ему сестра и друзья.

В 1928 г. в возрасте 19 лет свидетельство об окончании БГУ получает Лев Андреевич Арцимович. Он уезжает в Москву, самостоятельно работает там в научных библиотеках, готовит дипломную работу на тему «Теория характеристических рентгеновских спектров». В 1929 г. он её успешно защищает в БГУ, получает вместо свидетельства диплом, после чего уезжает в Ленинград, где поступает на работу сверхштатным препаратором в руководимый П. И. Лукирским отдел Ленинградского физико-технического института.

Андрей Михайлович бережно, с гордостью и уважением сохранял память о своих предках и стремился передать это отношение собственным детям, которым с увлечением рассказывал о своём деде, показывал родословное дерево, объяснял значение фамильного герба, показывая фамильный кубок красного хрустала. Пройдут годы, Арцимовичи, пройдя через разные испытания, окажутся в Минске, не будет ни дома в центре Москвы, ни былого достатка, а Андрей Михайлович с удовольствием будет возвращаться к истории собственного дворянского рода. Заботливый отец, Андрей Михайлович был интересным рассказчиком сказок. Любимой у детей была семейная сказка собственного сочинения о «хабиасах» – выдуманных существах.

Дочь Екатерина вспоминала Андрея Михайловича как абсолютного педанта, со свойственной статистикой скрупулёзностью он вёл тщательный учёт и анализировал полученные данные не только на работе, но и в частной жизни. На столе у него всегда были специальные ежедневные бюллетени, на основе которых в конце года составлялись графики расходов времени. Из них можно было узнать сколько часов потрачено на подготовку к занятиям в университете, на чтение газет, кино, прогулки с псом Билькой, на одевание и умывание. Подведя итоги, Андрей Михайлович мог радостно сообщить жене, что прогулок было больше, хотя на одевание и чистку зубов ушло на пять часов больше, чем в предыдущем году.

Сила семейных традиций, воспитания, культуры отношения друг к другу и к окружающим была очень высока. Нежность, внимательность, ласковость сочетались с требовательностью. Пример тому – очень нежное отношение сына к матери, стремление во всём ей помочь, часы обсуждений интересных событий, прочитанных книг. В доме Арцимовичей действовали простые, но неизменные правила. К примеру, воспрещалось разговаривать за столом, нельзя было обсуждать других людей, не сравнив их сперва с собой. Не это ли воспитание заставило в конце 1950-х гг. тогда уже академика АН СССР Льва Андреевича Арцимовича открыто выступить в защиту подвергшегося откровенному шельмованию Б. Пастернака? Или позже предпринимать невероятные усилия для сохранения исторического облика Москвы?

Внимательность друг к другу, солидарность, так явно присущие Андрею Михайловичу, его братьям и сёстрам, они стремились передать и своим детям. Когда после Великой Отечественной войны никого из старших Арцимовичей уже не останется в живых, «объединителем» станет Лев Андреевич Арцимович – достойный продолжатель древнего благородного рода Арцимовичей, всемирно известный учёный-физик, академик, создатель вынесенного в заглавие сообщения токамака, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий, составляющий гордость и славу своей *alma-mater* – Белорусского государственного университета, и Беларуси, и России.

Биографический список

1. Взоров, Н. Н. Род Арцимовичей // Природа. 2009. №2. С. 25–31.

2. Академик Лев Андреевич Арцимович. Воспоминания, статьи, документы / [редкол.: В. С. Стрелков (гл. ред.) и др.]. М. : Физматлит, 2009. 414 с.

3. Лев Андреевич Арцимович (К шестидесятилетию со дня рождения) / А. П. Александров [и др.] // Успехи физических наук. 1969. Т. 97. Вып. 2. С. 365–366.

4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1193 и др.; Оп. 3. Д. 279, 280.

5. Государственный архив Гомельской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2, 16 и др.

6. *Назаренко, А. М. Основоположник белорусской статистики Арцимович Андрей Михайлович // Интеллектуалы Белорусского государственного университета – гордость Беларуси (1921–1941 гг.)* / под ред. С. В. Абламейко и др. Минск, БГУ, 2016. С. 227–241.

Орловская Елена Ивановна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ГУМАНИЗМА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Огромное влияние на развитие государственности на белорусских землях оказали идеи гуманизма. Среди наиболее ярких и значительных представителей белорусской науки и культуры начала эпохи Возрождения выделяется личность Франциска Скорины. Гуманизм Ф. Скорины представлял собой систему взглядов, которые наивысшей ценностью провозглашали самого человека и его право на свободное развитие. Все труды Ф. Скорины и, в частности, предисловия и послесловия к Библии проникнуты заботой о разумном упорядочении общества, воспитании человека, установлении достойной жизни на Земле. С этими идеями тесно связаны идеи белорусского парламентаризма, который имеет долгую и богатую историю. Истоки его следует искать в первых государственных образованиях, созданных на белорусских землях, которые эволюционировали в сторону создания стройной представительной системы ВКЛ.

Неотъемлемым элементом системы организации власти в ВКЛ были съезды шляхты – сеймики. Особую роль среди них играли генеральные сеймики, которые часто назывались провинциальными либо главными сеймиками и были известны уже с XV в. В них часто принимал участие сам король, и кроме законодательных функций, они выполняли еще и судебные. Назначением данных сеймиков было упорядочить работу сейма через выработку четких позиций поветов. Следует отметить, что первоначально сеймики возникли как органы местного самоуправления, чьи постановления действовали в границах отдельных земель либо провинций. После принятия в 1454 г. Нешавских привилеев

сеймики начали выполнять и законодательные функции: без их согласия король не мог издавать новых законов, объявлять войну, созывать ополчение, заключать союзы, вводить новые налоги. Однако уже в 1493 г. по постановлению Вального сейма их функции изменились и дифференцировались.

Правовой статус генерального сеймика Великого княжества Литовского был утвержден королевским сеймом в 1576 г., однако вопросы его функционирования – продолжительность, процедура, порядок заседания и т.д., подробно урегулированы не были. Генеральные сеймики быстро вошли в практику парламентаризма, и следствием этого явилось закрепление их правового статуса в Статуте 1588 г. Изменилось место их заседания. Стараниями подканцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги сеймик был перенесен с Волковыска в Слоним, который был центром поветового старостата.

Сеймик или главный съезд должен был проходить за две недели до каждого вального сейма для согласования дел, которые касались земских вопросов, также учета посольских инструкций и формулирования общей программы. Согласно идее генерального сеймика, он должен был улучшить и ускорить работу вального сейма. В нем имели право принимать участие паны радные и послы от поветов, а время его проведения согласовывалось с возможностью их участия на открытии вального сейма. По существу, на этом и заканчивается законодательное регулирование генерального сеймика. Таким образом, мы можем сделать вывод, что принципиальными вопросами, связанными с его функционированием, так никто и не занялся.

Несмотря на отсутствие четких юридических требований относительно проведения генерального сеймика, во времена правления Стефана Батория и Сигизмунда III он проводился, пожалуй, перед каждым сеймом. Об этом свидетельствуют предписания для участников не уклоняться от присутствия на генеральном сеймике, которые повторялись в постановлениях различных сеймиков. Созывая генеральный сеймик, король в своих посланиях к сенаторам обращал их внимание на то, чтобы они, учитывая свое положение, присутствовали на них. Однако, на практике ни одно распоряжение об участии в них не имело обязательной силы, по крайней мере, ничего не известно о санкциях за неучастие. Время работы сеймиков не было точно определено и зависело от различных факторов: объема вопросов, количества участников и атмосферы работы. Таким образом, были однодневные съезды, двухдневные, пятидневные, а некоторые длились больше недели.

Хотя сеймики быстро вошли в парламентскую практику, но собирались они не долго и постепенно прекратили свою деятельность. Из различных источников мы видим уменьшение количества участников генеральных сеймиков. Это, скорее всего, связано с ослаблением роли вального сейма, ростом значимости магнатов и потерей интереса к ним со стороны сенаторов. Рыцарские сословия также не очень серьезно относились к съездам в Слониме, хоть и выступали за их сохранение. Учитывая тогдашние сеймиковые инструкции, можно заметить, что не все поветы достаточно серьезно относились к этим сеймикам и не отправляли своих послов.

Генеральные сеймики все больше утрачивали влияние, что вызывало недовольство шляхты. В 1614 и 1624 г. в постановлениях Виленских конвокаций шляхта пыталась добиться обязательного созыва Слонимского сеймика. Требования были подтверждены на вальном сейме в 1631 г. В 1632 г. генеральный сеймик все-таки собрался. Он должен был определить позицию Великого княжества Литовского на Варшавские конвокации, особенно по поводу нарушения шляхетских прав и необходимости их восстановления, что было особенно острой проблемой. Однако этот сеймик не смог собрать достаточного количества участников и не смог принять никаких решений. Следующий генеральный сеймик собрался только в 1685 г., однако и эту попытку нельзя назвать удачной.

Вместе с тем в этот период зарождается новая консультационная форма – провинциальные сессии, которые проходили во время работы вального сейма. Именно они приняли на себя большую часть функций генерального сеймика. Важно заметить, что прекращение деятельности генеральных сеймиков было прямым нарушением норм Статута, которые должны были неукоснительно соблюдаться в политической жизни Великого княжества Литовского. Решения, которые окончательно принимались генеральными сеймиками, теперь стали приниматься провинциальными сессиями. Первое время они существовали параллельно, но затем вытеснили первых. Институт провинциальных сессий служил для принятия компромиссных решений на сеймах пограничных провинций в вопросах, которые вызывали сомнения, неясности или настолько важных, что обойти их не представлялось возможным. Особенно это касалось финансовых и военных вопросов, вопросов внешней политики и т.д. Согласие на проведение таких сессий должен был давать король, однако сам он в них не участвовал. Следует отметить, что чаще всего инициатива проведения провинциальных сессий исходила со стороны Великого княжества Литовского.

Следует отметить, что про генеральные сеймики вспоминали еще много лет, вплоть до конца существования Речи Посполитой. Время от времени их возобновления требовали различные сеймики и шляхетские съезды. Считается, что шляхта в них видела защиту своих интересов от различного магнатского доминирования. Таким образом, генеральные сеймики, на наш взгляд, имели своей целью объединить Великое княжество Литовское в защите закона и ограничить власть монарха.

Пархоц Денис Геннадьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПРЕДИСЛОВИЯ К ПОСЛАНИЮ АПОСТОЛА ПАВЛА К РИМЛЯНАМ В «АПОСТОЛЕ» Ф. СКОРИНЫ И ЧЕШСКОЙ БИБЛИИ 1506 ГОДА

Деятельность белорусского первопечатника одна из тем, к которой было приковано внимание отечественной науки и написаны сотни статей. К ней обращались ведущие белорусские ученые, такие как В. И. Пичета, Е. Л. Немировский, Г. Я. Голенченко и другие.

Несмотря на повышенное внимание к теме, особенно в предверии знаменательных дат, таких как 400-летие и 500-летие белорусского книгопечатания. В Скориниане остаются «белые пятна», нуждающиеся во внимании исследователей. Одно из них вопрос о переводческой традиции и текстах, оказавших влияние на «Апостол» Ф. Скорины.

Исследователи расходятся во мнениях по этому вопросу. Один из первоходцев и автор первого фундаментального обобщающего труда о деятельности Скорины видел в тексте Скорины влияние Чешской Библии 1506 г. Белорусский ученый Г. Я. Голенчеко указывает на влияние кирилло-мефодиевских переводов в восточнославянской редакции [5, с. 143]. Е. Л. Немировский обращал внимание, что в отличие от «Малой подорожной книжки» первопечатник не указывает, что переводил с греческого, что свидетельствует, по его мнению, об использовании Апостола-тетра, широко распространенного в ВКЛ.

В данной работе мы обратимся к предисловиям Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 г. Учитывая предположения Флоровского и Владимирова о влиянии Чешской Библии на «Апостол», а также стилистической и структурной близости текстов данная проблема заслуживает дальнейшего исследования [4; 9].

Возможность такого сравнения может обоснована структурной близость текстов. В обоих книгах предисловия – это небольшие аннотации, занимающие 1–3 строки. В них авторы выделяют несколько доминантных идей для каждой главы. Именно на сравнение доминантных идей построено наше исследования. В данном докладе мы коснемся только послания апостола Павла к Римлянам.

Таблица 1. Сравнение доминантных идей в послании к Римлянам «Апостола» Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 г.

Глава №	Степень совпадения
Глава 1	+
Глава 2	+
Глава 3	+
Глава 4	+
Глава 5	+
Глава 6	+/-
Глава 7	+
Глава 8	+/-
Глава 9	+
Глава 10	+
Глава 11	+
Глава 12	+
Глава 13	+
Глава 14	+/-
Глава 15	+
Глава 16	+/-

Приведенная выше таблица демонстрирует совпадение доминантных идей между текстами. Конечно, частично общность доминантных тем может быть объяснена общим библейским текстом. Это выражение можно было бы принять, если совпадение являлось единичным случаем. Однако в мы имеем дело совпадением большинства глав.

Также необходимо отметить, что предисловия близки не только семантически, но и лексически. Некоторые предисловия «Апостола» совпадают практически дословно с Чешской Библией. Ниже мы приведем несколько примеров, которые проиллюстрируют нашу точку зрения.

В предисловии к 4-ой главе белорусский первопечатник сообщает: «*Являеть апостоль припомнаниемъ авраама иже ко спасению потреба есть веры христовы ветхии ибо законъ несть достаточенъ*»[3]. Предисловие Чешской Библии сообщает: *Oznatige przijkladam Abrama ze k spasenij potrzebise gest wijery. A ze stary zakon nestaczij spasenij* [1].

Предисловия выделяют идентичные доминантные идеи: апостол на примере Авраама показывает, что для спасения необходима вера, ветхий закон не достаточно для спасения. Также необходимо обратить внимание на упоминание имени Авраама в обоих предисловиях, а также лексическую близость. Примером, полного совпадения текстов может служить предисловие к 3-ей главе. Начала предисловий совпадают полностью. «Апостол»: *Кажеть апостоль вчемъ иоудеи были лепвше надъ поганы;* Чешская Библия 1506 г.: *Aposstat ukazuge w czem zydee nad rohany byli gsu lepssij.* Тексты совпадают, как лексически, так и стилистически. [1, 3]. Также практически полностью совпадают предисловия 5-ой главы. Белорусский первопечатник пишет: *Являеть апостол силу веры христовы во оправдание верующих, и яко смерть греховная царствова от адама, даже до христа.* Эти же идеи повторяются в Чешской Библии: *ukazuge tocz wijery w osprawedlenij wierzijzyeh. Poniewadz smrt panowala od adama az do Krysta* [1, 3]. Оба текста выделяют одинаковые доминантные темы: сила веры Христовы в оправдание верующих, смерть царствовала от Адама до Христа. Переданы эти доминантные идеи практически идентично. Также обращает на себя внимание лексическое сходство: *силу – tocz, верующих – wierzijzyeh* и др.

Стоит сказать, что даже те предисловия, которые имеют отличия от Чешской Библии, демонстрируют лексическую общность. Например, рассмотрим предисловия к 8-ой главе. Автор Чешской Библии указывает: *Vczij. Abyhom se pewnie zakona Krystowa przijdrzeli, zywota zakona, zakona duchownejego.* Белорусский первопечатник сообщает: *Навчает апостолъ дабыхом держали закон христовъ, яко тои есть законъ вечного живота. законъ духа светого, и въновения божия, от его же любве неимамы отлучастя* [1, 3].

Первая часть предисловия практически полностью повторяет старочешский текст, однако далее идет фрагмент, отсутствующий в Чешской Библии. При этом первая часть демонстрирует лексическую близость: *vczij – навчаеть, abyhom – дабыхом, przijdrzeli – держали, zakon Krystow – закон христовъ.*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при написании предисловий к главам Ф. Скорина был знаком с традицией, использованной в Чешской

Библией и пользовался ей при составлении собственных предисловий. Мы смогли проследить совпадение доминантных идей и лексическую близость между текстами. В некоторых случаях предисловия белорусского первопечатника практически дословно повторяют текст Чешской Библии, что служит убедительным аргументом в пользу влияния старочешского текста.

Библиографический список

1. Апостол / Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004090448>. Дата доступа: 02.02.2017.
2. *Владимиров, П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. 414 с.
3. *Галенчанка, Г. Я.* Франциск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 137 с.
4. *Немировский, Е. Л.* Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск: Мастацкая литература, 1990. 597 с.
5. *Перзацкевич, О. В.* Франциск Скорина и критерии этноидентификации: на основе библейской и ригведийской моделей (постановка проблемы) // Российские и славянские исследования: науч. сб. 2011. Вып. 6. С. 345–354.
6. Русский Синодальный перевод Библии / Библия Онлайн [Электронный ресурс]. <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/44/01>. Дата доступа: 26.10.2016.
7. *Флоровский, Г. В.* Пути русского богословия / Отв. ред О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации. 848 с.
8. Biblij Czeská W Benátkách tisstěná. M.D.VI. 1128 S.
9. Staročeský slovník. The Institute of the Czech Language of the Academy of Sciences of the Czech Republic [Electronic resource]. 2017. Режим доступа: <http://vokabular.ujc.cas.cz>. Дата доступа: 02.02.2017.

Поляков Николай Викторович, Савчук Варфоломей Степанович
Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара (Днепр, Украина)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В УКРАИНЕ

Интеллект нации – главный ресурс любой страны в построении общества знаний. Непреходящее значение в этом процессе имеют классические университеты, европейская история которых ведет свой отсчет от одиннадцатого столетия. На границе II и III тысячелетий экономические, политические, культурные и технологические факторы определили переход общества на новому этапу развития, на котором оно стало информационным и глобализированным.

Перед классическим университетом возникли проблемные вопросы определения своего места в контексте нового образовательного процесса, который охватывает весь мир, в частности и Европу.

Три ключевые функции университета определяют направления реализации их ведущей роли: а) культурологическая – как наиболее авторитетного и наиболее последовательного носителя «духа нации», нетленных традиций культуры и духовности своего народа; б) инновационно-научная – как основа развития исследовательских традиций, выводящих университеты на высший уровень продуцирования научного знания, обеспечения его междисциплинарной и научной направленности, способности к превращению университетов в исследовательские университеты современного международного уровня; в) образовательно-интеллектуальная – наиважнейшая и наиложнейшая функция, связанная с формированием национальной элиты путем всестороннего современного образования.

Комплексность объединения в университете специальностей и специализаций гуманитарного, естественнонаучного, экономического, инженерного и других направлений является важным фактором широких возможностей получения качественного высшего образования. Стратегическими целями для Днепропетровского университета являются:

- достижение уровня требований, предъявляемых в государстве и в мире к университетам исследовательского типа, и получение соответствующего статуса;
- сохранение и усиление позиции университета как ведущего высшего учебного заведения в системе классического университетского образования;
- удержание и усиление имиджа университета как регионального лидера в подготовке специалистов с высшим образованием;
- повышение международного имиджа университета путем обеспечения международных стандартов качества образовательных услуг и научных исследований.

ДНУ имени Олеся Гончара имеет достаточно весомые достижения и занимает высокие места в рейтинге высших учебных заведений Украины, находясь стабильно в десятке ее лучших вузов. То же самое можно сказать и о научной продукции университета. По результатам отечественного рейтинга SCOPUS 2016 ДНУ занимает восьмое место среди более 300 вузов Украины. Но это не значит, что университет реализовал все свои возможности.

В процессе реализации стратегии развития нашего университета, во многом совпадающей и со стратегическими планами других университетов Украины, есть ряд проблемных вопросов, требующих их осмыслиения и решения. Из них необходимо выделить наиболее важные на современном этапе развития высшего образования, имеющие определяющее значение для того, чтобы университеты могли сделать весомый вклад в построение современного демократического общества, в создание социального, культурного и экономического благосостояния на разных уровнях – от регионального до глобального.

Понятно, что в пределах тезисов трудно рассмотреть все проблемы современного университета в Украине. Поэтому остановимся на некоторых из них и отразим мысли, которые могут восприниматься и как дискуссионные.

Среди таких проблем одной из важнейших выступает проблема определения места классического университета в процессах глобализации, интернационализации, европеизации высшего образования, процессах содействия и оценки его деятельности. Университеты, выступающие представителями образования и науки Украины в европейском образовательно-научном пространстве, должны стать составляющими его элементами как по формальным признакам, так и по конкретной деятельности. Отражением эффективности реализации данного контекста выступают сегодня рейтинги, поскольку они освещают международный имидж университета. И здесь, на наш взгляд, существуют проблемы общего характера как для Украины, так и для Беларуси.

Возникает вопрос, что мешает Украине, нашим лучшим университетам подняться в международных рейтингах и занять более высокие места? Обратимся к общим проблемам деятельности университетов. Учитывая социально-экономическое положение наших стран, политическую и geopolитическую ситуацию есть определенный ряд вопросов дальнейшего развития вуза, которые актуальны и для Украины, и для Беларуси.

Общими проблемами развития университетского образования как составляющей системы высшего образования в XXI в. выступают: масовизация высшего образования; интернационализация; финансовый кризис университета и пути выхода из него; проблемы качества высшего образования; новейшие технологии обучения и проблема открытости и конкурентоспособности университетов выравнивание национальных образовательных систем и роль университета в этом процессе; совершенствование управления; социальная ответственность университетов. Это общие проблемы, но решаются они через реализацию конкретных вопросов функционирования университетов, которые являются основой их учебной и научной деятельности и без решения которых не стоит рассчитывать на достижение стратегических целей университета.

Мы учим студентов. Университет без студентов существовать не может. Поэтому первый важный вопрос – это формирование контингента студентов, и в настоящем – на естественные и инженерные направления подготовки. Наложение двух тенденций – явная асимметрия в предпочтениях выпускников школ, в частности уменьшение стремления абитуриентов к получению естественного и технического образования и значительное ухудшение демографической ситуации в обеих странах ставит на повестку дня выработку новых подходов к привлечению выпускников школ на эти специальности.

Какие здесь могут быть подходы? Например, борьба за иностранных студентов. Для Украины есть два важных, на наш взгляд, фактора (или приоритета), учет которых позволит положительно повлиять на привлечение иностранных студентов. Это переход на преподавание на английском языке и улучшение инфраструктуры повседневной жизни иностранных студентов.

Никакая система академических обменов и привлечения иностранных студентов не будет эффективной, если она не будет опираться на соответствующую инфраструктуру, обеспечивать привлекательность обучения в университетах Украины. Такая инфраструктура должна обеспечивать качественные условия проживания иностранных студентов, обучение на современной лабораторной базе и оборудовании, не уступающие таковым у ведущих университетах Европы, свободный доступ к качественной научной и учебной литературе как через библиотечную сеть, так и через Интернет, условия отдыха и правовой защиты в обществе и тому подобное. Полагаем, что здесь есть над чем работать не только в Украине.

По привлечению иностранных студентов. Между прочим в польской прессе, в частности в газете *Rzecz Pospolita* 2016 отмечалось, что студенты из Украины могут стать «спасательным кругом» для части польских частных учебных заведений, которым в ближайшие годы в связи с демографическим кризисом, может грозить банкротство. Но если студентов из Украины в Польше довольно много (оценочное – более 10 тысяч, то поляков в украинских университетах на порядок меньше (около тысячи). Но в общем контингенте студентов в любом случае иностранные студенты все равно составляют значительно меньший процент, чем национальные кадры.

Рассмотрим национальный контингент студентов. В Украине увеличивается составляющая контрактной (платной) формы обучения. Но не решаются вопросы, без ответа на которые нельзя ни привлечь выпускников школ к обучению, особенно на инженерных специальностях, ни создать для них полноценный учебный процесс, результатом которого должно стать качество полученного образования.

Во-первых, проблема устаревшей материальной базы, в частности оборудования. Понятно, что в каждом университете, в каждом вузе есть и новое оборудование, на котором учатся студенты и каждый вуз имеет что показать любой комиссии. Но какой процент студентов обеспечивает это новейшее оборудование – пусть каждый ректор ответит честно сам себе. В целом вузы нуждаются в капитальном переоснащении. И здесь речь идет не только (и не столько) о компьютерах, сколько о насыщенности современной лабораторной техникой на всех уровнях (как бакалаврском, так и магистерском). В этом контексте хотелось бы обратить внимание на Обращение в свое время (несколько лет назад) Ассоциации ректоров высших учебных технических заведений и руководителей ведущих промышленных предприятий Украины, одним из пунктов которого была попытка приковать внимание властей на то, что в «неудовлетворительном состоянии находится учебно-научная лабораторная база высших учебных заведений. Большинство оборудования не соответствует сегодняшнему уровню науки и техники, стареет фонд научно-технических библиотек. Необходимо предусматривать в Государственном бюджете средства на решение этих проблем». Этот призыв до сих пор остается актуальным, но он, как тот компьютер, «завис».

Вуз должен сам зарабатывать деньги. Это несомненно, но можно и вспомнить, что на реализацию научно-исследовательских программ элитных университетов в Германии государством выделяются значительные средства дополнительно, в частности на развитие 9 исследовательских университетов выделяется около 21 млн евро.

Во-вторых, есть еще один важный вопрос, который можно было бы рассмотреть в дискуссии. Сейчас в Украине отсутствует четкая система организации практик студентов – производственной, преддипломной и тому подобное. Нет, сами практики есть, но их организация не имеет соответствующего четко поставленного организационно-юридического обеспечения на государственном уровне. Как было раньше. Существовала система государственных предприятий, на которых студенты проходили соответствующую практику. На сегодняшний день сложилась ситуация, когда количество государственных предприятий резко сократилось. А те, что остались, достаточно часто влекут жалкое существование. Генеральный курс правительства направлен на приватизацию предприятий. Итак база соответствующих учебных практик продолжает сокращаться и не имеет на сегодня юридического оформления. Частные предприятия охотно берут лучших выпускников вузов на работу, но практически ничего не вкладывают в их подготовку. Примечательно, что работодатели подписались под обращением о неудовлетворительной материальной базы вузов и необходимости ее обновления, но помочь создавать ее не спешат.

Поэтому есть необходимость выработки основ и формата участия работодателей (в том числе и частного сектора) в подготовке специалистов для рынка труда, участия в ресурсном обеспечении университетской подготовки в свете новых задач университетов, в частности таких его составляющих как материально-техническая база обучения, учебная практика и тому подобное. Интересно было бы услышать, как решаются эти вопросы у наших соседей.

Есть и другие вопросы деятельности университетов, которые требуют обсуждения, в частности проблема взаимоотношений и сотрудничества государственных и частных вузов, соотношение положительных и отрицательных воздействий Интернета на организацию образовательного процесса, вопросы создания временных научных коллективов по программам взаимодействия между вузами стран-соседей, деятельность классических университетов как центров разработки, реализации и распространения инновационных научных и образовательных проектов и другие. Полагаем, что к ним в своих докладах и в обсуждении обращаются и другие докладчики.

Трансформационные процессы в университетской системе Украины, как наиболее мощной составляющей системы высшего образования в целом, определяют общий вектор ее развития. И необходимо направить все усилия для того, чтобы привлечь внимание к вопросам, которые или еще не поставлены на повестку дня, или решаются формально, или опять же решаются по старым подходам, которые приводят к неутешительным результатам. Переход от модели чисто классического университета к модели современного национального ис-

следовательского университета в Украине может произойти и должен произойти, но только при условии напряженной, прозрачной, плодотворной деятельности всех звеньев государства и общества, принимающих участие в этом процессе. В противном случае будем иметь успокоительные на некоторый период отчетные характеристики, которые не решат проблемы, а снова поставят государство перед вопросам, какие трансформационные изменения необходимы в системе высшего образования, чтобы не было, «как всегда».

Рубис Иван Александрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ИДЕИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ Ф. СКОРИНЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Идеи интеграции государств и народов через их культурную составляющую в белорусской политико-правовой мысли получили свое развитие в трудах и мыслях Ф. Скорины. Разделение культуры по территориально-географическим и этнографическим признакам в Великом княжестве Литовском имели в какой-то части формальный характер, ввиду взаимодействия различных религий, народов, этносов в рамках одного государства. Процессы такого культурного взаимодействия, а также экономического, политического и социального, имеют формально-материальную среду, в которой они протекают – социальные, экономические и культурные системы. Такое взаимодействие происходит с момента возникновения таких систем, т.е. с момента возникновения общества и государства, и исторически носило различный характер. Так, модельно мы можем определить формы такого взаимодействия как «торговые», которые выражались в локальном характере протекания, с участием определенных элементов и компонентов, институализировались в виде торговых договоров и соглашений, и имели добровольный характер; «торгово-колонизаторская» форма, в которую был вовлечен более широкий объем элементов и компонентов взаимодействующих систем, количество участующих в таком взаимодействии систем расширялось до нескольких взаимосвязанных социальных и экономических систем, что было обусловлено самим характером этой модельной формы взаимодействия, носящий уже не столько добровольный характер, и стремящейся влиять на комплексное взаимодействие процессов в социальных и экономических системах; «насильственная» (военная) форма в отличие от предыдущих форм нацелена не на взаимодействие систем, а на поглощение одной системой другой, и происходит, в отличие, от торгово-колонизаторской, в более короткий промежуток времени; «союз» – наиболее совершенная форма взаимодействия, которая охватывает (или должна) все социальные и экономические системы, носит условно-добровольный характер, и свойственна более высокому уровню (по сравнению с предыдущими) развития общества и государства. Хоть ни одна из указанных выше форм взаимодействия и не носила

полный и всеобъемлющий характер, но по своей природе обобщенно такие формы взаимодействия мы можем назвать интеграционными процессами, в современном понимании которые начали формироваться в новое время в связи с развитием науки и техники.

В научной литературе не выработано единой точки зрения на то, каким термином следует описывать процессы такого взаимодействия. Это связано как с отсутствием единой методологии изучения данных процессов, так и хоть и схожим предметом исследования, но разным объектом даже в рамках одной науки, так и изучением данных процессов взаимодействия в рамках различных смежных и междисциплинарных наук. Зачастую одни и те же процессы описываются понятием «правовая интеграция», «глобализация», «унификация», «гармонизация», «имплементация», «систематизация», «рецепция» и т.д. «Гармонизация» и «унификация» выступают не как категории описывающие идентичные с интеграционным процессы в праве, а скорее выступают как методы последних. «Рецепция», «имплементация» и «систематизация» выступают как способы и методы интеграции в праве. Что же касается (правовой) интеграции и глобализации, то они отличаются по уровню протекания процессов, по объективно-субъективному началу (причине) этих процессов, а также по субъектной среде.

Интеграционные процессы должны происходить в определенной среде. В рамках юридической науки – это правовая система. Правовая система, как система, не может находиться сама по себе и как любая социальная система не может быть закрытой. Следовательно, она взаимодействует с другими системами, которые как являются внешней средой в таком взаимодействии, так и системой сами по себе одновременно, в зависимости от акцента и первичности системы, которую мы изучаем к другой системе. Взаимодействие в формате система-система происходит на различных уровнях, уровне их подсистем, элементах и компонентах системы, начиная от микроуровня и до взаимодействия на уровне суперсистем. Наличие в системе подсистем, то есть системы более низкого уровня, позволяет нам предположить о существовании точки абсолютного минимума и максимума в системе. Ввиду того, что описываемые нами системы мы определили как открытые, то мы хоть и можем говорить о существовании суперсистемы, но о достижении ей абсолютного максимума говорить будет неверно в связи с постоянным взаимодействием открытой системы с внешней средой, и постоянно появляющимися новыми процессами взаимодействия. И ввиду того, что мы не можем определить предел такого взаимодействия, предлагаем определять описываемые системы как условно открытые, признавая наличие суперсистемы, однако ввиду бесконечности процессов взаимодействия и сложности определения такого предела, определить его как достижимый в рамках конечной бесконечности.

Сас Наталия Николаевна

*Полтавский национальный педагогический университет им. В. Г. Короленко
(Полтава, Украина)*

ОБОСНОВАНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Управленческие инновации обусловлены особенностями внешней и внутренней среды. Среди внешних условий наиболее существенными считаются: изменения экономической обстановки, в которой функционирует учебное заведение; изменения в области науки и техники, в которых ведут научные разработки и исследования. Из внутренних условий деятельности учебного заведения можно выделить наиболее важные: финансовые возможности; кадровые возможности; организационную культуру, включая определенные традиции; систему ценностей; индивидуальные и групповые нормы поведения.

Применение инновационного управления вызвано наличием, а, следовательно, и необходимостью преодоления внешних и внутренних противоречий в деятельности руководителя учебного заведения. Внешними противоречиями, стимулирующими применение инновационного управления в учебных заведениях, является несоответствие системы управленческой деятельности в образовании сложным трансформационным процессам, связанным с реформированием всех звеньев педагогической деятельности; противоречие, которое показывает, что общественные потребности в образовании, определенные Национальной доктриной развития образования, законами Украины «Об образовании», «Об общем среднем образовании», «Об инновационной деятельности», Положением Министерства образования и науки Украины «Об осуществлении инновационной образовательной деятельности», не обеспечиваются полностью из-за отсутствия разработанных содержания и технологий инновационной управленческой деятельности руководителя.

Внешние факторы применения инновационного управления усматриваются в глобализации международной среды; во вхождении национальной системы образования в европейское образовательное пространство; в радикальных социально-политических и экономических реформах в Украине, требующих внедрения новых механизмов в управление учебными заведениями и систему образования в целом; в необходимости управленческих воздействий, действий, решений опережающего характера; в рассмотрении образования как услуги, ориентированной на бизнес; в необходимости работать на принципах устойчивого развития и подчиняться принципам и стандартам (международным и национальным) системы менеджмента; в рыночных условиях, конкуренции; в формировании образовательной системы, находящейся в состоянии высоких темпов непрерывных улучшений.

В области внутриорганизационного управления учебными заведениями выделяются следующие противоречия: плановость деятельности и неполнная

определенность внешних и внутренних условий; стабильность системы и ее изменчивость; монолитность (цельность) системы и свобода ее подразделений; централизация и децентрализация управления; исполнительская дисциплина и творчество в деятельности сотрудников; научный подход и искусство в подготовке управленческих решений.

Внутренние факторы применения инновационного управления: необходимость повышения эффективности работы образовательной организации; стремление существенно улучшить результаты образовательной деятельности; необходимость оперативного и эффективного принятия руководителем учебного заведения управленческого решения; необходимость быстрой корректировки планов; управления учебным заведением как открытой социально-педагогической системы; необходимость усовершенствования процесса управления качеством образования; привлечение инвестиций; обеспечение не только стабильного функционирования учебного заведения, а и их устойчивого развития; обеспечения постоянного развития учреждения образования и повышения его конкурентоспособности.

На инновационное управление учебным заведением влияют различные факторы внешней и внутренней среды, поэтому его следует рассматривать как совокупное управление такими взаимосвязанными процессами: выполнение предписаний и рекомендаций вышестоящих органов управления образованием; внедрения в педагогическую практику новых достижений педагогической науки и смежных наук; освоение передового педагогического опыта; изучение и обобщение педагогического опыта внутри учебного заведения; изучение образовательных потребностей учащихся, пожеланий родителей и социального окружения; выдвижения инновационных идей, разработка, экспертиза и внедрение инноваций внутри учебного заведения; повышение инновационного потенциала учебного заведения как способности преподавателей, педагогов к инновационной деятельности.

В то же время стали осознаваться противоречия между сложившимися в большинстве руководителей в прошлые времена формами и методами работы и необходимости внедрения нововведений в управление учебным заведением, которое функционирует в режиме развития. К таким противоречиям следует отнести:

- развитие системы научных знаний об инновационных процессах и несоответствие им традиционных форм и методов управления;
- необходимость осуществления инноваций в управлении учебным заведением и традиционным содержанием управленческой информации;
- потребность внедрения инноваций в управление и отсутствие необходимого для этого научно - методического обеспечения.

Признано, что для функционирования учебного заведения в режиме развития необходимо в управление им привносить определенные изменения, новшества. Существуют факторы, препятствующие внедрению управленческих инноваций в учебном заведении.

Среди них: 1) отсутствие финансовых возможностей; 2) невозможность заниматься новациями из-за высокой загруженности; 3) отсутствие информации об эффективных нововведениях в сфере управления; 4) отсутствие возможности получить квалифицированную помощь и консультации; 5) недостаточная квалификация управленческих кадров; 6) отсутствие необходимости в управленческих новациях; 7) незначительное влияние новаций на результаты деятельности учебного заведения; 8) отсутствие идей, которые влияют на внедрение управленческих инноваций.

Преодоление указанных противоречий, преодоление тормозящих факторов создает условия для постоянного обновления системы и управления учебным заведением, способной учитывать сложность внешней среды, предусматривать и реализовывать возможности стимулирования инновационной активности персонала, разработки новых способов управления, обеспечивающих возможность изменений, функционирование учебного заведения, гарантирующих осуществление его непрерывного движения вперед.

На основе обобщения (основных этапов поиска и разработки инновационных изменений; этапов процесса разработки и принятия управленческого решения относительно новаций; институционального цикла управленческой деятельности; проектной технологии) нами предложен следующий алгоритм перманентного введения инновационных изменений в управление учебным заведением:

1. Стандартизация процесса модернизации и введения новых практик в управление учебным заведением;
2. организация мониторинга внешних и внутренних движущих сил управления учебным заведением. Задача – обеспечить руководителям своевременное понимание необходимости проведения изменений;
3. определение наиболее целесообразной для конкретного учебного заведения политики внедрения инновационных изменений;
4. осознание важности, необходимости и неизбежности будущих преобразований одним из членов административной команды образовательного учреждения, то есть наличие своего рода «идейного вдохновителя и генератора будущих идей»;
5. формирование команды (имеется в виду не столько административная, менеджерская команда, что является непременным и необходимым условием преобразований, сколько команда идейных сторонников – из научно-педагогического коллектива, студентов, учащихся, родителей, технического персонала, общественности, методично и технологически подготовленных к осуществлению инноваций);
6. разработка проектной идеи развития учебного заведения. Это выбор объекта нововведений, который (выбор) должен исходить из жизненной необходимости конкретного УЗ и однозначно пониматься большинством участников образовательного процесса;
7. создание команды проекта по внедрению новых управленческих приемов, технологий и т.д., наделенного необходимыми полномочиями;

8. определение конкретных управленческих действий по реализации идеи, то есть составление плана или программы ее реализации. При этом целесообразно определять не только сроки внедрения, но и период усвоения изменений;

9. мотивация членов педагогического коллектива, студентов, учащихся, родителей, технического персонала, аргументированное объяснение коллектиvu причины, сущности ожидаемых последствий изменений, которые вводятся, и формирование готовности соответствующих категорий работников УЗ к инновационной деятельности;

10. выполнение управленческих и организационных изменений в рамках проекта, обсуждение возможных вариантов сценариев и последствий реализации изменений;

11. оценка взаимосвязи определенных инновационных изменений с другими изменениями, задачами учебного заведения на планируемый период;

12. фиксация параметров влияния введенных изменений на эффективность таких процессов, происходящих в учебном заведении: главного (учебно-воспитательного), обеспечивающих (кадровое, финансовое, методическое, материально-техническое обеспечение) и управленческих (анализ, планирование, организация, мотивация, контроль и тому подобное). При негативном влиянии изменений необходимо учиться принимать непопулярные решения, вплоть до отказа от дальнейшей реализации проекта;

13. по завершении проекта необходимо проводить анализ его целевой эффективности, определять основные причины неудач.

Каждое внедряемое управленческо-организационное изменение должно сопровождаться таким пакетом документов: аналитическая записка (описание ситуации, необходимость введения изменения); бизнес-план (описание будущих изменений, обоснование целесообразности их реализации, анализ альтернативных решений); приказ (принятие решения о введении изменения, назначение команды проекта); проект по внедрению изменения (документы планирования, отчеты по реализации мероприятий); экспертиза результатов внедрения изменения. От качества проведения именно этого этапа зависит итоговый результат и успех внедрения новаций в управление учебными заведениями.

Библиографический список

1. Процеси управління проектами: навч.-метод. посіб. / М. В. Гриньова, Н. М. Сас. Київ; Полтава: ПНПУ, 2012. 196 с.

2. Сас, Н. Основи інноваційного управління навчальними закладами: навч.-метод. посіб. – Полтава: СПДФО Гаража М. Ф., 2013. 178 с.

3. Управління інноваційними проектами: навч.-метод. посіб. / П. В. Ворона, М. В. Гриньова, Н. М. Сас; Полтав. нац. пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. Полтава: ПНПУ, 2010. 111 с.

Сафонов Тимофей Владимирович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ДЕРПТСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В 1820–1830-е гг.

В первой трети XIX в. Дерптский университет занимал лидирующие позиции среди университетов Российской империи, как по численности студентов, так и по качеству образования. Именно высокий уровень преподавания в Дерптском университете послужил причиной организации в нем «Профессорского института» для подготовки лучших выпускников российских университетов к обучению за границей. Фактически с 1827 г. по 1839 г. институт выполнял функцию своеобразного «моста», промежуточной ступени между российскими и западноевропейскими университетами, способствовал научному обмену российских ученых с Германией [5, с. 67–70].

Что касается численности студентов, то эти данные хорошо видны на основании исследований Ф. А. Петрова (См. Таблица 1). Из содержания таблицы следует, что по численности студентов в 30-е гг. XIX в. Дерптский университет уступал лишь Московскому, а в 1834–1836 гг. занимал лидирующие позиции. Необходимо отметить, что российский исследователь Ф. А. Петров не занимался подсчетом численности учащихся Виленского университета, который был упразднен Николаем I в 1832 г. из-за участия студентов и преподавателей в восстании 1830–1831 гг. Именно Виленский университет в 1820-х – начале 1830-х гг. являлся безусловным лидером по численности учащихся. К 1830 г. в нем обучалось уже 1300 человек, в том числе на медицинском отделении – около 400 студентов [3, с. 145].

Таблица 1. Численность студентов российских университетов по годам (1831–1839) [5, с. 373].

Университет	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839
Московский	814	719	541	456	419	441	611	673	798
Дерптский	592	585	539	524	567	536	563	530	525
Харьковский	313	369	339	389	348	332	315	383	391
Санкт-Петербургский	236	219	206	230	200	299	385	389	400
Казанский	146	181	209	238	252	191	170	208	225
Св. Владимира	—	—	—	62	120	203	263	267	125

Повседневную жизнь дерптских студентов описал наш земляк, уроженец Минчины, Ф. В. Булгарин. Фаддей Бенедикович Булгарин (1789–1859) – известный писатель, издатель и профессиональный журналист, который основал первую в Российской империи частную газету «Северная пчела». Во второй четверти XIX в. он также стал известен как разноплановый писатель, автор романов и фантастических очерков. Со второй половины 1820-х гг. Булгарин со-

трудничал с III Отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Весной 1827 г. журналист посетил Дерпт и докладывал в ведомство А. Х. Бенкендорфа о полной политической благонадежности профессоров и студентов университета. Булгарин уверял, что студенты «смирны, как овцы», живут скромно и прилежно посещают лекции. Автор подчеркивал, что Дерптовский «буршенафт» (студенческий союз) ранее был замечен «в удальстве и молодечестве, дуэлях, непослушании полицейским и городским властям», однако этот «беспорядок вещей» ликвидирован попечителем учебного округа князем К. А. Ливеном [1, с. 188–189].

Однако очень скоро известный журналист изменил свое мнение о дерптских студентах. В 1828 г. Ф. В. Булгарин купил имение Карлово около Дерпта, владельцем которого был более тридцати лет. Иногда он держал у себя в качестве квартирантов студентов. Эстонская исследовательница М. Салупере нашла правила, которые Булгарин предложил подписать братьям Прокофьевым и А. Самойлову из Петербурга. Содержание документа красноречиво рассказывает об образе жизни квартирных студентов. Хозяин дома запрещал им стрелять в комнатах, во дворе, в сарае и гумне; лазить через окна, ходить с трубками по двору «из опасения пожара» [7]. Студенты обиделись, Прокофьевы ушли на другую квартиру [7].

Булгарин сдавал комнаты детям своих приятелей, его квартирнты были из внутренних губерний Российской империи. Возможно, только русским студентам приходилось запрещать стрелять в комнатах и лазить в окна, а местная молодежь вела себя иначе?

Студенты из России составляли меньшинство среди тех, кто учился в университете. В 1827 г. Булгарин сообщал, что русских студентов в Дерпте 10 человек. По спискам 1835 г. студентов православного вероисповедания в университете было 33 человека или 5,8% от общего количества учащихся [5, с. 375]. Таким образом, русские студенты составляли явное меньшинство и не могли влиять на общую атмосферу, царившую в студенческой среде. Скорее всего, они подстраивались под сложившиеся правила. Об этом свидетельствуют письма братьям русского поэта Н. М. Языкова.

Н. М. Языков приехал в Дерпт в 1822 г. и был одним из первых русских студентов в университете. С одной стороны, он с восторгом отзывался о работе местных профессоров. Особенно его восхищали лекции профессора истории Иоганна Филиппа Густав фон Эверса, который читал «просто, ясно и необыкновенно выразительно» [9, с. 88]. С другой стороны, его быстро утомили пирушки студентов, в которых первоначально он с удовольствием участвовал и даже воспел в стихах. В 1822 г. Языков писал брату Петру, что «имел честь и обязанность» присутствовать на вечернике студентов. Они собирались около 8 часов вечера часов, «пиши и ели до 2 часов утра», а потом толпой «человек более 90 пьяных, шумящих» возвращались ночью в город [9, с. 82]. Возращение в город пьяных молодых людей часто заканчивалось дракой с полицией и битьем стекол в окнах [9, с. 134–135]. Уже в 1823 г. Языков сообщал своим

братьям, как о деле очень важном, что он сумел «поставить» себя в почтительном отдалении от местных студентов. «Они меня любят, но узнали, что мне не так-то нравятся их пьяные забавы», – сообщал он [9, с. 122]. Помогла в этом русскому студенту «молва о его поэтических талантах». Ему прощали то, за что с любым другим была бы назначена дуэль, как поэту, у которого могут быть странности [9, с. 122].

В 1830-е гг. Ф. В. Булгарин не раз столкнулся со сплоченным и вызывающим поведением дерптских студентов. Например, когда дочь писателя отказалась танцевать на балу с пьяным молодым человеком, то его товарищи приняли этот отказ как оскорбление, нанесенное всей корпорации. В ответ они подстегнули экипаж Булгарина, заставили его дочь выйти и вальсировать на грязной улице вокруг кареты [8, с. 359].

Весной 1832 г. во время обеда у К. фон Липгардта Булгарин позволил себе назвать фальшивомонетчиками двух курляндских студентов, причастных к подделыванию городских марок (местных кожаных платежных знаков). В ответ толпа возмущенных студентов заставила своих «обидчиков» публично извиняться, а объявление приговора по этому делу студенты «отметили», бросая камни в дом Булгарина. Окно в спальню было разбито, что сильно напугало беременную жену хозяина [7].

Современник событий А. А. Чумиков перечисляет следующие «забавы и шалости» дерптских студентов: оскорблять полицмейстера и казаков; врываться ночью в квартиры горожан под надуманным предлогом; выстраиваться у подъезда дома, в который должны были съехаться гости, встречая каждую входящую даму оскорбительными насмешками; забираться на уровень окон второго этажа и пугать жителей дома; «поколотить» обывателя, не уступившего дорогу» [8, с. 358–360]. В качестве особенно острой проблемы Чумиков называл частые дуэли. В студенческих квартирах можно было найти «рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружие» [8, с. 362]. Дуэли возникали по самым разным поводам. Употребление слова «дурак» считалось достаточным основанием для вызова товарища на дуэль. Иногда оружие использовалось без всякого повода. Например, в марте 1827 г. студенты из своей квартиры всадили пять пуль в стену соседнего дома и «угрожали заколоть шпагой явившегося к ним еврея» [8, с. 362].

Почему жители города терпели такое отношение со стороны студентов? Во-первых, члены университетской корпорации имели свои автономные права и не подчинялись городским властям. Руководство университета предпочитало не выносить «сор из избы». В результате студенты получали минимальные указания. Причем одни наказания считались в студенческой среде почетными (например, заключенного в карцер студента угождали товарищи), а другие не выполнялись. В частности, исполнение такого наказания, как удаление из города, слабо контролировалось местной полицией [8, с. 360]. Даже когда в 1833 г. в университете было раскрыто тайное общество – буршеншфт, а к следствию привлекли 150 студентов, университетский суд постановил исключить только

одного из них, который ранее был уже дважды судим. Остальных участников общества лишили зимних каникул или отправили в карцер [8, с. 365–366].

Во-вторых, студенты были объединены в землячества (*Landsmannschaften*), члены которых действовали очень сплоченно, так что немногие горожане осмеливались вызвать их недовольство [8, с. 357]. В 1827 г. Ф. В. Булгарин называл три землячества—ландсманшафта: эстляндский, лифляндский и курляндский. Самыми «буйными» считались курляндцы, а самыми «смирными» – эстляндцы, что Булгарин объяснял близостью их родственников, которым легче было узнать «о дурном поведении» студентов» [1, с. 188]. К 1829 г. оформились корпорация польских студентов *Polonia* и русских *Ruthenia*. Основателями *Ruthenia* стали поэт Н. М. Языков и сын знаменитого историка и писателя А. Н. Карамзин [6, с.184].

Наконец, жители Дерпта редко решались доносить о студенческих выходках по финансовым причинам. Большинство жителей города зарабатывали средства существования, обслуживая членов университета. Доносчик наказывался опалой: студенты отказывались снимать комнаты в его доме, покупать его товары, вступать с ним в любые деловые отношения [8, с. 362].

В результате студенческие выходки часто оставались безнаказанными, что только укрепляло корпоративный дух и позволяло участникам землячеств чувствовать свою силу. Студенческие организации сохраняли свое влияние в Дерптском университете на всем протяжении XIX в. О существовании корпораций и корпоративного духа в стенах университета мы узнаем из воспоминаний студентов 1890-х гг. Евгения Дегена [4] и известного писателя Викентия Вересаева [2]. В своих воспоминаниях В. В. Вересаев перечисляет уже семь дерптских землячеств. Однако сам автор был далек от корпоративного духа и «подвигов» корпорантов: кутежей, дуэлей, выражения презрения к политическим вопросам [2]. В университете становилось все больше «диких» студентов, которые предпочитали мыслить и существовать самостоятельно.

Библиографический список

1. *Булгарин, Ф.В.* Дерптский университет, в политическом отношении // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и comment. А. И. Рейтблата. М.: НЛО, 1998. С. 188–189.
2. *Вересаев, В. В.* Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Воспоминания. Москва: Правда, 1961. 478 с. Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/veresaev-ss05-05/veresaev-ss05-05.html#work001003002>. Дата доступа: 17.03.2018.
3. *Грицкевич, В. П.* С факелом Гиппократа: Из истории белорусской медицины. Минск: Наука и техника, 1987. 271 с.
4. *Деген, Е.* Воспоминания дерптского студента // Мир Божий. 1902. № 3. С. 71–105. Режим доступа: http://lastvrn.ru/wp-content/uploads/2011/04/Vospominanija_o_Derptskom_universitete_Degen.pdf Дата доступа: 09.03.2018.

5. Петров, Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4-х т. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2: Студенчество. М.: Изд-во МГУ, 2003. 463 с.

6. Рыжакова, С. И. Фуksы, коммилтоны, филистыры...: Очерки о студенческих корпорациях Латвии. М.: НЛО, 2015. 392 с.

7. Салупере, М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 146–161. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Bulharyn/Bulharyn_25.html. Дата доступа: 16.03.2018.

8. Чумиков, А. А. Летопись забав и шалостей дерптских студентов в 1803–1826 гг. // Русская старина. 1890. № 2. С. 341–370.

9. Языков, Н. М. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объясн. примеч. [и вступ. ст.] Е.В. Петухова. СПб.: Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1913. 502 с.

Сергеенкова Вера Васильевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ В МОСКВЕ И ПОДГОТОВКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА С УНИВЕРСИТЕТСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Классический Лицей цесаревича Николая в Москве был основан по инициативе известного публициста и общественного деятеля М. Н. Каткова (от его имени получил неофициальное название – катковский) и профессора римской словесности Московского университета, журналиста и филолога, П. М. Леонтьева и на их средства (по 10 тыс. руб.), а также некоторых предпринимателей. М. Н. Катков был сторонником развития классической системы образования. Он считал, что только правильно организованные учебные заведения классического типа могут готовить хороших специалистов для службы на пользу государства в различных сферах деятельности. Лицей являлся привилегированным мужским учебным заведением. Он был задуман как образцовое учебное заведение. Через деятельность Лицея М. Н. Катков и П. М. Леонтьев старались реализовать свои взгляды о высоком уровне образования в сочетании с воспитанием у юношества гражданственности и патриотизма.

12 мая 1869 г. Государственный совет постановил учредить в Москве частный лицей в память о старшем сыне императора Александра II Николае, умершего в апреле 1865 г. от туберкулеза в Ницце. Лицей объявлялся находящимся под покровительством вел. кн. Александра Александровича, будущего императора Александра III [1, л. 1]. 12 июля 1869 г. император Александр II утвердил Устав Лицея цесаревича Николая [2, с. 721–724].

В 1872 г. Лицей был подчинен Министерству народного просвещения и лицам, служащим в нем были предоставлены права государственной службы и пенсии [11]. Должностные лица Лицея считались состоявшими на службе Министерства народного просвещения и пользовались преимуществами согласно уставам о службе и о пенсии [5, с. 39].

В Уставе Лицея, принятом в 1890 г., он официально назывался «Императорский лицей в память цесаревича Николая».

Первоначально, согласно Уставу 1869 г., целью Лицея объявлялось «содействовать утверждению основательного образования русского юношества» и способствовать развитию в России педагогического дела «путем живого опыта» и «вырабатывать на практике его основания, приемы и способы» [3, л. 1]. Однако в Уставе от 4 сентября 1890 г., цель Лицея определялась уже шире: «сообщать обучающемуся в нем юношеству общее среднее образование»; «содействовать возможно успешному прохождению университетского курса по факультетам историко-филологическому, юридическому и физико-математическому»; «содействовать практической подготовке преподавателей для гимназий» [5, с. 13].

В Лицее создавалось восемь классов гимназического курса, объем преподавания предметов в которых должен был быть не менее, чем в министерских классических гимназиях. В нем создавалось и три класса с университетским курсом с разделением на факультеты. В Лицее впервые в России вводились должности титулов (надзиратель в высших учебных заведениях), для которых была составлена подробная инструкция в 1869 г. [4, с. 46–56]. В ноябре 1895 г. была разработана и принята новая «Инструкция титулам императорского Лицея в память цесаревича Николая». По ней определялась главная задача титула – «индивидуальное воспитание вверенных ему учеников». Согласно инструкции, это воспитание требует основательного знакомства с индивидуальностью, т.е. с отличительными особенностями воспитанника, а также «систематического и духовного развития воспитанника сообразно с его особенностями». Наблюдения титула над воспитанником должны были касаться как духовной, так и физической стороны с целью определить «умственные его способности, причину успехов или неуспехов в науках, характер его и темперамент, нравственные качества, полезные и вредные привычки и зависимость таких или иных душевных проявлений от особенностей его физической организации». Ознакомившись с особенностями воспитанника и постоянно учитывая их, титул «старается влиять на воспитание так, чтобы его умственное, нравственное и физическое развитие шло правильным путем» [7, с. 105–106].

Воспитанники университетских курсов по назначению Правления Лицея и при помощи лицейских титулов посещали лекции в Московском университете как вольнослушатели. Кроме этого предметы университетского курса могли преподаваться в самом Лицее специально приглашенными отечественными и иностранными учеными [3, л. 1–1 об.].

В Лицее так же действовало «Положение о Лицее Цесаревича Николая в Москве», утвержденное 17 апреля 1890 г. [14, л. 1–2]. В Положении излагались

основные моменты деятельности Лицея, которые более подробно освещались в новом Уставе 1890 г.

В Лицее имелись пансионы для гимназистов и интернаты для студентов университетских курсов. Делами Лицея ведали Совет, Правление и педагогические конференции гимназических классов и университетских курсов [5, с. 14]. Конференции университетских курсов во главе с директором Лицея состояли из преподавателей и титулованных лиц университетских курсов. На конференциях обсуждались вопросы о мерах к обеспечению полноты и правильности занятий воспитанников, присуждении и выдаче свидетельств воспитанникам об окончании курсов и не окончившим их, выборе книг для фундаментальной библиотеки для преподавателей и студентов, об увольнении воспитанников за неуплату взноса за обучение. Протоколы заседаний конференций по окончании академического года передавались попечителю учебного округа [5, с. 28–29].

Лицей имел свою печать с изображением под императорской короной трех букв Н.Ц.Н., что означало наследник цесаревич Николай [5, с. 38]. Лицей имел право получать выписываемые из-за границы книги и издавать учебные руководства без цензуры [4, с. 38].

Несомненно, особенностью Лицея было то, что в нем действовали университетские курсы. Окончившие гимназический курс получали аттестаты. Те, кто сдал окончательный экзамен за гимназический курс, поступали в университеты. Аттестаты выдавались двух видов: окончившие удовлетворительно и окончившие с отличием [3, л. 1 об.].

Университетские курсы учреждались для молодых людей, окончивших гимназические классы Лицея и поступивших в число студентов Московского университета. Так же туда принимались без специального испытания молодые люди христианского вероисповедания, окончившие одну из гимназий Министерства народного просвещения. В Уставе 1890 г. говорилось о возможности пройти университетский курс по трем факультетам: историко-филологическому, юридическому, физико-математическому.

Согласно Уставу 1890 г. университетские курсы и их руководство должны были: во-первых, способствовать расширению общего образования воспитанников; во-вторых, постоянно следить за университетскими занятиями воспитанников, руководить ими и таким образом избавить молодых людей от непроизводительной трясины времени при занятиях науками без совета со стороны опытных и сведущих наставников. В-третьих, Лицей должен был доставить воспитанникам необходимые условия для научных занятий [5, с. 33].

Воспитанники университетских курсов подчинялись всем требованиям для студентов университета. В Лицее они учились под руководством особых преподавателей и наблюдателей (титулованных лиц). Они изучали предметы избранного ими факультета, занимались чтением специальных и общеобразовательных сочинений, практическими упражнениями. В числе практических упражнений назывались: переводы текстов, задачи, диспуты и др. Фактически это были сегодняшние практические занятия различных форм. Кроме того, воспитанники должны были репетировать лекции (своего рода педагогическая практика). Они

обязаны были готовиться к проверочным и иным испытаниям (в нашем понимании к контрольным работам, зачетам, экзаменам и др.), установленным для студентов Московского университета [5, с. 33].

Воспитанники Лицея получали право окончить университетский курс не за четыре года, а за три. Согласно Уставу 1890 г., после двух лет обучения на университетских курсах и в университете, с разрешения начальства обоих учебных заведений, они вместе со студентами университетов проходили полукурсовые испытания. После этого по решению университетской конференции курсов они имели право (после шести семестров) сдавать экзамены наравне со студентами университета, окончившими четыре курса (восемь семестров) в специальных испытательных комиссиях. Для чтения дополнительных лекций и проведения практических занятий, чтобы возместить сокращение университетского курса с четырех лет до трех лет, по разрешению попечителя Московского учебного округа, приглашалось не менее пяти преподавателей из числа ordinariных и экстраординарных профессоров Московского университета с каждого из двух факультетов (историко-филологического и юридического). В течение трехлетнего курса профессора проходили со студентами Лицея все необходимое для сдачи итоговых экзаменов в университете. Для этой же цели могли приглашаться в Лицей приват-доценты Московского университета, но только каждый раз с особого разрешения министра народного просвещения [5, с. 34–35].

Затем в июне 1894 г. было принято дополнение к «Положению о Лицее Цесаревича Николая в Москве». В нем разъяснялось: «Наиболее успевшим воспитанникам университетских курсов Лицея предоставляется право после трех лет занятий, как в университете, так и сверх того на университетских курсах в Лицее, держать окончательные экзамены в историко-филологической и юридической комиссиях при Императорском Московском университете наравне со студентами Университета, коим зачтено восемь полугодий» [5, с. 241]. Конечно, такое право на прохождение университетского курса за шесть семестров получали только те из воспитанников Лицея, которые по умственному и нравственному развитию были определены конференцией университетских курсов. Остальные сдавали выпускные экзамены наравне со студентами университета после восьми семестров.

Воспитанники университетских курсов принимались в Лицей пансионерами. В качестве приходящих воспитанников курсов зачислялись только известные Правлению Лицея молодые люди, живущие со своими родителями или близкими родственниками.

Воспитанники университетских курсов Лицея носили форменную одежду установленного для них образца. С 1885 г. студентам Лицея предоставлялась такая же форма, как для студентов Московского университета, только на пуговицах обозначались буквы Н.Ц.Н. (наследник цесаревич Николай) и над буквами – императорская корона [8, с. 17]. Плата за слушание лекций в университете и гонорар вносились самим воспитанником Лицея в его кассу каждое

полугодие вперед (не позже 15 сентября и 15 февраля). Внесенная плата обратно не возвращалась. Те, кто не внесли платы, считались выбывшими из числа воспитанников. [5, с. 36]. Воспитанники университетских курсов, показавшие отличные успехи в учебе и поведении, могли быть освобождены от взноса полной платы в Лицей или ее части. За таких воспитанников плата в университет (полностью или частично) могла вноситься за счет специальных средств Лицея [5, с. 36].

Так, плата за обучение в 1894–1895 учебном году составляла от 300 до 500 руб. в год (в зависимости от того, какими услугами воспитанники курсов пользовались: слушание лицейских лекций, проживание в общежитии, питание в нем и др.). Вместе с тем, из 18 воспитанников полностью оплачивали обучение 11 человек, а 7 имели льготы или вообще были освобождены от платы [5, с. 203–205]. В 1905–1906 учебном году плата воспитанников университетского отделения Лицея составляла 200 руб. кроме еще платы в университет. Пансионеры доплачивали еще 225 руб. и от 60 руб. за комнату в зависимости от ее размеров и качества. Таким образом, стоимость обучения в Лицее была достаточно высокой.

В 1895–1896 гг. шло обсуждение правил о наказаниях воспитанников Лицея [12, л. 3–14]. В ноябре 1896 г. «Правила для студентов императорского Лицея в память цесаревича Николая» были утверждены министром народного просвещения. В них определялись условия приема в Лицей, оплаты за обучение и проживания в общежитии. В Лицее и Университете студенты должны подчиняться установленным там порядкам. Вне здания Лицея, на лекциях студенты должны быть в форменной одежде. За проступки в зависимости от их важности в Лицее студенты могли подвергаться различным наказаниям: замечание или выговор туттора, наставников, старшего надзирателя, директора; лишение права отлучаться из Лицея в свободное от занятий время (только для пансионеров); заключение в карцер сроком до одной недели «с содержанием или на хлебе и воде, или на обыкновенной пище»; выговор директора от лица всей конференции и в ее присутствии с предупреждением, что в случае его не исправления, студент будет отчислен из Лицея; исключение из Лицея по постановлению университетской конференции. Документ определял условия отъезда и возвращения студентов из Москвы, даже в вакационное время. Таким образом, «Правила» фиксировали строжайшую дисциплину для студентов, строгие наказания за их нарушения [8, с. 105–108].

Тогда же были приняты «Правила общежития для студентов Лицея» [8, с. 109–110]. В них оговаривался размер платы за общежитие, требовалось соблюдение порядка в своих комнатах, говорилось о четком расписании чаепитий и приема пищи в столовой общежития, определялись нормы поведения в общежитии. Согласно правилам воспитанники университетских курсов должны возвращаться в общежитие не позднее 8 часов вечера, по особым разрешениям разрешалось приходить в Лицей позже, но в строго определенное время. В этих

правилах говорилось: «Студенты Лицея не должны посещать таких общественных заведений, в которых легко могут уронить свое нравственное достоинство» [8, с. 110].

Таким образом, принятые «Правила» фиксировали жесткую дисциплину и контроль над ней для студентов Лицея. Получалось, что руководство Лицея должно всегда знать, где находятся студенты и чем они занимаются. Такая система обеспечивала концентрацию внимания на образовательном и воспитательном процессе.

В мае 1904 г. Правление Лицея приняло специальные «Правила для университетских курсов императорского Лицея в память цесаревича Николая о зачете полугодий и об условиях получения права трехгодичного курса». В них подробно были расписаны условия, по которым студенты могли получать университетское образование не за 4 года, а за 3 года обучения [8, с. 111–112].

Преподаватели в Лицей подбирались тщательно, они должны были обладать хорошими знаниями своих предметов, отличаться серьезностью и высокой нравственностью. Соответственно немалой была и зарплата. Так, директор Лицея за первое полугодие 1894–1895 учебного года получил 1469 руб. 96 коп., а за второе полугодие – 1959 руб. 96 коп. Тутор университетских курсов заработал соответственно по 1224 руб. 96 коп. [5, с. 222–223]. В 1899–1900 учебном году директор Лицея получал в год уже 4000 руб. и имел служебную квартиру. Старший наблюдатель (тутор) университетских курсов в год получал 2500 руб., а младший наблюдатель – 1200 руб. [7, с. 55–56].

В Лицее воспитанники университетских курсов обязаны были соблюдать порядок, установленный правилами, утвержденными министром народного просвещения. Вне Лицея они не освобождались от повиновения лицейскому начальству, в то же время подлежали ведению полицейских установлений. Воспитанник Лицея, выбывший из него по любой причине, не имел права оставаться в Лицее и получал от Лицея свидетельство с указанием причин увольнения или исключения. О любом проступке воспитанника университетских курсов Лицея вне его полиция немедленно сообщала директору Лицея. Вопрос об увольнении или исключении воспитанника университетских курсов рассматривался на Правлении и конференции университетских курсов [5, с. 37].

Воспитанники университетских курсов Лицея, наравне с университетскими студентами, могли сдавать в университетах экзамен на звание действительного студента и на степень кандидата на одинаковых условиях, которые установлены для студентов университетов. Окончившие университетский курс Лицея с отличием получали сверх того диплом на звание действительного члена Лицея с правом участвовать в выборах Правления Лицея. Они могли присутствовать на ординарных и торжественных собраниях Совета и вносить заявления для улучшения деятельности Лицея, которые затем обязательно рассматривались на заседании Правления Лицея [1, л. 1 об., 2 об.-3].

Финансовый отчет за каждый истекший гражданский год должен был представляться Правлению Лицея к 1 марта министру народного просвеще-

ния. Отчет по учебной части представлялся таким же порядком министру народного просвещения за истекший академический год к 1 июля, рассматривался в заседании Совета Лицея 12 августа, затем отправлялся цесаревичу Александру Александровичу и печатался для общего сведения. При рассмотрении отчетов члены Правления должны были присутствовать в Совете, но без права голоса [1, л. 2].

Для учебно-методического процесса в Лицее имелись фундаментальная, ученическая и пансионная библиотеки. Фундаментальная библиотека состояла из книг, периодических изданий по классической филологии и другим предметам. Фонд ученической библиотеки составляли учебники и учебные пособия (словари, атласы, настенные карты, таблицы и др.). Пансионная библиотека имелась при каждом пансионе для чтения учащихся, составленная с учетом возраста учащихся [12, л. 104].

Число воспитанников в университетских курсах Лицея первоначально было не велико. Так, на май 1895 г. их было 15 человек (5 – на историко-филологическом, 8 – на юридическом, 2 – на физико-математическом факультетах). Семеро из них проживало в лицейском общежитии. [5, с. 237]. Однако со временем число воспитанников университетского отделения резко увеличилось. Так, в 1904–1905 учебном году на I курс было принято 49 студентов (из них пансионеров – 21, приходящих – 28); на II курсе училось 27 студентов (соответственно 12 и 15). На III курсе насчитывалось 29 студентов (8 и 21). К концу учебного года из 105 студентов осталось 95. К знаниям студентов предъявлялись достаточно высокие требования. Далеко не все студенты успешно сдавали экзамены. Из оставшихся 28 студентов III курса получили по итогам выпускные свидетельства 27. Из 25 студентов II курса выдержали все испытания и переведены на III курс 21 человек, в том числе из них двое лишились права трехгодичного обучения и 4 оставлены на второй год. Из 42 студентов I курса переведены на второй курс 26, причем двое из них лишились права на трехгодичное обучение. 16 студентов были оставлены на второй год. Всего же из 95 воспитанников, получивших выпускные свидетельства и переведенных на следующий курс, было 74 (78%), а 21 был оставлен на второй год. Процент успеваемости нельзя назвать низким. Однако он понизился по сравнению с предшествующими годами. Так, в 1901 г. он составил 86, 03%, в 1902 г. – 99, 55%, в 1903 г. – 92, 65%, в 1904 г. – 88,6%. Снижение успеваемости в отчете за 1905–1906 учебный год объяснялось большей интенсивностью экзаменов, которые впервые проводились в самом Лицее. В результате появилась возможность более правильно оценить знания экзаменующихся, так как их было значительно меньше, чем число экзаменующихся в университете [8, с. 316–317, 322]. В 1905–1906 учебном году в университетское отделение поступило: на I курс 56 человек, на II курс – 27 человек [8, с. 509–510].

В 1909–1910 учебном году на I курсе учился 91 студент (из них 29 пансионеров и 62 приходящих), на II курсе (с трехгодичным сроком обучения) насчитывалось 65 студентов (22 пансионера и 43 приходящих), на II курсе (с четырехгодичным обучением) было 6 студентов (3 и 3 соответственно), на III

курсе (с трехгодичным сроком обучения) имелось 63 человека (соответственно 20 и 43), на III курсе (с четырехгодичным обучением) состояло 6 студентов (все приходящие) и на IV курсе – 4 студента (все приходящие). В связи с отчислением студентов к концу учебного года остался 221 воспитанник на университете отделении Лицея. Отчислялись студенты чаще всего за пропуски занятий по неуважительным причинам. В Календаре дается специальная таблица, где представлен каждый студент и указано в процентах количество пропущенных занятий.

Из общего числа студентов в 1909 г. 29 поступили после окончания гимназического отделения Лицея. «География» поступления остальных воспитанников очень разнообразна. По-видимому, Лицей имел очень хорошую репутацию по подготовке образованных профессионалов. Среди студентов были представлены разные регионы страны: Радомск, Одесса, Симбирск, С.-Петербург, Нижний Новгород, Москва, Вильно, Рига, Ялта, Курск, Тифлис, Воронеж, Житомир, Минск, Бобруйск, Брест, Симферополь, Евпатория, Варшава, Владимир, Ставрополь, Пермь, Плоцк; Волынская, Самарская, Тульская, Витебская губернии и др. Следует отметить, что среди студентов Лицея были не только православные, но и небольшой процент лютеран [8, с. 324–328].

Большое значение в Лицее в целом уделялось воспитательной работе. Как и в любом государстве, она основывалась на определенных идеологических постулатах, основными из которых были преданность Отечеству, императору, христианской морали. Судя по источникам, это достигалось различными методами: организация спектаклей, празднование памятных дат, проведение балов, чтение памяти А. С. Пушкина, музыкально-литературные вечера, чтения в память П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова, богослужения в лицейской церкви и др. В Лицее сложились определенные традиции, которые укреплялись и развивались. Все эти меры способствовали формированию из воспитанников университетских курсов не только прекрасно образованных людей, но и обладавших высокими нравственными качествами.

В ноябре 1895 г. Министерством внутренних дел был утвержден «Устав Общества бывших воспитанников императорского Лицея в память цесаревича Николая» [8, с. 113–120]. Общество имело следующие цели: «поддерживать живую связь бывших воспитанников с Лицеем»; «оказывать поддержку и помочь нуждающимся в них бывшим лицеистам и, по мере возможности, остающимся после них семействам»; «оказывать, в исключительных случаях, помочь лицеистам, застигнутым при прохождении курса неблагоприятными обстоятельствами» [8, с. 113]. Общество состояло из неограниченного числа лиц всех званий и состояний, кроме имеющих классные чины, нижних воинских чинов, юнкеров и ограниченных в правах по суду. Члены общества делились на почетных и действительных. Бывшие воспитанники Лицея и его университетских курсов относились к действительным членам Общества. Действительные члены должны были ежегодно вносить в кассу Общества 10 руб. Управление делами Общества возлагалось на Распорядительный комитет и Общее собрание (обык-

новенные собрания – два раза в год в период с 1 сентября по 1 мая – и чрезвычайные). Общество подчинялось Министерству внутренних дел, имело свою печать, право приобретать движимое и недвижимое имущество, проводить свои заседания в здании Лицея и иметь там свою канцелярию по согласованию с директором. Общество публиковало свои Отчеты в Календаре Лицея. В Отчете за 1904 г. показано, что в Обществе насчитывалось 6 почетных и 139 действительных членов [8, с. 397–403]. Общество оказывало реальную помощь бывшим воспитанникам, ее деятельность имела, несомненно, важное воспитательное значение. Практика создания и деятельности Общества бывших воспитанников императорского Лицея имела большое положительное значение и для окончивших его, и для его воспитанников, для успешной работы самого Лицея.

В декабре 1904 г. министр народного просвещения утвердил «Устав музея при императорском Лицее в память цесаревича Николая, учрежденного со стоявшим под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Сергея Александровича Обществом бывших воспитанников означенного Лицея» [8, с. 121–123]. Музей учреждался с целью «<...> сохранения заветов основателей Лицея и для собирания материалов, касающихся истории Лицея и деятельности его воспитанников». Музей имел четыре отделения: первое посвящено памяти цесаревича Николая, второе – памяти вел. кн. Сергея Александровича, третье – памяти основателей Лицея П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова; четвертое – истории Лицея и деятельности его питомцев. Музей находился в здании Лицея. Он содержался за счет средств Общества бывших воспитанников Лицея, на пособия из специальных средств Лицея, а также частные пожертвования. Непосредственно во главе Музея стоял хранитель. В помощь хранителю назначались два воспитанника Лицея: один из старшего класса гимназического отделения и один из числа студентов университетского отделения. Музей открывался в определенное время для посещений и для занятий. Все эти мероприятия способствовали развитию всесторонне развитых образованных молодых людей, которые проявили себя в различных сферах деятельности.

Обращалось внимание на то, чтобы воспитанники лицейских классов и университетских курсов не вовлекались в политическую деятельность. Так, в Лицей, как и в другие учебные заведения, поступали из Министерства народного просвещения материалы об отчисленных студентах за политическую неблагонадежность из различных университетов и других высших учебных заведений с запрещением им заниматься педагогической деятельностью и поступать в какие-либо учебные заведения. [13, л. 2]. Правда данных о политической неблагонадежности среди воспитанников лицейских классов и университетских курсов в Лицее не обнаружено. По-видимому, подбор воспитанников, четко построенная воспитательная и учебная работа давала свои положительные результаты.

Важное место занимала проблема организации учебного процесса, его учебные и методические составляющие. Следуя взглядам М. Н. Каткова, обучение в Лицее носило классический характер. Так, в докладах на Правлении

Лицея подчеркивалось: «Сущность классицизма, как учебно-воспитательной системы, состоит в том, чтобы развивать духовные силы человека гармонично и правильно и всесторонне путем самостоятельного и обстоятельного изучения образцовых произведений античного мира». [5, с. 278–279]. Подчеркивалось, что руководство воспитанниками «должно состоять не в постоянном наставлении указанных выводов и заключений воспитаннику, а в таком направлении изучения классиков, которое наиболее способствовало бы самостоятельному выводу этих заключений». [5, с. 279–280]. Сущность классического образования понималась «в приучении воспитанников к самостоятельному и обстоятельному изучению предмета в его первоисточниках». [5, с. 281]. Говорилось и о том, что воспитание должно быть по возможности индивидуальным: «Воспитание имеет главным образом умственную и нравственную сторону; поэтому необходимо выяснить значение индивидуальности в том и другом случае». [5, с. 292].

В преподавании на университетских курсах большое внимание уделялось качеству обучения воспитанников. Для работы на университетских курсах приглашались известные ученые из Московского университета: доктор медицины, профессор В. И. Ельцинский; доктор медицины, экстраординарный профессор Н. Ф. Голубов; ординарный профессор, известный юрист А. С. Алексеев; филолог-классик, переводчик, профессор С. И. Соболевский; русский ученый юриспруденции, экстраординарный профессор Н. К. Доробец; историк права Д. Я. Самоквасов; юрист, профессор Н. С. Суворов; российский правовед, заслуженный профессор и декан юридического факультета И. Т. Тарасов; российский юрист, министр народного просвещения Российской империи, профессор Е. А. Нефедьев и др. [5, с. 238–239; 5, с. 336–337; 9, с. 150, 152, 154, 156–157].

Таким образом, можно утверждать, что Лицей готовил основательно профессионально подготовленных людей с университетским образованием. Университетское образование можно было получить прямо в Лицее после окончания гимназического курса. Университетские курсы обеспечивали высокий уровень подготовки. Свидетельством этому является то, что многие выпускники затем становились известными государственными, военными деятелями, деятелями культуры и искусства. Так, среди выпускников Лицея были известные государственные деятели: член IV Государственной думы, отец известного шахматиста А. А. Алёхин; член Государственного совета В. М. Андреевский; обер-прокурор Святейшего Синода А. Н. Волжин; директор Лицея, сенатор, член Государственного совета Л. А. Георгиевский; один из основателей партии кадетов, председатель II Государственной думы Ф. А. Головин; член IV Государственной думы от Калужской губернии И. А. Каншин; член III Государственной думы от Саратовской губернии С. В. Киндяков; Орловский и Московский губернатор, сенатор Г. И. Кристи; член Государственного совета, председатель Совета Русского Собрания А. Н. Лобанов-Ростовский и др. Многие выпускники проявили себя в военной области: генерал, начальник Николаевского военного училища В. И. Гаврилов; генерал, сын М. Н. Каткова,

П. М. Катков; военный агент во Франции, начальник штаба Гвардейского корпуса во время Первой мировой войны Г. И. Ностиц; генерал, помощник военного агента во Франции А. Н. Орлов; командир лейб-гвардии Гусарского полка, генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем Б. М. Петрово-Соловово; полковник Преображенского полка, воспитатель князей Иоанна и Гавриила Константиновичей Н. И. Татищев; генерал, герой русско-японской войны А. П. Шувалов. Были среди выпускников и предприниматели: крупный русский фабрикант, общественный деятель и меценат, депутат III Государственной думы М. Н. Бардыгин; гласный Московской городской думы П. А. Бурышкин; текстильный фабрикант, музыковед К. М. Мазурин; выходец из купеческой династии Морозовых С. Т. Морозов. Воспитанники Лицея становились и учеными, художниками, служителями церкви: историк, представитель купеческой династии Бахрушиных С. В. Бахрушин; художник и искусствовед И. Э. Грабарь; правовед, профессор Киевского университета, племянник М. Н. Каткова М. М. Катков; переводчик и историк Ю. А. Кулаковский, Патриарх Московский и всея Руси Алексий I; художник А. Я. Головин и др. [10].

Открытость и прозрачность деятельности Лицея в Москве показывал издававшийся «Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая». Инициатива издания лицейских календарей принадлежит основателю и директору Лицея П. М. Леонтьеву. Под его руководством было издано всего четыре Календаря за 1869–1870, 1870–1871, 1871–1872, 1872–1873 учебные годы. Затем издание прервалось в связи с постройкой отдельного здания для Лицея, а также и со смертью П. М. Леонтьева в 1875 г. Все эти номера стали библиографической редкостью. Возобновить издание Календарей хотел следующий директор Лицея М. Н. Катков. Однако, будучи слишком перегружен работой, в том числе издание и редактура известной газеты «Московские ведомости», он не успел реализовать возобновление издания. В итоге в течение 20 лет календари не издавались. И только с 1894 г. они вновь стали выходить из печати ежегодно. В Календарях были четко расписаны главнейшие особенности церковного богослужения в Лицее. Ежедневные Богослужения играли большую роль в духовном воспитании лицейцев и студентов университетских курсов, это были своего рода акты нравственно-идеологического воспитания. Это было важной, положительной и приносившей хорошие плоды практикой жизни Лицея. В Календарях содержались Святцы, расписание богослужений на учебный год с августа по июль. В каждом Календаре имелись сведения о покровителях и попечителях Лицея, составе его Совета и Правления, перечислялся весь личный состав служащих с указанием в каких классах и какие предметы они преподают. В Календари включались правительственные распоряжения и законодательные акты, касавшиеся Лицея. В них размещены программы для поступающих в Лицей по всем предметам и для всех классов, определялась плата за обучение. Содержались в Календарях и точные правила испытаний (приемных, проверочных, переводных, выпускных или испытания зрелости). В них четко расписан

Штат Лицей с указанием должности, размера оклада, разряда по службе и пенсии. Содержались отчеты по различным направлениям деятельности Лицей, списки воспитанников. [5, 6].

Таким образом, университетские курсы Лицей в память цесаревича Николая занимали достойное место среди учебных заведений. Лицей готовил интеллектуальную элиту общества с университетским образованием. Он был доступен для юношей христианского вероисповедания, имеющих необходимый уровень образования для поступления. В Лицее постепенно сложилась определенная и достаточно эффективная система подготовки специалистов с университетским образованием. При этом следует подчеркнуть, что эта система качества образования постоянно совершенствовалась. Существующее ныне университетское образование, конечно, возникло не на пустом месте. На новой, еще более высокой ступени, оно почерпнуло лучшие традиции университетского образования прошлого, в том числе и дореволюционной России.

После Февральской революции 1917 г. Катковский лицей был преобразован в открытое высшее юридическое учебное заведение. После 1918 г. там размещался Наркомпрос РСФСР. В 1945–1983 гг. в здании располагался МГИМО. Сейчас в здании находится Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. Об учрежденном в Москве Лицее Цесаревича Николая. Мая 12 [1869 г.] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. второе: в 55 т. Т. XLIV. Отд. первое. СПб.: Тип. II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1873. № 47076. С. 415–416.
2. Высочайше утвержденный Устав Лицея Цесаревича Николая. Июля 12 [1869 г.] // ПСЗРИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XLIV. Отд. первое: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1873. № 47302. С. 721–724.
3. ГБУ «Центральный гос. архив Москвы» (далее: ЦГА Москвы). Ф. 233. Оп. 2. Канцелярия. Д. 369. Устав Московского Лицея в память цесаревича Николая. 12 июля 1869 г.
4. Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая на 1869–1870 учебный год. М.: Университетская тип. (Катков и К), 1869. XXVIII, 97, 215 с.
5. Календарь императорского лицея в память цесаревича Николая на 1894–1895 учебный год. Сер. II. Год I. М.: Университетская тип., 1894. XII, 456, 158 с.
6. Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая на 1895–1896 учебный год. Сер. II. Год II. М.: Университетская тип., 1895. XI, 402, 89 с.

7. Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая на 1899–1900 учебный год. Сер. II. Год VI. М.: Университетская тип., 1899. XV, 625, 292 с.

8. Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая на 1905–1906 учебный год. Сер. II. Год XII. М.: Университетская тип., 1906. XII, 517, 192 с.

9. Календарь Императорского лицея в память цесаревича Николая на 1909–1910 учебный год. Сер. II. Год XVI. М.: печатня А.И. Снегиревой, 1909. IX, 287 с.

10. Лицей цесаревича Николая [Электронный ресурс]. Режим доступа: ruwikiorg.ru/ Дата доступа: 30.09.2017.

11. О предоставлении лицам, служащим в Лицее цесаревича Николая в Москве, прав по службе. Июля 20 [1872 г.] // ПСЗРИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XLVII. Отделение второе. СПб.: Тип. II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1875. № 51126. С. 208–209.

12. ЦГА Москвы. Ф. 233. Оп. 1. Д. 108. Об утверждении правил о наказаниях воспитанников лицея. Май 1895 – декабрь 1896.

13. ЦГА Москвы. Ф. 233. Оп. 1. Д. 92. О запрещении учителям права преподавания и учащимся обучения за политическую деятельность. Январь 1892 - декабрь 1894 г.

14. ЦГА Москвы. Ф. 233. Оп. 2. Д. 370. Положение и устав Московского лицея в память цесаревича Николая. 17 апреля 1890 г.

Сергеенкова Вера Васильевна, Балыкина Елена Николаевна
Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БГУ

В настоящее время, когда общество вступило в информационную стадию своего развития, невозможна организация учебного процесса в учреждениях высшего образования без использования различных видов электронных средств обучения, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Информатизация высшего образования – это наша реальность. Можно сказать, меняется сама парадигма высшего образования. Наряду с традиционными и привычными знаниями, умениями и навыками все большее значение приобретает формирование у выпускников учреждений высшего образования компетенций. Так, в Образовательном стандарте высшего образования (первая ступень) по специальности «История (по направлениям), утвержденном в 2013 г., даны определения терминов «Компетентность» и «Компетенция». Под компетентностью понимается выраженная способность применять свои знания и умения (в соответствии с СТБ ИСО 9000-2006), а под компетенцией - знания, умения,

опыт и личностные качества, необходимые для решения теоретических и практических задач [4, с. 6]. В Образовательном стандарте четко определено, что освоение образовательных программ по специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)» должно обеспечить формирование определенных групп компетенций. Это: академические компетенции, включающие знания и умения по изученным учебным дисциплинам, умение учиться; социально-личностные компетенции, предполагающие культурно-ценностные ориентации, знание идеологических, нравственных ценностей общества и государства и умение следовать им; профессиональные компетенции, означающие способность решать задачи, разрабатывать планы и обеспечивать их выполнение в избранной сфере профессиональной деятельности [4, с. 9–10]. Всего этого невозможно достичь без активного использования ИКТ, включающих в себя различные виды электронного обучения. Важную роль в этом играет повышение роли самостоятельной работы студентов по разрешению задач и ситуаций, моделирующих социально-профессиональные проблемы, умения искать и анализировать информацию и принимать на этой основе самостоятельные решения. В настоящее время в учебный процесс в вузе все активнее внедряются E-Learning, что позволяет совершенствовать методы преподавания. Безусловно, нельзя отбрасывать традиционные методы преподавания, основанные на постоянном контакте преподавателя и студента с использованием в процессе обучения информации на бумажном носителе. Однако без развития и использования электронных средств обучения невозможно в современном мире готовить специалистов с высшим университетским образованием, формировать их профессиональные компетенции.

Все это находится в тесной связи с системой менеджмента качества в БГУ. На историческом факультете Белорусского государственного университета используются разнообразные формы электронного обучения. Следует отметить, что электронное обучение не просто все шире применяется в учебном процессе, но становятся и все более разнообразными сами виды электронного обучения.

На историческом факультете в качестве электронных средств обучения разрабатываются и внедряются в учебный процесс для обеспечения учебных дисциплин электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК),monoцелевые электронные образовательные проекты (ЭОП) и многоцелевые электронные учебные пособия (ЭУП), тесты в системе e-University, собственные локальные тестовые среды [2], элементы дистанционного обучения и др. Перед профессорско-преподавательским составом поставлена задача обеспечить все учебные дисциплины (в том числе дисциплины специализации и дисциплины по выбору студентов) ЭУМК.

ЭУМК разрабатываются в соответствии с «Положением об учебно-методическом комплексе на уровне высшего образования» [5] и требованиями Стандарта БГУ 6.3-01-02-2012. Учебно-методическое обеспечение [6]. ЭУМК по учебной дисциплине представляет собой учебное издание для обеспечения всех видов занятий по определенной дисциплине.

Целостность ЭУМК обеспечивается методическими указаниями по изучению дисциплины, в которых раскрываются внутренние связи между разделами комплекса. ЭУМК предназначен для реализации требований образовательных программ и образовательных стандартов высшего образования. Он состоит из теоретического, практического, вспомогательного разделов и раздела контроля знаний.

Теоретический раздел включает в себя материалы для теоретического изучения учебной дисциплины в объеме, установленном типовым учебным планом по специальности. Практический - содержит материалы по проведению лабораторных, семинарских, практических и иных учебных занятий в соответствии с учебным планом. В Раздел контроля знаний включаются материалы текущего контроля и аттестации, иные материалы, позволяющие определить соответствие результатов учебной деятельности обучающихся требованиям образовательных стандартов высшего образования и учебно-программной документации образовательных программ высшего образования. Вспомогательный раздел содержит элементы учебно-программной и учебно-методической документации образовательной программы высшего образования, перечень учебных изданий и информационно-аналитических материалов, рекомендуемых для изучения дисциплины.

В практике работы преподавателей используется разработка и внедрениеmonoцелевых ЭОП. Monoцелевые проекты – это, как правило, презентации. Они создаются на базе офисного пакета прикладных программ Microsoft PowerPoint для сопровождения лекций по определенным темам или по всему лекционному курсу. Предварительно разрабатывается подробная структура проекта в соответствии с учебной программой. Только после этого презентация наполняется текстовой, иллюстративной и другой информацией. Примерами подобных monoцелевых ЭОП являются работы, созданные на кафедре истории России: «Император Александр I», «Император Александр II», «Император Александр III», «Крымская война», «Русско-японская война» и многие другие. Они содержат интересный иллюстративный материал, карты, портреты, гlosсарий, персоналии исторических деятелей, иногда имеют и звуковое сопровождение.

Многоцелевые ЭУП представляют собой как бы мини электронные учебные пособия и могут стать базой для создания электронного учебника по учебной дисциплине. При разработке таких ЭУП можно выделить несколько этапов: выработка концепции пособия (определение его целей и задач, требований и результатов); разработка его структурно-логической схемы, содержания и структуры; реализация проекта; апробация и корректировка; внедрение в учебный процесс.

Примерами таких многоцелевых ЭУП являются разработки, созданные совместно кафедрой истории России (доцент В. В. Сергеенкова) и кафедрой источниковедения (старший преподаватель Е. Н. Балыкина) с привлечением студентов в рамках двух учебных дисциплин: «История России и Украины» и «Ис-

торическая информатика» [1]. Среди таких ЭУП можно назвать: «Отечественная война 1812 г. и зарубежный поход русской армии», «Общественное движение в России во второй четверти XIX в.», «Общественно-политическая борьба на рубеже XIX–XX вв. в России. Революция 1905–1907 гг.», «Внутренняя политика Николая I», «Украинские земли в первой половине XIX в.», «Русская культура в первой половине XIX в.», «Русская культура во второй половине XIX – начале XX в.» и многие другие [3]. Фактически ЭУП созданы по всем темам учебной дисциплины «История России и Украины» (первая половина XIX в.; вторая половина XIX – начало XX в.). ЭУП предназначены для изложения учебного материала, закрепления и контроля знаний и умений, формирования социально-личностных и профессиональной компетенций, навыков самостоятельной работы с источниками, фактами, картами и схемами. Как правило, многоцелевые ЭУП включают в себя: «Содержание» (лекционный материал), «Источники и исследования», «Карты, схемы», «Глоссарий», «Тест» для само-контроля и контроля знаний, «Галерею исторических деятелей», «Хронолинию», видеоматериал и музыкальные сопровождение, «Библиографический список», «Создатели» (краткая справка об авторах ЭОП), навигатор и др. Навигация по ЭУП осуществляется с помощью управляющих кнопок и гиперссылок. Наличие в ЭУП большого количества текстов источников и исследований позволяет использовать их не только для изучения общих и специальных курсов, но и для написания курсовых и даже дипломных работ, что особенно ценно для студентов-заочников, которые не имеют возможности постоянно пользоваться материалами Национальной библиотеки Республики Беларусь.

Одним из новых ЭУП, созданном в творческом содружестве преподавателей и студентов, является ЭУП «Культура России во второй половине XIX – начале XX в.» [См. Приложение А]. Оно предназначено для студентов исторических факультетов по дисциплине «История России и Украины». Данное ЭУП представлялось на конкурсе студенческих научных работ в 2015 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова и было отмечено дипломом I степени.

Цель ЭУП «Культура России во второй половине XIX – начале XX в.» - углубленное и наглядное изучение культуры Российской империи во второй половине XIX - начале XX в. Обучающая задача состоит в углублении, расширении и закреплении знаний по истории культуры России. Развивающая задача - развитие умений и навыков самостоятельной работы, построения причинно-следственных связей, анализа информации. Воспитательная задача сводится к формированию у студентов уважения и интереса к истории и культуре Российского государства.

В основу ЭУП легли учебные пособия, материалы тематических электронных галерей, энциклопедий, различных публикаций, а также Интернет-ресурсы. Компоненты ЭУП структурированы по трем разделам: лекционный материал, документы и материалы, практика и контроль. Лекционный материал содержит 175 слайдов, 173 иллюстрации, 27 gif-объектов, 8 анимированных схем, 17 анимированных smart-art объектов, 4 блока отдыха, 189 гиперссылок. Документы и материалы включают в себя аудиоматериалы (35 аудиозаписей),

видеоматериалы (25 видеозаписей), 3D-галереи (коллекции 20 художников), словарь персоналий (118 статей). Практика и контроль состоит из банка 60 тестовых заданий четырёх форм, четырёх уровней сложности с невербальной поддержкой. [См. Приложение Б-Д].

В ЭУП используются наглядно-демонстрационный, лекционно-демонстрационный, выборочно контрольный (тестовая среда) методы обучения. ЭУП имеет три режима работы: информационный, закрепляющий и контролирующий. Он управляет с помощью навигации. Разветвленная система гиперссылок и удобная система управляющих кнопок позволяет оперативно переходить к интересующей информации. Эффективность ЭУП достигается благодаря тщательному отбору и структурированию материала и последовательности его подачи, визуальным возможностям и гибкой структуре программы.

ЭУП создан для активного использования в учебном процессе. Он применяется для демонстрационной поддержки лекционного материала и на семинарских занятиях по дисциплине «История России и Украины». В полном объеме он работает в рамках преподавания дисциплины специализации, а также дисциплины по выбору студентов. ЭУП позволяет студентам выполнять задания по управляемой самостоятельной работе. Важно и то, что содержащиеся в ЭУП материалы, дают возможность использовать их при написании курсовых и дипломных работ.

На историческом факультете используются элементы дистанционного обучения. Это особенно важно для работы со студентами заочной формы обучения. Так, на кафедре истории России авторы данной статьи через сеть Интернет отправляют студентам задания, которые присылают их выполненными преподавателю. Через e-mail налаживается диалог преподавателя и студентов по изучаемой дисциплине, при написании курсовых и дипломных работ, подготовке заданий по УСР. Один раз в месяц проводятся индивидуальные консультации студентов через Skype в течение двух часов, что дает возможность непосредственного делового общения преподавателя и студентов. Конечно, все это требует больших и физических, и моральных, и временных затрат от преподавателя. Однако, как показывает опыт, такой контакт дает положительные результаты.

Таким образом, современная высшая школа требует внедрения в учебный процесс все новых и новых электронных средств обучения, без чего не может осуществляться подготовка специалистов на основе формирования профессиональных компетенций. Важно умело сочетать новые ИКТ и традиционные формы обучения.

Библиографический список

1. Балыкина, Е. Н., Бузун, Д. Н., Сергеенкова, В. В. Историческая информатика: истоки и направления // Клио: грани истории: научно-популярное издание для молодежи. Минск: НИО, 2007. С. 39–55.

2. Балыкина, Е. Н. Из опыта тестового контроля знаний студентов на историческом факультете. Актуальные вопросы научно-методической работы: многоуровневая система подготовки специалистов / Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеенкова // Мат-лы межвуз. науч.-мет. конф. (Гомель, 3–4 апреля 2003 г.): в 2 ч. Ч. 2. Гомель: ГГУ, 2003. С. 94–96.

3. Балыкина, Е. Н. Разработка электронных образовательных проектов по истории как средство оптимизации учебного процесса / Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеенкова // Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений: мат-лы XII конф. Ассоциации «История и компьютер», Москва, 22–24 окт. 2010 г. М.: МГУ, 2010. С. 155–156; Балыкина, Е.Н. Электронное образовательное издание «Общественное движение в России во второй четверти XIX века» / Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеенкова // Новые образовательные технологии в вузе: сб. мат-лов 7-й Междунар. науч.-мет. конф., 8–10 февраля 2010 г.: в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2010. С. 15–18; Сергеенкова, В. В. Информационно-коммуникационные технологии в изучении истории России и Украины в вузах Беларуси // Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее: сб. науч. мат-лов. Минск: Медисонт, 2014. С. 346–352; Сергеенкова, В. В. Применение электронного учебного издания «Культура России во второй половине XIX – начале XX в.» в учебном процессе Белорусского государственного университета / В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. / Москов. гос. ун-т, Ассоциация «История и компьютер»; редкол.: Л. И. Бородкин [и др.]. М., 2016. С. 231–236; Сергеенкова, В. В. Электронное обучение на историческом факультете Белорусского государственного университета (на примере электронного учебного издания «Движение декабристов») / В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина // Новые образовательные технологии в вузе: сб. мат-лов XI-й Междунар. науч.-метод. конф., Екатеринбург, 18–20 февр. 2014 г. / Отв. ред. А. В. Цветков. Екатеринбург, 2014. С. 292–298; Сергеенкова, В. В. Электронное учебное издание «Александр I: внутренняя политика» / В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина // Новые образовательные технологии в вузе: сб. мат-лов IX-й Междунар. науч.-метод. конф., Екатеринбург, 8–10 февраля 2012 г. / Отв. ред. А. В. Цветков. Екатеринбург, 2012. С. 292–298; Сергеенкова, В. В. Электронные средства обучения в вузе: практика и перспективы их использования на историческом факультете БГУ // Совершенствование преподавания в современном вузе: теория, практика, анализ и оценка: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 1–2 ноября 2012 г. Минск, 2012. С. 406–410; Сергеенкова, В. В. Электронный образовательный проект «Российская империя в годы Первой мировой войны» как мини-вариант будущего электронного учебника / В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: Сб. науч. трудов / Под науч. ред. И. Ф. Ухвановой [и др.]. Вып. 7. Дискурсы рефлексии и рефлексия как дискурс. Минск: РИВШ. 2017. С. 165–170; Яновский, О. А. Электронные учебные издания / О. А. Янов-

ский, В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина // Актуальные проблемы теории и методики преподавания истории и обществознания / авт.-сост. Л.В. Алиева. Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., 22 декабря 2012 г. Псков: Псковский гос. ун-т, 2013. С. 24–34.

4. Образовательный стандарт высшего образования. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-21 03 01 История (по направлениям). Минск: Министерство образования Республики Беларусь, 2013. 59 с.

5. Положение об учебно-методическом комплексе на уровне высшего образования // Постановление Министерства образования Республики Беларусь. 26 июля 2011 г. № 167. // Нормативные правовые акты Национального банка, Министерств, иных республиканских органов государственного управления. 8/24424. 22.11.2011.

6. СТУ ОП 6.3-01-02-2012. Учебно-методическое обеспечение (утвержден 12 апреля 2012 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: bsu.by. Дата доступа: 30.09.2017.

ПРИЛОЖЕНИЕ

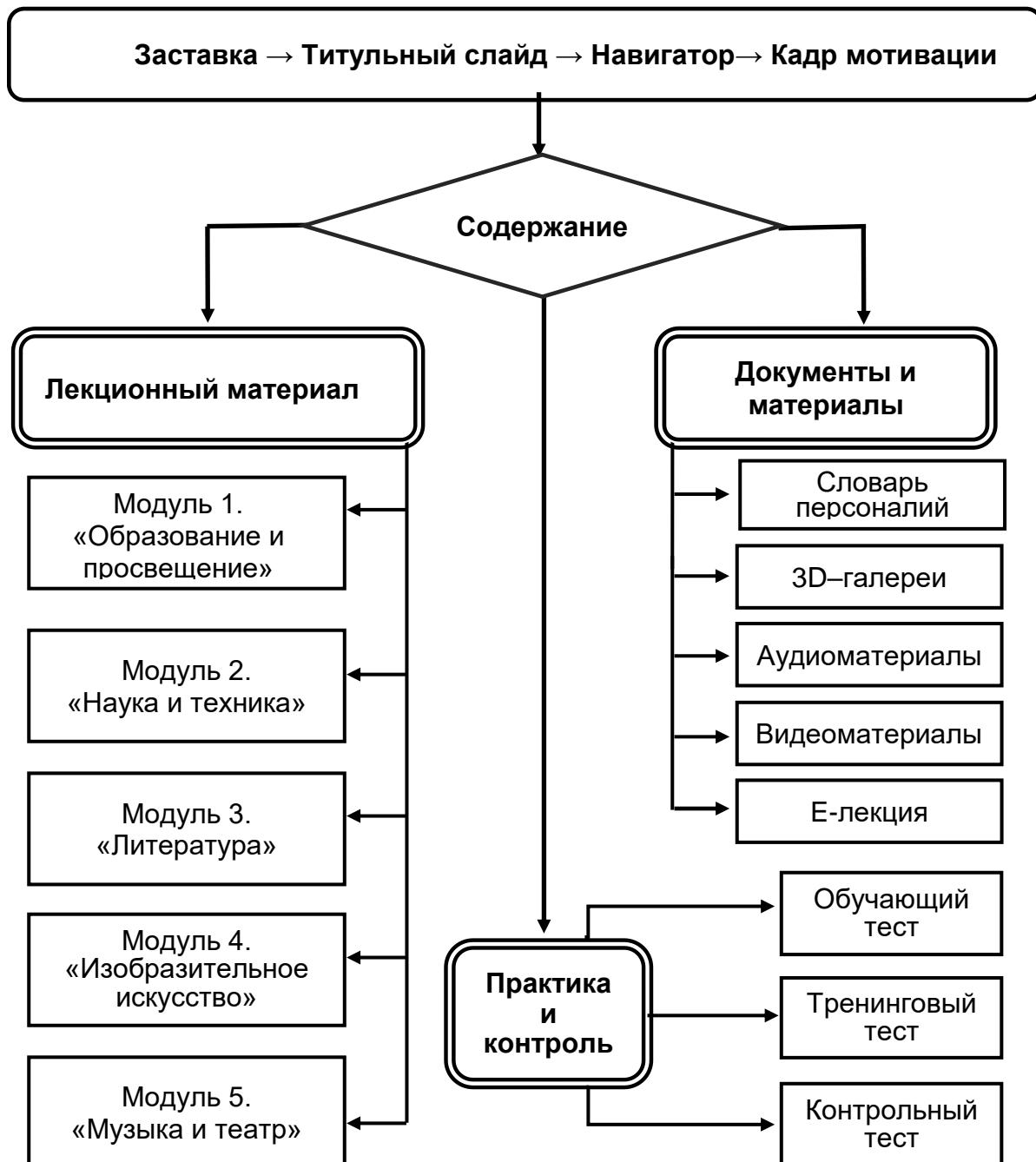
Приложение А

Культура России второй половины XIX—начала XX веков



Обложка электронного учебного пособия

**Структурно-логическая схема
ЭУП «Культура России второй половины XIX—начала XX в.»**



Приложение В



3-D-галерея. Суриков В.И.

Приложение Г

Вопрос # 1 из 60:

Выбрать номер правильного ответа

1. ПЕРВЫЕ ПЕТЕРБУРЖСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ ПОЛУЧИЛИ НАЗВАНИЕ

Выберите один из 6 вариантов ответа:

<input type="radio"/> 1	«Лубянские»
<input type="radio"/> 2	Владимирские
<input type="radio"/> 3	«Женские врачебные
<input type="radio"/> 4	«Бестужевские»
<input type="radio"/> 5	Аларчинские
<input type="radio"/> 6	Курсы профессора В.И. Герье

 Показать подсказку?

Подсказка к заданию...

Эти курсы были открыты в 1878 году.
Для полноценной деятельности курсов было организовано специальное «Общество для достижения средств высшим женским курсам», куда входили ректор Московского университета профессор А.Н. Бекетов, профессора Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов; А.Н. Бутлеров.

Финансовую помощь оказывали многие известные московские промышленники и общественные деятели.

 OK

Вопрос # 35 из 60:

Дополнить

35. ПЬЕСА-СИМВОЛ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА - _____.

(Ответ ввести по образцу: "Бесприданница", не забываем вводить кавычки).

Ведите ответ:

 Показать подсказку?

Подсказка к заданию...

Автор пьесы - А. П. Чехов.

 OK

Подсказки к тестовым заданиям №1 с выбором и №35 открытой формы
в тренинговом режиме

Приложение Д

Тест КультРос_ТренажРежим.mtf - MyTestStudent

Файл Тест Настройка Справка

Вопрос # 44 из 60:

Установить соответствие

44. НАУЧНАЯ РАБОТА **АВТОР**

Укажите соответствие для всех 4 вариантов ответа:

<p>«Введение к полному изучению органической химии»</p> <p>«Рефлексы головного мозга»</p> <p>«Топографическая анатомия»</p> <p>«Невосприимчивость к инфекционным заболеваниям»</p>	<p>1 Иван Михайлович Сеченов</p> <p>2 Илья Ильич Мечников</p> <p>3 Александр Михайлович Бутлеров</p> <p>4 Николай Иванович Пирогов</p> <p>5 Дмитрий Иванович Менделеев</p>
--	--

Пропустить... **Дальше (проверить)**

Тестовое задание на соответствие в тренинговом режиме

Снагоценко Валентина Владимировна

*Сумський державний педагогічний університет ім. А. С. Макаренка
(Суми, Україна)*

Н. И. КОСТОМАРОВ – УЧЕНЫЙ, ИСТОРИК: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1991–2000-е гг.)

16 мая 2017 г. выдающемуся историку, историографу, этнографу, писателю, общественному и политическому деятелю, идеологу славянского возрождения, доктору истории (1864 г.), адъюнкт-профессору Императорского университета Св. Владимира, члену-корреспонденту Петербургской АН (1876 г.) Николаю Ивановичу Костомарову (1817–1885) исполнилось двести лет. Деятельность учёного – многогранна, творческое наследие – многообразно. Основную его часть составляют исторические монографии и исследования, а также литературные произведения (поэзия, проза, драма), критические, полемические, публицистические статьи, переводы, записи народных песен, этнографические очерки, мемуары, эпистолярные материалы и др. материалы. Работы Н. И. Костомарова популярны и востребованы во многих странах мира, в т.ч. получили известность не только в странах бывшего Советского Союза, но и в Западной Европе, США, Канаде. 150-летний юбилей известного историка по решению ЮНЕСКО отмечался во всем мире [25].

Основными трудами его жизни стали исследования по истории Украины «Богдан Хмельницкий» (первое издание вышло в 1857 г., третье, в трех томах, – в 1876 г.), «Руина» (1879–1880 гг.), «Мазепа» и «Мазепинцы» (1882–1884 гг.), а также работы по истории России, «Бунт Стеньки Разина» (1858 г.), «Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада Новгород-Псков-Вятка» (1863 г.), «Смутное время Московского государства в начале XVII ст.» (1863 г.); польской истории – «Последние годы Речи Посполитой» (1869 г.); из всемирной истории – «Патриарх Фотий и первое разделение церквей» (1868 г.) и др. Костомаров активно сотрудничал в периодическом издании собрания документов по истории Украины и Беларуси XIV–XVII вв. под общим названием «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», собранные и изданные Археографической комиссией (в 15 томах), 1861–1892 гг. Огромное значение имеет фундаментальный труд историка «Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей», (1874–1876 гг.), где представлены критические биографии основных героев древнерусской истории. Эти и другие многочисленные исследования, как и мужественная гражданская позиция, обеспечили Костомарову уважение и признание общественности, почетное место в украинской культуре.

О жизни и научных трудах Н. И. Костомарова написаны сотни различных исследований, которые условно можно разделить на три периода. Первый – 1885–1917 гг. – появляются работы, затрагивающие отдельные эпизоды его биографии, статьи энциклопедического плана, публикации, оценивающие вклад Костомарова в развитие исторической науки. Второй период охватывает 1917–1980 гг. Это

время появления и усиления государственного направления в советской историографии, постепенно складываются идеологически полярные оценочные концепции взглядов и деятельности Н. И. Костомарова. Период современной украинской историографии охватывает 1991–2000-е гг., который кратко попытаемся охарактеризовать. Появление новой волны литературы о Н. И. Костомарове совпадает с его 175-летним юбилеем (1992 г.).

В условиях обретения Белоруссию, Украиной и другими республиками СССР государственной независимости возникли предпосылки для дальнейшего изучения взглядов и трудов историка. Исследование жизни и творческого наследия Н. И. Костомарова в Украине представлено разнообразными изданиями. В первую очередь необходимо отметить энциклопедические издания [15; 16; 22; 25]. Был составлен библиографический указатель произведений Костомарова, который включал весь спектр научных изысканий ученого его исторические, этнографические, археографические, публицистические, литературные исследования, а также рецензии и заметки [2]. Ведущий специалист в области «костомароведения» Ю. А. Пинчук – автор многих исследований о выдающемся ученом, в т.ч. и фундаментального жизнеописания Н. И. Костомарова [40]. В этой работе исследователь на основе обширной источниковой базы рассматривает факты биографии Н. И. Костомарова, характеризует его жизненный и творческий путь так: «от истории к политике и через нее к истории» [26]. Помимо названной работы, Ю. А. Пинчук является автором научного очерка «Николай Иванович Костомаров как историк» [27], также целого ряда статей, освещающих отдельные эпизоды его биографии [28], анализирующих творческое наследие Костомарова и его вклад в историографию [30], работ, устанавливающих роль и значимость воспоминаний людей, знавших историка для более полного рассмотрения его взглядов и жизненного пути [31]. В работах Ю. А. Пинчука детально и скрупулезно рассматривается жизненный путь Н. И. Костомарова, объективно и непредвзято оценивается его творческое наследие, подробно и глубоко анализируются исторические концепции ученого, ставится проблема его гражданской позиции и роли в национальном движении за независимость Украины. В исследованиях Ю. А. Пинчука содержится практически всеобъемлющее освещение вопросов, связанных с жизнью и деятельностью Н. И. Костомарова, как историка и ученого. В 2001 г. была издана «Энциклопедия жизни и творчества Н. И. Костомарова (1817–1885)» [25]. Объемный труд включает более тысячи статей об основных вехах творческого и жизненного пути известного историка. Рассмотрены все его сочинения, периодические и другие издания, в которых он печатал свои работы, дан обзор важнейших населенных пунктов, местностей, регионов и стран, связанных с его биографией. Уточненный и расширенный материал энциклопедии был издан в энциклопедическом справочнике в 2005 г. [34]. Выявлению и рассмотрению заслуг Н. И. Костомарова перед исторической наукой посвящена статья Н. П. Толочко «Видатний історик України і Росії». Исследователь анализирует исторические концепции ученого, раскрывает в них слабые места, заблуждения (часть из которых были признаны Костомаровым в своих работах) [37].

Помимо фундаментальных работ общего плана продолжают публиковаться исследования, характеризующие отдельные аспекты деятельности Н. И. Костомарова, его исторические (краеведческие) [1; 11] и этнографические исследования [36; 39]. В частности много работ посвящено его периоду жизни и творчества на Волыни [3–6; 18], в Харькове [21], Киеве [29], Ровно [32].

Многопланова и разнообразна тематика научных поисков представленных в современных диссертационных исследованиях. Различны направления научных поисков: исторические [7], философские [33; 38], филологические [12; 24], политологические [17], педагогические [9] и др. В последние годы представлено ряд исследований (монографии, учебные пособия и т.д.), которые посвящены анализу украинской национальной идеи в художественной литературе и научно-публицистическом творчестве Н. И. Костомарова [13; 14]; монографии, в которых анализируется вклад Костомарова в дело сбора и издания исторических источников [23] и др.

Проблему создания украинской этнической идентичности в трудах Н. И. Костомарова на страницах украинской периодики представляет английский историк Д. Сондерс [35]. Исследователь продолжает разрабатывать идеи, выдвинутые М. С. Грушевским, приходит к выводу, что на протяжении большей части жизни историка Украина составляла сферу его принципиальных интересов. Пережив в 1847 г. тяжелые испытания, выпавшие на его долю по воле властей, Костомаров, по мнению Д. Сондерса, не изменил своим убеждениям молодости, но стал осторожнее в их проявлении: «чтобы выжить, Костомарову приходилось прятать взгляды своего украинофильства за профессиональной деятельностью» [35].

На сегодняшний день в Украине творческое наследие Н. И. Костомарова продолжает вызывать интерес. Результаты творческих поисков регулярно печатаются в сборниках научных трудов, университетов, музеев и т.д. [8; 19; 20; 41].

Таким образом, литература о жизни и творчестве Н. И. Костомарова отличается разноплановостью исследовательских подходов и взглядов авторов. Творческое наследие Костомарова продолжает вызывать интерес отечественных и зарубежных исследователей.

Библиографический список

1. Баженов, Л. Краєзнавство в житті та творчості Миколи Костомарова // Українська культура в іменах і дослідженнях: присвяч. 180-річчю М. Костомарова. Рівне: Рівнен. держ. ін-т культури. 1997. Вип. 1. С. 58–60.
2. Бібліографічні покажчики творів Миколи Івановича Костомарова. Київ, 2003. 196 с.
3. Василенко, О. Історія Волині в теоретичній спадщині М. І. Костомарова та С. М. Соловйова (історіософське порівняння) // Волинь у житті та творчості письменників : зб. наук. праць. Луцьк : Твердиня. 2007. С. 35–38.

4. *Василенко, О.* Історія Волині в спадщині М. І. Костомарова // Волинь і волинське зарубіжжя : тези доповідей та повідомлень Міжнар. наук. конф., Луцьк, 16–18 черв. 1994 р. Луцьк, 1994. С. 229–232.
5. *Галич, О.* Микола Костомаров: Україна, Волинь, Рівне // Українська культура в іменах і дослідженнях / Рівнен. держ. ін-т культури. Рівне, 1997. Вип.1. С. 10–12.
6. *Гень, О. М.* Волинь у долі Миколи Костомарова // Роде наш красний.... Луцьк: Вежа. 1996. Т. 2. С. 129–131.
7. *Гончар, О. Т.* Проблеми історії та культури України в епістолярій спадщини М. І. Костомарова: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.06 / О. Т. Гончар; Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. Київ, 2008. 20 с.
8. *Гривюк, С.* Микола Костомаров – вчений, краєзнавець, викладач // Наукові записки / Рівнен. обл. краєзн. музей. Рівне: Перспектива. 2007. Вип. 5: [присвяч. 150-річчю від дня народження М. І. Костомарова]. С. 9–11.
9. *Дутко, О. М.* Педагогічні ідеї М. І. Костомарова у контексті просвітницького руху в Наддніпрянській Україні XIX століття: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / О. М. Дутко; Ін-т педагогіки НАПН України. Київ, 2010. 20 с.
10. *Зубань, В. І.* «Аліна й Костомаров» та «Романи Куліша» В. Петрова в контексті українського культурного життя 20-х років ХХ століття: Автореф. дис... канд. фіолол. наук: 10.01.01 / В. І. Зубань; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків., 2003. 19 с.
11. *Касянчук, І.* Що цікавило відомого етнографа [М. Костомарова] в нашому [Дубенському] краї // Скриня. 2012. 31 трав. С. 9.
12. *Козачок, Я. В.* Концепція нації як духовної спільноти в художній та публіцистичній творчості Миколи Костомарова: Автореф. дис... д-ра фіолол. наук: 10.01.01 / Я. В. Козачок; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2004. 40 с.
13. *Козачок, Я. В.* Українська ідея: з вузької стежки на широку дорогу (художня і науково-публіцистична творчість Миколи Костомарова) / Національний авіаційний ун-т. Київ: НАУ, 2004. 352 с.
14. *Козачок, Я. В.* Горизонти українотворення в публіцистиці М. І. Костомарова. Микола Костомаров у контексті сучасності: навч. посіб. для студентів вищ. навч. закл. / Я. В. Козачок, В. В. Чекалюк; Нац. авіац. ун-т. Київ: НАУ, 2013. 334 с.
15. Костомаров Микола Іванович (1817–1885) // Енциклопедія українознавства: у 10 т. / за ред. В. Кубійовича. Київ, 1996. Т. 3. С. 11–48.
16. Костомаров Микола Іванович // Довідник з історії України / ред.: І. Підкова, Р. Шуст. 2-ге вид. Київ, 2001. С. 357–358.
17. *Лемещенко, К. Б.* Розвиток політико-правової теорії лібералізму у творчій спадщині М. І. Костомарова: Автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.01 / К. Б. Лемещенко; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. Київ, 2010. 18 с.

18. *Масний, О. С.* М. І. Костомаров і Волинь // Велика Волинь: минуле і сучасне: тези регіон. наук. конф. 14–16. листоп. 1991 р. Рівне, 1991. С. 62–64.
19. Микола Костомаров у вимірах сучасності: зб. наук. праць за матеріалами Всеукр. наук.-практ. конф. / Ін-т історії НАН України, Ін-т мистецтвознав., фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України [та інш.]; упоряд. С. Шевчук. Рівне : Волинські обереги, 2007. 220 с.
20. М. Костомаров і його епоха: текст і контексти (до 200-річчя від дня народження Миколи Костомарова): зб. наук. праць. Рівне: [б. в.], 2017. 184 с.
21. *Михеєва, В.* Николай Иванович Костомаров в Харькове (1833–1844). Начало пути. Харьков: Тимченко А. Н., 2007. 240 с.
22. Незабутні постаті / [Авт.-упор. О. Матвійчук, Н. Струк; Ред. кол.: В. В. Скопенко, О. В. Третяк, Л.В. та інш.]. Київ: Світ Успіху, 2005. С. 191–192.
23. *Петренко, С. М.* Археографічна спадщина Миколи Костомарова. Київ-Полтава, 2000. 200 с.
24. *Підгорна, Л. М.* Фольклористична діяльність Миколи Костомарова (методологічний аспект): автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.07 / Л. М. Підгорна; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2006. 18 с.
25. *Пінчук, Ю. А.* Костомаров Микола Іванович // Енциклопедія історії України: Т. 5: Кон–Кю / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та інш. НАН України. Інститут історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2008. 568 с.
26. *Пінчук, Ю. А.* М. І. Костомаров (1817–1885). Київ: Наукова думка, 1992. 232 с.
27. *Пінчук, Ю. А.* Николай Иванович Костомаров как историк // Костомаров Н. И. Автобіографія. Бунт Стеньки Разина. Київ, 1992. С. 5–75.
28. *Пінчук, Ю. А.* Слобожанщина – місце народження й становлення М. І. Костомарова як історика // Історико-географічні дослідження в Україні. Київ, 1994. С. 186–196.
29. *Пінчук, Ю. А.* М. І. Костомаров у Києві (1844–1847 pp.) // Український історичний журнал. Київ, 1992. № 5. С.3–15.
- 30 *Пінчук, Ю. А.* Богдан Хмельницький і його доба у дзеркалі полеміки Михайла Максимовича з Миколою Костомаровим // Історичний журнал. 2005. № 1. С. 3–7.
31. *Пінчук, Ю. А.* Микола Костомаров і його найближче оточення у світлі мемуарів Аліни Костомарової // Історіографічні дослідження в Україні. Київ, 2004. Вип. 14. С. 442–465.
32. *Самсонюк, Т.* Рівненщина в етнографічних дослідженнях Миколи Костомарова // Наукові записки / Рівнен. обл. краєзн. музей. Рівне: Перспектива. 2007. Вип. 5: [присвяч. 150-річчю від дня народження М. І. Костомарова]. С. 12–15.
33. *Сініцина, А. В.* Історико-філософські ідеї українського романтизму (П. Куліш, М. Костомаров): Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.05 / А. В. Сініцина; Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. Львів, 2001. 20 с.

34. Смолій, В. А. Микола Костомаров: віхи життя і творчості: енциклопедичний словник / В. А. Смолій [и др.]; заг. ред. В. А. Смолій. Київ: Вища школа, 2005. 544 с.
35. Сондерс, Д. Микола Костомаров і творення української етнічної ідентичності // Київська старовина 2001. № 5. С. 21–32.
36. Терлецький, В. Деякі штрихи до взаємин М. І. Костомарова із сучасниками на терені фольклорно-етнографічних досліджень // Микола Костомаров у вимірах сучасності: зб. наук. праць за матеріалами Всеукр. наук.-практ. конф. Рівне: Волин. обереги. 2007. С. 211–217.
37. Толочко, П. Видатний історик України і Росії // Київська старовина. 1992. № 5. С. 7–14.
38. Федюк, В. Ю. Концепція «духу народності» в історіософії Миколи Костомарова: Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.05 / В. Ю. Федюк; Дніпропетровський нац-ий ун-т ім. О. Гончара. Дніпропетровськ, 2009. 19 с.
39. Шевчук, В. А. Видатні українські етнографи, що вивчали Південну Волинь в XIX – на початку ХХ ст. // Велика Волинь: минуле й сучасне: (матеріали міжнар. наук.-краєзн. конф., жовт. 1994 р.). Хмельницький-Ізяслав-Шепетівка. С. 67–71.
40. Энциклопедия жизни и творчества Н. И. Костомарова (1817–1885) / Ю. А. Пинчук [и др.]; предс. редкол. В. А. Смолий ; Нац. акад. наук Украины, Ин-т истории Украины. Київ: Ин-т истории Украины; Донецк: Юго-Восток, 2001. 565 с.
41. Ясьмо, В. Вагоме надбання української науки і культури // Українська культура в іменах і дослідженнях: присвяч. 180-річчю М. Костомарова. Рівне: Рівнен. держ. ін-т культури. 1997. Вип. 1 С. 20–23.

Фиронов Анатолий Николаевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЦЕННОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ И ПРАВЕ

В современном обществе ценности как сложный феномен приобретают все большую актуальность. Так ценности, выступая составной частью культуры, проявляются и в иных социальных сферах, будучи охраняемыми при помощи права. Синтез культурного и правового аспектов ценностей осуществляется в рамках правовой культуры, а точнее, ее аксиологической функции. Значимость осмыслиения данного измерения права обусловлено, с одной стороны, как развитием самого общества, так и, с другой стороны, усилением глобальных кризисных явлений, обусловленных, в том числе, кризисом и конфликтом ценностей. Отметим, что отрицание либо отказ от учета культурно-ценностной детерминации снижает регулятивно-охранительные качества права и может привести к отрицанию ценности права вообще. Вышеизложенное актуализирует важность изучения ценностей в контексте правопонимания и правовой

культуры, одним из аспектов которого является анализ имеющихся взглядов на роль ценностей в правовой культуре в контексте определения базовых ценностей современного социума, защищаемых правом.

Сегодня в теории права доминирует подход, согласно которому ценности выражают значимость предмета (явления) для человека, которая имеет именно положительный характер. Мы будем придерживаться этой точки зрения, вместе с тем представляется целесообразным анализ и других имеющихся взглядов.

Традиционно сформировалось деление ценностей на материальные и духовные; а также личные, которые важны только для одного субъекта и сверхличные, которые значимы для групп, классов, целых народов и государств. В виде материальных ценностей в современном обществе выступают деньги, одежда, жилье, в то время как духовными ценностями являются вера, честь, достоинство и др. [1, с. 72–74].

Особое место в мире занимают базовые ценности общества, которые имеют общесоциальную значимость. Эти ценности делают возможным само существование общества, к которым ценностям относятся и правовые ценности [2, с. 121].

В современной культуре и праве ценности выступают своеобразными «априорными конструкциями», выполняющими функции критериев оценки и пределов социальных отношений. Именно ценности являются связующим звеном при интеграции культуры и права, и фундаментальной основой для формирования правовой культуры.

В широком смысле правовая культура включает в себя юридические нормы, ценности и идеи, взаимообусловливающие друг друга. Традиционно принято считать в качестве юридических ценностей свободу как право, справедливость, законность (легитимность) и правопорядок, правовую защищенность, законопослушание и справедливый суд. Однако, есть мнение, что в узком, специальном смысле правовая культура проявляет себя через различные механизмы юридической практики: интерпретацию, конкретизацию, правосудие, а политика, нравственность, религия и другие компоненты общей культуры выступают социальной средой действия права [3, с. 12–14]. По нашему мнению, это не совсем верно, поскольку юридические ценности представляют собой закрепление различных компонентов общей культуры при помощи права. При этом, С. С. Алексеев отмечает, что решающим показателем прогресса является развитие гуманитарного содержания права, «происходит постепенное накопление правовых ценностей, раскрывающих предназначение права как явления цивилизации и культуры» [4, с. 182–183].

А. П. Семитко считает, что развитие правовой культуры в истории есть правовой прогресс. Критерием последнего является «правовое положение личности, переход от социоцентристского к персоноцентристскому правовому статусу» [5, с. 8–9]. Такая точка зрения, была достаточно популярна в период перехода к рыночной экономике. По нашему мнению, эта эйфория закончилась с осознанием реальной рыночной действительности, которая имеет

свои недостатки и социально-экономические проблемы: безработица, банкротство, социальная незащищенность.

Верным представляется нам подход Л. О. Мурашко, которая пишет, что «ценности обусловливают возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия, в связи с чем отношения, воплощающие эти идеальные образы, являются аксиологически детерминированными» [6, с. 57]. Ценность, по мнению Л. О. Мурашко, объективна в отношении к обществу, если сама жизнь такого общества предполагает следование данной ценности в целях сохранения самого существования.

Таким образом, ценности – это сквозная категория права и культуры, которая особенно ярко проявляется в правовой культуре. Ценности не только являются основой формирования правовой культуры, но также служат инструментом согласования интересов отдельной личности и общества в целом, так как обладают такими свойствами как общезначимость и трансцендентность.

Библиографический список

1. Общая теория права: пособие / В. А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск: БГУ; Изд-во «Четыре четверти», 2014. 416 с.
2. *Карташов, В. Н.* Правовая культура: понятие, структуры, функции / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 200 с.
3. *Демидова, И. А.* Правовая культура: структурно-функциональный анализ // Право.by. 2013. № 6. С. 10–16.
4. *Алексеев, С. С.* Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
5. *Семитко, А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. – 313 с.
6. *Мурашко, Л. О.* Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Л. О. Мурашко // Институт государства и права РАН [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: http://www.igpran.ru/prepare/a.persons/Murashko/MurshkoLO_diss.pdf. Дата доступа: 15.08.2017.
7. *Тихиня, В.* Правосознание и правовая культура в современном обществе // Белая вежа. 2016. № 6. С. 104–109.

Хаткевич Наталья Николаевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ПРАВА

Для более полного понимания рассматриваемого вопроса важно осознавать понятие культуры как фактора генезиса и детерминации различных сфер существования общества, в том числе и права. Существует более девятисот

дефиниций культуры. С выработкой понятия «культура» наука испытывает такие же сложности, как и с выработкой в теологии понятия «божества». Наиболее логичное понятие выработала ценностная теория, которая исходит из понимания «культуры» как совокупности ценностей, присущих определенным социумам на определенных этапах их исторического развития. Ценности выполняют интегративную функцию, обладают связующими и побудительными свойствами, выступают как системообразующие факторы, обеспечивающие взаимосвязь различных структурных элементов социальных групп членов общества. Факторами выступают различные обстоятельства, обуславливающие определенные качественные изменения права, которые в целом могут быть источниками развития последнего. В отличие от причин, фактор представляет собой воздействие определенных средств, условий, механизмов, независимо от сферы его проявленности – внутренней или внешней. Материальные факторы можно отнести к внешней проявленности, культура же как феномен представляет собой уникальную субстанцию, соединяющую в себе внешнее воздействие и внутреннее свойство как всего общества в целом, так и отдельного индивида.

Ценностные установки формируют мировоззренческие и поведенческие массовые и индивидуальные стереотипы, в конечном итоге трансформирующиеся прямо или опосредованно, через волю законодателя или отдельных лиц в правовые предписания, выраженные в законах и иных ценностных установках общества, как обычаи, нормы морали, этики и религии. Культура – это набор кодов, предписывающих членам общества определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, оказывая на него, тем самым, управляемое воздействие, такой механизм воздействия аналогичен праву, с той особенностью, что правовые предписания подкреплены принудительным воздействием со стороны государства, обладающего исключительным правом на насилие. Взаимодействие культурных, правовых, религиозных и иных механизмов воздействия на поведение участников дает синергический эффект, обеспечивая устойчивость сложных общественных систем.

Факторами развития права являются обстоятельства и явления, обуславливающие определенные качественные изменения права. К таким относятся материальные и идеальные условия существования общества. К идеальным условиям относятся культурные установки той или иной общественной формации и (или) цивилизации. Не является решенным вопрос о примате материальных или идеальных факторов в развитии общества, логично рассматривать их комплексное воздействие. Однозначным представляется, что право сформировалось под их двойным воздействием. Материальные условия жизни общества, развитие технологий и другие аналогичные факторы порождают новые общественные отношения, новые культурные установки и модели поведения, которые по мере их усложнения и распространения требуют правовой регламентации. В свою очередь, культура оказывает воздействие на материальные факторы, поведение членов общества и напрямую, а в ряде случаев опосредованно формирует право. Так правовые предписания, получившие закрепление в ряде европейских государств, являются неприемлемыми в других странах, придер-

живающихся традиционалистских норм культуры. Примером является отрицание рядом культур, в частности исламских государств, правовых подходов по легализации «однополых браков», детской эвтаназии, формировании ювенальной юстиции и т.д. Данный пример наглядно иллюстрирует влияние культурных факторов на формирование правовой модели поведения и подходов в правовом регулировании данных отношений. При этом следует учитывать сосуществование цивилизаций и разных культур в едином временном промежутке. Особенности различных культурных подходов могут быть обусловлены религиозными и иными факторами. В частности, тем, что ряд народов фактически находится на стадии развития соответствующей родоплеменному строю, хотя формально такие государства отнесены к развивающимся или даже развитым, хотя такое деление представляется достаточно условным.

Отношение к праву, к его роли вырабатывается и поддерживается символами и традициями общего прошлого, как светского, так и религиозного порядка, обобщенных культурой соответствующего народа. Исторические особенности развития различных стран и регионов оказывают многофакторное влияние на становление правовых отношений, на особенности правовой культуры, ее связи с ментальными основаниями общественной жизни. Благодаря этим многогранным влияниям обусловлена определенная уникальность национальных правовых культур и систем. В силу этого формируются нормы взаимодействия в соответствии с ментальными традициями бытия народов, социальных групп, конкретных индивидов. Все эти факторы накладывают отпечаток на различные аспекты содержания права, на реальные возможности повышения уровня правовой культуры, ее нравственно-этических оснований. Следует осознать необходимость возрождения лучших культурных традиций Беларуси, ее духовности в противоборстве с деструктивными тенденциями, порожденными ложными ценностями. Это позволит провести системную идентификацию права с отечественной духовной культурой, с ее традиционными ценностями.

Культура, будучи фактором созидания человека, как общественного существа и ценностно-нормативным регулятором его жизнедеятельности содержит в себе детерминанту реального развития смысла истории, которая отражается и в процессе формирования диалектики права. Культура представляется в трех взаимосвязанных аспектах, во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека, т.е. это не естественное свойство как слух или зрение и, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны является продуктом, а с другой стороны, детерминантой системы человеческого социального взаимодействия.

Культура, будучи явлением более широким по отношению к праву, выполняющая познавательную, социализирующую, нормативную, адаптационную, трансляционную, информационную, коммуникативную, мотивационную, мобилизующую, консолидирующую и другие функции, являясь специфически

человеческим способом деятельности, направленным на созидание духовных и материальных ценностей, результатом которого является развивающаяся система идеалов, ценностей, норм поведения зафиксированных, в том числе и в праве. В этом и состоит правообразующая функция культуры, как многогранного феномена человеческого сознания.

Цуцулаева Сапият Сайпуддиновна

Чеченский государственный университет (Грозный, Россия)

**АСЛАМБЕК ИМРАНОВИЧ ХАСБУЛАТОВ –
УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

История чеченского народа является частью отечественной, поэтому важность ее изучения не вызывает сомнений. Человек, знающий историю своего народа, может адекватно ориентироваться в современном пространстве и грамотно реагировать на возникающие трудности. Изучать науку, повествующую о делах прошедших веков, помогают историки. Одним из них является Асланбек Имранович Хасбулатов.

Жизнь, научная и общественная деятельность историка Асланбека Имрановича Хасбулатова (1937–2013) совпали с переломными этапами в истории чеченского народа. Ему и самому не раз непосредственно довелось испытать крутые повороты в своей судьбе. Асланбек Имранович родился 24 ноября 1937 г. в Грозном. Он был вторым сыном (кроме него в семье еще два брата и сестра).

В феврале 1944 г. семью Хасбулатовых депортировали вместе со всеми чеченцами и ингушами. Семья Хасбулатовых была разлучена с отцом. Имран Чукиевич в эти дни находился на лечении из-за тяжелой болезни. Депортация забросила Жовзан с детьми в маленькую деревню Скворцовка, что в Полудинском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР, где они проживали с 1944 по 1954 гг. С самого детства он стал для своей матери – Жовзан, помощником по домашнему хозяйству.

В 1954 г. будущий ученый А. И. Хасбулатов окончил Полудинскую среднюю школу. Он мечтал о поступлении в вуз. И мать Жовзан, несмотря на все трудности, старалась, чтобы ее дети, получили соответствующее образование. Имея ярлык репрессированного гражданина, в 1954 г. он поступил сначала в сельскохозяйственный институт, а через год – на исторический факультет Казахского государственного университета, который окончил в 1960 г. [3, с. 42], уже, будучи полноправным гражданином страны.

Годы депортации закалили его, открыли ему самого себя, научили преодолевать трудности, ценить людей, усилили чувство ответственности за то, что он делал. Как многие репрессированные, Асланбек Имранович, очень редко

и скрупульно рассказывал о пережитом. Помню, как Асланбек Имранович, при нашей первой встрече, в 2003 г., узнав, что занимаюсь вопросами депортации, начал вспоминать те трагические дни, выпавшие на долю чеченского народа. Рассказывал на сколько тема депортации сложна... Это были глубоко личные воспоминания и переживания, но, видимо, именно они как бы изнутри поддерживали его, делали стойким и убежденным в своих мыслях и действиях. Это проявлялось в его деятельности как ученого и педагога, в полной отдаче делу, которое стало целью его жизни.

Научная и педагогическая деятельность Асланбека Имрановича сложилась успешно. Накопленные за годы обучения на историческом факультете Казахского государственного университета знания, создали фундамент для будущей исследовательской работы. После прибытия из Казахстана, в 1960 г., А. И. Хасбулатов был принят на работу в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ЧИНИИЯЛ) при Совете министров Чечено-Ингушской АССР. В 1960 г. он поступил в аспирантуру на кафедру истории СССР Дагестанского государственного университета. В 1964 г. он стал кандидатом исторических наук, защитив кандидатскую диссертацию «Революция 1905–1907 гг. в Чечено-Ингушетии». И в том же году началась его педагогическая деятельность, когда он на конкурсной основе был избран старшим преподавателем кафедры истории историко-филологического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института (ЧИГПИ).

В 2011 г. А. И. Хасбулатов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН по теме «Социально-экономическое и политическое положение Чечни во второй половине XIX – начале XX в.».

В 1968 г. в результате реорганизации структуры историко-филологический факультет был разделен на два факультета – филологический и исторический [1, с. 62]. Деканом исторического факультета стал А. И. Хасбулатов, который бесменно работал в этой должности до 1997 г. Он сочетал в себе дар ученого, педагога, организатора. Все формы его деятельности были слиты в нем воедино и везде он добивался значительных результатов, проявил себя как профессионал высокого класса.

Асланбек Имранович Хасбулатов был человеком науки. Он высоко ценил и уважал научное знание, труд ученого. С непреходящим интересом он обращался к творчеству замечательных ученых прошлого и своих современников, которые смогли создать и выразить в своих трудах одно из важнейших, говорил он, предназначений науки – «открывая для современников прошлое, помочь понять их настоящее».

Факультет, совместно с ЧИНИИЯЛ при содействии таких солидных научных центров как: Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, Институт истории СССР АН СССР, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Научный Совет по проблеме «История исторической

науки» при отделении истории АН СССР провел три Всероссийских научных конференций в 1975, 1978 и 1982 гг. Они ознаменовали поворот историков региона от простого усвоения теоретических и историографических вопросов к их углубленной разработке [2, с. 3]. Участники конференции получили возможность убедиться в том, что в Чечено-Ингушетии выросла и крепнет мощная плеяда ученых в лице историков, этнографов и археологов и, что исторический факультет, во главе с его деканом и заведующими кафедрами, «превратился не только в ведущее учебно-воспитательное подразделение ЧИГУ (ЧИГПИ в 1971 г. был преобразован в Чечено-Ингушский университет (ЧИГУ), но и стал признанным научным центром на Северном Кавказе» [3, с.43]. Об этом свидетельствовал и частый приезд в Грозный в 1980-х гг. известных советских историков, в том числе академиков АН СССР – А. Л. Нарочницкий, И. И. Минц, М. П. Ким, члены-корреспонденты АН СССР Ю. А. Поляков, Ю. А. Жданов и др. [3, с. 43].

В масштабах всего университета, по воспоминаниям его коллег, учеников, Асланбек Имранович являлся очень требовательным руководителем факультета. Однако его строгость всегда была справедливой, оправданной, направленной на пользу всего коллектива. В учебном заведении он имел непрекаемый авторитет. Заботливое отношение декана к своим студентам признавалось и ценилось его коллегами [3, с. 43]. Он был мудрым и дальновидным. По воспоминаниям коллег у него была отработанная и оправданная временем привычка: с первого курса брать на заметку наиболее смышлёных, работоспособных, умных, талантливых, при этом высоко порядочных и воспитанных студентов и готовить их либо к поступлению в аспирантуру, либо к распределению в ЧИНИИИЛ или к рекомендации для работы в различных партийных, комсомольских и государственных органах.

Так, в начале 1970-х гг., по инициативе А. И. Хасбулатова в целевую аспирантуру, при Ростовском госуниверситете и Институте истории СССР АН СССР, были направлены четыре лучших выпускника исторического факультета ЧГУ: Ш. А. Гапуров – ныне президент АН ЧР, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории ЧГУ, д.и.н., профессор; А. М. Бугаев – ныне заведующий отделом гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории Чеченского государственного педагогического университета; С. С. Магамадов – ныне директор Института гуманитарных исследований АН ЧР, заведующий кафедрой истории мировой культуры и музеологии ЧГУ, к.и.н., профессор; С. Р. Тепсуев, – к.и.н., профессор кафедры истории и права ЧГПУ.

По рекомендации Асланбека Имрановича путевки в науку получили: Я. З. Ахмадов – д.и.н., профессор, З. Х. Ибрагимова – к.и.н., старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, А. Д. Осмаев – д.и.н., профессор, заместитель директора по науке КНИИ им. Х. И. Ибрагимова РАН, А. Ш. Алиев – д.и.н., доцент кафедры истории и об-

ществоведения Грозненского государственного нефтяного технического университета им. М. Д. Миллионщикова, С. А. Натаев – к.и.н., доцент кафедры истории народов Чечни ЧГУ и многие другие [3, с. 43].

Асланбек Имранович был человеком колоссальной трудоспособности. Он получал истинное удовольствие от постоянного интеллектуального действия, непрерывной работы мысли. Он подготовил не одно поколение специалистов-историков. Под его руководством было написано немало дипломных работ, являлся научным руководителем для многих аспирантов. В частности, под его руководством защитили кандидатские диссертации – Гелаева Зара Алаудиновна «Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII–XIX вв.» и Матагова Хатмат Абуевна «Становление и развитие высшего образования Чечни в 1920–1944 гг.», которые сегодня достойно продолжают дело своего наставника. Его ученики работают во многих научных и учебных заведений нашей республики и страны. О Асланбеке Имрановиче можно сказать словами великого русского историка Василия Осиповича Ключевского: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь и любить тех, кому преподаешь». Педагогическая работа давала стимул для научного творчества, ставила передним ним вопросы, которые требовали ответа.

Прошлое интересовало Хасбулатова во всех его проявлениях: социально-экономическом, политическом, правовом, культурном. Ему принадлежит более 200 публикаций, посвященных истории народов Чечни. Из них 5 – монографий по наиболее актуальным вопросам истории Чечни – социально-экономическое и политическое развитие, революционно-освободительное движение в Чечне и Ингушетии (вторая половина XIX и начало XX вв.); территориально-административные и аграрные реформы в Чечне и Ингушетии (60–70-е годы XIX в.); становление Грозненского нефтепромышленного района; землевладение в Чечне и Ингушетии в дореволюционный период; влияние развития товарно-денежных (капиталистических) отношений в России на сельское хозяйство Чечни [4]. Его исследования всегда интересны как своей фактической аргументированностью, так и теоретическими обобщениями. Общепризнанным являлся высокий уровень редакторского мастерства Асланбека Имрановича Хасбулатова.

Вот некоторые проблемы, которые рассмотрены в работах профессора Хасбулатова.

Так, профессор А. И. Хасбулатов дает описание территории Чечни, в частности, известной Чеченской равнины, изучение чеченского этноса и численности населения Чечни во второй половине XIX в. Приводится характеристика территориального деления Чечни, так как в соответствии с ним функционирует система органов власти. Исследован широкий круг вопросов, связанных со становлением Российской администрации в Чечне.

Кроме того, автором изучена проблема установления органов управления в Чечне во второй половине XIX – начале XX в. Многократные территори-

ально-административные деления Терской области царскими властями привели к созданию системы управления, которую в исторической литературе характеризовали как «военно-народной», хотя народного в этой системе было мало. Организационным началом этого управления в Чечне, как считает автор, явилось создание в 1852 г. «Чеченского управления» и введение «Правил для управления покорными чеченцами», в которых был учтен опыт послевоенных административно-территориальных преобразования. Таким образом, автор приходит к выводу, что с окончанием Кавказской войны и образованием в 1860 г. Терской области, начинается новый этап в территориальном делении и в создании административного управления. В последующем управление постоянно менялось с целью его совершенствования, чтобы приспособить край к изменявшимся условиям в интересах развивающегося российского капитализма «вширь». Вместе с тем, территориально-административное деление и введение более или менее однотипного управления для населения края имели и позитивные последствия. Царские власти при создании административного аппарата использовали традиционные методы управления, вкладывали в них социальное содержание, устрашающее колониальную политику. Однако поступательное общественное развитие нельзя было остановить, постепенно устраивались экономическая и политическая раздробленность, замкнутость горских обществ и др.

Автор считает, что процесс присоединения Северного Кавказа к России не был актом единовременным, он длился несколько веков и имел периоды относительно мирного развития или обострения отношений, перераставшие в вооруженное сопротивление со стороны горских народов, как ответную, закономерную реакцию на активизацию захватнической политики царского правительства. Кавказская администрация в 50-е гг. XIX в. приступила к преобразованию приставских управлений в военно-народные округа с привлечением к управлению представителей от местного населения.

В его трудах подробно изучены вопросы административно-территориальных преобразований в Чечне. Так, административные преобразования включали в себя и укрупнение аулов путем переселения жителей мелких аулов и хуторов в более крупные, тем самым властями прежде всего преследовались фискальные и полицейские цели. При создании органов местного управления предписывалось применять к ним правила общего «Положения» от 19 февраля 1861 г. Эти требования в определенной степени были учтены в разработанном под председательством начальника Терской области генерала М. Т. Лорис-Меликова «Положении о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденном наместником Кавказа 30 сентября 1870 г. Автор подчеркивает, что чеченцы в результате многовековой колонизации их земель, создания казачьих войск (Терского и Сунженского) в результате частых территориальных разделов и переделов, не имели единой непрерывной территории. При административном устройстве области в 80-е гг. XIX в., в условиях усиления реакции в России, станицы и аулы, расположенные чересполосно или рядом оказывались часто в составе разных административных управлений.

А. И. Хасбулатовым подробно изучены и вопросы суда и судопроизводства. В частности, говорится о том, как царское правительство по мере завоевания Кавказа вводило российские административные органы власти и судопроизводства на местах среди горских народов. В 1785 г. царизм ввел на Кавказе наместничество. По мере присоединения той или иной территории к России с задачами «присмотра за поведением» населения, соблюдения ими российских законов, назначались из числа русских армейских офицеров приставы.

А. И. Хасбулатов в своих исследованиях отмечает, что своеобразие сложившегося веками общественного строя, полное несоответствие применяемого на практике горцами в судопроизводстве адата или шариата действующим в Российской империи законам, вынуждали колониальные власти отказаться от попыток немедленно ввести на Северном Кавказе административно-судебную систему по российскому образцу. Царские власти, создавая для горцев специфичную систему управления и судопроизводства, пытались, используя народные обычаи (адаты) и религиозные убеждения (шариат), а также, привлекая к судопроизводству выборных от горского населения, подчинить горское население полностью своей власти.

Следующая проблема изучению которой отводится значительное место в трудах А. И. Хасбулатова – общественные отношения и освобождение зависимых сословий в чеченском обществе. В условиях общинного устройства, когда все члены общества являлись крестьянами-общинниками, в «лаевском» или «оъзда-наховском» сельском обществах были богатые и бедные. Большинство чеченских обществ были многотайповыми, нередко среди выходцев из «лаев» встречались богатые люди, и, наоборот, выходцы из «оъзда нах» были бедны. Автор замечает, что традиционное сословное деление общества в имущественном отношении в Чечне не всегда совпадало с социальным (классовым).

Кроме того, дан анализ деятельности сельского (аульного) общественного управления и сельской общины в Чечне во второй половине XIX в. при этом автор указывает, что сельская община в Чечне традиционно являлась демократической организацией самоуправления крестьян, хранительницей традиций и выразительницей коллективного мнения и т.д. Община играла немаловажную роль и в решении земельных споров между крестьянами и отдельными аулами, охране природных богатств, раскладке податей и т.д.

Используя документальные источники, автором изучены аграрные преобразования 60–70-х гг. XIX в. Указывается, что в 60-е гг. XIX в. в Чечне на равнине была проведена крестьянская (земельная) реформа, которая включала в себя: размежевание земель между сельскими обществами в надельно-передельное общинное пользование; разграничение земель в частную собственность горским владельцам, царским офицерам и чиновникам; освобождение зависимых сословий (лаи) от владельцев и др. Автор считает, что земельная реформа 60–70-х гг. XIX в Чечне, как и в целом в Терской области, носила ограниченный характер, не сразу она привела к радикальной ломке патриархально-феодального быта горских народов Терека. В результате земельной реформы –

размежевания земли между сельскими обществами и частными собственниками на равнине – основная масса горских крестьян получила в общинное надельно-передельное пользование минимальные земельные участки; в результате земельной реформы зимние и летние пастбища, леса были изъяты у горцев и объявлены казенными.

Профessor A. I. Xасбулатов подробно изучил проблемы, которые рассматривались на съездах народов Терека (1–5 съезды 1918 г.). В частности, решение аграрного вопроса. Кроме того, исследуется проблема становления рабочего класса в Чечне во второй половине XIX – начале XX в. Автор подчеркивает, что с развитием крупной промышленности, железнодорожного транспорта, кризисом и распадом ремесленного производства, по мере проникновения и расширения капиталистических отношений в сельском хозяйстве Чечни и притока переселенцев из центральных областей России, возрастила численность рабочего класса, происходила его концентрация в Грозненском нефтепромышленном районе.

Подытоживая вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что Асланбек Имранович Хасбулатов внес большой вклад в разработку вопросов истории Чечни второй половины XIX – начале XX в. Асланбек Имранович Хасбулатов является гордостью чеченской науки и культуры, человеком, известным и уважаемым не только в интеллектуальных и творческих кругах и общественно-политической сфере, он известен практически всем жителям Чеченской Республики. Весь свой незаурядный научный, общественный и гражданский потенциал он отдал служению народу, сохранению и приумножению его духовных и культурных ценностей. Вот почему его авторитет, его слово были непререкаемы и так весомы.

Библиографический список

1. Алироев, И. Ю., Павлов, М. П. Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 167 с.
2. Багаев, М. Х. Исторический факультет ЧГУ – детище А. И. Хасбулатова // Всерос. науч.-практ. конф. «Россия и народы Северного Кавказа в XIX–XX веках: опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия» (памяти доктора ист. наук, проф. А. И. Хасбулатова) 26 ноября 2015. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 6–9.
3. Бугаев, А. М. Асланбек Имранович Хасбулатов // Интеллектуальный центр Чеченской Республики в лицах: Популярная биограф. энцикл. Т. 1. Грозный, 2013. 180 с.
4. Хасбулатов, А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963. 75 с.
5. Хасбулатов, А. И. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в первой революции, 1905–1907 гг. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966. 131 с.

6. Хасбулатов, А. И., Мужев, Ф. И., Фирстов, И. И. и др. Мордовия в годы первой русской революции: ист. очерк. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1961. Вып. 1–6.

7. Хасбулатов, А. И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX вв.). М.: Изд-во «Русь», 2001. 238 с.

8. Хасбулатов, А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX вв.). М.: Изд-во МГОУ, 2006. 276 с.

Шавцова-Варфоломеева Алла Васильевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Современная отечественная концепция прав человека имеет глубокие исторические корни. Существенный вклад в развитие европейской культуры, правовой науки и формирование общественного сознания белорусского народа на протяжении всей истории его становления, внесли белорусские ученые, правоведы и общественные деятели Беларуси.

Крупнейший из них Франциск Скорина – белорусский первопечатник, просветитель и мыслитель-гуманист. Он стал своеобразным мостом, проводником белорусской национальной культуры и общеевропейских социально-гуманистических ценностей. Его вклад в становление национального правосознания, правопонимания в области ценности естественных прав человека сравнивают с революцией Гуттенберга. Он признавал идеи естественного права, их общечеловеческую ценность, роль в установлении статуса личности в обществе и взаимосвязи с государством. Он стремился содействовать равноправному «вхождению» белорусского народа, не утрачивая его самобытности, в «общееевропейскую семью народов». Признанные и официально провозглашенные только в XX веке право народа на самобытность, включая культуру, письменность, развитие собственных национальных традиций, обычая, право на развитие и равенство с другими народами находят свои истоки в его идеях, изложенных в трудах.

Утверждая идеи естественного права, при этом делал акцент на их связь с действительностью, реальными общественными отношениями. Так, в предисловии к «Притчам Соломоновым» он говорит о том, что главное предназначение человека заключено в «совершенной земной жизни». То есть особое внимание он уделял проблеме понимания ценности личности в общественной жизни: утверждая, что земная жизнь человека должна быть направлена на его совершенствование, саморазвитие, носить нравственный характер, более того – быть общественно полезной, что в свою очередь будет способствовать развитию общества в целом, его гуманизации, а также, говоря современным языком,

повышению правовой культуры. В трудах, в том числе в комментариях к «Екклезиасту», прослеживается идея двуединого концепта – сосредоточении на самом человеке, его внутреннем мире и жизни и деятельности человека в обществе: человек должен быть нравственным, высокоморальным, божественный закон, для которого «написан в сердце каждого человека», и при этом человек, наделенный Богом разумом и свободной волей, благодаря этим качествам должен быть общественно полезным, активным. Деятельность Франциска Скорины была направлена на утверждение в общественном сознании народа высокого духовно-нравственного назначения права и прав человека. Для совершенствования законодательства, по его мнению, необходимо, чтобы оно основывалось на «естественном, природном законе» и исходило из морального принципа, изложенного в Евангелии.

Развивая в своих трудах идею естественных прав человека, Франциск Скорина, прежде всего, как и большинство гуманистов той эпохи, утверждал ценность человеческой жизни, свободы, равенства, право на свой нравственный выбор, «познавать мудрость и истину», заниматься науками. Каждый человек, писал он, рождается свободным, все появившиеся на свет люди равны между собой. Само право предназначено защищать человека и гражданское общество от порабощения, несправедливости и унижения.

Эти ценностные ориентиры стали прологом в становлении отечественной правовой науки. Однако следует отметить, что многие идеи были настолько прогрессивны, что нашли признание и получили правовое развитие только в настоящее время. В международных правовых актах универсального уровня основные права и свободы впервые были провозглашены во Всеобщей Декларации ООН 1948 г., в том числе право на жизнь, личную свободу и неприкосновенность, равенство и равноправие, защиту чести и достоинства. Несмотря на прогрессивный, но декларативный характер национального законодательства по урегулированию правового статуса личности, прежде всего советскими конституциями, право на жизнь в национальном законодательстве впервые было закреплено только в Конституции Республики Беларусь 1994 г. в 24 статье.

Будучи сыном купца, он имел возможность получить хорошее образование: первоначальное – в Полоцке, где латинский язык изучал в школе монахов-бернардинцев при монастыре. Следует отметить, что в 1498 г. великий князь ВКЛ выдал Полоцку грамоту на самоуправление по магдебургскому праву, по которому тогда жили европейские города. Источником этого права были немецкие законы, местное городское право. Это явилось важным фактором, повлиявшим как в целом на формирование государственности в Полоцке, так и среду, общественное сознание, общий уровень культуры полочан. Этим объясняются устремления молодого Ф. Скорины к получению образования и зарождению в нем идей просвещения, а в дальнейшем – распространению знаний, формирования высоко-духовного общества, где ценность добра обусловлена не только знанием Закона Божия, но и действием права.

В дальнейшем он обучался в Krakowskoy akademii, после чего в Италии получил степень доктора медицины в Падуанском университете. В этот период

в Европе получают широкое распространение идеи естественного права, соотношения божественного и светского, земного в развитии учения о государстве и праве. Студенческая среда и научная элита в наибольшей степени способствовали распространению и развитию прогрессивных идей. В этих условиях происходит формирование Ф. Скорины как личности. Европейское образование позволяло не только обрести профессию, но и сформировать высокий общий уровень мировоззрения.

Франциск Скорина не ограничивается практикой врача, будучи патристически настроенным, глубоко убежденным в идеях просвещения, он в 1517 г. основывает в Праге типографию и издаёт *кириллическим* шрифтом «Псалтырь», первую печатную белорусскую книгу, то есть ориентированную прежде всего на распространение ее в своем отечестве. Всего на протяжении 1517–1519 гг. переводит и издаёт 23 книги Библии. В 1520 г. переезжает в Вильно – столицу Великого княжества Литовского, где основывает первую на территории государства типографию. В ней Скорина в 1522 г. издаёт «Малую подорожную книжку», а в 1525 г. «Апостол». Пребывание в Вильне явилось наиболее значимым периодом в жизни Ф. Скорины. Уже после смерти Ф. Скорины (1551 г.) в 1586 г. появляется типография при Виленском университете.

Позже такие же университеты были открыты на родине Ф. Скорины – в Полоцке, а также в Минске, Несвиже, Юровичах, Пинске и других местностях. Но только виленский получил статус «академии и университета», что было по ходатайству короля Речи Посполитой Стефана Батория утверждено Папой Римским Григорием XIII в 1579 г.

Характеризуя период эпохи Возрождения, чаще всего упоминаются исторические и политические события Франции, Германии, Великобритании и обосновывается их существенное влияние на развитие европейской цивилизации. Однако в это же время на территории нашей исторической родины происходили не менее важные, политико-правовые явления, имевшие значимое влияние на формирование и развитие общественно-политической мысли не только на территории ВКЛ, Речи Посполитой, но и стран Центральной и Западной Европы. Так, существенное влияние на формирование идей естественного права, получивших широкое распространение в Европе, сыграли также идеи, взгляды, получившие развитие и обоснование в последующем в научных трудах ученых, обучавшихся в стенах Виленского и других университетах. Это лишний раз доказывает, что наука не имеет границ, распространение новых идей и знаний носило общеевропейский, а между рассматриваемыми регионами и государствами – взаимный характер.

Среди известных ученых, например, Полоцкого университета той эпохи Карский Матвей (правовед, философ), эксперт права в законодательстве Великого княжества Литовского, Константин Пиевич Тышкевич – археолог, историк, этнограф, фольклорист из рода Тышкевичей и др.

Среди выпускников Виленского университета – Симеон Полоцкий, выдающийся польский поэт Юлиуш Словацкий, литовский историк Симонас Дау-

кантас, один из первых исследователей законодательных и летописных памятников Беларуси Игнат Данилович. Виленскими студентами также были Ян Булгак, Адам Мицкевич, Евстафий Тышкевич, Игнатий Домейко (Игнат Дамейка), Ян Чачот, Томаш Зан, Мартин Почобут-Одляницкий и др.

Следует отметить, что Виленская академия была первым высшим учебным заведением на территории Великого княжества Литовского. Непосредственное отношение к ее основанию имел Орден иезуитов, создавший самую передовую для своего времени систему образования в Европе. Если учесть территориальные масштабы и политическое влияние самого ВКЛ, то можно предположить и степень научного и образовательного влияния самой академии в Европе.

Вначале Виленская академия имела теологический и философский факультеты, а с 1641 г. – и юридический. В 1803 г. это учреждение образования стало называться императорским Виленским университетом.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что влияние европейских естественно-правовых идей на становление белорусской правовой и общественно-политической мысли носило исключительно односторонний характер. Кроме того, нельзя признать *сложившейся* к тому времени и тем более получившими распространение передовой европейской политико-правовой мысли и исклучительно под влиянием революционных преобразований в Великобритании, Франции, а позже – США. Полагаем, роль отечественных ученых и национальных университетов ВКЛ в формировании и распространении научных знаний, идей о равенстве всех людей, о неотчуждаемых правах и свободах человека, о самоценности человеческой личности, о роли права в формировании национальной государственности и общественного сознания, о необходимости развития высоконравственного общества и чувства патриотизма в свою очередь также имела большое влияние на формирование европейских ценностей. Формирование государственности на территории ВКЛ как одного из крупнейших образований и происходившие там общественно-политические процессы повлекли в свою очередь за собой многие исторически значимые последствие для всей Европы.

Большое международное значение и важную роль в становлении отечественной науки и внутригосударственной правовой системы имело принятие в Великом княжестве Литовском трех Статутов (1529, 1566, 1588 гг.), которые представляли собой сборники законов, по своей правовой природе соответствовавших конституционным актам. В области прав человека они привнесли в правовую доктрину целый ряд идей, получивших позже свое дальнейшее развитие не только в отечественной правовой науке, но и в национальных правовых системах других государств и международном праве. В Статут 1529 г. впервые были внесены нормы, направленные на ограничение власти магнатов, что гарантировало соблюдение прав других категорий, право на судебную защиту лиц всех сословий. Он заложил правовой фундамент для разработки и подготовки Статута 1566 г., явившегося важным шагом на пути к дальнейшему развитию национального законодательства.

Выдающимся правовым документом всего европейского континента стал Статут 1588 г. Неоценимый вклад в создание Статута 1588 г. внес канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. В предисловии к нему он писал: «... Целью и результатом всех прав есть и должны быть на свете, чтобы каждый человек добрую славу свою, здоровье и имущество в целости имел, а на так всякого ущерба не терпел». Одной из главных идей Статута стало обоснование необходимости построения правового государства, верховенства права, укрепления правового порядка. Также впервые в европейской законодательной практике в Статуте была разграничена законодательная и исполнительная власть.

Для Статута Великого княжества Литовского 1588 г. характерна не только идея установления правового государства, но и ярко выраженная гуманистическая направленность. Лев Сапега считал, что основное назначение права – гарантировать человеку личную свободу, безопасность и право собственности. Он писал, что если государь отступает от своей основной обязанности и заботится только о своих личных интересах, а не об общем благе, то его называют тираном, а где господствует право, там правит Бог. В нем нашли отражение многие принципы обеспечения прав человека, сформулированные позже в Англии, Франции, Америке, а затем – во Всеобщей декларации прав человека.

Об историческом значении этого документа и его влияния на другие страны Европы свидетельствует уже то обстоятельство, что он действовал более 250 лет, был принят также на Украине, переведен на русский и ряд других языков. Наличие в государстве подобных крупных нормативных актов свидетельствует о высоком развитии правовой мысли, культуры, образования.

Белорусский гуманист Симон Будный в сочинении «О светской власти» писал, что каждый человек обладает рядом неотъемлемых свойств, которые включают право на свободное выражение мысли и собственного мнения, терпимость к своим оппонентам, непредвзятость и объективность в оценке иных идей и мнений и другие права и свободы человека.

Андрей Волан, крупный писатель и мыслитель Беларуси конца XVI в. – начала XVII в., опираясь на концепцию естественных прав человека, обосновывал необходимость свободы и равенства всех людей. По его мнению, главной целью государства должно быть обеспечение спокойной и счастливой жизни людей, их защита от насилия и грабежей.

В XVII в. в Беларуси большое влияние на распространение идеи общности интересов и судеб славянских народов оказал Симеон Полоцкий. Он считал, что объединение восточнославянских народов будет способствовать установлению в обществе вечного мира и всеобщего блага, укрепит принципы справедливости и равенства в отношении между людьми, будет способствовать развитию культуры и образованности людей.

Деятели белорусского Просвещения внесли огромный вклад в развитие гуманистических идей своего времени, некоторые нашли отражение в творчестве М. Гусовского и др.: призыв к миролюбию, верховенство закона, нравственно-этические ценности, свобода, права и ответственность людей, развитие

национального самосознания, культуры, национального языка, веротерпимость, роль просвещения, знания, искусства в нравственном воспитании личности, гармония человека и природы.

Во второй половине XVIII в. на развитие общественно-политической мысли Беларуси сильное влияние оказали физиократы, то есть философы-экономисты, выступавшие с резкой критикой крепостного строя.

Видным представителем этого направления в науке и общественной жизни был Иероним Стройновский (1752–1815), первый ректор Виленского университета, а до этого – профессор кафедры естественного права Главной школы Великого княжества Литовского. Его главное произведение – «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов» – получило широкое распространение в качестве учебника для высших и средних учебных заведений Польши, Литвы и Украины. Основной концепцией И. Стройновского, как и всех физиократов, является учение о естественном порядке, т.е. как совокупности законов природы и общества, вытекающем из этого естественного права. И. Стройновский раскрывает многообразие прав человека, обусловленных его природой. Он пишет, что человек от рождения сам себе хозяин, его нельзя лишить собственности, свободы, развития, безопасности, поддержки от других людей. Эти естественные права принадлежат каждому человеку и их надо всем людям уважать. Это, подчёркивал он, является гарантией существования человеческого сообщества.

Однако, наиболее актуальная для современного общества мысль наиболее полно обосновывается в последней, четвёртой части книги – «О праве народов». И. Стройновский подчёркивал, что природное состояние людей есть состояние сообщества, истинная польза народов – в мире, сохранение мира составляет главнейшую цель всех народов.

Таким образом, многие идеи белорусских просветителей, правоведов находят отголоски в современной правовой науке и праве; концепции «возрождённого естественного права», правового и социального государства, проблемы становления гражданского общества, система прав и свобод личности, сохраняют актуальность и в настоящее время.

Яновский Олег Антонович, Балыкина Елена Николаевна
Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**ЕДИНСТВО РАЗНООБРАЗИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ:
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
«УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ» В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ**

В июне 2013 г. Министерство образования Республики Беларусь утвердило стратегический документ – Концепцию информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года. Концепция определила основные цели, задачи, направления информатизации системы образования

Республики Беларусь на эти семь лет, а также базовые принципы, подходы и условия для успешной реализации процесса информатизации [2].

Этот документ является основой для разработки концепции или плана информатизации любого учреждения образования, в том числе и высшего. Научно-педагогическим сообществом Белорусского государственного университета (с учетом особенностей ведущего учреждения в национальной системе высшего образования) разработана собственная концепция информатизации, которая после широкого обсуждения была принята для реализации на Совете университета в мае 2013 г. под названием «Электронное обучение в XXI веке. Концепция информатизации Белорусского государственного университета на период до 2018 г.» [1]. Цель Концепции информатизации БГУ – переход на качественно новый, современный уровень образования.

Одним из направлений информатизации образования является интеграция средств информатизации в образовательную деятельность. Внедрение средств информатизации в столь важную и специфическую область жизни граждан и государства следует рассматривать, наряду с обеспечением сетевого взаимодействия участников образовательного процесса и распространением дистанционной формы образования, как разработку электронных образовательных ресурсов (ЭОР) системы образования. Основу ЭОР должны составлять электронные учебники и учебные пособия [1; 2].

Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе на историческом факультете БГУ используются более тридцати лет [3; 4; 5]. Наиболее активны в части межкафедрального и междисциплинарного сотрудничества по E-Learning кафедра истории России и кафедра источниковедения. Результатом этого стали оригинальные авторские электронные образовательные проекты (ЭОП) по истории России и Украины, университетоведению и др. Особенностью сотрудничества двух кафедр является привлечение студентов и магистрантов к созданию ЭОП под руководством и в соавторстве с преподавателями.

Только за последнее десятилетие в учебный процесс кафедрами истории России и источниковедения внедрены, спроектированные профессорами О. А. Яновским и В. И. Меньковским, доцентами В. В. Сергеенковой, О. В. Бригадиной и Г. А. Болсун, при научно-техническом сопровождении со стороны старшего преподавателя Е. Н. Балыкиной, около пятидесяти многоцелевых электронных образовательных проектов, представляющих собой темы и модули электронных учебных пособий и учебно-методических комплексов. Большинство из них апробированы, внедрены и применяются в учебном процессе не только на историческом факультете БГУ, но и в других вузах республики, а также за ее пределами.

Особое место среди них занимает уникальный проект – электронное приложение (ЭП) к учебно-методическому пособию «Университетоведение» [6; 7; 8]. Данное электронное приложение подготовлено преподавателями исторической информатики БГУ Е. Н. Балыкиной (концепция, дидактическое и техно-

логическое сопровождение), А. А. Приборовичем (техническое сопровождение) и профессором О. А. Яновским (идея, информационное обеспечение). Разноплановые образовательно-информационные разделы пособия позволяют организовать самостоятельную работу студентов по курсу «Университетоведение», а преподавателям – эффективно управлять учебно-познавательной деятельностью студентов. Приложение интересно и полезно студентам высших учебных заведений, а также тем, кто интересуется историей классических университетов, системой высшей школы, историей и предназначением Белорусского государственного университета. Важной составляющей ЭП является контрольное тестирование: оно позволяет определить степень усвоения содержания учебного материала.

Цель электронного приложения виделась в визуальном сопровождении текста учебного курса «Университетоведение». В том числе: ознакомление с историей формирования системных научных знаний и первых образовательных форм, прообразов университетов в античное и раннесредневековое время; углубленное усвоение разновекторного развития системы высшего образования в Европе и на белорусских землях (в том числе познание роли и предназначения первого и главного университета Беларуси – БГУ), представление современных процессов, характеризующихся укреплением интеграционных начал в сфере европейского высшего образования, к которой принадлежат и высшие учебные заведения Республики Беларусь.

При разработке ЭП ставились задачи, которые с его помощью возможно решать в ходе преподавания учебного курса: обучающая – сформировать у студентов знания о зарождении элементов высшего образования в античное время и Раннем средневековье; определить важнейшие характеристики университетского сообщества, возникшего и развившегося в Новом и Новейшем времени; проследить историю создания и деятельности Белорусского государственного университета, а также других высших учебных заведений БССР и Республики Беларусь; развивающая – сформировать умение работать с нарративными источниками и иллюстративным материалом, способствовать развитию навыков самостоятельной работы; воспитательная – содействовать формированию патриотизма и корпоративного духа, уважения к достижениям белорусской науки и культуры, к истории и современным характеристикам своей *alma mater*.

Пособие предназначено для индивидуального изучения лекционных материалов в процессе самостоятельной работы студентов, проведения практических и контрольных занятий.

При подготовке электронного приложения были использованы архивные и иные источниковые материалы, научные работы, учебники и учебные пособия, справочники, энциклопедии, интернет-ресурсы и т.п.

Электронное приложение состоит из следующих разделов:

- **персоналии** (электронный веб-указатель персоналий – 106 персон);
- **лента времени** «БГУ в 1918–1989 гг.» (электронная хронолиния – 1647 событий);

- **веб-галерея «Университеты мира»** (интерактивное слайд-шоу 52 университетов в форматах HTML и 3D);
- **закрепление и контроль** (два теста по 130 и 100 тестовых заданий четырех форм с режимами «обучение» и «контроль»; 18 интерактивных картографических заданий);
- **путеводитель «Вузы Республики Беларусь»** (электронный веб-справочник по 42 учреждениям высшего образования Беларуси);
- **университеты Европы** (мультимедийный справочник с Алфавитным – 28 университетов, Хронологическим – XI–XIX века и Географическим – Восточная и Центральная Европа, Британские острова, Германия и Австрия, Франция, Пиренеи, Италия (с краткой информацией о ведущих университетах Средневековья и Нового времени);
- **литература** (46 позиций);
- **приложение** (E-book-приложение из 20 разделов на 80 страниц – электронная книга с дополнительным учебным материалом);
- **авторы** («бумажного» учебно-методического пособия, е-приложения; отмечены те, кто проводил поиск и обработку информации, осуществлял информационно-технологическую обработку материала (в том числе аспиранты, магистранты и студенты, специализирующиеся по направлениям «историческая информатика» и «история России и Украины», сотрудники студенческой научно-исследовательской лаборатории «История и компьютер», а также студенты, выполняющие проектные задания в рамках общего курса «Историческая информатика», который предполагает проектирование и разработку электронных образовательных изданий и ресурсов по историческим дисциплинам, а также в рамках прохождения информационно-технологической практики);
- **программное обеспечение (ПО)** (оно необходимо для работы отдельных разделов; комплекс рекомендуемых требований к персональному компьютеру и ПО);
- **помощь** (инструкции по разделам: «Работаем с персональным указателем», «Немного об Web-галерее», «Работаем с лентой времени», «Как пройти тест», «Электронный путеводитель»; разъяснение по ключевым вопросам работы с ЭП).

Впервые в Беларуси в рамках проектной деятельности преподавателей, студентов и магистрантов и как один из важных ее результатов подготовлено данное электронное приложение к учебно-методическому пособию «Университетоведение». Практика его использования показала очевидную учебно-методическую эффективность, желание студентов применять различное наполнение приложения с учетом получаемых от преподавателя заданий на проведение самостоятельной работы в течение семестра.

Библиографический список

1. Абламейко, С. В. Электронное обучение в XXI веке. Концепция информатизации Белорусского государственного университета на период до

2018 г. / С. В. Абламейко, Ю. И. Воротницкий, М. А. Журавков, П. М. Лапо, О. В. Терещенко // Вестник БГУ. 2012. Сер. 1. № 3. С. 3–14.

2. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 г. // Официальный интернет-портал Министерства образования Республики Беларусь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.gov.by/sm.aspx?guid=437693>. Дата доступа: 02.02.2017.

3. *Оржеховский, И. В.* ЭВМ как средство повышения эффективности самостоятельной работы студентов / И. В. Оржеховский, Е. Н. Балыкина // Актуальные проблемы организации учебного процесса: Тезисы докл. университетской науч.-методич. конф., Минск, 15–17 окт. 1987 г. / Под. ред. Л. И. Киселевского. Минск, 1987. С. 56–58.

4. *Ходин, С.Н.* Информатизация образования на историческом факультете Белорусского государственного университета / С. Н. Ходин, Е. Н. Балыкина, Д. Н. Бузун // Информационные технологии в историческом образовании: Методичний вісник історичного факультету. Вып. 8 / Харьков. нац. ун-т им. Н. Каразина; под ред. В. Куликова. Харьков, 2010. С. 107–122; *Ходин, С. Н.* Опыт работы с модульным ИТ-УМК на основе сетевой образовательной платформы / С. Н Ходин, Е. Н. Балыкина, Д. Н. Бузун // Состояние и проблемы развития высшего образования в рамках Союзного государства: мат-лы науч.-практ. конф., Минск, 13–15 окт. 2009 г. Минск, 2010. С. 163–165.

5. *Яновский, О. А.* Электронные учебные издания: итоги 30-летнего межкафедрального сотрудничества на историческом факультете Белорусского государственного университета / О. А. Яновский, Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеенкова // Информ. бюллетень Ассоциации «Истории и компьютер». № 42. Октябрь 2014 г. М., 2014. С. 214–221.

6. *Яновский, О. А.* Университетоведение. [Электронный ресурс]: электронное приложение к уч.-метод. пособию. Электрон. дан. и прогр. (256 Мб). Минск: БГУ, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

7. *Яновский, О. А.* Методика организации самостоятельной работы студентов с электронным приложением к учебно-методическому пособию «Университетоведение» / О.А. Яновский, Е. Н. Балыкина / Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Гос. арх. службы Респ. Беларусь, 85-летию Нац. архива Респ. Беларусь и 20-летию кафедры источниковедения БГУ, Минск, 17–18 мая 2012 г., в 2 ч. / Редкол. В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2013. Ч. 2. С. 105–110.

8. *Яновский, О. А.* Проектная деятельность студентов в процессе создания электронного приложения к учебно-методическому пособию «Университетоведение» // Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы. Инф. бюлл. Ассоциации «История и компьютер» № 38: [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1028457>. Дата доступа: 01.12.2017.

Яноўскі Алег Антонавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**КНІГА ЯК ВАЖНЕЙШЫ СКЛАДНІК
У ФАРМИРАВАННІ АДУКАЦЫЙНА-НАВУКОВАГА АСЯРОДДЗЯ
БЕЛАРУСІ 1920-х гг.**

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт распачаў сваю працу ў 1921 г. пасля рашэння безлічы не толькі арганізацыйных, фінансава-матэрыяльных, кадравых пытанняў, але і пытанняў палітычных. Сёння ўзнікла праблема: ад якой даты мы павінны зыходзіць, калі пазначаем стварэнне першага ўніверсітэта Беларусі? А іх універсітэцкія аналы ўтрымліваюць аж тры! І кожная натуральная можа лічыцца першаснай. І тая, **24 лютага 1919** г., калі меней чым праз два месяцы пасля абвяшчэння Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусі яе вышэйшы заканадаўчы орган – Цэнтральны выканаўчы камітэт Саветаў – прыняў *рашэнне аб адкрыці* ў Мінску дзяржаўнага ўніверсітэта, а на наступны дзень гэты дэкрэт быў надрукаваны ў беларускіх газетах [13, с. 181]. І ёй можа лічыцца **11 ліпеня 1921** г., калі на гадавіну вызвалення Мінска ад акупацыі польскімі войскамі прадстаўнікі ўраду ССРБ, першыя сабраныя ў Мінску больш за 20 універсітэцкіх прафесараў начале з ужо прызначаным рэктарам Уладзімірам Іванавічам Пічэтай, каля 160 студэнтаў рабочага факультэта, распачаўшага сваю дзейнасць месяц назад, грамадскасасць Мінска ды іншых мясцін такой яшчэ маленъкай Беларусі ў гарадскім тэатры ва ўрачыстай атмасферы ўзнёсласці і гонару абвясцілі аб «адкрыці *БДУ*». Абвясцілі, зачытаўшы адмысловы ўрадавы дэкрэт аб гэтым. І тая дата, **30 кастрычніка 1921** г., якую бацькі-заснавальнікі *БДУ* палічылі самай знакавай сярод іншых і якая паслядоўна і шырока адзначалася ў беларускай краіне з 1922 г. (ад першай гадавіны) да году 2017-га (да 96-й гадавіны нашай *alma mater*). Менавіта ў гэты дзень яшчэ з большым пафасам і гонарам за праведзеную працу і за Беларусь на падобным сходзе, які назвалі «торжественным академическим актам, которым университет открыл текущие учебные занятия на двух факультетах», было аб'яўлена аб тым, што *БДУ* распачынае свае рэгулярныя заняткі з 31 кастрычніка [13, с. 201, 207; 10, с. 7]. Так і адбылося. Менавіта 31 кастрычніка 1921 г. у савецкай Беларусі была прачытана першая лекцыя прафесарам-гісторыкам Д. П. Канчалоўскім. У ёй выдатны расійскі антычнік распавёў, як апісваў гэту падзею яго калега С. Я. Вальфсон, перад «соценным натоўпам» студэнтаў, якія «смагла лавілі «чаканую» прамову», расказ аб «культуры Міжземнага мора ў эпоху панаванья Рыму». Лекцыя прагучала ў сценах «Дома № 3 *БДУ*», які месціўся па вуліцы Магазіннай, якая ўжо на наступны год рашэннем гарадскіх улад стала з'яднала ў адзінным строі першыя ўніверсітэцкія вучэбныя, адміністрацыйныя, інтэрнацкія карпусы [1, с. 54].

Між тым хацелася б звярнуцца да як бы, па сучасных наших уяўленнях, другаснага пытання, якое вырашалася задоўга да каstryчніка 1921 г. і якое было рэфэрэнтам наступнай шматбаковай працы ўсяго калектыва БДУ. Адразу заўважым, што на той час гэтае пытанне было, бадай што, першасным разам з пытаннем кадравым. Сярод мноства праблем, з якімі сутыкнуліся арганізатары першага беларускага ўніверсітэта, было насычэнне яго дзеянасці па-навуковаму важкай і выверанай, метадычна скіраванай кнігай. Дакладней – магутным кніжным зборам, які б мог забяспечыць патрэбу ў ведах студэнта, дазволіць прафесару і выкладчыку працягваць даследчыцкую працу. Ставілася задача не толькі проста «з нуля» стварыць універсітэцкую бібліятэку і напоўніць першыя вучэбныя кабінеты спецыяльнай літаратурай, але здабыць для гэтай мэты самыя сучасныя на тых часы кнігі.

Пра пачатак рэгулярных заняткаў у БДУ маецца даволі шмат дакументальных матэрыялаў, успамінаў першых выкладчыкаў і першых студэнтаў. Выключна падрабязна расказваеца пра закладванне асноў БДУ у вядомай «Университетской летописи» Фёдара Турука [13, с. 175–207]. Але аўтар толькі мімаходзь узгадвае турботы пра набыццё менавіта кніг для БДУ. А вось рэктар, выступаючы ў сярэдзіне снежня 1921 г. на 3-м Усебеларускім з’ездзе Саветаў, спецыяльна засяродзіў увагу прысутных, што ўніверсітэту ў першую чаргу патрэбны «книги, книги и книги!» А іх катастрафічна не хапала, хаця Праўленне рабіла магчымыя і немагчымыя намаганні. Нават «литографическим и гектографическим способом» іх памнажаючы, каб толькі ў студэнтаў былі ўмовы «для изучения самых основных знаний» [3]. Ён не пасаромеўся прызнаць, што «Сейчас работать трудно, создавать университет прямо невозможно. Иногда под тяжестью задач у нас опускаются руки, хочется все бросить и отказаться от работы.... Но это результат временного упадка духа, потом усталость проходит, и вера в торжество идеала овладевает нами...» [3]. Праз час рэктар У. І. Пічэта з нагоды 10-годдзя Каstryчніцкай рэвалюцыі у сваім аглядзе зробленага за шэсць гадоў дзеянасці БДУ выдзеліць як відавочны поспех пераўтварэнне першапачатковага ўніверсітэцкага збору ў выдатную «Дзяржаўную Бібліятэку» [10, с. 44].

Можна казаць, што тады разгарнулася сапраўданне паляванне на больш менш грунтоўную кнігу. Адсочвалася на ўсіх узроўнях (урадавым, універсітэцкім, асабістым прафесарскім і інш.) інфармацыя аб існаванні магчымасцей ці то купіць, ці лепей – набыць шляхам «рэвалюцыйных рашэнняў» бібліятэчныя зборы, гаспадары якіх па розных прычынах выказвалі жаданне развітаца з сваімі скарбамі. Нейкая знакавасць праявілася нават у тым, што першыя кнігі для ўніверсітэцкай бібліятэкі пачалі накоплівацца на паліцах і нават у скрыніх у «Доме №1 БДУ», у якім змясцілася і кірауніцтва БДУ, і яго першы факультэт – рабочы. Знакавасцю можна палічыць і тое, што на рабфаку стаў працаўцаў былы гаспадар гэтага дому – выдатны мінскі інтэлектуал-філолаг Канстанцін Восіпавіч Фальковіч [8, арк. 1]. Менавіта ён разам з сваім калегам – знакамітым мінскім бібліофілам і збіральнікам многіх тысяч кніг Сяргеем Пятровічам Зубакіным яшчэ задоўга да падзеі 1917 г.

старыў у гэтым будынку адзін з выдатных адукацыйных цэнтраў – адмысловую гімназію.

Будучы знакаміты гісторык Мікалай Улашчык, узгадваючы свае студэнцкія гады, больш дэталёва пазначыў некаторыя факты. Ён звяртае ўвагу на тое, што кнігі на першы час ва ўніверсітэцкую бібліятэку паступалі «частично из бывших помещичьих имений, частично их получали из разных хоромий РСФСР» [14, с. 67]. Аднак адзін з першага пакалення ўніверсітэцкіх студэнтаў спачатку шмат чаго не ведаў аб tym, якім чынам фарміраваўся першы кніжны збор бібліятэкі БДУ. Хаця ўзгадваў, што на занятках па гісторычных курсах выкладчыкі, асабліва У. І. Пічэта, проста «заганялі» сваіх студэнтаў патрабаваннямі дасканала прачытаць і анатаваць дзесяткі спецыяльных навуковых кніг. Таму гуманітарыі чыталі, а потым рабілі рэфераты па працах М. К. Любашскага, па доктарскай дысертацыі У. І. Пічэты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» і інш. [14, с. 68]. І тут абыйсція без асабістых хатніх «прафесарскіх» бібліятэк наўрацці было магчымым. Выкладчыкі проста прыносілі ва аўдыторыі літаратуру, давалі яе для вывучэння сваім выхаванцам.

Але той жа Мікалай Улашчык ужо з вясны 1924 г. стаў працаваць у «Дзяржаўнай і ўніверсітэцкай бібліятэцы», у якую была ператворана першапачатковая «проста» ўніверсітэцкая бібліятэка. І не дзіўна, што ён напісаў цікавае расправяданне аб часе сваёй працы ў бібліятэцы, у якім не толькі падаў падрабязнасці фарміравання бібліятэчных фондаў і трапляткога шанавання кнігі, але з жалем канстатаваў, што пасля зыходу з яе у пачатку 1930 г. «...доўгі час нудзіўся па ёй як па жывым, вельмі блізкім чалавеку» [15, с. 391].

Шмат інфармацыі аб развіцці кніжнай справы ў БДУ ўтрымліваюць рэспубліканскія газеты 1920-х гадоў. Напрыклад, газета «Звезда» у кастрычніку 1923 г. падала дакладную лічбу наяўнасці кніг ва ўніверсітэце: «В настоящее время библиотека имеет до 120 тысяч томов, занесенных на карточки, и 20 тысяч книг, еще не разобранных...». Маецца, як адзначалася, «довольно значительный подбор книг на иностранных языках, главным образом, немецких» [2]. Газеты і часопісы рэгулярны звярталі ўвагу сваіх чытачоў на развіццё кніжнай справы ў БДУ і іншых вну рэспублікі.

Пра напаўненне ўніверсітэцкай бібліятэкі, у сілу адшуквання новых дадзеных, не аднойчы пісаў аўтар гэтых радкоў. Але гэта як бы з прэтэнзіяй на даследчыцкі падыход. А вось былы дырэктар Фундаментальнай бібліятэкі БДУ Ірына Уладзіміраўна Арахоўская ў сваёй, цяпер ужо амаль што рарытэтная кніжцы «Библиотечные тайны», літаральна прапела гімн «яе высокасці Кнізе» [9]. І прасачыла даволі патаемныя абставіны стварэння бібліятэкі, расказала аб яе супрацоўніках розных пакаленняў, аб выключнай ролі дырэктара Іосіфа Бенцыяновіча Сіманоўскага. Але далёка не ўсе факты пададзены. Аб некаторых удалось даведацца за часы сваіх доўгагадовых пошукаў у рэчышчы даследавання гісторыі БДУ, некаторыя прыклады знайдзены ў архіўных

справах, калі калектывам гісторыкаў БДУ распачалося напісанне кніг пад агульной назвай «Інтэлектуальная эліта Беларусі».

Што звяртае на сябе ўвагу, дык гэта нейкае трапяткое ўспрыняцце амаль кожным з першых універсітэцкіх інтэлектуалаў значэння кнігі для распачынання на беларускай зямлі не столькі іх асабістай педагогічнай і навуковай дзейнасці, колькі працы ўсяго калектыву ўніверсітэта. Па-сутнасці, ніхто не пагаджаўся прыехаць у Мінск, у БДУ без сваіх хатніх бібліятэк. Так, на гэты конт напісаў адмысловы «мемарандум» прафесар-фізік Мікалай Мікалаевіч Андрэй, напрамую агаворваючы “трыяду” – універсітэт, навука, кніга. Ён у пераліку іншых найважнейшых складнікаў “настоящего, а не поддельного университета” выдзяляў асобна наяўнасць у ім «библиотеки с современной научной литературой» [4, арк. 4]. І кожны з прафесараў, хто прымаў рашэнне аб пераездзе ў Мінск, патрабаваў забяспечыць фінансавае суправаджэнне грувасткага перавозу, хаця добра разумеў усе цяжкасці. Цікава, што не аднойчы рашэнне на гэты конт прымалася на ўзроўні Наркамата асветы ССРБ і нават асабіста кіраўніком ураду Аляксандрам Чарвяковым [16]. Грошы адрывалі ад самых першасных спраў, якіх для ўрада маладой савецкай рэспублікі было зашмат.

Звернемся да яшчэ некаторых прыкладаў. Адным з першых прафесарам БДУ рашэннем Дзяржаўнага вучонага Савета ў Маскве быў залічаны выдатны і ўсебаковы хімік Барыс Маісеевіч Беркенгейм. Яго прыезд з Кіева праз Москву ў Мінск – сапраўдны дэтэктыв, які расцягнуўся на некалькі месяцаў. Адной з прычын складаных перепетый – неабходнасць перавозу велізарнай асабістай бібліятэкі вучонага, што не так проста было зрабіць, маючы на ўвазе стан чыгункі, вагоны якой не былі прыстасаванымі для такога каштоўнага і аўёмнага грузу. Але вынік аказаўся выдатным, бо ў вырашэнне пытання ўмяшаўся беларускі ўрад – мноства кніг па хіміі і іншых прыродазнаўчых навуках, навуковыя часопісы ды пэўная колькасць падручнікаў на розных мовах забяспечылі як распачынанне плённай працы самага прафесара, так і дзейнасці адмысловага кабінета, дзейнасці медыцынскага факультэта ў цэлым [5, арк. 17–24]. Між тым Барыс Маісеевіч у хуткім часе пасадзейнічаў папаўненню ўніверсітэцкага кніжнага збору: спецыяльна паехаў у Кіеў, каб апярэдзіць канкурэнтаў з другіх універсітэтаў, і выкупіў бібліятэку «прафесара Зілава» [5, арк. 16]. Гэтыя кніжкі прадстаўлялі каштоўны збор, які належыў нядаўна памерламу прафесару-фізіку, былому папячыцелю Кіеўскай вучэбнай акругі Пятру Аляксееўчу Зілаву. Потым рэгулярна Б. М. Беркенгейм будзе наведвацца ў Москву ды Ленінград, у германскія ўніверсітэты, каб не толькі пазнаёміцца самому з навінкамі літаратуры, але каб прывезці ў БДУ некаторыя з іх, на якія яму выдзялялася «валюта».

У такіх замежных камандзіроўках прыклад заўсёды паказваў рэктар – Уладзімір Іванавіч Пічэта, які са сваіх навуковых вандровак заўсёды прывозіў не толькі літаратуру па гісторыі, але і самую розную, бо добра ведаў патрэбы сваіх калег. Але, зразумела, для яго кніга па гісторыі была асаблівай каштоўнай рэччу. Так, у 1925 г. з Польшчы ён прывёз шмат кніг па беларусазнаўству і па

«вывучэнню польскага краю» – як новыя выданні, так і старадрукі Кракаўскай акадэміі навук і іншых устаноў. Адначасова з Львова было прывезены рэктарам нямала кніг на ўкраінскай мове, выдадзеная Львоўскім навуковым таварыствам [11].

Двумя гадамі пазней падчас шматтыднёвой камандзіроўкі зноў у Польшчу і таксама Чэхаславакію (летам 1927 г.) рэктар па прыездзе ў сваёй справа-здачы згадваў: «Согласно моему заявлению, для Государственной Библиотеки были предоставлены все издания Чешской Академии Наук, в обмен на наши белорусские издания, которые находятся в Обменном фонде Университета. С другой стороны, Чешское Историческое Общество, в лице профессоров Шусты и Быдло, также согласилось предоставить нам все издания для Государственной Библиотеки. Кроме того, мною было куплено на 200 рублей книг, которые Советское Посольство любезно согласилось переслать в Минск» [7, арк. 32]. Падобных прыкладаў у прагледжаных дакументах зашмат.

Адзначым, што рэгулярныя замежныя камандзіроўкі прафесуры і нават шэраговых выкладчыкаў БДУ ў 1920-я гады мелі на мэце, якрамя іншага, якраз набыццё літаратуры як для ўніверсітэцкай бібліятэкі (яна, як адзначалася, з першых дзён набыла статус Дзяржаўнай), і для спецыялізаваных вучэбных кабінетаў. Дарэчы, гэтыя кабінеты ствараліся і потым узнічальваліся не кім-небудзь, а найбольш прасунутымі ў навуцы прафесарамі. Яны літаральна песьцілі свае дзіцішчы, адшуквалі спецыяльныя кнігі, падручнікі, прэсу. І не спыняліся не перад чым, каб толькі студэнт меў магчымасць вучыцца і працаваць у навуцы на падставе самых сучасных, дасканальных кніг. Той жа першы беларускі прафесар-astronom Арсеній Аляксееўіч Міхайлоўскі змог пакінуць Самару і перабрацца ў БДУ толькі пасля спецыяльнага рашэння беларускага ўраду аб выдзяленні дадатковых сродкаў на перавоз яго бібліятэкі. Калі спачатку на пераезд усёй сям'і прафесара было выдзелена грошай з разліку 10-ці пудоў маёmacці, то потым прыйшлося прыняць да ўвагі пісьмо Арсенія Аляксееўіча, які пісаў: «.. у меня будет не 10 пудов, а около 60 пудов одних только книг и инструментов, которые нужны мне для лекций и научных работ» [6, арк. 6, 20]. І, як калега-хімік Б. М. Беркенгейм, А. А. Міхайлоўскі на аснове сваёй бібліятэкі стварыў у БДУ адмысловы вучэбны кабінет – астронамічны.

Прыклады можна множыць, называючы дзесяткі імёнаў першых універсітэцкіх прафесараў (і не толькі іх, а і шэраговых выкладчыкаў) – амаль кожнага, хто палічыў магчымым уключыцца ў высокародную справу стварэння інтэлектуальнага асяроддзя, сапраўднай інтэлектуальнай сферы Беларусі. Гэтая сфера трymалася і мацнела за кошт Кнігі! Кнігу шанавалі, лічылі за галоўную каштоўнасць. Кнігі стваралі самі ўніверсітэцкія выкладчыкі – ад элементарных падручнікаў да спецыяльных манографій. Кнігу стваралі і студэнты, калі скрупулёзна пісалі канспекты лекцый сваіх выкладчыкаў, а потым рознымі таннымі способамі раздрукавалі гэтыя тэксты для агульнага карыстання. Кніга была нейкай кропкай прыцягнення, яе знакавасць папулярызавалася сярод грамадства. Формы такой папулярызацыі былі самыя розныя. Ужо на

ўрачыстым пасяджэнні з нагоды адкрыцця ў БДУ рэгулярных заняткаў, а значыць і пачатку яго фактычнай біяграфіі, 30 кастрычніка 1921 г. акрамя мноства прывітальных слоў у адрас выкладчыкаў і студэнтаў былі агучаны дзве публічныя навуковыя лекцыі. Лекцыі, як прадстаўленне тых вышынъ, якія праз навучанне, навуку, книгу ў бліжэйшы час змогуць дасягнуць кожны, хто паставіць перад сабой падобную высокую мэту. Адну лекцыю на тэму «Мышление и речь» прачытаў прафесар-медык М. Б. Кроль, а другую – «Школа и задачи научной педагогики» – падаў аўдыторыі прафесар-педагог I. M. Салаўёў [10, с. 10]. Рэгулярна для мінчукоў у сценах універсітэта ладзіліся сходы з нагоды пэўных дат у творчасці і жыцці беларускіх, рускіх ды замежных літаратаў і вучоных, на якіх чыталіся адрыўкі з іх твораў. Падобныя вечарыны арганізоўваліся для больш вузкага кола слухачоў – на пасяджэннях Навуковага таварыства БДУ. А для ўсёй беларускай грамадскасці інтэлектуальныя магчымасці кнігі рэгулярна дэманстравалі прафесары і выкладчыкі БДУ, выязджаючы спецыяльна ў розныя куткі савецкай рэспублікі.

Нейкім пэўным падсумаваннем адносінаў калектыву БДУ да кнігі стала святкаванне 400-лецця беларускага друку. Па-сутнасці, яго ініцыявалі ўніверсітэцкія прафесары, хаця склалася традыцыя называць менавіта Інбелкульт завадатарам гэта ўсерэспубліканскага мерапрыемства. Мера-прыемства з відавочным палітычным падтекстам. А на самой справе, як адзначалася ў газеце «Савецкая Беларусь» ад 27 чэрвеня 1924 г, у склад рэдакцыйнай камісіі па выпуску некалькіх святочных кніг (у тым ліку дакладна аб «першым друкарні Скарыне») увайшлі рэктар БДУ У. I. Пічэта і яго калегі, універсітэцкія выкладчыкі – В. Д. Друшчыц, С. М. Некрашэвіч, М. М. Піатуховіч і Я. Ю. Лёсік. Зразумела, усе яны мелі прамое дачыненне да дзеянасці ІБК, але ўсё ж першасна былі настаўнікамі ўніверсітэцкіх беларускіх студыёзусаў. А таму павінны былі трymацца як навуковых ды нацыянальна-палітычных парадыгм у сваёй дзеянасці, так і педагогічна-выхаваўчых. А гэта значна больш адказна і шматвектарна ў реалізацыі прафесійных абавязкаў.

Юбілей «друку на Беларусі», як пісалі газеты, быў запланаваны на сакавік 1925 г. Важна, што ён павінен быў прасачыць сувязь паміж беларускім друкам і «звязаным з ім беларускім адраджэннем». І гэта было выдатна зроблена! Нават у гонар 400-годдзя беларускія часопісы паспрабавалі афармляць свае тэксты з элементамі скарынінскіх друкаў, а часопіс Наркампроса ССРБ «Асьвета» на вокладцы прымяніў шрыфт, які выкарыстоўваў Францыск Скарына. Галоўнае ж, што навукоўцы з розных падыходаў звярнуліся да спадчыны першадрукара. У. I. Пічэта, быў, бадай адным з самых актыўных аўтараў. У якасці прыкладу ўсведамлення ім знакавасці скарынінскай спадчыны спашлёмся толькі на адзін з газетных артукулаў універсітэцкага рэктара і члена адмысловай «юбілейнай камісіі» пра правядзенню святкавання 400-годдзя беларускага друку. У артыкуле «Францішак Скарына і яго працы» Уладзімір Іванавіч падкрэслівае: «Усе выданыні Скарыны маюць велізарнае нацыянальна-культурнае

значэньне. Яны сведчаць аб тым багатым культурным стане, у якім знаходзілася Беларусь у XVI веку". І дадае: «Па думцы Скарыны, кнігі съвяшчэннага пісаньня патрэбны для ўсякага чалавека, для мудрага і неразумнага, багатага і беднага, маладога і старога, але найбольш для тых, хто хоча мець добрыя звычай і ўсьвядоміць мудрасць навукі» [12].

Адным словам – сёння, у век інфарматызацыі і нейкага «інфармацыйнага калапсу» кніга як бы застаецца за межамі нашых захапленняў. Час «мышак», «клікаў» ды «вікіпедый» быццам дэвалівіруе значэнне тэксту, зафіксаванага на паперы ды «загорнутага» у вокладку. Але Кніга жыве! І яна будзе жыць, бо з'яўляецца натуральным матэрыяльным і інтэлектуальным праяўленнем развіцця цывілізацыі, яе падмуркам. Пры ўсіх якасцях віртуальных тэкстаў яны не могуць так усебакова ўскалыхнуць і падвігнуць наш разум, як гэта калісці зрабіў спачатку рукапісны, а потым друкаваны тэкст. Пэўна, застануцца забытымі імёны стваральнікаў электронных форм і канцэпцый давядзення да чытача свету ведаў, але назаўсёды застануцца ў шанаванні імёны Кірыла ды Мефодзія, Гутэнберга ды Скарыны і многіх іншых, хто праторыў шлях да рэалізацыі нашых кагнітыўных здольнасцяў.

Бібліографічны спіс

1. *Вальфсон, С. Я.* Адрыўкі з успамінаў і думкі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Каstryчнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927.
2. Звезда. 1923. 3 октября.
3. Звезда. 1921. 20 декабря.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Ф. 205. Воп. 3. Спр. 198.
5. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 614.
6. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 5530.
7. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6365.
8. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 8352.
9. *Ореховская, И. В.* Библиотечные тайны. Минск: БГУ, 2001. 262 с.
10. *Пічэта, В. І.* Беларускі Дзяржаўны Універсітэт напярэдадні 10-годзьдзя Каstryчнікавай Рэвалюцыі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Каstryчнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5–46.
11. Савецкая Беларусь. 1925. 5 лістапада.
12. Савецкая Беларусь. 1925. 24, 25 снежня.
13. *Турук, Ф. Ф.* Университетская летопись // Труды БГУ. 1922. № 1. С. 175–207.
14. *Улацік, Н. Н. В. И.* Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М.: Наука, 1978. 343 с.

15. Улашчык, М. З мінулага Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі і Кніжной палаты // Улашчык М. Выбранае / уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка. Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001. 608 с.

16. Яноўскі, А. А. Аляксандр Рыгоравіч Чарвякоў і БДУ: да пытання аб ролі асобы ў станаўленні аддукцыйнай сферы Беларусі // Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2006 г. Минск, 2006. С. 73–77.

Научное издание

ТРАДИЦИИ УНИВЕРСИТЕТА

ОТ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник материалов Международной научной конференции

Минск, 26–27 октября 2017 г.

На русском и белорусском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 19,25.
Тираж 50 экз. Заказ 725.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.